

Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия

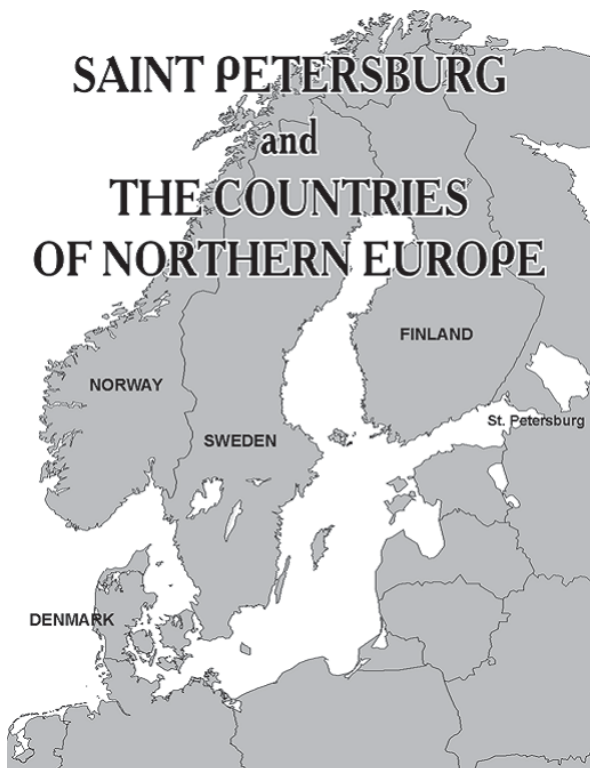

**Материалы семнадцатой ежегодной
международной конференции**

Санкт-Петербург
Издательство РХГА
2016

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

Proceedings of the 17th Annual International Conference

Saint-Petersburg
2016

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор В. Н. Барышников
(ответственный редактор),

В.-Т. Васара, доктор исторических наук, профессор В. Е. Возгрин,
доктор исторических наук, профессор П. А. Кротов
(зам. ответственного редактора), Д. Р. Лобанова,
доктор философских наук, профессор Д. В. Шмонин

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская Национальная библиотека);
кандидат исторических наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы семнадцатой ежегодной научной конференции (7–8 апреля 2015 г.) / Под ред. В. Н. Барышниковой, П. А. Кротова. — СПб.: Издательство РХГА, 2016. — 320 с.

ISBN

ISSN

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов семнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Книга рассчитана на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы, и является приложением к журналу «Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени» (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>)

The Editorial Board:

PhD in History, professor V. N. Baryshnikov (managing editor),
PhD in History, professor V. E. Vozgrin, T. N. Gordezkaya,
PhD in History, professor P. A. Krotov (assistant editor),
D. R. Lobanova, PhD in Philosophy, professor D. V. Shmonin

Reviewers:

Candidate of Historical science A. V. Likhomanov
(The Russian National library);
Candidate of Historical science A. I. Teryukov
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the seventeenth annual scientific conference (7–8 of April 2015) / Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. — SPb., RCHGA, 2016. — 320 p.

ISBN

ISSN

The collection consists of scientific articles based on the materials of the reports of the seventeenth annual international scientific conference “Saint-Petersburg and North European countries”.

The book is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries and is a supplement to the journal “The works of Modern and Contemporary history department” (<http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>).

© V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, edited 2016
© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов семнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой Истории Нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала».

Конференция проходила 7–8 апреля 2015 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые Института истории СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2015 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скандинавскими странами и Финляндией. Также часть выступлений, включенных в сборник, было выполнено в рамках IV международной научной конференции «Россия и страны Северной Европы: Личность в истории стран Северной Европы», которая прошла 13–15 апреля 2015 г. в Российском центре науки и культуры в Хельсинки, и международной научной конференции «Россия и Финляндия: Проблемы изучения и новые открытия», которая прошла 26 сентября 2015 г. в Государственном историко-этнографическом музее-заповеднике «Ялкала».

Одновременно особое внимание при составлении материалов сборника было обращено на научные статьи, выполненные на основе докладов, касающиеся раскрытия научно-исследовательского проекта «*От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв.*». Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»¹. Все материалы конференций размещены на сайте <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2012; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четырнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2013; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2014; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2015.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the fifteenth annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries». The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too.

The conference was held 7–8 of April 2015. Historians, philologists, ethnographers, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and Scandinavian countries and Finland in 2015. Some of the reports were also made on the third international scientific conference: «Russia and the Northern European countries: The identity in the history of the Nordic countries », that was held on 13–15 of April 2015 in Russian center of science and culture in Helsinki and international scientific conference «Russia and Finland: Problems of research and new discoveries», which was held on September, 26. 2015 in the Historical-ethnographic museumreserve «Yalkala».

While drawing up the materials for this volume much attention was paid to scientific articles based on the reports of the conference, devoted to revelation of scientific-research project «*From national states to united Europe: problems*

of European integration in XIX–XXI centuries». The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»¹. All the materials can be found on site: <http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html>.

² Petersburg and North European countries // Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb., 2007; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the ninth annual Scientific Conference. SPb., 2008; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb., 2009; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb., 2010; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb., 2011; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the thirteenth annual Scientific Conference. SPb., 2012; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2013; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2014; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2015.

**ЛЮДИ И СОБЫТИЯ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ**

Б. С. Жаров

**ИВАН ОТТОНОВИЧ ПАЛЛИЗЕН (HANS JESSEN PALLISEN,
1815–1881) — ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ ДАНИИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Более 500 лет назад, 8 ноября 1493 г., в Копенгагене был заключен первый в истории Российско-датский договор между великим князем Московским Иваном III и королем Дании Хансом¹. Договор был подписан в определенной исторической обстановке, имел целью объединиться в борьбе с известными противниками. Позже на протяжении истории цели менялись, противники исчезали и появлялись, но, удивительное дело, отношения между двумя странами развивались только на базе дружбы. В результате оба государства сохраняют дипломатические отношения уже более 500 лет, причем практически без перерыва, что является большой редкостью в европейской истории.

При изучении истории дипломатии можно рассматривать ее в широком смысле как сферу взаимоотношений государств, но можно обратиться к сравнительно узкому ее сегменту — истории деятельности консулов и консульств с их специфическими функциями, касающимися дел обыкновенных граждан, прибывших на разные сроки в другую страну. В определенных исторических обстоятельствах в качестве консулов работают специально делегированные для этого посланцы своих стран, но давно сложилась также практика использования в качестве консулов лиц, не имеющих дипломатических полномочий, всеми уважаемых граждан, постоянно проживающих в этой стране, заметно проявивших себя в той или иной сфере.

Одним из наиболее ярких примеров таких консулов, на протяжении многих лет вносивших большой вклад в укрепление деловых и культурных контактов России и Дании, был долгое время живший в Санкт-Петербурге датский предприниматель Ханс Йессен Паллисен (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881), который в России в первое время носил имя Ганс Йессен Паллизен. Позже он взял себе полностью русское имя Иван Оттонович Паллизен и стал основателем русской династии Паллиzenов.

Датским консулом в Санкт-Петербурге он был с 1860 г., а Генеральным консулом с 1866 г. до самой своей кончины.

Ханс Йессен Паллисен родился 10 июня 1815 г. в датском городе Ольборге. Его отец Отто² Паллисен (1777–1858) был капитаном датского торгового флота, который совершал плавания в различные страны³. Когда сын подрос, отец стал брать его с собой в плавания. Начиная с 1815 г. Отто Паллисен регулярно плавал в Санкт-Петербург. В 1830 г., когда сыну исполнилось всего 15 лет, Отто Паллисен поселил его в этом городе с тем, чтобы тот начал обучаться коммерции в датской фирме, принадлежавшей торговцу Асмусу Симонсену⁴.

Молодой человек оказался очень трудолюбивым и способным учеником. Известно, что он провел ряд самостоятельных успешных операций, в частности продал в Петербурге несколько партий камня, которые другие торговцы не смогли реализовать в Дании. Через какое-то время хозяин предложил ему стать партнером в фирме. Но Паллисен предпочел создать свою собственную фирму, что и произошло в 1855 г.

Первой и длительное время главной сферой его деятельности была торговля. Паллисен уже в 1856 г. стал купцом Санкт-Петербургской I гильдии⁵. Торговлей разными товарами он продолжал заниматься и в последующем: продавал в Петербурге продукцию датских фирм, а в Дании российские товары. Суда возили зерно из России в Данию, на обратном пути захватывали, в частности, известняк, из которого изготавливалась известь для побелки стен петербургских домов. Перевозились и продавались также большие партии льна, мехов, сельди. Следует отметить, что товарооборот между Россией и Данией был вообще очень значительным и примерно равен товарообороту между Данией и соседней Швецией⁶.

Позже у Паллисена расширились коммерческие интересы, к импорту-экспорту прибавились речные и морские перевозки. Его суда регулярно перевозили товары по Балтийскому морю. Одно время он всерьез пытался наладить сообщение между Петербургом и Дальним Востоком. Изданная на немецком языке книга «Наставления для плавания Татарским проливом и Амурским лиманом с некоторыми сведениями об Амурском крае» была задумана как лоция для зафрахтованных Паллизенем судов «Мартин Лютер», «Эта-Рикмерс» и «Копенгаген»⁷. Интерес к морским делам вылился также в большой проект, он получил концессию на прокладку телеграфного кабеля по дну Каспийского моря, что было осуществлено под руководством датских инженеров⁸.

На следующем этапе своей коммерческой деятельности Паллисен начал вкладывать средства в промышленность. Первым проектом стала бумажная фабрика, которая была сооружена на самом берегу Невы, на

Васильевском острове поблизости от Горного института, там, где начинается Кожевенная линия⁹, в районе, который носит историческое название Чекуши. Совместно с матерью и помощником отца П. П. Бергом он также основал акционерное общество «Г. И. Паллизен» (названное так в честь отца и основателя торговой династии), которому принадлежала фабрика на Васильевском острове и новая, основанная позже бумажная фабрика на левом берегу Невы между Усть-Ижорой и деревней Корчино.

В результате, будучи весьма успешным коммерсантом и предпринимателем, Паллизен купил участок земли на 11-й линии Васильевского острова, где в 1853–1856 гг. построил трехэтажный дом, существующий по сей день (современный номер 16). Автором проекта этого здания стал известный архитектор В. Я. Лангваген. Доходы Паллизена росли, и через двадцать лет, в 1871–1873 гг., рядом с этим домом он возвел себе роскошный двухэтажный особняк с изящной отделкой (современный номер 18). Автором этого проекта стал уже сын Я. В. Лангвагена. В начале XX в. со стороны двора архитектор П. И. Гилёв надстроил еще и третий этаж. Эти два дома на долгое время стали не только конторами предпринимателя и его личными апартаментами, но и местопребыванием генерального консульства Датского королевства. 6 октября 1860 г. Паллизен был назначен консулом, а 6 сентября 1866 г. Генеральным консулом. Причем датское генеральное консульство оставалось на старом месте вплоть до начала XX в. Об этом свидетельствует запись в «Адрес-календаре Санкт-Петербурга за 1900 год». В ней говорится: «Дания. Посольство — Большая Морская, 57. Чрезвычайный Посланник и Полномочный Министр фон Левенер. Генеральное консульство — В. О., 11 линия, 18. Генеральный Консул потомственный почетный гражданин Берг. Вице-Консул Торсен»¹⁰.

Вообще датчан в Санкт-Петербурге было довольно много, начиная с эпохи Петра I¹¹. А в середине XIX в. произошла активизация общения между двумя странами по всем направлениям. В первую очередь следует говорить об этом как о следствии осуществления матримониальных планов российского и датского дворов. Датская принцесса Дагмар (Dagmar, 1847–1928) была дочерью короля Кристиана IX, впоследствии получившего прозвище «тесть/свекор всей Европы». Сначала принцесса была невестой старшего сына императора Александра II Николая. Но его преждевременная кончина 12 (24) апреля 1865 г. помешала этим планам. В результате она уже стала невестой, а затем, 28 октября (9 ноября) 1866 г., супругой второго сына императора Александра. Вряд ли является случайностью, что за 2 месяца до бракосочетания, 6 сентября 1866 г., Паллизен был назначен Генеральным консулом Королевства Дании в Санкт-Петербурге. При жизни он успеть стать свидетелем того, как в

марте 1881 г. принцесса Дагмар стала российской императрицей Марией Феодоровной, супругой императора Александра III.

В Петербурге было большое количество датчан и менее высокого уровня, которые входили в постоянный круг общения консульства и Генерального консула. Жил в Санкт-Петербурге датский скульптор Давид Иванович Иенсен (David Jenssen, 1816–1902), приехавший в столицу России по приглашению великой княгини Марии Николаевны в 1841 г. сроком всего на один год. Однако он провел здесь вместо этого целых шестьдесят лет, создал большое количество скульптур, в том числе для здания Нового Эрмитажа, и участвовал в оформлении многих дворцов царской семьи и петербургской знати. Во второй половине XIX в. Д. И. Иенсен был одним из наиболее известных профессоров Петербургской академии художеств¹².

В связи с высоким уровнем датского образования, особенно классического, в Россию прибыли филологи — преподаватели классических языков, воспитанники школы известного датского ученого Йоханна Николая Мадвига (Johann Nikolaj Madvig, 1804–1886)¹³. Первоклассные специалисты по сельскому хозяйству и молочному делу из Дании всегда высоко ценились в России, и их было много. Одному из них, приехавшему в 1878 г., выпала особая судьба. Это был Карл Андреас Кофод (Carl Andreas Kofoed, 1855–1948). В России его называли Андреем Андреевичем, а фамилию произносили с ударением на последнем слоге. После работы в различных местах России он прибыл в Петербург. Именно он установил первоначальные принципы и технологию размежевания российских крестьянских хозяйств, которое стало проводиться в начале XX в. Оно осталось в истории России под названием Столыпинских реформ¹⁴.

Переселялись в Россию также телеграфисты, инженеры. На строительство телеграфных линий и обслуживание телеграфа в 1869 г. получила концессию крупная датская фирма «Большая скандинавская компания» (Store Nordiske Telegrafelskab), которая впоследствии для краткости стала называться Storno — «Сторно», и в частности предприняла строительство телеграфной линии через Сибирь в Китай и Японию. Именно телеграфистом приехал в Сибирь в 1871 г. будущий преподаватель телеграфного дела, а также известный переводчик Петер Эмануэль Хансен (Peter Emanuel Hansen, в России Петр Готфридович Ганзен, 1846–1930)¹⁵. Когда он позже переехал в Санкт-Петербург, то поселился со своей женой Анной Васильевной Васильевой (Ганзен, 1869–1942) и детьми на Васильевском острове в доме, расположенном прямо напротив дома Паллизена.

В целом датчан в Санкт-Петербурге было несколько сотен. Несколько позже, в 1897 г., в России была проведена Первая всероссийская пере-

пись населения. Из ее данных следует, что постоянно живущих датчан в России насчитывалось 1500 человек¹⁶. Со всеми датчанами, не обязательно знаменитыми, имел дело Генеральный консул Паллизен. За большие заслуги он получил от Датского Королевства награду и стал командором ордена Даннеброга в 1879 г.

О щедрости и хлебосольности Паллезена, опекавшего датчан, осталось весьма любопытное свидетельство. Почти год, с декабря 1871 г. по октябрь 1872 г., в Петербурге находился датский студент Карл Вернер (Karl Werner, 1846–1896), впоследствии прославившийся как выдающийся лингвист, открывший один важный языковой закон, который так и называется «закон Вернера». А тогда он приехал, чтобы пообщаться со светилами петербургской филологической науки. Паллизен отнесся к студенту внимательно и стал приглашать его к себе на обед два раза в неделю, видимо понимая его материальные трудности. Действительно, Вернер писал отцу, что живет «очень экономно и изолированно... На покупке книг следует поставить крест... Если бы я знал в Копенгагене, что на этих северных широтах мне придется питаться одним хлебом, я поупражнялся бы в этом дома». Поэтому визиты к Паллизену были очень кстати. Но была одна существенная трудность: к дому Паллезена надо было подъезжать на извозчике, поскольку «ни один приличный господин здесь не ходит пешком». Вернер жил около нынешнего Московского вокзала. В целях экономии он шел пешком от Полтавской улицы по всему Невскому проспекту к Адмиралтейству, переходил Неву и только там, на набережной Васильевского острова, нанимал извозчика. К дому 16 по 11-й линии он обязан был подъезжать с шиком. Кстати говоря, этим же маршрутом и точно так же он попадал в гости к петербургским ученым, которые жили в доме, ныне называемом «Дом академиков», на Васильевском острове на углу набережной Невы и 7-й линии¹⁷.

Паллизен скончался 1 августа 1881 г. До сих пор в северной части Смоленского лютеранского кладбища в Санкт-Петербурге существует большое семейное захоронение Паллиzenов. Оно включающее камень с надписью: «H. J. Pallisen. Dänischer Generalconsul. 1815–1881»¹⁸.

¹⁶ Venge M. *Københavnner-traktaten 1493 og de dansk-russiske forbindelser i 1500-tallet* // Danmark og Rusland i 500 år. København, 1993. S. 10.

¹⁷ Отсюда русское отчество его сына — Оттонович.

¹⁸ Hans Jessen Pallisen // Wikipedia.da.org.

¹⁹ Meyer E. Pallisen, Hans Jessen // Dansk biografisk Leksikon. København, 1898. Bd. 12. S. 524.

⁵ Керзум А. П. Паллизен Иван Оттонович // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2. Деятнадцатый век. Кн. 5 (П—Р). СПб., 2006. С. 49.

⁶ Jensen B. "Det ny Amerika". Rusland og dansk erhvervsliv før 1917 // Danmark og Rusland i 500 år. København, 1993. S. 249

⁷ Керзум А. П. Паллизен Иван Оттонович. С. 50.

⁸ Meyer E. Pallisen, Hans Jessen. S. 524.

⁹ Керзум А. П., Керзум Д. М. Бумажное производство // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2. Деятнадцатый век. Кн. 1 (А—Б). СПб., 2001. С. 435.

¹⁰ Всеобщий календарь за 1900 год. СПб.: Изд. П. П. Сойкина. С. 728.

¹¹ Жаров Б. С. Датчане // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в 3 т. Т. 2. Деятнадцатый век. Кн. 2 (В—Д). СПб., 2003. С. 272–273.

¹² Кривдина О. А. Скульптор Д. И. Иенсен (1816–1902). Проблемы изучения творческой деятельности // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1999. С. 311–318.

¹³ Жаров Б. С. Датчане. С. 272–273.

¹⁴ Кофод А. 50 лет в России. СПб., 2009.

¹⁵ Жаров Б. С. Датско-русские связи в области культуры. СПб., 2011. С. 7–14.

¹⁶ Jensen B. "Det ny Amerika". Rusland og dansk erhvervsliv før 1917. S. 244.

¹⁷ Жаров Б. С. Датско-русские связи... С. 15–23. См. также: Жаров Б. С. Письма вояжского гостя // Автобус. 2004. № 5. С. 24–28.

¹⁸ Могила находится на участке 64, правда пребывает в скверном состоянии: наверху надгробия ранее находился бюст Паллизена, который исчез с могилы в XX в. Причем, что очень важно, научный сотрудник Государственного Русского музея профессор О. А. Кривдина, изучающая творчество датских скульпторов, сообщила, что несколько лет тому назад в Русский музей поступил хорошо выполненный мраморный бюст. В результате научного атрибутирования было установлено, что его выполнил скульптор Д. И. Иенсен. Долгое время, однако, оставалось проблемой определить, кого он изображает. Зацепкой послужило изображение датского ордена. При любезном содействии директора Датского института культуры в Санкт-Петербурге Рикке Хельмс был направлен запрос в Королевскую библиотеку в Копенгаген. Откуда поступил однозначный ответ: изображен консул Паллизен, он же Ханс Иессен Паллисен. Именно этот бюст был когда-то снят с памятника на Смоленском кладбище. Поскольку в настоящих условиях представляется нереальным вернуть дорогой мраморный бюст на неохраемое место, остается лишь надеяться, что Русский музей сможет изготовить копию бюста и установит ее на захоронении.

О. А. Кривдина

**ПОТОМОК ДАТЧАН — ВЫПУСКНИК ПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ В. Г. ШВАРЦ (1838–1869):
ФОРМИРОВАНИЕ ТАЛАНТА**

Оценивая значение творчества В. Г. Шварца, искусствоведы отмечают его заслуги в развитии русского исторического жанра в живописи, подчеркивают, что он прожил короткую, но яркую и творчески насыщенную жизнь. Умер Вячеслав Григорьевич, когда ему было 30 лет, оставив богатое творческое наследие — рисунки и живописные произведения, большая часть которых хранится в собраниях Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Курской государственной картинной галереи им. А. А. Дейнеки, Научно-исследовательского музея РАХ. Однако местонахождение многих работ художника на сегодняшний день не установлено, и о них известно по сведениям, сообщенным В. В. Стасовым, по каталогу, составленному Н. П. Собко, и каталогу, подготовленному и опубликованному в 1960 г. А. Г. Верещагиной в ее монографии, посвященной творчеству художника.

В историю русского искусства В. Г. Шварц вписан как исторический живописец середины XIX столетия. Он поставил своей целью создать «живые исторические образы в правдивой исторической обстановке»¹. Художник считал: «Как бы ни был верен костюм данной эпохи, как ни удачен тип, этого мало: надо передать движение, свойственное эпохе, характер поз, складок. Задача художника — вжиться в ту среду, обобщиться с людьми того мира, сделаться их современником, жить их жизнью»². Шварц стал первопроходцем в новом понимании целей и задач исторического жанра в русском искусстве. Вслед за ним, развивая его достижения, создавали свои произведения В. И. Суриков, И. Е. Репин, В. Д. Polenov, М. М. Антокольский.

Данные о том, что предками русских Шварцев были датчане, мало кому известны. Об этом писал художественный критик В. В. Ста-

сов в своей монографической статье, посвященной В. Г. Шварцу, и опубликованной во втором томе его собрания сочинений, изданном в 1894 г. Эта информация сообщалась и в статье о художнике в Биографическом словаре, изданном под редакцией А. А. Половцева. Проходит время, и в 1960 г. А. Г. Верещагина в монографии о Шварце помещает сведения о том, что предки его были выходцы из Дании, только в примечаниях. Она указывает, что эти данные были сообщены В. В. Стасову братом и сестрой художника³. Именно Стасову мы благодарны за собранную им информацию о художнике, с которым он «был близко знаком», Шварца он искренне любил и «глубоко уважал его оригинальный талант»⁴. В данной статье, прежде всего, внимание обращено на наиболее важные факты биографии В. Г. Шварца, опубликованные В. В. Стасовым в 1884 г. в «Вестнике Изящных Искусств»⁵. Как писал Стасов, он собрал «достоверные факты из жизни Шварца, собранные от находящихся теперь еще в живых родственников, друзей и товарищей этого художника»⁶. Безусловно, точные датировки дают документы из «Личного дела В. Г. Шварца», хранящегося в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге⁷.

175-летие В. Г. Шварца отмечалось в его родном городе Курске, где в 2013 г. были опубликованы письма художника, его родных и знакомых, хранящиеся в Курской государственной картинной галерее им. А. А. Дейнеки. Издание «В. Г. Шварц. Переписка» подготовлено сотрудниками галереи благодаря составителю С. А. Таранушенко, сохранившему в годы Великой Отечественной войны этот архив и живописные произведения из семьи Шварцев. Кроме того, к юбилею была организована выставка работ В. Г. Шварца, в галерее хранится 47 его произведений, а также западноевропейская живопись из коллекции Шварцев.

Стасов начинает биографию художника с указания его даты и места рождения 22 сентября 1838 г. в Курске. В книге А. Г. Верещагиной и в издании «В. Г. Шварц. Переписка» опубликована запись о рождении художника в метрической книге Флоровской церкви: «Сентября двадцать второго числа у отставного генерал-майора Григория Ефимова сына Шварца и законной жены его Наталии Павловой дочери родился сын Вячеслав»⁸. Мать художника — Наталия Павловна Яковлева была дочерью калужского помещика полковника Павла Петровича Яковлева⁹. Отец — Григорий Ефимович Шварц был генерал-лейтенант, и его предками были датчане.

До восьми лет Шварц жил с родителями на Кавказе, где, по словам его сестры Антонины Григорьевны Смирновой, «стала проявляться необыкновенная любовь к рисованию»¹⁰. Из воспоминаний сестры художника известно, что трехлетним мальчиком он любил рисовать горы, крепости, солдат и лошадей и впоследствии в своих работах изображал эпизоды из

военной жизни на Кавказе. Когда Шварцу было 8 лет, мать переехала с детьми в Москву, где в течение года он занимался у художника С. Щеголева. Из Москвы семья переехала в село Белый Колодец Курской губернии, где будущий художник прожил до 13 лет. «Брат мой рос каким-то особенным ребенком... У него была замечательная способность ко всем наукам, которым его учили, а память у него была, можно сказать, баснословная. Десяти лет он уже хорошо знал по-немецки, по-французски и по-английски. Впоследствии он научился и по-итальянски»¹¹.

Особое внимание обратим на рассказ Е. Г. Шварца — брата художника о ранних годах, сообщавший, что отец давал копировать с батальных картин, находившихся в доме, — Бридаль, Гаккель, Бургоньон: «у нашего отца было хорошее собрание [картин. — О. К.], находящихся... в родовом нашем имении Курской губернии, в селе Шварцовке (прежде называвшемся Верховый Белый Колодец)... картины Рубенса, Фиамминго, Гонгорста, Фан-дер-Лейса, Мушерона и других, а из русских — Штернберга, Кипренского...»¹²

Переезд с матерью в Петербург в тринадцатилетнем возрасте способствовал скорейшему формированию интересов будущего художника. Первый год пребывания в столице был занят посещением пансиона Я. Т. Спешнева, где давалась хорошая подготовка для поступления в специальные учебные заведения. Спустя год, в августе 1853 г., В. Г. Шварц поступил в Императорский Александровский лицей, где все годы учился отлично. 4 декабря 1857 г. он сообщил отцу, что сдал экзамены на высшие «12 баллов» по всем предметам: энциклопедия права, история, история церкви, французская, русская, немецкая и английская словесность, физика, химия, архитектура, психология и логика, математика, русское право, статистика, государственные законы, латинский язык»¹³. Естественным завершением такого отличного обучения явилось то, что «Шварц выпущен был из лицея 24 мая 1859 г., первым и с золотой медалью. Имя его внесено на «золотую доску»¹⁴. Товарищами Шварца по XXIII выпуску лицея были Е. А. Шакеев и В. Н. Тевяшов, написавшие по просьбе В. В. Стасова воспоминания. Оба отмечали его исключительную скромность и необыкновенные способности, особенно подчеркивая феноменальную память.

Директор лицея разрешил в свободное время занятия рисунком и живописью под руководством Василевского, которого сменил пейзажист А. И. Мещерский. «По рассказам Мещерского, в эту пору Шварц решительно ничего другого не имел в виду по части живописи, как сделаться баталистом... Он был крайне трудолюбив, старателен, много рисовал с натуры, и человеческие фигуры ему всегда удавались, но пейзаж силь-

но хромал»¹⁵. Тогда же, как сообщал Е. А. Шакеев, Шварц впервые «стал пробовать живопись масляными красками... Живопись туго давалась Шварцу, успехи его были медленные, и он с горестью это сознавал. Писал он, как почти все начинающие, очень черно. Первым его произведением явилась небольшая картинка (вершков 6-ти в ширину), изображавшая эпизод из победы Наполеона при Маренго»¹⁶. Занятия с Мещерским продолжались в 1858 г. В это же время началась дружба Шварца с художником И. К. Гоффертом, который помогал изучать перспективу и руководил работой над офортами.

После окончания Императорского Александровского лицея в чине титулярного советника в конце мая 1859 г. Шварц был зачислен в канцелярию Кавказского и Сибирского комитетов в Петербурге. Служба не давала удовлетворения, и Шварц поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Это было закономерным решением, так как в лицее проявился серьезный интерес Шварца к истории. Из воспоминаний Е. А. Шакеева известно, что его друг изучал «Полное собрание русских летописей», «Письма Курбского», «Сказание о Самозванце», сочинения Герберштейна и Олеария, книгу генерала Висковатого «Исторические описания одежд и вооружений Российских войск (допетровской эпохи)». Обратим внимание, что еще в 1849 г. Шварц писал отцу, что «история его любимая наука»¹⁷. С осени 1859 г. в университете начал читать курс лекций по русской истории профессор Н. И. Костомаров, повлиявший на формирование профессиональных интересов Шварца к изучению истории.

Одновременно, в 1859 г., Шварц сдал вступительные экзамены в Императорскую Академию художеств и приступил к занятиям в батальном классе у профессора Б. П. Виллевальде. 30 апреля 1860 г. Шварц награжден малой серебряной медалью за рисунок «Иван Грозный под Казанью». Отец художника был исключительно доволен первыми успехами в Академии художеств. 9 марта 1860 г. он писал: «Картиною Вячеслава „Святослав“ я до сей поры не могу насмотреться, это, можно сказать, его первый серьезный сюжет по мысли и исполнению. Я теперь совершенно убежден, что он со временем произведет особенно замечательное что-нибудь»¹⁸. Здесь речь идет о рисунке пером «Свидание князя Святослава с греческим императором Иоанном Цимисхием». В. В. Стасов об этой работе Шварца также отмечал: «...таких характерных древнеславянских правдивых фигур, какие тут сделал юноша Шварц, не рисовал до тех пор ни один наш „исторический живописец“»¹⁹.

В 1861 г. с 15 апреля надворный советник В. Г. Шварц был «уволен в отпуск за границу»²⁰ на четыре месяца из канцелярии Кавказского и

Сибирского комитетов. Также получив отпуск и в Академии художеств, Шварц осуществил поездку за границу. Он путешествовал по Германии, посетил Берлин, Дрезден, Мюнхен, Франкфурт, Кёльн, Аугсбург, Дармштадт, Майнц, изучая архитектурные памятники и посещая музеи и галереи. Из письма Шварца за 4 июня 1861 г. известно, что он остался «...в Берлине на целый месяц. Я поступил в ученики к профессору Шрадеру и буду работать в его мастерской»²¹. Сколь значительным было влияние на Шварца этого немецкого живописца, судить трудно, однако интересы их совпадали в области обращения к истории. Юлиус Шрадер (1815–1890) был молод и полон сил, к преподаванию живописи в Берлинской академии художеств он приступил в 1856 г.

Вернувшись из Германии в Петербург, Шварц осенью 1861 года приступил к работе над картоном «Иван Грозный у тела убитого им сына» (ныне в собрании рисунков ГРМ). В письме от 23 ноября 1861 г. художник сообщал своей сестре А. Г. Шварц: «...мои работы идут очень хорошо... Мой картон хорошо продвигается вперед, он должен быть окончен раньше приезда всех вас сюда. Он представляет Иоанна Грозного у тела убитого им сына, царевича Иоанна, в Александровской слободе. Посылаю тебе маленький набросок... (сюжет весьма мрачный)... не зная содержания, он может произвести неприятное впечатление, потому что представляет мертвого человека и четыре свечи кругом него»²².

Спустя месяц, 24 декабря, Шварц сообщал отцу: «Сейчас был на экзамене эскиз мой, или лучше сказать, картон Иоанн Грозный у тела убитого им сына в Александровской слободе. Он рисован углем. Фигуры в натуральную величину. Я получил первую серебряную медаль»²³. В следующем письме отцу за 19 января 1862 г. описано продолжение событий, связанных с историей этого картона. «Первым следствием получения медали было мое знакомство с Вице-президентом нашим князем Гагариным. Он мне сказал, что он познакомился с Вами на Кавказе во время путешествия своего с князем Чернышевым. Он хочет представить мой картон великой княгине Марии Николаевне, и вот причина, почему мне до сих пор не выдают его из Академии, иначе я бы его к Вам выслал, или, по крайней мере, фотографию с него»²⁴.

Знакомство с В. В. Стасовым состоялось в 1862 г. и стало значительным событием как в биографии художника, так и критика. В мае 1863 г. Шварц почти на год уезжает в заграничную командировку в Париж с целью выполнения и издания рисунков к повести А. К. Толстого «Князь Серебряный» по поручению императрицы Марии Александровны. Предварительно перед отъездом он просит Совет Императорской Академии художеств выдать диплом на звание художника²⁵. «Сознавая, что слабая

моя сторона есть именно живопись масляными красками, я решился заниматься там, где на это обращено наибольшее внимание. Французы, уступая немцам в серьезном и обдуманном сочинении картин, далеко опередили их в технике, колорите и умении справиться с красками», – писал Шварц отцу²⁶. Далее он пояснял: «...кто не был в Париже, тот по части художеств почти ничего не видал»²⁷.

Формируясь как художник, Шварц целенаправленно постигал все составляющие профессионального мастерства, учась выполнять сложные многофигурные композиции и постигая колорит в акварели и живописи. Любовь к русской истории определила выбор сюжетов, преимущественно относящихся к допетровской эпохе.

¹ Цит. по: Толстой В. П. Вячеслав Григорьевич Шварц 1838–1869 // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Середина XIX века / под ред. А. И. Леонова. М., 1958. С. 723.

² Там же. С. 724.

³ Верещагина А. Г. Вячеслав Григорьевич Шварц 1838–1869. Л.; М., 1960. С. 137.

⁴ Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Собрание сочинений В. В. Стасова 1847–1886. Т. II. СПб., 1894. С. 331.

⁵ Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Вестник Изящных Искусств, 1884. Вып. 1. С. 25–64; Вып. 2. С. 65–95. Эта статья опубликована в вышеуказанном собр. соч. В. В. Стасова (С. 330–387).

⁶ Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Собрание сочинений В. В. Стасова 1847–1886. Стб. 331.

⁷ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 789. Оп. 14. Д. 17. — Личное дело В. Г. Шварца.

⁸ Верещагина А. Г. Вячеслав Григорьевич Шварц 1838–1869. С. 12 (указан Государственный архив Курской области. Ф. 725. Оп. 1. Д. 2).

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Цит. по: Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Собрание сочинений В. В. Стасова 1847–1886. Стб. 331. См.: Смирнова (урожд. Шварц) А. Г. В. Г. Шварц // Всемирная иллюстрация. 1894. № 1317.

¹¹ Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Собрание сочинений В. В. Стасова 1847–1886. Стб. 331.

¹² Там же. Стб. 332.

¹³ Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка. Курск, 2013. С. 72.

¹⁴ Стасов В. В. Вячеслав Григорьевич Шварц // Собрание сочинений В. В. Стасова 1847–1886. Стб. 340.

¹⁵ Там же. Стб. 337.

¹⁶ Там же. Стб. 337–338.

¹⁷ Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка. С. 51.

¹⁸ Там же. С. 71.

¹⁹ Цит. по: Там же. С. 71.

²⁰ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 17. — Личное дело В. Г. Шварца.

²¹ Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка. С. 77.

²² Там же. С. 81 (впервые опубликовано В. В. Стасовым в Собрании сочинений. СПб., 1894. Т. 2).

²³ Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка. Курск, 2013. С. 81.

²⁴ Там же. С. 81.

²⁵ Приводим текст «Прошения ученика Натурного класса Вячеслава Григорьевича Шварца» от 4 марта 1863 года в Совет Академии художеств: «Постановлением Совета на третних экзаменах в марте 1860 и декабре 1861 года мне были присуждены серебряные медали второго и первого достоинств. Отправляясь ныне за границу для исполнения возложенного на меня Ея Императорским Величеством поручения, а именно: составления и издания рисунков к повести гр. Толстого «Князь Серебряный», прошу Совет Академии выдать мне свидетельство на звание классного художника, на которое дает мне право полученная мною первая серебряная медаль» (РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 17. Опубликовано: Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка. С. 87).

²⁶ Вячеслав Григорьевич Шварц. Переписка. С. 23.

²⁷ Там же. С. 90.

Т. М. Яковлева

ИДА ААЛБЕРГ В ПЕТЕРБУРГЕ

Имя драматической актрисы Иды Аалберг (1857–1915) открывает коллекцию биографий «Сто замечательных финнов», опубликованную Обществом финской литературы¹. И это не случайно. С конца 1870-х гг. И. Аалберг блистала на театральных подмостках у себя на родине, а также в Швеции, Дании, Германии, Венгрии и России. Актриса, обладающая огромным природным обаянием, выразительностью, талантом и трудолюбием, вызывала к себе неоднозначные, а порой даже противоречивые чувства ее соотечественников и современников.

Хорошо известная биография Иды Эмили Аалберг, тем не менее достаточно выразительная. Она родилась 4 декабря 1857 г. в небогатой семье железнодорожного мастера Анти Аалберга в маленьком местечке Янаккала. С раннего детства у девочки обнаружились актерские способности, но вначале ее жизнь складывалась достаточно обычно для представителей финляндской провинции того времени. Как и все, она получила начальное образование в школе. Единственное, что ей еще давали частные уроки знакомые родителей. В результате, обладая хорошей памятью, она неплохо освоила немецкий и шведский языки и в 16-летнем возрасте впервые почувствовала вкус сцены, выступив на вечере самодеятельности².

Далее в судьбе Иды сыграло то, что в 1874 г. в ближайшем от Янаккала большом городе Хямеенлинна гастролировал Финский театр. Она смогла побывать на представлениях этого театра, и они произвели на девушку такое огромное впечатление, что она решила сбежать из дома и присоединиться к труппе. В течение трех лет Ида Аалберг играла небольшие роли в разных спектаклях Театра Карло Бергбома. Первый успех ей принесла роль Бориски в пьесе «Деревенский негодяй» в 1877 г. После этого она училась актерскому мастерству в Германии, одновременно со-

вершенствуя немецкий язык. Немецкая сцена тех лет была далека от реалистической манеры исполнения, ей был присущ героический пафос, что не могло не отразиться на игре финской актрисы. Однако обучение принесло свои плоды. В начале 1880-х гг. Ида Аалберг играет главные роли, комедийные и трагические, в пьесах Шиллера, Ибсена, Киви и других популярных драматургов, вырабатывая свой собственный стиль, в котором присутствуют как реалистические, так и романтические возвышенные интонации, перенятые у немцев. От них актриса полностью никогда не избавится, они станут причиной многих критических высказываний в ее адрес.

В 1883 г. Ида продолжает обучение сценическому искусству в Париже, посещая лучшие спектакли и примеряя на себя приемы игры Сары Бернар. Все вместе рождает неповторимых, полных внутренней силы и откровения героинь Иды Аалберг: Нора, Гедда Габлер, Мария Стюарт, Офелия, Гретхен, Лео в пьесе Алексиса Киви. Вот далеко не полный перечень тех ролей, которые исполняла Ида Аалберг. И хотя соотечественники обижались на актрису за отдаление от родной сцены из-за многочисленных заграничных контрактов, она никогда не теряла связи с родиной, приезжала в Финляндию, где показывала свои новые работы и играла в старых спектаклях.

Сегодняшние исследователи единодушно отмечают, что в историю становления финского Национального театра Ида Аалберг внесла значительный вклад. Многие называют ее национальным символом³. Словом, каждый просвещенный житель Финляндии хоть что-нибудь знает об этой незаурядной актрисе. Однако, как это ни удивительно, в России, даже в соседнем с Финляндией Санкт-Петербурге, не говоря уже о более отдаленных местах, немного найдется людей, которым знакомо имя Ида Аалберг. И это можно объяснить только тем, что на русском языке о ней почти ничего не опубликовано, не считая критических заметок в старой периодике, вышедших во время гастролей Иды Аалберг в России. Есть также несколько статей финского искусствоведа Лийсы Бюклинг, которые в разное время появлялись в опубликованных на русском языке материалах научных конференций, а также в недавно вышедшей книге, посвященной русско-финским театральным связям⁴. Эти статьи освещают гастрольные спектакли с участием актрисы в России, особенности ее актерского дарования. Небольшие биографические справки, которые можно найти в Интернете, к сожалению, часто грешат неточностями и противоречиями (возможно, из-за плохого перевода).

Между тем Ида Аалберг не только гастролировала в России, но и долгое время жила в Петербурге. Здесь наконец закончился ее земной

путь (она умерла в 1915 г.). В Северной столице есть несколько адресов, которые тесно связаны с жизнью и творчеством знаменитой актрисы. До настоящего времени в прежнем виде сохранился дом № 12 в Озерном переулке, в котором проживал помощник статс-секретаря Государственного совета барон Александр Александрович Икскуль-Гильденбандт с женой Идой Андреевной⁵. Представитель известного аристократического рода был вторым мужем Иды Аалберг. Этот адрес актриса указывала в своих письмах и на визитных карточках⁶.

Известны также основные сценические площадки, владельцы которых в летние и великопостные сезоны сдавали свои помещения иностранным труппам и где проходили гастрольные выступления с участием финской актрисы⁷. Причем именно в Петербурге впервые увидел Иду Аалберг на сцене барон Александр Икскуль-Гильденбандт. До того момента равнодушный к театру, он увлекся и актрисой, и сценическим искусством, и впоследствии поддерживал профессиональную деятельность Иды Аалберг, хоть взгляды их, касающиеся репертуара и режиссерской трактовки, порой явно расходились.

Весьма примечательно, что Ида постоянно совершенствовала свое актерское мастерство. Так, если первые гастрольные выступления актрисы в Петербурге с театром Карло Бергбома проходили на финском языке, что ограничивало зрительскую аудиторию представителями финской диаспоры, то в начале XX в. спектакли уже шли с немецкоязычной труппой, буквально врывавшейся в культурную жизнь столицы. Ее выступление теперь широко обсуждалось, рождались споры и т. д. Наиболее яркими были роли Инны в пьесах Г. Ибсена, с которыми она была лично знакома. Особенно впечатляющими стали ее выступления в роли Норы в «Кукольном доме». Как отмечала Лийса Бюклинг: «В Петербург Аалберг привозила „Кукольный дом“ трижды — в 1882, 1894 и 1902 гг., — и каждый раз роль Норы представляла в новом свете, отражая нечто существенное не только в тогдашнем этапе развития самой актрисы, но и в отношении России к Ибсену»⁸. В то же время, благодаря Иде Аалберг, уже зрители Финляндии впервые познакомились с драматургией А. П. Чехова.

Итак, несмотря на то что Иду Аалберг очень много нитей связывало с Северной столицей, в сегодняшнем Петербурге ее имя, увы, оказалось забытым. Тем не менее определенные следы ее жизни в городе до сих пор еще обнаруживаются, причем иногда даже самым неожиданным образом. В частности, сведения о ее пребывании в Петербурге оказались в коллекции петербургской художницы В. П. Шнейдер⁹. Эта коллекция, насчитывающая более 300 открыток, была передана в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и относится к концу

XIX — началу XX в. Причем среди серий с европейскими этнографическими и видовыми сюжетами, изображенными на этих открытках, оказалась одна черно-белая открытка с портретом Иды Аалберг¹⁰.

На первый взгляд эта открытка не соответствует общей тематике коллекции, на что трудно было не обратить внимание. Тем не менее, возможно, образ актрисы в представлении коллекционера ассоциировался с народным финским характером, с какой-то ее ролью, поэтому и оказался в одной серии с изображениями сцен из Калевалы и народными финскими танцами. Позже в архиве В. П. Шнейдер, большая часть которого хранится в рукописном фонде Пушкинского дома, обнаружилось еще несколько автографов Иды Аалберг — записок на немецком языке, адресованных художнице и бережно ею сохранных. Характерно, что большинство этих автографов начинаются обращением «*lieber*» («дорогая», нем.). По всей видимости, эти женщины были не только знакомы друг с другом, но и испытывали взаимное уважение. Более того, в одной из записок Ида Аалберг вообще называет В. П. Шнейдер «большим другом»¹¹.

Сами же тексты записок в основном касаются приглашений на неформальные дружеские вечера и домашние обеды. Несмотря на отсутствие дат, большинство их можно смело отнести к 1905 г. и к началу 1906 г. В одном из писем, в частности, Ида Аалберг спрашивает В. П. Шнейдер, не хочет ли она познакомиться с поэтом, искусствоведам и журналистом С. К. Маковским, который «будет у них дома презентовать свою книгу о Талашкине»¹². Здесь, скорее всего, речь шла о презентации изданной в 1905 г. книги С. К. Маковского «Талашкино: Изделия мастерских кн. М. Кл. Тенишевой»¹³. Однако характерно, что Ида Аалберг все же отказалась пойти на эту встречу, объяснив, что очень занята на репетициях «Женщины с моря» (вероятно, имеется в виду пьеса Ибсена).

Действительно, время начавшейся с В. П. Шнейдер переписки в актерской карьере Иды Аалберг было очень насыщено различными событиями и стало весьма плодотворным. Тогда, в 1904–1905 гг., состоялись ее большие гастроли в Риге, Москве, а также в Петербурге. Об их огромном успехе говорят многочисленные публикации того времени. В столице России вышла целая полоса газеты «Театральная афиша», перевернутая в альбомный формат, где была отведена для рекламного объявления информация о гастролях Иды Аалберг. Ее имя располагалось во всю ширину листа, а в объявлении сообщалось о начинающемся выступлении в помещении Театра комедии на немецком языке «знаменитой финской артистки Иды Аалберг с ее труппой из Вены»¹⁴. Тогда Ида Аалберг выступала с целым рядом образов, которые демонстрировались в различных спектаклях¹⁵. Причем роль Магды считалась коронной для Иды Аалберг.

Весьма примечательным стало также еще и то, что спектакль «Росмерсхольм» в насыщенном культурной жизнью Петербурге был премьерным.

Несмотря на то что гастроли проходили на немецком языке, успех они в столице России имели колоссальный. Отзывы же о спектаклях были порой весьма противоречивы. «Общая участь гастрольных спектаклей — слабый антураж», «режиссеру следовало бы обратить должное внимание на общий ансамбль исполнения», — писала газета «Русь»¹⁶. При этом прежде всего обращали внимание на Иду Аалберг. В петербургской прессе отмечалось: «Финская артистка не кокетничает с публикой, подобно прославленным европейским гастролерам. Она показывает жизнь героинь такой, какова она есть, без сложных затей, без красивой лжи, честно и откровенно»¹⁷. Хотя, конечно, были и критические замечания, когда указывалось, что «впечатление от игры этой талантливой артистки очень выиграло бы в правдоподобию, и в художественности, и в нравственном воздействии на зрителя, если бы она играла более по-земному»¹⁸. Но даже в критических статьях, обращенных к оценке выступления Иды Аалберг, признавалось, что, «подводя итог гастролям г-жи Иды Аалберг, следует отметить, что ее игра была прекрасна, безупречна, естественна и истинно трогательна».

Вот как раз именно тогда и проходила ранее неизвестная исследователям переписка Аалберг с Шнейдер. Нетрудно понять, что актрисе из Финляндии явно не хватало времени на то, чтобы активно участвовать во всех светских мероприятиях российской столицы. Но то, что отношения у нее со Шнейдер были достаточно доверительными, свидетельствует последняя записка Иды. Она была написана ввиду печального обстоятельства. Актриса сообщила Шнейдер, что должна уехать на похороны Карло Бергбома. 6 (19) января 1906 г., поскольку «Финляндская газета» в Гельсингфорсе (Хельсинки) опубликовала некролог по поводу кончины основателя финской национальной сцены¹⁹.

Это был рубежный период в творческой деятельности Иды Аалберг. С данного момента для нее начинается новый этап ее жизни. И. Аалберг уже полностью посвящает себя финскому театру, занимаясь и общим его руководством, и режиссурой, продолжая, однако, выступать в спектаклях. Тем не менее Петербург оставался для финляндской актрисы важным центром культурного взаимодействия, и, несомненно, из 40 лет своей жизни на сцене часть ее Ида Аалберг отдала российским любителям театра. То, что в январе 1915 г. ее внезапная смерть застала актрису именно в Петрограде, тоже говорит о многом. Хочется же надеяться, что память о выдающейся актрисе Финляндии — Иде Аалберг будет сохраняться и в Петербурге.

¹ Суутела Х. Ида Аалберг (1857–1915). Актриса // Сто замечательных финнов. Каледоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 15–19. (Электронная версия: http://www.kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf).

² Там же. С. 15.

³ В парке Кайсаниemi есть памятник Иде Аалберг «Занавес» работы Раймо Утриайнена. Ее именем названа улица в Хельсинки. Ей также посвящена небольшая экспозиция в Музее театра. Более того, к столетию со дня рождения актрисы был образован фонд, присуждающий театральные премии. В Янаккала поблизости от Хяменлинна в доме, где она родилась и провела детские годы, в летние месяцы работает музей, там же есть площадь и библиотека ее имени.

⁴ Бюклинг Л. Ида Аалберг и ее петербургские гастролы 1894 года // Русско-финские театральные связи: Сборник научных трудов. Л., 1989. С. 83–90; Бюклинг Л. Гастролы финского театра в Петербурге во второй половине XIX века // Театральный Петербург: интеркультурная модель. Иностранные труппы и гастролеры в Петербурге XVIII–XX вв. Вып. II. СПб., 2002. С. 329–331; Бюклинг Л. Отражение русской души в зеркале севера: Гастролы финского театра и его ведущей актрисы Иды Аалберг в Петербурге. СПб., 2015. С. 185–233.

⁵ Весь Петербург. Ч. III. СПб., 1905. С. 262, 412.

⁶ Трехэтажный каменный дом, построенный в 1874 г. по проекту инженера В. М. Некора, с 1885 г. несколько раз перепродавался. В конце 1903 г. его приобрел барон Александр Феликсович Мейендорф, член 3-й и 4-й Государственной думы, приват-доцент на кафедре прибалтийского права Санкт-Петербургского университета. Владелец также проживал в этом доме вместе с первой женой, баронессой Ниной Александровной (урожденной княжной Цулукидзе). Возможно, обе эти семьи состояли в родстве, поскольку Мейендорфы и Гильденбандты предположительно являются двумя ветвями одного старинного лифляндского рода Иксулей (см.: Иксулей: Словари и энциклопедии на академике // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1798662>).

⁷ Ида Аалберг в Петербурге выступала: в помещениях здания на Владимирском пр., 12 (ныне Театр им. Ленсовета); в зал Купеческого клуба (здесь проходили гастролы финского национального Театра Карло Бергбома с участием Иды Аалберг в 1880-е гг.; в помещениях здания на наб. рек. Мойка, 61 (ныне актовый зал Университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича); в театральном зале в доходном доме Кононова; в здании на Офицерской ул., 35 (ныне ул. Декабристов), где размещался Петербургский театр Е. А. Шабельской; в здании на Моховой ул., 33, где находился зал Тенишевского училища, арендованный Л. Б. Яворской для Театра комедия (ныне Учебный театр Академии театрального искусства).

⁸ Бюклинг Л. Русско-финские театральные связи на рубеже XIX–XX веков // «Русская культура в финском контексте»: Материалы семинара. 10 марта 2004 года, Институт Ренвалла, Хельсинкский университет (при участии журнала «LiteraruS-Литературное слово»). Часть II. <http://www.literarus.org/arkiv/rus2005/rus7a.php>

⁹ Шнейдер Варвара Петровна (1860–1941) — дизайнер, художница, учительница рисования, основательница школы народных ремесел, собирательница коллекций для Этнографического отдела Русского музея императора Александра III и для школы Народного искусства.

¹⁰ Отдел Фондов Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Колл. № 4280.

¹¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (РО ИРЛИ). Ф. 340. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ *Маковский С. К.* Талашкино: Изделия мастерских кн. М. Кл. Тенишевой. СПб., 1905. С.11.

¹⁴ Афиша императорских Петербургских театров. 1905. январь. №№ 5–12. С. 12.

¹⁵ Ида Аалберг выступала в ролях Магды (пьеса Германа Зудермана «Родина»), Ребекки (драма Генрика Ибсена «Росмерсхольм»), Маргариты (пьеса «Дама с камелиями» Александра Дюма), Гедды Габлер (одноименная пьеса Генрика Ибсена) и Терезы (в пьесе Эмиля Золя «Тереза Рокен»).

¹⁶ Русь. 1905. 22 января.

¹⁷ *Беляев Ю. Д.* Ида Аалберг. Статьи о театре // Русская художественная летопись. Вып. II. СПб., 2003. С. 14.

¹⁸ Русь. 1905. 9 февраля.

¹⁹ Финляндская газета. 1906. 6 января.

А. А. Пермякова

АВРОРА ШЕРНВАЛЬ: МЕСТА ПАМЯТИ В ФИНЛЯНДИИ И ПЕТЕРБУРГЕ

Среди меценатов в России было много мужчин, но весьма редко речь заходит о женщинах-благотворителях. Тем не менее вклад таких ярких дам своей эпохи, как Аврора Шернваль (в замужестве Демидова, Корамзина), трудно переоценить.

В России ее имя вспоминают редко, в основном связывая его с историей императорского двора, ведь Аврора Карловна была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Однако гораздо больше своей благотворительной деятельностью она известна в Финляндии. Тем не менее размах ее «меценатства» захватил не только Великое княжество, но и Петербург, и Урал, где она стремилась основать благотворительные учреждения, а затем покровительствовала им¹. Благородный пример Авроры Шернваль вдохновляет людей до сих пор, а ее имя живет в так называемых местах памяти².

Тем не менее биография Авроры Шернваль была весьма примечательна. Аврора родилась 1 августа 1808 г. в Приботнической Финляндии в городе Бьёрнеборг (Пори) в семье высокопоставленного чиновника Карла Юхана Шернваля и баронессы Евы Густавы фон Виллебранд³. В 1812 г. чета переехала в Выборг, а через год после смерти мужа в 1815 г. мать Авроры снова выходит замуж — за Карла Юхана Валлена. Юную Аврору в этом же году забирает в столицу ее тетя и в Петербурге она пробудет до 1820 г. После того как ее отчим стал членом Финляндского сената, а через год прокурором, семья переехала в Гельсингфорс (Хельсинки) и обзавелась усадьбой Тресканда в Эсбю (Эспоо). Тогда же Аврора вернулась на родину. Но в 1831 г. Аврору, приехавшую вместе с сестрой Эмилией и ее мужем в столицу, представили жене императора Николая I. Эта встреча оказалась в ее жизни судьбоносной. Через год она была уже приглашена императрицей ко двору и между ними завязались истинно дружеские отношения.

Сестры Шернваль, Аврора и Эмилия, были украшением своей эпохи, эпохи «пушкинских женщин». Их образы остались не только в письмах, записках, воспоминаниях, но и в творчестве Баратынского, Вяземского, Жуковского, Лермонтова, Тютчева, Брюллова, Гау. А портрет Авроры Шернваль в 1838 г. создал сам Карл Брюллов⁴. Более того, в возрасте 27 лет она познакомилась с Павлом Николаевичем Демидовым, богатым предпринимателем, владельцем заводов на Урале и меценатом. В результате ее будущая благотворительная деятельность берет свое начало именно из заботы Авроры о служащих заводов своего мужа. Но не за была Аврора Демидова и о своей родине. В честь ее свадьбы были сделаны большие пожертвования в Финляндии. В частности, школа рукоделия для девочек-сирот в Гельсингфорсе и так называемая Ланкастерская школа для мальчиков получили 30 000 рублей, также был создан фонд для хорошо успевающих девочек размером в 50 000 рублей⁵.

Тем не менее память об Авроре хранят и некоторые исторические места и Петербурга⁶. Дело в том, что покоренный ее красотой Демидов преподнес невесте не только знаменитый алмаз «Санси» — седьмой по величине в мире. Будущей жене были подарены еще два дома на Большой Морской улице (№ 43 и 45). Причем эти два здания по проекту знаменитого архитектора Огюста Монферрана перестроили и превратили в прекрасные особняки⁷. Другим местом, хранящим память о пребывании Авроры в Петербурге, находится по адресу: Английский проспект, дом № 17. Сама она никогда не проживала по этому адресу. Тем не менее строения на Английском проспекте — наглядный пример ее благотворительной деятельности в Петербурге. Авроре принадлежала идея учреждения «Общества для улучшения в Санкт-Петербурге помещений рабочего и нуждающегося населения»⁸. Устав общества был подписан 3 октября 1858 г. и ставил перед обществом задачу строить дома, приспособленные к потребностям небогатого населения. Дом по этому адресу был построен в 1867 г., автором проекта был П. П. Меркулов, а архитекторами С. Б. Ган и Э. И. Жибер. На средства Авроры во дворе был сооружен еще флигель, названный в ее честь.

Тем временем после смерти П. Н. Демидова в 1840 г. все заботы обширного хозяйства российского промышленника и предпринимателя легли на плечи Авроры. Ей досталось: «почти миллион десятин земли, уральские рудники, шахты, заводы, 15 тысяч крепостных душ»⁹. Любимица двора, столичная красавица решительно взялась за руководство, отправившись на Урал. Причем она оказалась первой из Демидовых, кто обратил внимание на нужды рабочих. При заводах на ее средства были построены богадельня, родильный дом, школы и приют для детей¹⁰.

Однако в июле 1846 г. Аврора вновь вышла замуж уже за офицера Андрея Николаевича Карамзина. Вместе с ним Аврора опять отправилась на Урал, и семья провела там несколько месяцев, наблюдая за жизнью рабочих, стараясь улучшить условия их труда. Аврора стремилась говорить с простыми людьми лично, а не получать информацию от их начальства. Через восемь лет их счастливого брака началась Крымская война. Вышедший в отставку еще в 1849 г. в чине полковника Андрей Николаевич посчитал своим долгом вернуться в армию и лично принимал участие в боевых действиях. Причем 31 мая 1854 г. в результате им организованной кавалерийской атаки на позиции противника он погиб.

Уже в возрасте сорока шести лет Аврора второй раз осталась вдовой и вернулась на территорию Великого княжества в родную усадьбу Тресканда в Эсбю, где активно занялась благотворительностью. В 1860 г. она основала там школу для детей крестьян, затем пожертвовала крупную сумму на создание первой в Финляндии в сельской народной школы. В благодарность за этот поступок жители Эсбю попросили скульптора Карла Шестранда изготовить ее гипсовый бюст, который установили в вестибюле этой школы. Через несколько лет, однако, в Финляндии начался голод и эпидемия инфекционных заболеваний. В сложившейся весьма непростой ситуации Аврора Карамзина стремилась максимально оказать помощь и поддержку всем тем, кто страдал от начавшегося бедствия. Теперь страждущие люди из всей Финляндии отправлялись в Эсбю и находили здесь приют в Тресканде, поскольку для них стараниями Авроры был открыт госпиталь.

Причем тогда уже стремились максимально обеспечить медицинские учреждения квалифицированным персоналом. Желание создать учреждение, где молодых женщин обучали помощи больным и обездоленным, появилось очевидно у Авроры Карловны еще во время путешествия по Европе с ее вторым мужем. Оно было осуществлено в декабре 1867 г., когда в Гельсингфорсе был открыт Институт сестер милосердия. Аврора была одной из тех, кто инициировал его создание и в дальнейшем поддерживал его финансово¹¹. Поначалу институт действовал на арендуемой площади в доме Линдеров, но когда стало ясно, что помещений не хватает, на пожертвования был построен новый комплекс зданий, действующий и поныне¹².

Однако здание усадьбы в Тресканде погибло в пожаре в 1888 г., и Аврора не решилась браться за его восстановление, а продала территорию усадьбы, обеспечив возможность пустить значительную сумму полученных от этого денег на реконструкцию Института сестер милосердия. В целом она практически всю свою жизнь стремилась помогать обездо-

ленным и нуждающимся в этом людям. Не случайно, что когда она на девяносто первом году своей жизни скончалась, 13 мая 1902 г., то ее пришли проводить в последний путь большое количество знавших ее людей. Память же об Авроре до сих пор хранится в принадлежащих ей домах, в созданных ею учреждениях, в названиях улиц и во многом еще другом, что связано с ее именем. Особняк же Авроры Карамзиной (Шернваль) — Хакасальми, который находится в центре Хельсинки, ныне является филиалом городского музея и хранит ее архив.

¹ См.: Густ Б. К двухсотлетию юбилею Авроры Карамзиной — благотворительницы в Финляндии и России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Десятой ежегодной международной научной конференции. СПб., 2009. С. 361–367.

² Места памяти здесь понимаются как то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности (см.: Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М.; СПб., 1999. С. 26).

³ Подробно см.: Лехто К. Аврора Карамзина (1808–1902). Общественный деятель, фрейлина при императорском дворе // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий. Хельсинки, 2004. С. 218. (См. также: Лехто К. Аврора Карамзина (1808–1902). Общественный деятель, фрейлина при императорском дворе // Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий [Электронный ресурс] // Русская Христианская Гуманитарная Академия. URL: http://www.rhga.ru/faculty/fakul_inyaz/kaf_finn/facts/100%20zamechatelnih%20finnov.pdf (дата обращения 06.11.2014.)

⁴ Кривцов Н. В. Русская Финляндия. М., 2009. С. 61.

⁵ Лехто К. Аврора Карамзина (1808–1902). Общественный деятель, фрейлина при императорском дворе // Сто замечательных финнов [Электронный ресурс] // Русская Христианская Гуманитарная Академия. URL: http://www.rhga.ru/faculty/fakul_inyaz/kaf_finn/facts/100%20zamechatelnih%20finnov.pdf (дата обращения: 06.11.2014).

⁶ См.: Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 2003. С. 33, 56, 192.

⁷ Впоследствии дом № 45 перешел в собственность княгине В. Ф. Гагариной, а в настоящее время в нем располагается Дом композиторов.

⁸ Общества для улучшения в Санкт-Петербурге помещений рабочего и нуждающегося населения [Электронный ресурс] // Энциклопедия благотворительности Санкт-Петербурга. URL: <http://encblago.fond.spb.ru/showObject.do?object=2853786139> (дата обращения: 05.12. 2014).

⁹ *Кривцов Н. В.* Русская Финляндия. С. 65.

¹⁰ Этот приют был местом, где матери, уходя на работу, могли оставить своих детей (от года до восьми лет) под присмотром. Здание, в котором он находился, до сих пор существует в Нижнем Тагиле и таким образом хранит в себе определенную память об основательнице бывшего приюта.

¹¹ 150 years of supporting the most vulnerable [Электронный ресурс] // Helsinki Deaconess Institute. URL: <https://www.hdl.fi/en/action/history> (дата обращения: 06.11.2014).

¹² Основательнице института на официальном сайте этого учреждения посвящена статья, повествующая о ее благотворительной деятельности (см.: Tarunhohtoinen Aurora [Электронный ресурс] // Helsinki Deaconess Institute. URL: <https://www.hdl.fi/fi/toiminta/historia/aurora-karamzinin-elama> /дата обращения 06.11.2014).

А. В. Кангаспуро

ТВОРЦЫ ТЮРЕМНЫХ РЕФОРМ — Н. С. ТАГАНЦЕВ И А. ГРУТЕНФЕЛЬТ

По истечении трех десятилетий, начиная с 1860-х гг., в Финляндии была создана тюремная система, отвечающая мировым стандартам той эпохи, которая и позволила воплотить на практике правовые нормы, принятые Уголовным кодексом Великого княжества Финляндского (далее УК) в 1889 г.¹ В указанный кодекс было включено Постановление об исполнении наказаний. В Финляндии была введена новая по тем временам прогрессивно-поступательная ирландская система исправления преступников. Администрация мест лишения свободы совместно с судебными органами следила за степенью воспитательного воздействия тюремного наказания. Если оно воздействовало и исправляло преступника, то наказание постепенно смягчалось, он получал бонусы и в конечном итоге досрочно освобождался.

В 1889 г. новый финляндский УК получил императорское утверждение, но затем его введение в действие, намеченное на 1 января 1891 г., было приостановлено. Резкий поворот в обсуждении в прессе нового УК происходит в 1890 г. Особенно выделяется своим негативным отношением к Финляндии журнал «Юридическая летопись»² (правда, просуществовал он только с 1890 до конца 1892 г.). Именно его издатель, известный российский юрист и государственный деятель, первый председатель окраинного общества Н. Д. Сергеевский³, опубликовал статью известного русского юриста, профессора Санкт-Петербургского университета, сенатора Н. С. Таганцева о финляндском уголовном уложении⁴. По мнению Таганцева, составители уложения определили Финляндию как самостоятельное государство, а Россию, по отношению к ней, как иностранную державу. Это не соответствовало официальной точке зрения Российской империи. Не только статьями в периодических изданиях ограничились

авторы, придерживавшиеся имперской позиции. Вопрос создал целый цикл литературных произведений, выделяясь главами в монографиях современников, где подчеркивалось: «Одним из последних и самых выдающихся свидетельств того, что финляндские политики считают свою страну самостоятельным гос-вом... служит уголовное уложение В. Княжества 1890 г.»⁵

Летом 1890 г. Таганцев лично обратился к Э. Ф. Фришу⁶, с которым вместе работал в одной из комиссий по подготовке тюремной реформы в России, со специальной запиской «По поводу предстоящего введения особого уложения для ВКФ». Фриш отправил записку министру юстиции Н. А. Манасеину, который, в свою очередь, представил доклад царю о согласовании Финляндского уложения с уголовным законодательством империи⁷. В Петербурге были предприняты все меры к тому, чтобы парализовать вступление Уложения в силу.

Специально для разработки нового проекта УК Финляндии при министре юстиции 31 октября была образована совместная российско-финляндская комиссия под председательством Н. С. Таганцева. Комиссия состояла из представителей Министерства юстиции, финляндского сената и статс-секретариата княжества⁸. Несколько заседаний комиссии состоялись в ноябре 1890 г. Несомненно, как специалист высокого класса Таганцев высоко оценил достоинства Уложения 1889 г. как с теоретической, так и с практической точек зрения, поскольку были очевидны не только формально-юридические мотивы его замечаний, но и политическая подоплека позиции Таганцева. Однако твердая последовательность финляндской стороны и разногласия в рядах сторонников Таганцева, отдельные из которых были склонны к либерализму, заставили председателя комиссии отступить. Результатом стал доклад, подготовленный к Особому совещанию при министре юстиции.

При рассмотрении доклада почти все новеллы, разработанные комиссией Таганцева, были одобрены. Но не следует переоценивать их значение, так как большинство норм осталось не затронутыми изменениями, сохранив свой самобытный характер. Все заключения Особого совещания были одобрены царем, и специальным манифестом от 1 декабря 1890 г. Александр III приостановил введение в действие Уложения 1889 г., рекомендовав рассмотреть принятые изменения на сейме в 1891 г.

Однако сенат княжества попытался взять реванш за вынужденные уступки и внес свои редакционные изменения в текст новелл, принятых комиссией и монархом⁹. Естественно, подобная самодеятельность сената не могла остаться безнаказанной. В феврале 1892 г. Таганцев обратился с докладной запиской в Государственный совет, в которой содержалась

критика новой редакции поправок сената, принятых земскими чинами в 1891 г. В результате изменения, одобренные на сейме, не были утверждены Александром III¹⁰. В 1893 г. финляндскому сенату и сейму пришлось пойти на уступки и принять новый УК с имперскими изменениями. Царь утвердил уложение в 1894 г., и оно немедленно вступило в силу¹¹. Обращает на себя тот факт, что в Российской империи оно именовалось Уложением 1894 г., хотя в Финляндии продолжали его называть Уложением 1889 г. Что это было? Финны пытались не придавать существенного значения второй редакции УК или таким образом выражали «пассивное сопротивление» давлению, оказанному со стороны имперской власти?

Чтобы ответить на эти вопросы, прежде всего, вероятно, следует учитывать значение и роль, которую играл в Российской империи Николай Степанович Таганцев (1843–1923), биография которого достаточно примечательна. По окончании юридического факультета Санкт-Петербургского университета с отличием он сразу же был рекомендован для работы на кафедре уголовного права и, более того, для подготовки к научной деятельности был направлен в Германию, где провел около двух лет. Здесь он познакомился с выдающимися юристами Европы, связь с которыми поддерживал всю жизнь.

Если обратиться к литературе о личности Николая Степановича, то можно заметить, что в начале своей карьеры юриста и государственного деятеля, которые успешно развивались параллельно, он слыл «просвещенным демократом». В попытке написать о «роде Таганцевых» Е. Сомов предполагает: «Видимо, знакомство с европейским правом укрепило в нем мечту демократизировать русское уголовное право, и эта мечта стала его путеводной звездой до конца жизни. Никогда он не расстанется с убежденностью, что посредством разумных законов можно постепенно демократизировать общество, не прибегая к насилию. Его статьи и лекции становятся популярными среди русской интеллигенции и демократически настроенного студенчества»¹².

После успешной защиты диссертации он читал лекции по уголовному праву в Императорском училище правоведения и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. А также преподавал уголовное право сыну Александра II великому князю Сергею Александровичу. Из небезынтересных записок И. И. Попова¹³, русского прозаика, который был редактором иркутской губернской газеты «Восточное обозрение», становится известным факт о многолюдном совещании (человек 40–45) под председательством Таганцева, которое состоялось на его квартире в 1871 г. На нем были представители радикальной интеллигенции и почти все «чайковцы». В оживленных прениях пришли к едино-

душному мнению, что в России некому бороться за конституцию. Заинтересованная в политических свободах интеллигенция слаба, да к тому же в большинстве своем настроена социалистически, а потому за чистую конституцию бороться не будет. Второе совещание, которое было запланировано тогда же, так и не состоялось.

Из дневника самого Таганцева за 1920–1921 гг., опубликованного В. Ю. Черняевым в 1998 г., мы узнаём, что на «четверговых обедах» у него бывали А. А. Кадыян, юристы отец и сыновья бароны Нольде, В. Н. Ковцев, А. Ф. Кони, К. А. Поссе, В. М. Гаршин, Н. Ф. Горбунов, В. Г. Короленко, А. А. Блок и другие литераторы, ученые, художники, артисты¹⁴. Демократические идеи Таганцева привлекли к нему лучших представителей интеллигенции того времени, вокруг него стихийно группируются видные деятели русской культуры и науки. Известна роль Таганцева на процессе «193-х» (1877–1878), где в своей знаменитой речи он взял под защиту не только своего родственника А. А. Кадыяна, но и всех обвиняемых, в основном молодых людей, требующих демократических реформ.

Одновременно с научным увлечением уголовным правом у Таганцева возникает интерес к модной тогда теме реформирования пенитенциарной системы. В 1870 г. он участвует в комиссии Э. Ф. Фриша, которая готовила тюремную реформу в империи. Ей был поручен пересмотр всей системы наказаний по Уложению 1845 г. В 1878 г., как активист тюремных преобразований в России, Таганцев участвует во Втором международном пенитенциарном конгрессе в Стокгольме, опубликовав материалы об этом в отдельной книге¹⁵. Продолжая работать над этой темой, в 1882 г. из-под его пера выходит книга «Карательная деятельность государства и ее границы»¹⁶.

Параллельно с педагогической и научно-исследовательской деятельностью профессор Таганцев активно участвовал в законопроектной деятельности, став сенатором в 1887 г., а впоследствии и членом Государственного совета. Будучи государственным деятелем, Таганцев меняет свои убеждения, как будто следуя официальной идеологии империи: «Великое Княжество Финляндское составляет нераздельную часть Государства Российского». На смену его либеральным увлечениям приходит консерватизм. Поэтому в 1890 г., когда он был назначен председателем «Комиссии по составлению предварительных предположений о пересмотре финляндского уголовного законодательства», особое внимание уделял положению русского дела на окраинах империи, выступая горячим противником любых сепаратистских устремлений отдельных регионов. Как и у М. Н. Каткова, отличительным его свойством становится горячий патриотизм, иногда несколько шовинистического характера.

Хотя сам Таганцев прямо никогда не высказывался о своих политических пристрастиях, сознаваясь на закате жизни лишь в одном: «хотя по моим старческим (мне 78 л.), но твердым русским убеждениям — я хотя и не монархист, но и не большевик, чего никогда не скрывал и не скрываю, я другого лагеря»¹⁷. Один из его современников, С. Ю. Витте, писал: «В царствование Александра III самым ярким противником конституционной самостоятельности Финляндии являлся профессор и вместе с тем сенатор Таганцев»¹⁸. Председатель Совета министров отмечал особое усердие Таганцева во всех комиссиях, «...имевших целью большее объединение Финляндии с Империей...». Считая особенно Таганцева «большим партизаном... мысли наибольшего объединения хотя бы с нарушением некоторых данных или присвоенных Финляндией конституционных вольностей»¹⁹. По мнению исследовательницы И. Н. Новиковой, Таганцев относился к консервативно настроенным юристам и являлся сторонником принципа «единой и неделимой России»²⁰. Профессорская интеллигенция, такие юристы как Н. М. Коркунов, Н. Д. Сергеевский, пошли за Н. С. Таганцевым, как за авторитетом в области уголовного права. Впоследствии, в 1904–1905 гг., он также возглавил подготовительную комиссию по разграничению общего и местного Финляндского законодательства.

Подтверждает мнение о противоречивости исторической фигуры Таганцева такой интересный факт. Одновременно в 1904 г. при содействии Н. С. Таганцева на съезд русских исправительных заведений в Санкт-Петербурге были приглашены представители княжества. Приняв ответное приглашение, члены постоянного бюро этих съездов посетили Койвульскую исправительную колонию. На посетителей произвел впечатление не только внешний вид учреждения, отличавшийся чистотой, порядком и сохранностью мебели. Отметив хорошую организацию и дисциплину воспитанников, систему их образования и труда, в отчете о деятельности бюро отметило: «Много можно было вынести и поучительного из этого осмотра. Посещение это хотя носило частный характер, тем не менее, прием членам Бюро оказан был в высшей степени любезный и гостеприимный»²¹.

Особую роль Таганцев сыграл в разработке Уголовного уложения 1903 г. С 1881 г. в течение 22 лет Редакционная комиссия, в состав которой входил Таганцев, занималась составлением проекта нового Уголовного уложения. Наконец работа была завершена изданием проекта Уголовного уложения с объяснительной запиской к нему в восьми томах. В марте 1898 г. проект Уложения в целом был представлен в Государственный Совет. В 1903 г. окончательный проект утвердили, но судьба Уголовного уложения 1903 г. оказалась достаточно печальной. Полностью Уложение

так и не было введено, что не могло не разочаровать Таганцева. Хотя его государственная реформаторская деятельность получила признание на высшем уровне власти. К началу XX в. он избирается почетным членом Российской академии наук, награждается всеми знаками отличия Российской империи, включая орден Александра Невского с бриллиантами.

При этом, касаясь личности Таганцева, трудно обойти еще одного исторического персонажа того времени. Это Адольф Грутенфельт (Adolf Grotenfelt, 1828–1892), который являлся первым тюремным инспектором Великого княжества Финляндского. Его взгляды также отражали определенные настроения, которые тогда существовали в крае. Он поступил в 1842 г. в Гельсингфорсский университет и, видимо, активно поддерживал идею влиятельной части финляндской элиты о тесном сближении с империей и необходимости изучения русского языка чиновничеством²². Грутенфельт летом 1843 г. сам начал изучать русский язык, причем в Петербурге²³. В 1847 г. он защитил магистерскую диссертацию по юриспруденции. Увлечшись идеей перевоспитания преступников, в течение 1850-х гг. изучал пенитенциарные системы за границей. Используя полученный западноевропейский опыт, в 1860-е гг. он руководил разработкой радикальной тюремной реформы в княжестве²⁴.

Как уже отмечалось ранее, к этому времени финское общество уже созрело для изменения не только тюремной, но и всей системы уголовного права. И. Бергбум добился поддержки в сенате его программы Частичного обновления уголовного законодательства до сессии сейма 1863 г. И осенью 1862 г. для уточнения деталей этого проекта при сенате под его председательством была создана специальная комиссия, в которую и вошел Грутенфельт, будучи в то время секретарем Гельсингфорсского университета. Комиссия представила ряд законопроектов, вошедших в историографию под названием «Частичного обновления». Одним из результатов работы этой комиссии при непосредственном участии Грутенфельта стало принятие в 1866 г. «Постановления о исполнении наказаний лишением свободы».

Уже в 1865 г. сенат принял решение включить Грутенфельта, положительно зарекомендовавшего себя члена предыдущей комиссии, в новую комиссию для создания полной уголовной кодификации. Как дипломированный юрист, он разрабатывал статьи Особенной части УК. Несмотря на длительную заграничную командировку, Грутенфельт успел подготовить 5 глав полностью и представить 11 глав готовых набросков (из имеющихся 31 главы) Особенной части. Его участие было особенно заметным в создании норм, касавшихся исполнения наказания в виде лишения свободы. С конца 1869 г. у Грутенфельта возникли разногласия с

руководителем комиссии И. Далем, которые заставили его отойти от дел. Но при систематизации первой редакции кодекса (1874–1875 гг.) Грутенфельт вновь активно включился в работу комиссии.

Параллельно с законотворческой деятельностью Грутенфельт был успешным практическим государственным деятелем. Будучи одним из главных инициаторов тюремной реформы, он был назначен в 1869 г. на временно введенную должность тюремного инспектора для контроля и надзора за соответствующими учреждениями. Возглавленный им в 1877–1878 гг. Особый комитет осуществил ряд прогрессивных тюремных преобразований. По его же инициативе в 1881 г. было образовано Тюремное управление, центральный орган, возглавивший тюремное дело, тюрьмы и исправительно-воспитательные учреждения края. Оно вошло в состав Экспедиции²⁵ юстиции хозяйственного департамента сената Великого княжества Финляндского. Грутенфельт руководил им до 1891 г.

Все это время, с 1863 по 1888 г., он был сенатором и выступал в защиту ряда либеральных реформ. В течение 1869 г. он был секретарем Конституционного комитета в сенате.

Подводя итог своей пенитенциарной деятельности, в 1890 г. Грутенфельт опубликовал в Гельсингфорсе книгу на русском языке «Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском с приложением планов основных пенитенциарных учреждений»²⁶. Она была составлена на основе отчетов, представленных финляндским тюремным управлением, и содержала сведения об истории тюремного законодательства, тюремной системы и превентивных мерах в автономии. В момент издания книги он крайне оптимистически отзывался о принятии финляндского Уголовного уложения. Умер он в 1891 г. в самый разгар финляндско-русской полемики по этому вопросу.

Больше узнать о воззрениях этой личности помог случай. Когда чистили подвал Хельсинкской тюрьмы, то случайно были обнаружены старые книги, принадлежавшие Министерству юстиции. Вскоре выяснилось, что книги относятся к коллекции, которую пожертвовал Грутенфельт²⁷. Коллекция содержит в основном профессиональную литературу и дает нам хорошее представление об интеллектуальном мире, лежащим в основе современной финской пенитенциарной системы. Книги, примерно тысяча экземпляров, в том числе и о социальной работе в пенитенциарных учреждениях, сейчас находятся в библиотеке Управления исправительных учреждений Финляндии. В коллекции имеется и ряд книг по истории общественного развития на русском языке.

В целом, учитывая особенности взглядов Таганцева и Грутенфельта, можно заключить, что расширение автономии Великого княжества Финляндского в рассматриваемый период шло вразрез с постепенно

утвердившейся в империи политикой сближения административного и законодательного устройства окраин с общегосударственной системой. Укрепление финляндской независимости в сложившейся ситуации неизбежно вело к столкновению с общегосударственными интересами и постепенно меняющимся правительственным курсом.

Решающим в ходе изменения Уложения 1889 г. было все-таки не мнение и труды комиссии Н. С. Таганцева или кого-либо еще. Это объяснение кроется в конкретных исторических условиях. Ко времени пересмотра Уложения 1889 г. в России Александром III стали осуществляться контрреформы, направленные против прогрессивных либеральных веяний той поры. Полоса же контрреформ в отношении финляндской автономии лишь намечалась²⁸. Также в Финляндии изменился состав сената: либерально-демократически настроенные члены во главе с Й. В. Снельманом были вынуждены уйти в отставку, а их места заняли более консервативные деятели²⁹. Именно с конца 80-х гг. XIX столетия намечается поворот к объединительной политике имперских властей. Финляндские политические лидеры и имперское правительство, как оказалось, видели правовые связи княжества и империи в совершенно разном свете. Тон дискуссии задавали юристы³⁰.

В силу значительного сопротивления всех политических партий и большинства государственных деятелей Финляндии эти попытки не увенчались существенным успехом. В целом «русские» нововведения не носили прогрессивный характер. Например, они расширяли применение смертной казни (за преступления против самодержавия и управления), что отрицало перевоспитание как цель наказания. А исправительная идея уже давно утвердилась в пенитенциарной системе Финляндии. Поскольку в теоретико-правовом отношении финляндская уголовная кодификация 1889 г. была одной из самых передовых среди европейских стран того времени, то царскому правительству пришлось удовлетвориться лишь незначительными изменениями.

¹ Юнтунен А. Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого Княжества Российской империи и ссылки в Сибири. Резюме. Хельсинки, 1984. С. 6.

² Законодательная хроника об уголовном уложении В. К. Финляндского // Юридическая летопись. 1891. СПб., 1891. Ч. 1. С. 130.

³ Сергеевский Н. Д. К вопросу о коренных законах в к. Финляндского. СПб., 1899. К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб., 1902.

⁴ Таганцев Н. С. Великое Княжество Финляндское: Выдержка из лекций по русскому уголовному праву, том II, издание 2-е, 1902 г. С. 245–252. (Переизданная отдельной книгой в 1910 г.)

⁵ Еленев Ф. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891. С. 158.

⁶ Председателю комиссии по составлению нового Уголовного уложения Российской империи и главному управляющему кодификационным отделом Государственного совета.

⁷ Финляндское уголовное уложение и относящиеся к нему узаконения. СПб., 1907. С. 9–10.

⁸ Случевский В. К. Столкновение русских и финляндских законов // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1908. № 5. С. 115.

⁹ Дусаев Р. Н. Уголовное уложение Великого княжества Финляндского. Л., 1988. С. 99.

¹⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. С. 252.

¹¹ Сборник постановлений Великого Княжества Финляндского. Гельсингфорс; СПб., 1894. №17. С. 2–14.

¹² Сомов Е. Таганцевы // Нева. 2005. № 6. С. 266–271. <http://magazines.russ.ru/neva/2005/6/>

¹³ Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 202–203.

¹⁴ Черняев В. Ю. О Н. С. Таганцеве и его дневнике // Звезда. 1998. № 9. С. 126–129.

¹⁵ Таганцев Н. С. Стокгольмский тюремный конгресс. СПб., 1880. 63 с.

¹⁶ Таганцев Н. С. Карательная деятельность государства и ее границы. СПб., 1882. 58 с.

¹⁷ Четыре письма В. Л. Ленину (публикация И. Н. Селезневой) // Вестник Российской Академии наук. 1994. Сентябрь. Т. 64. № 9. С. 825–826.

¹⁸ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 227.

¹⁹ Там же. С. 246.

²⁰ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 277.

²¹ Отчет о деятельности Высочайше утвержденного постоянного Бюро съездов состоящих под покровительством Государя Императора русских исправительных заведений за 1904 год // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1905. № 10. С. 250.

²² Ab Imperio. 2009. № 4. С. 182.

²³ <http://www.helsinki.fi/ylioppilasmatrikkeli/henkilo.php?id=16046>

²⁴ Юнтунен А. Ссылка финнов в Сибирь из автономного Великого Княжества Российской империи и ссылки в Сибири. Резюме. С. 6.

²⁵ Экспедиции соответствовали по статусу министерствам. См.: Бородин М. М. История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908.

²⁶ Гротенфельт А. Тюремное дело в Великом Княжестве Финляндском. Отчет, представленный финляндским Тюремным Управлением в апреле 1890. Гельсингфорс, 1890.

²⁷ Kiemi I., Silenti T., Suomalainen V. The Grotenfelt Collection: Bibliography. <http://www.nsfk.org/BIBLIOGRAPHY/p/show/BArticleID/6439/Grotenfeltin-kokoelma>

²⁸ *Остен-Сакен В.* Государственно-правовые положения Великого княжества Финляндского в Российском государстве. СПб., 1910. С. 89, 91.

²⁹ *Сунд Л. В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 6, 106.

³⁰ *Новикова И. Н.* Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века. С. 275.

Ю. Д. Балащенко

КАК И ПОЧЕМУ И. И. БРОДСКИЙ УГОВАРИВАЛ И. Е. РЕПИНА ПЕРЕЕХАТЬ ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СССР

На стене одного из залов первого этажа мемориального Музея-усадьбы И. Е. Репина «Пенаты» висит скромная фотография, на которой можно увидеть великого русского художника Илью Ефимовича Репина (1844–1930) в окружении гостей и домочадцев. Она снята на фоне усадебного парка. Подпись под фотографией гласит, что на ней запечатлены И. Е. Репин, его сын Юрий Ильич с женой, старшая дочь художника — Вера Ильинична и делегация художников из СССР. В ее состав входили И. И. Бродский (1883–1939), А. В. Григорьев (1891–1961), Е. А. Кацман (1890–1976) и П. А. Радимов (1887–1967). А под фотографией расположено письмо на пожелтевшей от времени бумаге, подписанное Народным комиссаром по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошиловым (1881–1969). Чтобы понять, как в музее появились эти необычные экспонаты, необходимо хотя бы вкратце проследить жизнь обитателей «Пенат» на Карельском перешейке в начале XX в.

И. Е. Репин стал постоянным жителем сначала Великого княжества Финляндского, а впоследствии независимой Финляндии с момента приобретения им в 1899 г. небольшого имения на побережье Финского залива. Усадьба в деревне Куоккала (Репино) находилась примерно в 50 километрах от Петербурга. Она была названа «Пенаты» в честь древнеримских богов — хранителей домашнего очага.

Жизнь И. Е. Репина протекала в имении спокойно и без больших потрясений до 31 декабря 1917 г. В тот день Великое княжество Финляндское было признано советским правительством независимым государством, которое затем в 1919 г. уже превратилось в независимую Республику Финляндия. Граница между Советской Россией и новообразованным государством прошла по реке Сестре в 6 километрах южнее Куоккалы.

Так Репин, живя в «Пенатах» и никуда не уезжая из собственного дома, оказался в эмиграции.

Жизнь в новых условиях поставила перед художником целый ряд проблем, которые ему пришлось преодолевать. После революции Репин остался практически без средств к существованию, и ему теперь нужно было начинать совершенно новую жизнь. В марте 1920 г. маститый русский художник преподнес 30 живописных полотен из своего собрания Финскому художественному обществу (SuomenTaideyhdistys). Коллекция включала семь картин, написанных им самим, и двадцать три полотна других знаменитых русских художников¹. Подаренные Репиным картины были выставлены в Хельсинки для всеобщего обозрения. Газеты финской столицы того времени уделили значительное внимание как репинскому подарку, так и самому живописцу. С этого времени известный русский художник Репин постепенно и вполне успешно вписывался в творческое сообщество Финляндии². К тому же художественная общественность СССР, за исключением близких друзей художника, особого интереса к нему и его жизни в сопредельном государстве не проявляли.

Ситуация изменилась в 1924 г., в преддверии 80-летнего юбилея знаменитого живописца. О нем «вспомнили» в СССР на самом высоком правительственном уровне, и в пропагандистских целях было решено попытаться уговорить Илью Ефимовича переехать из Финляндии в СССР. Руководство Советского государства не без основания считало, что добровольное переселение Репина явилось бы в глазах европейского общественного мнения признанием авторитета пролетарского государства³. Более того, советский дипломат и журналист П. Е. Безруких в 1926–1927 гг., работая в Финляндии, несколько раз посетил Репина. Вспоминая свои беседы с Ильей Ефимовичем, он приводил слова художника, «что он ничего другого не хотел бы, как приехать опять на родину, но не знает, хватит ли сил»⁴. Впоследствии он написал об Илье Ефимовиче как о «пленнике Пенат». В своих воспоминаниях он винил окружение художника, которое якобы делало все возможное, препятствуя переезду Репина в СССР. В целом было решено направить летом 1926 г. в «Пенаты» представительную делегацию художников. Ее главой был назначен одним из самых известных и востребованных художников Советского Союза и бывший ученик Ильи Ефимовича — Исаак Израилевич Бродский.

Сам И. И. Бродский в своих воспоминаниях «Мой творческий путь» писал об этом событии так: «В 1926 году, когда возник вопрос о приезде в СССР Репина, правительство, по инициативе К. Е. Ворошилова, командировало в Финляндию делегацию художников — меня и руководителей АХРР (Ассоциация художников революционной России) Кацмана и

Радимова»⁵. Причем надо отметить, что одного из членов делегации — А. В. Григорьева, он по какой-то причине не упоминал. В то же время Александр Владимирович, вспоминая предысторию визита, привел в своих заметках слова К. Е. Ворошилова: «Если бы Илья Ефимович написал только одних „Бурлаков“, то и за одну эту картину трудовой народ нашей страны должен был бы земно поклониться ему»⁶.

Фактическим поводом для приезда делегации, как указывал Е. А. Кацман, послужило письмо Веры Ильиничны, полученное И. И. Бродским в середине мая 1926 г. В нем она писала, что «Илья Ефимович опасно болен, что положение их скверное и что необходима помощь»⁷. В последующих письмах она просила Бродского посодействовать продаже картин Репина, «чтобы иметь средства к жизни». «Бродский, — как отметил Кацман, — показал все эти письма Наркомвоенмору К. Е. Ворошилову», тот связался с А. В. Луначарским, и «они наметили посылку делегации к Репину с целью оказать помощь гениальному русскому художнику»⁸.

Официально считалось, что они были посланы «правительством с целью приобретения у художника работ для государственных музеев»⁹. На самом же деле основной целью приезда делегации было убедить Репина в необходимости переезда в СССР. «Мы имели две тысячи долларов, — вспоминал Бродский, — для приобретения у него [Репина] работ, и по существу это оказалось неплохой помощью Репину»¹⁰. Состав делегации и их заметное положение в советской иерархии тоже говорило само за себя. В современной литературе эти же события и их причины отражаются несколько иным образом. «Делалось это с санкции и по поручению ГПУ. Наобещали, как водится, золотые горы» — писал корреспондент газеты «Труд» Сергей Турченко в феврале 2001 г.¹¹ В данной связи интересны воспоминания Исаака Израилевича, относящиеся, вероятно, к моменту, когда делегация собиралась к Репину. «Сергею Мироновичу Кирову я изложил мысль, — писал Бродский, — предложить Репину разобрать его дом в Куоккала и вместе со всем имуществом перевезти в Ленинград, в б. Михайловский сад, прилегающий к Русскому музею. Сергей Миронович одобрил это предложение, а Репин, узнав о нем, был очень растроган»¹².

Однако Илья Ефимович, хотя и показал членам делегации свои работы, расставаться с ними не спешил. В результате, как писал Бродский, «кроме проданных вещей, Репин передал в подарок Ленинградскому Музею революции два эскиза на революционные темы — „1905 год“ и „Самодержавие“ („Царская виселица“), а также... портрет Керенского»¹³. Тем не менее чрезвычайно интересна характеристика, данная Репиным А. Ф. Керенскому и приведенная Григорьевым. Когда Илья Ефимович «впервые увидел Керенского, у него сложилось убеждение, что это са-

мозванец от социализма»¹⁴. Кацман тоже привел в своих воспоминаниях слова Репина, сказанные им о Керенском: «Вот человек имел славу почти императора, а оказался таким ничтожеством»¹⁵. Здесь также уместно упомянуть слова Репина, которые привел П. Е. Безруких (1892–1952) в заметках о визите к художнику осенью того же 1926 г.: «Этот мелкий жулик, обманщик, — писал Павел Ефимович, — затуманил голову своей болтовней, напутал, навертел и убежал, поджав хвост»¹⁶. Из всего вышесказанного следует, что Репин расстался с портретом Керенского без особого сожаления.

Пикантность ситуации была, однако, в том, что в то время, когда члены делегации уговаривали Репина переехать в СССР, обещая всяческие льготы, в бывшем имении Ильи Ефимовича «Здравнево» под Витебском, которое он приобрел в 1892 г., шло раскулачивание его младшей дочери Татьяны и ее семьи. Как указывалось в справке ГПУ, «5 февраля с. г. у Репиной описано все имущество (включая надетое на теле белье, детские пеленки и т. п.) с предложением, что оно будет конфисковано»¹⁷. На этом примере хорошо видна нерасторопность и несогласованность действий административной машины Советского Союза.

Репин, вероятно, был в курсе создавшейся ситуации, поэтому все его ответы на предложения делегации были весьма уклончивы. Тем более что делегаты не имели реальных полномочий от правительства что-либо предоставить Репину. Их визит был скорее обусловлен желанием высшего руководства страны узнать реальное положение вещей и отношение всемирно известного художника к СССР. Репин, зная о бедственном положении младшей дочери и ее многочисленного семейства, наверняка спросил И. И. Бродского, что делать, чтобы помочь дочери. Репину посоветовали обратиться к наркому К. Е. Ворошилову. Из этого совета следует, что реальных полномочий что-либо предпринимать у делегации не было.

Тем не менее действительно в сентябре 1926 г. Репин отправил письмо Ворошилову, которое начиналось так: «Высокопоставленный Товарищ Климентий Ефремович!» В нем Репин писал, что, работая всю жизнь, он своим трудом заработал квартиру, имение и около 200 тысяч рублей золотом, которые лежали в Государственном и Московско-купеческом банках. «Но, — писал престарелый художник, — настали времена лютые: деньги отобрали, из имения оставили только 4 десятины; в доме поселили латышей, хотя была и школа, где преподавала моя дочь и внучка, в нашем же доме»¹⁸. Далее Репин писал, что делегаты, которые к нему приезжали, «звали» в СССР и говорили: «хлопочите, вам возвратят ваше имение, деньги и квартиру в Питере»¹⁹.

Ворошилов, получив письмо, направил его И. В. Сталину. Резолюция Сталина от 8 сентября 1926 г. гласила: «Я думаю, что Соввласть должна поддержать Репина всемерно»²⁰. В результате, не откладывая дело в долгий ящик, Ворошилов уже 14 сентября написал Репину, что «Рабоче-Крестьянское Правительство, принимая во внимание величайшие заслуги Ваши перед страной и человечеством, сделает все необходимое для удовлетворения Ваших требований». При этом Нарком оговаривался, что это его «личное мнение»²¹.

Необходимо обратить внимание на то, что в письме художника ни о каких требованиях речи не шло. Репин только констатировал факты национализации его счетов в банках и имущества «Здравнево». Тем не менее на Илью Ефимовича письмо произвело большое впечатление. О чем он незамедлительно 26 сентября сообщил И. И. Бродскому. «Дивное письмо! Если моя просьба будет без ожидаемых последствий, я все же считаю себя счастливым, получив такой автограф высокой ценности». Репин, понимая исключительность такого послания, писал, что завещает «отдать это письмо на хранение в музей»²². Вполне возможно, что Репин, написав такое, слегка иронизировал, но в то же время такая реакция на письмо показывает, что художник прекрасно знал, с кем он вступил в переписку. Ворошилов в те годы был одним из самых влиятельных людей в советской иерархии.

После положительной реакции И. В. Сталина на переговоры с И. Е. Репиным в Москве стали готовить новых посланцев. Об этом важном событии Ворошилов написал Репину во втором письме от 27 октября 1926 г. В нем Нарком сообщал, что к художнику будет отправлен профессор Альберт Петрович Пинкевич. Посланец Ворошилова в те годы был ректором 2-го Московского университета и сотрудником Комиссии по улучшению быта ученых²³. Одновременно с этим письмом Климент Ефремович направил письмо Бродскому, в котором просил Исаака Израилевича «подробно проинструктировать [Пинкевича], как ему держаться с И. Е.»²⁴.

И. И. Бродский, выполнив пожелание Наркома, встретился с Пинкевичем и передал ему для вручения Репину свое письмо и послание Н. А. Морозова. Одновременно передал свое письмо к Репину и К. И. Чуковский. В нем он писал: «...уверен, что Вы крепко полюбите его [Пинкевича]. Он хоть и ученый, но всегда тяготел к художникам; среди поэтов и писателей у него много друзей»²⁵. Надо полагать, что такую отменную рекомендательную характеристику доверенному лицу Наркома Ворошилова старый друг Репина дал неспроста. Вероятно, Чуковский опасался того, что Репин каким-либо образом выразит негативное отношение к

очередному гостю из СССР и его миссии. Тем не менее А. П. Пинкевич, побывав у Репина, передал ему все письма, основным из которых было, несомненно, послание К. Е. Ворошилова. Но и этот визит не принес желаемых в СССР результатов.

Из всего вышеизложенного следует, что И. Е. Репин напрямую переселяться в СССР не отказывался, но ничего и не предпринимал для смены местожительства, спустив дело на тормозах. Художник был прекрасно информирован о том, что делалось в СССР, и не горел желанием туда переехать²⁶. Более того, пока Татьяна Ильинична с семьей оставались на территории СССР, Илье Ефимовичу приходилось быть очень осторожным в своих высказываниях. Позднее, когда страсти по переселению престарелого живописца несколько поутихли, Репин стал гораздо откровеннее. «Кто-то распространил слух, — писал он в феврале 1927 года своему другу К. И. Чуковскому, — что я, к весне, переезжаю в СССР. И ко мне на разные лады — многочисленные запросы... Конечно, вздор...!»²⁷

Возвращаясь к приезду делегации художников, необходимо отметить, что результаты их приезда были более чем скромные. В августе 1926 г. в Ленинград, где его прекрасно принимали, приезжал сын Репина, Юрий Ильич. Его визит в СССР был обусловлен намечавшимся заказом советского правительства написать по эскизам И. Е. Репина картину «Конец самодержавия». Юрий жил у И. И. Бродского, который его всячески опекал. Впоследствии официальные власти Финляндии припомнили ему эту поездку. Когда Юрий Ильич запросил в 1929 г. финское гражданство, ему было отказано. Замысел же с написанием картины не воплотился в жизнь²⁸.

Еще одним положительным итогом визита советской делегации можно считать то, что Татьяне Ильиничне вместе с многочисленной семьей власти СССР позволили покинуть страну и переселиться к отцу в Финляндию. Переезд младшей дочери Репина состоялся весной 1930 г. после продолжительной волокиты. Но она недолго задержалась в Куоккале. После смерти отца Татьяна, вероятно памятуя о том, что ей пришлось пережить в государстве рабочих и крестьян, при первой же возможности эмигрировала во Францию, как можно дальше от границ Советского Союза²⁹.

Надо полагать, что последним визитером из СССР у Репина был его друг И. Я. Гинцбург. Узнав летом 1930 г. о тяжелом состоянии Ильи Ефимовича, скульптор срочно оформил документы. «Я опять очутился в финском вагоне, — вспоминал Гинцбург, — рядом с тем же комендантом дороги Штальбергом. Он подтвердил известие о тяжелом состоянии здоровья Ильи Ефимовича. „Но вы его еще застанете в живых, — утешал

меня комендант, — он окружен своими детьми, внуками, правнуками, недавно приехавшими из Витебска. Их 15 человек»³⁰.

Из этого следует, что финские власти тоже не дремали, внимательно отслеживая все, что происходило недалеко от границы с Советским Союзом. Т. П. Бородина, ссылаясь на архивы полиции, установила, что «самое большое количество отчетов по надзору поступило в сыскную полицию Терийоки после пребывания у Репина в 1926 г. делегации советских деятелей культуры»³¹.

В заключение нужно отметить, что более детальное знакомство с материалами, находящимися на стенде зала музея, дает возможность ближе соприкоснуться как с историей самого музея и его обитателей, так и с историей межгосударственных отношений России и Финляндии.

¹ См.: Балаценко Ю. Д. Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2015. С. 29.

² Там же. С. 29–33.

³ Там же. С. 34.

⁴ Безруких П. Е. Новое о Репине. Л., 1969. С. 305.

⁵ Бродский И. И. Мой творческий путь. М.; Л., 1940. С. 80.

⁶ Григорьев А. В. Новое о Репине. Л., 1969. С. 287.

⁷ Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году // Репин. Художественное наследство. М.; Л., 1949. Т. 2. С. 305.

⁸ Там же.

⁹ Бродский И. А., Меламуд Ш. Н. Репин в «Пенатах». М.; Л., 1940. С. 13; См.: Балаценко Ю. Д. Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР. С. 34.

¹⁰ Бродский И. И. Мой творческий путь. С. 81.

¹¹ Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка 1906–1929. Новое литературное обозрение. М., 2006. С. 314.

¹² Бродский И. И. Мой творческий путь. С. 81.

¹³ Там же.

¹⁴ Григорьев А. В. Новое о Репине. С. 288.

¹⁵ Кацман Е. А. Поездка к Репину в 1926 году. С. 315.

¹⁶ Безруких П. Е. Новое о Репине. С. 304.

¹⁷ Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка 1906–1929. С. 318.

¹⁸ Там же. С. 315.

¹⁹ Там же. С. 315.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 315, 316.

²² Там же. С. 316.

²³ Там же.

²⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 72. Л. 48. Письмо Ворошилова Бродскому от 27.10.1926.

²⁵ Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка 1906–1929. С. 246.

²⁶ См.: Балащенко Ю. Д. Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР. С. 35.

²⁷ Там же; Илья Репин — Корней Чуковский. Переписка 1906–1929. С. 256.

²⁸ Балащенко Ю. Д. Интеграция И. Е. Репина и его семьи в общество Финляндии 20-х годов XX века и попытки «вернуть» художника в СССР. С. 35.

²⁹ Там же. С. 36.

³⁰ Гинцбург И. Я. Пенаты и мои последние свидания с Ильей Ефимовичем Репиным // Репин. Художественное наследство. С. 324.

³¹ Бородин Т. П. Надзор сыскной полиции Финляндии за И. Е. Репиным и его семьей // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011. С. 36.

Г. М. Коваленко

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1920-х гг. ГЛАЗАМИ ТУРЕ АРНЕ

Грандиозный социальный эксперимент, осуществлявшийся в России после 1917 г., вызвал большой интерес за рубежом, в том числе и в Швеции. Шведский дипломат Пер Брусевиц писал: «Пролетарская революция в России была действительно неотвратима... она была естественной необходимостью, и новая железная диктатура является единственной, способной спасти Россию от еще более опасных грабежей и массовых убийств, беспорядка и опустошения... коммунистический эксперимент был способом, который нужно было опробовать»¹.

Известный шведский социал-демократ Цет Хёглунд в 1947 г. на заседании общества заявил: «Когда в Швеции совершился перелом в пользу демократии, то это было побочным продуктом русской революции»². По мнению современного шведского историка Леннарта Самуэльсона, «фоном для обычного представления о Советской России 1920–30-х гг. является извечный шведский „страх перед русскими“, который мог приобретать различные формы под влиянием меняющихся обстоятельств». С этим утверждением можно согласиться, но при этом следует отметить, что спектр этих представлений был достаточно широк (от Антона Нильссона³ и Пера Эмиля Брусевица до Альфреда Бадлунда⁴). Особое место среди существующих взглядов занимает книга «Современная Россия», автором которой был известный шведский археолог Туре Арне⁵. Он занимался изучением контактов викингов с Востоком и в этой связи проявлял особый интерес к России. В 1911 г. он участвовал в работе XV Археологического съезда, проходившего в Новгороде, и был избран почетным членом Новгородского общества любителей древности. После этого в 1912–1913 гг. Арне вместе с женой Идой совершил исследовательскую поездку в Россию для изучения русских археологических памятников. Он

осмотрел Михайловский могильник в Ярославской губернии, побывал в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ольвии, Саратове, Астрахани.

О его впечатлениях от поездки можно судить по черновым наброскам, сохранившимся в архиве Арне. «В России меня часто спрашивали: „Что вы думаете о нашей стране и нашем народе?“ На это я отвечал, что не могу дать исчерпывающего ответа на такой вопрос; 15-месячного пребывания в России недостаточно для того, чтобы составить достоверное представление о жизни народа, впрочем, даже не одного народа, а более чем 100 народов, населяющих эту огромную страну. Что вообще можно сказать о России, так это то, что она — страна контрастов, полная противоречий, обнаруживающая величайшее богатство и глубочайшую бедность, высокую образованность и безмерное невежество, изысканный вкус и варварскую культуру, любовь к свободе и энтузиазм, с одной стороны, и рабскую психологию, жестокость и мошенничество — с другой»⁶.

В 1914 г. увидела свет его книга «Швеция и Восток», в которой он выдвинул теорию норманнской колонизации, согласно которой шведские викинги, переселившиеся в Восточную Европу, создали свои колонии вдоль торговых путей в наиболее важных в экономическом и стратегическом отношении пунктах. Он считал, что государство, основанное норманнами в Восточной Европе, сохраняло тесные политические связи со Швецией и было частью «Великой Швеции».

Теория Арне, основанная на археологических источниках, получила поддержку со стороны языковедов, в частности профессора Упсальского университета Р. Экблума, и была развита в трудах француза М. Таубе, датчанина А. Стендер-Петерсена, шведа Х. Арбмана, американца С. Кросса, финна Э. Кивнкоски. В 1920-е гг. эта теория подверглась критике со стороны советских археологов В. Равдонникаса, А. Арциховского, Я. Станкевича.

Арне был не только археологом, но и крупнейшим шведским специалистом по русской истории, ее активным популяризатором. Арне считал, что для шведской экономики и науки Россия — это «большая дверь в Азию». Он отмечал, что «через Россию идут пути для изучения греческой и исламской культуры. Русская земля и русские архивы хранят сокровища для изучения шведской истории», и предлагал открыть в Москве шведский институт для изучения русской культуры.

Арне приветствовал Февральскую революцию в России. Получив известия о ней, он произнес на русском языке речь для россиян, проживавших в Швеции. От имени шведов он приветствовал их как граждан великого Русского государства — республики.

В 1917 г. была опубликована его книга «Великая Свитйод»⁷, представляющая собой очерки по истории русско-шведских культурных связей с древнейших времен до XIX в. В предисловии к книге он высказал мысль о том, что развитию научного и культурного сотрудничества могло бы способствовать Шведско-русское культурное общество с центром в Стокгольме и филиалами по всей стране. Такое общество было создано в мае 1924 г., и Арне стал его вице-председателем, а затем и председателем. В целом Арне живо интересовался научной и культурной жизнью в СССР. В его архиве сохранились неопубликованные статьи о русских музеях, о русской археологии, о положении ученых в СССР, материалы о русских ремеслах и промыслах начала 1920-х гг. В одной из статей он писал о Новгороде: «В Новгороде Софийский собор изнутри подвергается большим разрушениям из-за недостатка отопления и разрушения системы отопления. Сырость разрушает фрески и иконы. Близлежащая от Новгорода церковь Спаса на Нередице начала разрушаться от плесени. После 1918 г. в Новгород приезжали многочисленные комиссии из Москвы и Ленинграда, которые интенсивно занимались консервационными и реставрационными работами с фресками и иконами, в результате чего было получено новое представление о древней русской живописи»⁸.

В 1926 г. Арне принял участие в археологическом съезде в Керчи, он был его единственным иностранным участником. В 1928 г. он вновь побывал в России. На этот раз он посетил Ленинград, Москву, Киев, Чернигов. В ходе этих поездок Арне имел возможность наблюдать строительство нового общества в России. Своими впечатлениями о поездках он поделился со слушателями Рабочего университета Стокгольма и описал их в книге «Современная Россия» (1929). В ней он писал: «Мир стоит перед гигантским экспериментом, который вне зависимости от результата даст большой опыт»⁹. В его описании Советской России нет следов политических симпатий или антипатий, он не чернит действительность, но и не обходит молчанием острые вопросы.

В следующем году маршрут его путешествий проходил по Средней Азии и включал Ташкент, Самарканд, Бухару, Ашхабад. Тогда же он пытался получить разрешение на проведение археологических раскопок в Западном Туркестане, но получил отказ. Последний раз Арне побывал в СССР в 1935 г.

В годы Второй мировой войны русская тема стала актуальной в Швеции. В это время были изданы книги Э. Хурнборга «Швеция и Россия», А. Карлгрена «Сталин», Т. Нермана «Шведы и русские», а также сборник рассказов советских писателей. Тогда же была издана книга Арне «Европа открывает Россию», в основу которой были положены лекции, про-

читанные им осенью 1942 г. в Рабочем университете Стокгольма, где в 1944–1945 гг. он прочитал курс лекций о современной России. Для книги «Советский Союз в иллюстрациях» он написал раздел «Наука в СССР».

В апреле 1947 г. газета «Дагенс Нюхеттер» опубликовала статью Арне «Теория о том, что в России было государство еще до викингов, не имеет оснований». Ответом на нее стала статья Б. Д. Грекова «О роли варягов в истории Руси». В ней, в частности, говорилось: «Роль варягов в Европе IX в. хорошо известна. Ее отрицать никто не собирается. Новгородская Русь их знает прекрасно. Но от этого признания далеко до утверждения, будто Рюрик в 862 г. создал Русское государство. Государственная жизнь началась на Руси так же, как и у других народов, на известном этапе развития общественных отношений. Рюрик застал в Новгороде государственный строй уже существующим. Это не „националистический“ вымысел, а обоснованное доброкачественными фактами положение. И в свете этих фактов статья профессора Арне не может не вызывать удивления»¹⁰. Если принимать во внимание время написания этой статьи, то следует признать, что критика Б. Д. Грекова в целом объективна и носит довольно умеренный характер. Более жесткую критику вызвала статья Арне «Викинское Гнездово — предшественник Смоленска» (1952)¹¹. Реакцией на нее была статья Д. А. Авдусина¹². В ней автор расценивал публикацию Арне как «выпад против русского народа, не имеющий ничего общего с наукой». Такие отклики на работы Арне создали ему репутацию «злостного норманиста». Для советских чиновников от науки он был *persona non grata*, но для многих советских археологов и историков Туре Арне оставался серьезным авторитетным ученым, чей неизменный интерес к русской истории и культуре не зависел от политической конъюнктуры. Работы Туре Арне не утратили своего научного значения и по сей день, и к ним обращаются и будут обращаться новые поколения исследователей, занимающихся историей отношений между нашими странами.

¹ Brusewitz P. E. Bakom Rysslands järnridå. På motorcykel Petrograd — Tiflis. Stockholm, 1923. Пер Эмиль Брусевич — атташе шведского консульства в Москве и Петрограде в 1917–1918 гг., член Социал-демократической партии Швеции (СДПШ), автор нескольких книг о Советской России. В 1923 г. проехал от Петрограда до Тбилиси на мотоцикле.

² Цит. по: Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1964. С. 57.

³ Шведский социал-демократ, террорист, в 1918 г. эмигрировал в Россию, стал военным летчиком.

⁴ Шведский рабочий, перебравшийся в СССР и отсидевший в лагерях по обвинению в шпионаже. По возвращении написал две книги о своих впечатлениях, за что коммунистическая пресса заклеила его как «фашистского прихвостня».

⁵ В специальных статьях шведских (Кристиан Гернер, Леннарт Самуэльсон, Петер Вестлунд) и российских (Ольга Чернышова) историков, посвященных восприятию шведами Советской России, этой книге Туре Арне посвящено лишь несколько строк.

⁶ Antikvarisk-topografisk arkivet (далее: ATA). Källaren XVII. T. J. Arnes arkiv. Handlingar av privatkaraktär. 65.

⁷ *Arne T. Det Stora Svitjod. Essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser.* Stockholm, 1917.

⁸ ATA. Manuskript. 17. Anteckningar och artiklar om förh. i Ryssland.

⁹ *Arne T. Det moderna Ryssland.* Stockholm, 1929. S. 5.

¹⁰ Греков Б. Д. О роли варягов в истории Руси (по поводу статьи шведского профессора Туре Арне) // Новое время. 1947. № 30.

¹¹ *Arne T. Det vikingatids Gnezdovo Smolensk föregångare* // *Arkeologisk forskning och fynd.* Stockholm, 1952.

¹² Авдусин Д. А. Неонорманистские изыскания буржуазного историка // Вопросы истории. 1953. № 12.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

В. Е. Возгрин

ПОЧЕМУ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ НЕ СТАЛА (ВЕЛИКОЙ) БАЛТИЙСКОЙ ДЕРЖАВОЙ?*

Обращаясь к теме, связанной с балтийским пространством, имеет смысл вспомнить вещи общеизвестные. Древний мир прилежал Средиземному морю, история Новейшего времени разыгрывается в Атлантическом суперрегионе. А в истории европейских государств позднего Средневековья и Нового времени в центре общего внимания находился Балтийский мир, игравший ключевую роль в их политике и экономике.

Балтийское внутреннее море подчинялось многим державам — вначале Дании, потом Швеции, еще позже — Пруссии вплоть до XVIII–XX вв. включительно, когда Россия (затем СССР) пытались, втянув в себя Прибалтику и Восточную Пруссию, обрести господствующее положение на Балтике. Особенно убедительной выглядит эта истина в приложении к истории Польши. К стране, как ни одной другой заслуживающей честь именоваться Сердцем Европы¹ не только по своему географически среднему положению на континенте, но и как пространству, разделяющему два мира — германский и восточноевропейский. Тем не менее история этой страны не поддается научному анализу, если рассматривать ее вне контекста более общих процессов, протекавших параллельно друг другу, распространяясь на все балтийское пространство.

Мы ограничимся в этом анализе XVII–XVIII веками, периодом, когда Балтийский мир снова, впервые со времен викингов, очутился в центре внимания остальной Европы, а Польша претерпела метаморфозы, последствия которых сказывались и в XX в. Но вначале предложим краткую экспозицию-предысторию, необходимую для понимания основной темы доклада.

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В. Н. Барышников.

Идея господства над Балтикой, на которое первой стала претендовать Дания (точнее, идея *mare clausum*, конец XIV в.), вела к борьбе скандинавских держав с Ганзой. Этот длительный конфликт завершился поражением последней, сменившись еще более длительным противостоянием унии Дании—Норвегии и Швеции. Ситуация осложнилась попыткой Ивана Грозного в 1558–1583 гг. овладеть восточными территориями Балтийского мира (Ливонией), давно уже входившими в сферу датских и шведских интересов. Заметим, что это не была просто «борьба за выход к Балтийскому морю». Такая цель была достигнута овладением устья Невы уже в самом начале Ливонской войны, там был выстроены гостиный двор и торговая пристань, а в 1559 г. русские овладели куда более крупным портом Нарвой. То есть имелось уже минимум два выхода к морю. Однако царю этого было явно мало, военные действия демонстрировали его притязания на Дерпт (взят в 1558 г.), Ревель, Пярнау, Ригу, а также на ряд городов Польско-Литовского государства, расположенных отнюдь не на берегах Балтики. То есть это была широкая территориальная, а не «точечная» торгово-экономическая экспансия, затеянная отнюдь не с целью активного участия в балтийской торговле. Этот вывод подтверждается известным фактом — до XVIII в. русские не раз выходили к балтийским берегам, но своего флота не строили, а пристани и порты предназначались для швартовки иностранных торговых судов.

В первые годы Ливонской войны у Москвы не возникало принципиальных разногласий с Польско-Литовским государством. Более того, в феврале 1558 г. к королю Сигизмунду Августу был отправлен царский посланник с предложением о создании военного союза, направленного против крымского хана. Смысл такого договора заключался не в совместном выступлении на юг. Иван Грозный надеялся, что этот акт не позволит королю вмешаться в ливонскую политику Москвы. Его расчет поначалу оправдался — Сигизмунд отнесся к проекту антикрымского союза позитивно и на протяжении всего 1558 г. с польско-литовской стороны никаких протестов против вторжения русских в Ливонию слышно не было. Но вскоре ситуация изменилась: в марте 1559 г. польский дипломат объявил в Москве, что король отказывается от союза против Крыма, опасаясь, что в случае совместного выступления за хана вступится его сюзерен, турецкий султан, который легко сможет захватить всю Литву. Кроме того, поляк впервые выразил протест своего короля против вторжения в Ливонию уже по той причине, что архиепископ рижский — близкий родственник Сигизмунда. Однако Москва, захватившая значительные территории Ливонии, не собиралась оттуда уходить.

Тем временем в Москву прибыл член датского государственного совета Клаус Урне, посланный королем Кристианом III в ответ на просьбу

Лифляндского ордена о политической помощи². И датчанину его миссия в Москве удалась: он достиг договоренности о перемирии на период с мая по ноябрь 1559 г. За это время Лифляндия успела заключить союз с Польшей-Литвой, согласно условиям, которого польский король должен был защищать лифляндские земли от русских. И в январе 1560 г. поляки выставили Москве ультиматум — ее войска должны покинуть Лифляндию, альтернативой будет война. В апреле ультиматум был отклонен, а в мае наступление русских войск на запад возобновилось. Боевые действия велись в основном на территории современных Эстонии, Латвии, Белоруссии и Северо-Западной России. В 1561 г. по Виленским договорам Ливонская конфедерация была ликвидирована, часть ее территории преобразовывалась в вассальное по отношению к Великому княжеству Литовскому герцогство Курляндия и Семигалия, другая же непосредственно вошла в состав Великого княжества Литовского. С этого времени война приобрела в основном характер противостояния Московского царства и Литвы, причем велась она преимущественно на территории последней. Но в нее были втянуты и балтийские державы. Через 2 года после утверждения Дании в епископстве Эзельском, летом 1561 г., шведский король отправил по просьбе жителей Северной Эстляндии свои войска на ее защиту от русских. Однако царь, отнюдь не желая приобретать себе новых мощных противников, заключил в том же году 20-летнее перемирие со Швецией, а через год — трактат о дружбе с Данией-Норвегией.

Поляки понимали, что подобные шаги Москвы лишь прелюдия для ее дальнейшего продвижения на Запад. Не без влияния этого фактора они, а также представители Великого княжества Литовского собрались в 1569 г. в Люблине, где была основана польско-литовская уния, получившая имя Речи Посполитой. Она представляла собой двуединое федеративное государство, имевшее общего короля, избиравшегося парламентом, состоявшим из сената и палаты представителей³. Однако собственно Польша (Корона) и Великое княжество сохранили свои отдельные вооруженные силы, администрации, казначейства и законодательные органы. Вопросы внешней политики в идеале должны были решаться совместно. Люблинская уния действительно укрепила новое содружество: Речь Посполитая в территориальном отношении превосходила Францию, превратившись в самую мощную политическую силу Центральной Европы — по крайней мере, в XVI–XVII вв., когда под ее властью оказались также Ливония и Курляндия⁴.

Между тем в заключительной фазе продолжавшейся войны Москва добилась значительных, хоть и временных результатов, оккупировав всю Лифляндию к северу от Даугавы, за исключением шведского Ревеля. Но

именно этот успех заставил противника принять новые меры. На польско-литовский трон был избран энергичный трансильванский князь Стефан Баторий, который тут же предпринял три похода на собственно Московское государство. Им были взяты Полоцк (1579), Великие Луки (1580) и осажден Псков (1581). Образовалась некая полудуга, что свидетельствовало о намерении короля изолировать московское войско в Лифляндии и разгромить его. Главной целью при этом была Рига — крупнейший торговый порт Балтики.

Зададим себе вопрос: зачем Рига нужна была полякам?

Тут может быть два ответа. Первый — чтобы их страна вошла в число балтийских морских держав. Второй — чтобы пользоваться доходами от транзитной торговли других, мореходных держав. Скорее всего, верен второй ответ, и мы остановимся на этой гипотезе позже.

План захвата Риги был осуществлен в 1581 г., а в 1582 г., по Ям-Запольскому перемирию порт окончательно отошел к Речи Посполитой. Однако ожидаемых выгод это не принесло. Вольный город, управлявшийся немецкоязычным городским советом, умело лавировал между интересами Московии, Польши, Швеции и Дании. По сути, он являлся немецким анклавом в польско-литовском государстве. Так что в балтийской политике Речи Посполитой, как и в ее экономике, он заметной роли не играл. Но эта ситуация ободрила шведов, которые начали операции по освобождению всей Северной Эстляндии. В 1581 г. они взяли Нарву и продолжили наступление до Финского залива и Карелии. В 1583 г. Ливонская война закончилась подписанием Плюсского перемирия, по которому Москва утратила все свои завоевания кроме небольшой территории при устье Невы.

В 1587 г., по смерти Стефана Батория, главой Польско-Литовского государства был избран сын Юхана III Шведского, католик Сигизмунд III Ваза. Он не скрывал своих планов, получив в наследство и шведскую корону, провести там контрреформацию. Об этом знали шведы, готовясь сопротивляться со всей решимостью убежденных протестантов. Эту ситуацию и решило использовать в своих целях правительство, руководимое Борисом Годуновым, уверенное, что в назревавшей войне Швеция может не рассчитывать на помощь католической Польши-Литвы. Война началась удачно для русских — в 1590 г. они закрепились на берегах Финского залива. Правда, когда в 1592 г. умер Юхан III, а корона перешла к Сигизмунду III, Борис Годунов, не решаясь продолжать войну — по сути, с королем Польши-Литвы, — поспешил заключить в 1595 г. мирный договор. Подписанный в Тявзине, он признавал права Швеции на Эстляндию и Нарву, но Ям, Копорье, Ивангород и Кексгольм отходили к Москве.

Показательно, что договор этот русской стороной никогда ратифицирован не был, что говорило о ее новом намерении взять реванш за проигранную Ливонскую войну — конечно, если Сигизмунд III не осуществит польско-шведскую унию.

Шведы имели в этой ситуации преимущество в виде военно-морского флота, которого у противника не было. Нельзя сказать, что поляки не замечали этой прорехи в своих вооруженных силах, они давно пытались исправить положение, но тщетно⁵. Огромная, богатая держава оставалась в XVII в. единственной из Балтийских стран, не имевшей флота. Причин тому было несколько. Во-первых, у нее не было для этого базы, так как Гданьск, пользуясь правами вольного города, отказывал польским королям в содействии кораблестроению, предпочитая получать с них деньги за транзит огромной массы товарного продукта, к тому же не платя им никаких налогов.

Во-вторых, на строительство полноценного флота не давал деньги польский сейм, так как ни шляхту, ни магнатов, по сути хозяев республики⁶, не увлекали военные планы их монархов. Не нужен был им и торговый флот, так как свою продукцию они отправляли за рубеж на иностранных судах. Что было в высшей степени странно (даже бюргеры Гданьска своего собственного торгового флота не имели⁷, как, кстати, и жители русской Нарвы или Ивангорода). Одно из объяснений этому парадоксу — поляки, как и великороссы, в ту пору еще не являлись морской нацией.

В-третьих, в сферу польских интересов не входили ни Балтика со всеми ее возможностями, ни даже собственные прибрежные Померания и Пруссия⁸. Магнаты и шляхта были всецело заняты юго-востоком, где на черноземах Украины и пастбищах Волыни покоилось все богатство их владельцев и на хозяйственное освоение этих территорий они не жалели никаких усилий. Зерно и в меньшей мере животноводство приносили польско-литовским магнатам огромные прибыли. Их с избытком хватало на строительство дворцов и замков, на содержание шляхетской клиентелы и даже собственных войск, которые не уступали и иным немецким государствам. В это трудно поверить, но контроль над устьем Вислы, установленный в 1568 г., был в 1576 г. с легкостью уступлен Стефаном Баторием тому же Гданьску⁹. Играл свою роль и внешний фактор: вначале ганзейцы, потом голландцы, датчане и прочие морские перевозчики и коммерсанты использовали все доступные им средства, чтобы не допустить поляков к балтийскому мореплаванию.

Можно было, конечно, добиваться своих прав на море посредством союзов с Англией, Нидерландами или Испанией, которые также имели

свои интересы на балтийском пространстве и которым Польша с ее неисчерпаемыми в ту пору ресурсами могла оказать помощь на условиях взаимности. Но на этом пути стояла непреодолимая преграда — сейм и польское дворянство в целом были обеспечены своими все возрастающими доходами от экспорта зерна и леса (а также литовской пушнины), то есть вполне довольны сложившейся ситуацией и избегали трат на ведение активной внешней политики. Имела место явная политическая деградация, на причинах которой мы остановимся ниже. А здесь заметим лишь, что особенно контрастно она выглядела на историческом фоне — ведь в Средние века поляки приложили огромные усилия для того, чтобы пробиться к Балтийскому морю, но с тех пор в их этнопсихологии слишком многое изменилось. Теперь из 350 млн злотых общего дохода 50 млн уходило на импортные вина, пряности, предметы роскоши. То есть практически вся прибыль исключалась из производительной сферы. Редкий по тем временам случай: к примеру, в маленькой Дании деньги работали, и Копенгагенский порт уверенно шел по грузообороту к почетному второму месту на континенте после Лондонского.

Впрочем, не только Дания, а и другие Балтийские страны, ставшие на путь форсированного экономического развития, всё заметнее обгоняли Речь Посполитую. Но странным образом это не беспокоило польских магнатов, по сути правивших страной через коррумпированный сейм. Как истые олигархи, они жили сегодняшним днем, промышленность не развивалась, держава прочно сидела на «аграрной игле» — как будто это могло продолжаться вечно. А там, где олигархи безбедно существуют на любого рода экономической «игле», там появляется и тяга к национальной идее, хотя бы для того, чтобы оправдать собственное бытие. И такая идея сложилась — в виде идеологии *сарматизма*¹⁰. Именно благодаря ей были заложены основы национального самосознания, сформировались принципиальные особенности польской идентичности, впервые нашло свое яркое выражение польское этнокультурное своеобразие. Польша той эпохи рождалась из оригинальной формы республиканского правления, при котором «возобладало чувство превосходства народа-шляхты над государством, ее сарматский характер не позволял Польше подчиниться ни Востоку, ни Западу»¹¹. Впоследствии в число адептов сарматизма входят, кроме дворян, и мещане, причем не только Короны, но и Литвы, и даже Украины. Их объединяло, прежде всего, сознание принадлежности к демократии Речи Посполитой, истоки которой они возводили к древним сарматским традициям свободы и личной независимости¹². Вот почему «создателями произведений сарматской литературы и искусства были не только католики, но и протестанты, и православные, и уни-

аты. Сарматизм, таким образом, включался в национальную традицию народов Речи Посполитой»¹³.

Сарматизм предопределил многие особенности местной знати и ее культурные отличия от западноевропейской аристократии: восточный стиль парадной одежды (жупан, контуш, слущкий пояс, сабля вместо шпаги), особые манеры (подчеркнуто рыцарское отношение к женщине), гипертрофированное понятие чести («гонору») и так далее. Сюда же следует отнести, очевидно, и сугубую «сухопутность» польских культурных традиций, изменение которых они считали предательством обычаев своих далеких степных предков. Что выражалось прежде всего в стабильном отторжении, неприятии всего морского, сыгравших столь заметную роль в истории государства. Постепенно сарматизм приобрел явственные черты вполне манихейских ксенофобии и самоизоляции, которые позволяют некоторым современным исследователям говорить о «польском мифорасизме»¹⁴.

Но своеобразие сарматизма проявлялось не только в культурных особенностях. Сарматисты, противопоставляя себя как рабопенной деспотичной Азии, так и буржуазной Европе, утверждали некую «уникальность» великопольского национального характера, позволявшую стране и народу развиваться по-своему. Отчасти так оно и было, но этот особый, неповторимый «третий» путь вел не к обогащению культуры восточными и западными ценностями, а к неприятию как первых, так и вторых. Одним из результатов такой политики становилось закономерное отставание в военной технике, что продемонстрировал шведский «потоп»¹⁵. А также — закономерно и неизбежно — некий польский мессианизм и политическое обособление, в частности, от Балтийского мира. О трагических итогах выбора этого пути — ослаблении нации, параличе и распаде некогда могучей, единой державы — говорить было бы излишним, если бы он не был столь актуален в современности¹⁶. Впрочем, здесь он нас интересует, прежде всего, как один из факторов, не позволивших Польше стать балтийской державой, причем далеко не последнего ранга.

Можно было, конечно, добиваться своих прав на море посредством союзов с Англией, Нидерландами или Испанией, которые также имели свои интересы на балтийском пространстве и которым Польша с ее неисчерпаемыми в ту пору ресурсами могла оказать помощь на условиях взаимности. Но на этом пути стояла непреодолимая преграда — он был не нужен сейму и польскому дворянству, которые в целом были обеспечены своими стабильно возрастающими доходами от экспорта зерна и леса (а также литовской пушнины), то есть вполне довольны сложившейся ситуацией. Они избегали трат на ведение активной внешней по-

литики — за исключением случаев, когда явная военная опасность грозила стране или хотя бы Гданьску — без этого устья сбыта хлеба и ввоза импортных товаров, особенно предметов роскоши из Франции, «шляхта не могла обойтись»¹⁷. Имела место явная политическая деградация, на других причинах которой мы остановимся ниже. А здесь заметим лишь, что особенно контрастно она выглядела на историческом фоне — ведь в Средние века поляки приложили огромные усилия для того, чтобы пробиться к Балтийскому морю¹⁸, но с тех пор в их этнопсихологии слишком многое изменилось.

Упомянутое индифферентное отношение к балтийским и европейским делам сохранилось и позже. Сказанное в полной мере относится к правлению Стефана Батория. Чрезвычайно активный лидер, он ограничил свою внешнюю политику военными походами на восток и совершенно игнорировал возможности, открывавшиеся для него на западе, там, где дипломатическими инициативами можно было добиться впечатляющих успехов. Не менее активный его преемник, Сигизмунд III, также не выходил за рамки чисто военной политики, тогда как шведская корона предоставляла его державе огромные возможности. Тогда на мгновение открылась захватывающая дух перспектива великого польско-шведского государства, владеющего всеми балтийскими берегами. Шанс этот был не столь уж мал. Блеск ягеллонской империи несколько не поблек, польское великодержавие оставалось неоспоримым: на востоке оно могло поставить мат любому противнику, на западе ему никто из соседей не угрожал — да и кто на это был способен, уж не мелкие ли бранденбургские курфюрсты, которым еще и Пруссия не досталась? Но вместо того чтобы вести общую, совместную со Стокгольмом политику, Сигизмунд фанатично поставил во главу угла свои конфессиональные амбиции, сделав ценнейшего на Балтике потенциального союзника своим многолетним врагом и втянув Польшу в длинную череду совершенно ненужных ей вооруженных конфликтов.

Такие результаты недальновидной политики польских правителей, точнее ее отсутствие, не позволяли державе занять достойное место в глазах европейских кабинетов, хотя Польша пока являлась однозначно великой европейской державой. Ведь между двумя потенциальными империями — габсбургско-испанской и Российской — находились и жизненное пространство, и материальные ресурсы, достаточные для создания мощной политической системы. Но эта задача была по плечу лишь единой нации. Польша же давно уже превратилась в дворянскую республику, чье шляхетство только себя и признавало нацией, как и постепенно полонизировавшиеся литовские княжата.

Началась Тридцатилетняя война, в которой неоднократно менялись как ее участники, так и их задачи, но начало первой общеевропейской войны освящалось главной целью: тотальной контрреформации протестантской Германии¹⁹. Речь Посполитая всячески избегала участия в этом разраставшемся военном пожаре, поглощавшем все больше жертв — и денег. Однако ей это не удалось — в 1625 г. Густав II Адольф захватил Ригу, затем Курляндию и переправил свою армию по морю в польскую Пруссию. В 1626–1629 гг. поляки пытались восстановить контроль над устьем Вислы, но тщетно — польские военачальники уступали гению шведского короля. Здесь сказалось, кроме того, и отсутствие союзных отношений Речи Посполитой с европейскими державами, и ее неспособность к быстрым и эффективным военным действиям, и внутренние пороки государственной системы: в 1624–1627 гг. сейм так и не утвердил налоги, предназначавшиеся для ведения оборонительной войны, которая завершилась перемирием 26 сентября 1629 г. По условиям Альтмаркского договора Польша утратила Северную Латвию (Видземе) и Южную Эстонию. Шведы получили также право на гданьские таможенные пошлины²⁰. Именно тогда, как считают польские историки, Речи Посполитой пришлось окончательно «отказаться от мысли о создании собственного военного флота»²¹. Что не совсем верно, такие попытки еще будут иметь место.

Самую решительную из них предпринял сменивший на престоле Сигизмунда его сын Владислав IV (1632–1648). Новый польский король, способный полководец, решил наконец окончательно покончить со «шведской проблемой» и для этого стал создавать регулярный польский флот. Согласно 58 статье его *pacta conventa*, поляки должны были построить не менее 30 военных кораблей и, кроме того, галерный флот, способный действовать на мелководье шведских шхер. С этой целью к 1634 г. в устье Вислы была построена новая база с необычным названием Петербург-Владиславова. Предварительно король поднял налоги, что позволило собрать средства на постройку 12 кораблей, хотя и невысокого ранга: десять фрегатов и две галеры. Это, конечно, не шло ни в какое сравнение с мощными военно-морскими силами Швеции, не говоря уж о полном отсутствии опыта ведения морских сражений, да и просто морской практики у польских «моряков» (само собой понятно, что во главе первого балтийского флота Польши был поставлен англичанин).

Очевидно, именно по этой причине никаких боевых действий польского флота в эту войну отмечено не было, а в 1636 г. уже был заключен мир со Швецией²². Речь Посполитая оказалась вне Тридцатилетней войны, не обращая внимания на подстрекательские жесты с разных сто-

рон. А брак короля с Цецилией Ренатой из династии Габсбургов (1637) означал очередное сближение с Австрией. Тем не менее Владислав IV не оставил своих планов и о флотском строительстве на Балтике, хотя бы для коммерческих целей, и выдвинул проект создания — по примеру других балтийских держав — польской Вест-Индской компании. Но планы эти разрушила Дания. Она уже давно с подозрением смотрела на необычного польского монарха, а после заключения им мира со Швецией король-воин Кристиан IV решил, что поляки могут открыть свои порты для базирования и снабжения шведов и даже усилить их своими кораблями. Поэтому 16 марта 1637 г. к Владиславово подошли 23 датских корабля, которые легко разгромили молодой польский флот — сгорело 10 из 14 кораблей. Оставшиеся пришлось продать той же Дании по цене дров.

Однако упомянутое сближение со Священной Римской империей не позволяло возлагать на нее чрезмерные политические надежды. Это показали события середины XVII в. Карл X Густав вторгся в 1655 г. на территорию Короны со всем своим войском. Целью похода было заявлено противодействие московским войскам, добившимся больших успехов в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг., но фактически имелся в виду насильственный шведско-польский союз накануне запланированного Стокгольмом похода на Москву. По мнению шведских правящих кругов, при этом польский король должен был отказаться от притязаний на Ливонию, согласиться на шведский протекторат над Курляндией и на уступки в Королевской Пруссии, что обеспечило бы превращение Балтийского моря в «шведское озеро»²³. Шведское вторжение, получившее имя «Потоп», проявило особые качества местного дворянства. Шляхта Короны и Литвы не просто сдавалась, а организовано, во главе с гетманами, переходила на сторону интервентов. Осенью того же года без сопротивления пала Варшава, затем Краков и другие польские города, позже власть Карла признали все замки Королевской Пруссии, упорно сопротивлялись лишь немногие монастыри и города, в том числе Гданьск.

Иногда такую позицию объясняют сравнительно новым бытом шляхты и магнатов в предыдущую эпоху: «Этот слой, который проживал в своих имениях и уже успел отвыкнуть от оружия и придерживался архаичных взглядов, был готов встать [только] на защиту своей идентичности. В действительности он защищал лишь собственные иллюзии, но это уже другой вопрос. Ему не хватало понимания связи между сословным интересом и интересом государственным, не хватало образованности — не в смысле широко понимаемой эрудиции, но в смысле знания окружающего мира и патриотического воспитания. И в саксонскую эпоху не было недостатка в образованных людях, побывавших за рубежами

Польша, но образованность тогда еще не влияла ни на состояние нравов в обществе, ни на развитие патриотических чувств»²⁴.

Но вот до шляхты дошло, что Карлу X не к чему сохранять ее «золотую вольность», и тогда-то началось вооруженное сопротивление (ноябрь 1655 г.). Его поддерживали крестьянские восстания, превратившиеся в широкое партизанское движение, причем практически на всей оккупированной территории Речи Посполитой. Центром сбора регулярных войск стали местности под Львовом, начались сражения — пока не в пользу поляков, отчасти и оттого, что в шведскую армию влились отряды под командованием А. Конецпольского, Д. Е. Вишневецкого и блестящего полководца Яна Собеского (правда, в начале 1656 г. они покинули Карла). Однако на помощь польским отрядам двинулся великий гетман литовский П. Сапега, и уже в марте соединенное войско нанесло серьезный урон шведской армии. Одновременно собравшееся великопольское гражданское ополчение истребляло небольшие шведские гарнизоны, оставленные в городах и местечках, а в июле была освобождена Варшава. Тем не менее в 1657 г. Карлу и вступившему к тому времени с ним в союз трансильванскому князю Дьёрдю II Ракоци удалось снова взять, разграбить и сжечь польскую столицу. Перелом наступил лишь летом того же года, когда на стороне Польши выступила Дания, объявив войну Швеции, — и Карл стал спешно уводить войска на север, снимая городские гарнизоны и напоследок опустошая польские земли. Датчане дорого заплатили за свою помощь полякам — в июле Карл занял всю Ютландию, но тем же летом сдался и подписал мирный договор Ракоци, что стало большим облегчением для поляков, как и выступление им в помощь 17-тысячной австрийской армии, а также мирный договор с Бранденбургом, до того выступавшим на стороне Швеции.

В октябре перешедшие в наступление поляки заняли шведскую Померанию и вторглись в Лифляндию, осадив Ригу, а в начале 1658 г. перенесли военные действия в Королевскую Пруссию. Осенью же объединенная австро-бранденбургско-польская армия переправилась через Одер и выступила в помощь Дании. В 1659 г. сражения союзных войск со шведами имели место в основном на датской территории, хотя шли бои и в Королевской Пруссии, и в Курляндии. Наконец в мае 1660 г., уже после внезапной смерти Карла X, в Оливском монастыре под Гданьском был заключен мир. Согласно его условиям за Швецией были закреплены Эстляндия и большая часть Ливонии, кроме Курляндии, которая осталась в вассальной зависимости от Речи Посполитой. При этом Польша и Швеция подтвердили независимость Пруссии. Конечно, тяжелейшим следствием этой войны стало небывалое разорение республики. Но не менее

важным для будущего державы стало полная ликвидация польской реформации и изгнание из страны протестантов, игравших до того, в течение полутора столетий, исключительно важную роль в польском просвещении и культуре²⁵.

Изложенные выше события обострили между тем неновую уже проблему экзистенциального кризиса Речи Посполитой — его признаки можно проследить на рубеже XVI–XVII в., в годы правления Сигизмунда III. Этот процесс не был связан, как обычно полагают, с введением сеймового права *liberum veto*. До него черед дойдет только в 1652 г. Истоки кризиса следует искать в иной области: свободные выборы короля после угасания династии Ягеллонов вели к выборному неравноправию, к сговорам между дворянством и сословиями, что ослабляло единоначалие монарха и подрывало эффективность управления державой. Для польского дворянства король представлялся не как господин, но лишь как некий партнер, разделявший с шляхтой и магнатами привилегии и концессии. И, повторяем, эти дворяне именно себя отождествляли с нацией, игнорируя национальные интересы, даже когда на кону стояла судьба державы.

Имела место и еще одна, более глубокая и общая причина упомянутого кризиса, похоронившего надежды на будущее Польши как балтийской империи, — это ликвидация польского протестантизма²⁶. Имеется в виду, что если *в то время и в этом пространстве* мог существовать исходный актуальный и общепопулярный импульс для имперской идеи, то им был протестантизм. Не могло существовать (опять-таки, в то время и в этом пространстве) имперской идеи, которая не была бы евангелической. Что, конечно, трудно представить сегодня, имея в виду современную лютеранскую церковь — но тогда религию еще воспринимали серьезно. Вероятно, протестантизм, как на редкость тяжеловесная, глубокая и бесцеремонная конфессия, в значительной мере содействовал секуляризации общества — являясь как ее субъектом, так и жертвой. Речь шла о существенных вопросах политической теологии. Ведь требование свободы веры и совести обрело свою силу из содержания этой веры и этого сознания. Что вело протестантскую церковь к совсем другим соображениям и интересам — стратегическим, экономическим, династическим или политически-силовым. Даже полтора века спустя, в разгар Просвещения, признанно свободный дух и религиозная терпимость Фридриха Великого не мешали ему видеть Пруссию в форме, само собой разумеется, протестантской державы.

Как парадоксально это ни звучит, вполне возможно представить себе Польшу как ведущую и великую евангелическую державу европейского Северо-Востока. Ведь Реформация, не ограничиваясь Пруссией и немец-

коязычными городами, первоначально обрела прочную опору именно в Польше. И Контрреформация не отвоевала у польских сословий слишком уж много из утраченного. Да и сильный православный элемент в стране говорил в пользу терпимости, свойственной аугсбургскому религиозному миру гораздо более, чем католическому. Возможно, в качестве имперской идеи такой уровень толерантности и не стал бы примером для остальных протестантских стран балтийского пространства²⁷. Но продолжение существования Польши как великой балтийской державы могло быть им обеспечено — по крайней мере, до тех пор, пока польское господство над протестантскими регионами, как Прибалтика и Пруссия, казалось бы им терпимым или даже привлекательным. Но Сигизмунд III проводил Контрреформацию так, что протестанты были загнаны в угол и о конфессионально сбалансированном сосуществовании его подданных и речи не стало. Религиозная терпимость превратилась вместо основного принципа государства в аварийную меру против его преждевременного распада, но позже и она была (за небольшими исключениями) все более ограниченной, а впоследствии вообще сошла на нет.

Именно католицизм разрушил и ролевое сознание Польши как многонациональной державы, и ее позицию великой державы. Польша самоизолировалась в Балтийском мире, утратив способность к союзной политике и борьбе за равноправие, не говоря уже о господстве в этом пространстве. Вместо этого она сделала из себя нечто искусственное и неорганичное, превратилась в ответвление не столь уж соседнего, но иного и чуждого пространства, такого контрварианта Балтийского мира, как придунайский. Ибо в ином, существенно определяемом Габсбургами пространстве для Польши не нашлось собственной роли, она считалась в нем периферией.

А с балтийской точки зрения она превратилась в брешь, открытую для политической интервенции чуждых сил, прежде всего габсбургских или французских. И тогда начался постепенный переход Речи Посполитой с позиции самостоятельного и влиятельного в Европе силового фактора к пустому объекту европейской политики. Впервые с полной отчетливостью это проявилось уже на вестфальских переговорах, процессе, сравнимом с Венским конгрессом. Польша участвует в нем, но ничего не решает, ее просто ни о чем не спрашивают, чуть ли не игнорируют. Что же касается морской торговли, то когда Ян III пытался в конце 1670-х гг. занять хотя бы скромное, но самостоятельное место в балтийской коммерции (пользуясь поддержкой Франции), то против этого восстала шляхта, готовая на любые контрмеры «вплоть до замыслов детронизации» своего короля²⁸.

Окончательно же зависимость польской политики от внешних факторов стала явной уже в эпоху Северной войны, когда Петр I указывал Августу II векторы его политики, и тот не смел ослушаться. Разруха, связанная с этой войной, могла быть ликвидирована усилиями польских реформаторов (такие еще имелись). Но такие перемены стали невозможны, поскольку это было бы не в интересах ее российских протекторов. В 1734 г. Петербург во второй раз сместил законно избранного на сейме Станислава Лещинского и посадил на трон свою саксонскую марионетку Августа III. Теперь политику Польши определял Дрезден, а политику Дрездена — Петербург. Речь Посполитая перестала существовать как субъект национального права, а фактически и как политическое государство задолго до ее разделов²⁹.

И — снова парадоксальный поворот событий — именно Россия отсрочила неминуемый раздел Польши, введя ее в унию с Саксонией. Но группировки магнатов и шляхты в собственных интересах срывали все намечавшиеся абсолютистские притязания Августа II и какие-либо попытки превратить польско-саксонскую унию из фантома в действительность. «Им в этом помогали европейские монархии: Швеция, Австрия, Франция и Россия, хотя каждая из них преследовала при этом свои цели. К моменту смерти Августа II (1 февраля 1733 г.) Речь Посполитая оказалась в глубоком кризисе. Она была не способна не только действовать, но даже мыслить о собственном спасении. Казалось, что ее граждане охвачены равнодушием и апатией ко всему, что не совпадало с их личными интересами». Сама по себе мысль о польско-саксонской «империи», едва ли менее основательная, чем о польско-шведской, оказалась нереализуемой как для Саксонии, так и для Речи Посполитой; на первую уния взвалила тяжкое бремя войн в интересах польской короны но и вторую, в конечном счете не спасла.

А в 1791 г. полномочный посол в Гааге М. К. Огинский, выражая точку зрения польской партии «патриотов», прощупывает в Лондоне почву относительно возможности передачи Австрии Гданьска и Торуня — в обмен на Галицию. Эта сделка не удалась единственно из-за нежелания Лондона такого усиления Вены³⁰, но миссия Огинского продемонстрировала Европе окончательный отказ Речи Посполитой от защиты своих интересов на Балтике. В масштабе Балтийского мира такой сдвиг в общеимперской массе был, конечно, недостаточным для того, чтобы перераспределить весовые приоритеты приморских стран. И всё же возникла проблема, когда в этом пространстве его географическая середина и политический центр тяжести перестали совпадать. Теперь должны были активизироваться державы, претендовавшие на имперское наследие

Польши, причем действуя из эксцентричных позиций. Поскольку же великодержавная Польша ранее играла роль щита Запада со стороны Востока, то прежде встал вопрос, возможно ли найти ей замену иначе, чем распустив саму Речь Посполитую и заменив ее другими силами: именно теперь нужда в таком щите виделась гораздо большей, чем веком раньше. Ибо еще на рубеже XVIII в. актуализировался совершенно новый фактор: Россия оказалась не за дверями континента, но распахнула их, вступив в европейскую историю.

А если искать не политическую и не этнопсихологическую, а структурную причину коллапса Речи Посполитой, то она куда более проста. Как считает австрийский ученый, дело было в несовершенстве, неполноте польского абсолютизма, режима, в ту эпоху для европейских стран оптимального³¹. Даже самые талантливые и «национально мыслящие» личности на польском троне, активно стремившиеся, среди прочего, сделать королевство балтийской державой (напр., Владислав IV), не были в состоянии преодолеть глухое сопротивление не только сейма, но и, по сути, всей *неморской* нации³². И эта стена становилась с течением времени все выше и прочнее. Ведь если в позднее Средневековье в выработке внешней политики участвовали сословия или отдельные представители элиты, то в XVIII в. во всех европейских державах был уже конституирован суверенитет монархов, которые и стали главными, если не единственными, акторами в концерте государств. А где этого не было достигнуто, как у королей Польши или цесарей империи, там автономные сословия или отдельные князья не только игнорировали государственный интерес (в нашем случае — важнейший балтийский вектор развития), но и могли вступать в союз с внешнеполитическим противником, что ослабляло страну и содействовало разделу Польши и империи. Попытки развить территориальное многообразие до действенной в правовом и иных смыслах, живучей федерации или же оздоровить наличествующие парламенты актуальными реформами раз за разом проваливались. И в конце концов, не только Польша была разделена между абсолютистскими государствами, но и венскую империю развалила французская экспансия.

На протяжении всего XVIII в. шли негативные перемены в среде, фактически определявшей политику Речи Посполитой в Европе и, в частности, на Балтике. Имеется в виду многочисленная шляхта. Былая активность сменилась у нее настроениями самодовольства и апатии. Шляхта попросту тупела от столь длительного безделья и гомерического разгула. Уже в начале XVIII в. из крупных дворян безграмотными было 28 %, из среднезажиточных — 40 %, и в среде мелких шляхтичей (голоты) — все 92 %. И даже столь дорогой для нее инстинкт свободы сменяется узким

эгоизмом. Традиционное мышление в категориях государства и сословия деформировалось, наконец-то сказалось многовековое пребывание основной части шляхты в роли клиентелы при магнатах. Произошел массовый психологический слом, в результате которого на первый план вышла лояльность прислужника. Всегдашняя уникальная открытость шляхетской культуры уступила, под влиянием идей сарматизма, самоизоляции, распространению консервативных умонастроений. А психологические метаморфозы роковым образом совпали с ухудшением хозяйственного положения страны.

Ранее экономические проблемы были уделом крестьян и ремесленников. Теперь они стали всеобщими. Привычное равновесие в отношениях Речи Посполитой с окружающим миром оказалось нарушенным. Если былая роль аграрного тыла Европы приносила стране огромные выгоды, то в XVIII в. экономическое положение польских землевладельцев ухудшилось. Основной товаропроизводящей единицей стал консервативно-барщинный фольварк. Росло число безземельных крестьян (халупников и коморников). Не имея средств к существованию, они массами бежали за рубеж. С каждым десятилетием польский фольварк все более отставал от требований современной экономики, что все заметнее сказывалось на положении ремесленного производства и городов. И если во всей Европе всюду шел процесс урбанизации, то в Польше разворачивалась рурализация городского социума и пространства. Бывшие ремесленники и разорявшиеся мелкие торговцы приобретали в форштадтах земельные участки, на которых хоть как-то можно было прокормиться, устраивая огороды и содержа молочный скот. Поэтому к концу столетия экономическая, религиозная, культурная, военная и международная ситуация оказалась здесь тяжелее, чем в конце XVI в., в первые годы Речи Посполитой. Тучные годы, стабильность аграрных сверхдоходов развратили шляхту, давно утратившую способность к стратегической оценке ситуации. Города обнищали, и даже балтийская торговля захирела — на европейских рынках зерно стало дешевле, чем производимое в фольварках, основанных на крепостном труде³³. «Аграрная игла», о которой уже упоминалось, сломалась в своем основании, чего рано или поздно можно было ожидать.

Итак, у разделов Польши XVIII в. имелись как внешние, так и внутренние причины. Некоторые из них названы выше, а духовно объединяла их все та же национальная идея сарматизма, третьего пути, ведущего к изоляционизму и мессианству³⁴.

О трагических итогах выбора этого пути — ослаблении нации, параличе и распаде некогда могучей, единой державы — говорить было бы

излишним, они общеизвестны. А заставляет вспомнить о нем его острая актуальность в современности. Причем речь идет не только о столь популярной ныне идеологии евразийства — но о ней прежде всего. Впрочем, здесь сарматизм нас интересует лишь как один из основных факторов, не позволивших Польше стать балтийской державой, причем далеко не последнего ранга.

¹ Дэвис Н. Сердце Европы. М.; Вроцлав, 2009. (далее: Дэвис, 2009).

² Дипломатическая помощь была оказана, поскольку у Кристиана III были в Лифляндии и свои интересы. Уступая в 1346 г. Эстляндию ордену, датские короли оставили за собой право верховного суда. Кроме того, уже велись переговоры с лифляндским епископом Эзеля о продаже Дании островных и материковых владений епископства. В 1559 г. сделка завершилась, и они были переданы во владение брату короля герцогу Магнусу (*Petersen K. Danmarkshistoriens Hvornår skete det: fra istiden til 1960 år for år. København, 1969. S. 161*).

³ Подробнее о Люблинской унии см.: *Dembkowski H. E. The Union of Lublin: Polish Federalism in the Golden Age. Boulder, 1982*.

⁴ Этот устойчивый стереотип, возникший под пером отечественных историков, был сформулирован еще в XIX в. (*Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. Т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893*), но развёрнут и структурирован уже в советское время (*Королюк В. Д. Ливонская война. М., 1954*). Иногда даже утверждалось, что московская экспансия в Ливонии была прорывом некоей ее «блокады», организованной Западом (*Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 18, 20*).

⁵ В 1567 г. на Балтике действовало около 30 королевских каперов (*Topolski J. Polska w czasach nowożytnych. Od środkowoeuropejskiej potęgi do utraty niepodległości (1501–1795). Poznań, 1994. S. 205* (далее: *Topolski, 1994*). Но после смерти Сигизмунда Августа эти корабли сгнили. В 1573 г., когда на польский трон претендовал Генрих Валуа, сейм поставил условием его избрания строительство польского флота. И Генрих такое обязательство дал, подписав обычный акт (*pacta conventa*). Другое дело, что он его не выполнил, бежав из своего королевства во Францию.

⁶ С 1572 г. выборные короли Польши короновались лишь после клятвы гарантировать право шляхты объявлять войну, утверждать налоги, заключать соглашения с другими государствами, определять внешнюю политику в целом. Король становился с тех пор слугой шляхетства, он находился в ситуации связанного договором управляющего, не обладая властью даже конституционно ограниченного монарха, как это было в Англии. То есть Речь Посполитая являлась сословной монархией.

⁷ Более того, гданные горожане препятствовали созданию общепольского флота — когда к этому имелась возможность, например, при Сигизмунде III (*Topolski, 1994. S. 206*).

⁸ Польша еще при Сигизмунде Августе обладала весьма протяженной береговой линией (около 1000 км), где имелось немало бухт, пригодных для портового строительства, что не было использовано ни государством, ни местным населением (*Topolski*, 1994. S. 205).

⁹ Некоторые аналитики считают, что в пренебрежении возможностями балтийской торговли играл свою роль и финансовый фактор: располагая уникально протяженной сухопутной границей, казна тратила на ее охрану огромные средства, которых не хватало на морское строительство (*Alten J. Weltgeschichte der Ostsee*. В., 1996. S. 16–17. (Далее: *Alten*, 1996)).

¹⁰ Это духовное течение представляло собой особую форму барочной культуры и идеологии, доминировавшую в Речи Посполитой в XVI–XIX вв., хотя истоки ее прослеживаются еще в эпоху Ренессанса. С середины XVI в. польские гуманисты начинают высказывать мысль о том, что польская шляхта происходит от сарматов. То есть древнего степного народа, первоначально обитавшего на территории современного Ирана и известного из греческой и римской историографии. К XVII в. этот тезис стал основой «сарматской» идеологии польской знати — своего рода социального расизма: потомками сарматов считались дворяне, но отнюдь не простонародье, которое относили к «второсортным» славянам и литовцам. То есть шляхта отказалась от своего славянского первородства, возведя свои корни к ираноязычным сарматам, явственный след которых найден археологами в Венгрии, Сербии и даже Англии, но, к слову, до сих пор не обнаружен на территории Польши.

¹¹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 219 (Далее: *Тымовский и др.*, 2004).

¹² *Klimowicz M. Literatura oświecenia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1990. S. 9.

¹³ *Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой*. М., 2002. С. 17. См. также: *Słownik sarmatyzmu: idée, pojęcia, symbole*. Warszawa, 2001.

¹⁴ <http://www.liveinternet.ru/tags/%25F1%25E0%25F0%25EC%25E0%25F2%25E8%25E7%25EC/> (дата обращения: 10.03.2015 г.).

¹⁵ *Frost R. W sprawie zachodniej techniki wojskowej w okresie Wojen Północnych (1558–1721) // Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej*. Toruń, 2002. S. 295.

¹⁶ Этот путь — духовного противопоставления или же элементарной дихотомии «свой-чужой» на низшем, биологическом уровне — поразительно живуч. Что неудивительно: когда засыпает аналитический разум, пускает ростки всевозможная архаика. Приведем характеристику идеологии такого рода, вполне современной, но странно созвучной давно почившему сарматизму: «Биологическая дезориентация на уровне главного принципа „свой-чужой“ равносильна гибели и прерыванию всей эволюционной цепи. Любые системы ценностей, оспаривающие сам этот принцип, подобны смертоносному вирусу, единственной целью существования которого и является убийство живой системы, в теле которой он паразитирует» (*Авдеев В. Б., Севастьянов А. Н. Раса и этнос*. М., 2008. С. 149).

¹⁷ *Topolski*, 1994. S. 35.

¹⁸ *Vetulani A.* Walka Polski w wiekach średnich o dostęp do Bałtyki. Warszawa, 1954.

¹⁹ В Европе 1550–1660 гг. на выработку политических решений оказывали влияние 4 ведущие категории (*Leitkategorien*) или максимы: династия, государственный интерес, религия и традиция. При этом центральной из них была категория именно религии (*Schilling H.* Konfessionalisierung und Staatsinteressen: Internationale Beziehungen 1559–1660. Paderborn, 2007. S. 396–399). Впрочем, касаясь эпохи Густава II Адольфа, один из крупнейших шведских писателей полагал, что в качестве повода для начала (и продолжения) военных действий религию и политику «в те годы вообще трудно было отделить друг от друга» (*Moberg V.* Vantro artikler. København, 1974. S. 17).

²⁰ *Сыгел У.* Польско-шведская война 1600–1629 гг. // Балтийский регион — конфликты и сотрудничество. Путь из прошлого в будущее. Таллинн, 2004. С. 373–374.

²¹ *Тымовский и др.*, 2004. С. 224.

²² Мир со Швецией на 26 лет был заключен 12 сентября 1635 г. в Штумдорфе. По его условиям Польше возвращалась Пруссия, а Ливония оставалась в руках шведов.

²³ *Флоря Б. Н.* Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С.18.

²⁴ *Тымовский и др.*, 2004. С. 255.

²⁵ История «Потопа» в различных аспектах, а также его последствия для Речи Посполитой более подробно рассмотрены в сборнике статей: *Polens krig med Sverige 1655–1660.* Stockholm, 1973.

²⁶ *Alten*, 1996. S. 44.

²⁷ Католики-иностранцы, да и кальвинисты тоже, со смешанным чувством удивления и презрения называли толерантную Польшу «землей без костров».

²⁸ *Wójcik Z.* Dyplomacja polska w okresie wojen drugiej połowy XVII w. (1648–1699) // *Historia dyplomacji polskiej.* Т. II. Warszawa, 1982. S. 186.

²⁹ Впрочем, не стоит забывать, что и в ходе разделов в Польше нашлось немало патриотов в старопольском смысле слова, и для победы над ней потребовались объединенные усилия трех мощных государств — прежде всего России. Между прочим, в начале 1790-х гг. российской армии под руководством гениального Суворова и трехкратно превосходившей плохо обученных польских ополченцев и солдат потребовалось более года, чтобы подавить движение сопротивления под водительством Костюшко и Понятовского.

³⁰ *Libiszowska S.* Misja Ogińskiego w Londynie // *Wiek XVIII. Polska i świat.* Warszawa, 1974. S. 178.

³¹ *Nolte H.-H.* Nations- und Staatenbildung — Parlamentarismus und Absolutismus // *Ostsee 700–2000 / Herausgeg. von A. Komlosy, H.-H. Nolte, I. Sooman.* Wien, 2008. S. 76.

³² Польша еще при Сигизмунде Августе обладала весьма протяженной береговой линией (около 1000 км), где имелось немало бухт, пригодных для портового строительства (*Topolski*, 1994. S. 205), но оно было никому не нужно ни тогда, ни позже.

³³ Дэвис, 2009. С. 319.

³⁴ Впрочем, не стоит забывать, что и в ходе разделов в Польше нашлось немало патриотов в старопольском смысле слова, и для победы над ней потребовались объединенные усилия трех мощных государств — прежде всего России. Между прочим, в начале 1790-х гг. российской армии под руководством гениального Суворова и трехкратно превосходившей плохо обученных польских солдат потребовалось более года, чтобы подавить сопротивление поляков под водительством Костюшко и Понятовского.

А. И. Чепель

ШВЕДСКО-РУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ СТОЛБОВСКОГО МИРА: ОПРАВДАНИЕ И САМООПРАВДАНИЕ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

После проведения новой шведско-русской границы (по результатам Столбовского мира) двусторонними соглашениями было установлено, что для легального перехода границы необходимо получить у властей своей страны разрешительный документ — «проезжую грамоту» и предъявить ее приграничным властям соседней страны для получения «проезжей» из их рук. При отсутствии такого документа человек, пересекавший границу, признавался нелегальным мигрантом — перебежчиком, независимо от мотивов перехода.

Тем не менее приграничные администрации по обе стороны границы зачастую пренебрегали столичными договорунностями. Они были вынуждены, с одной стороны, блюсти букву закона и пресекать нелегальные миграции, а с другой — не допускать обострения обстановки на рубеже, оказывались в определенном смысле между молотом и наковальней. В этих условиях приграничные администраторы зорко следили за просчетами своих визави по другую сторону границы, а свои промахи старались всеми силами обелить. Опасной практикой в этом аспекте были попытки оправдать «своих» перебежчиков перед приграничными властями соседней страны. Такие действия постепенно формировали у порубежного населения ощущение вседозволенности, нормальности неисполнения юридических норм.

Рассмотрим на конкретных примерах подобные попытки и попытаемся определить их мотивы, а также проследим, какое влияние оказывало такое поведение властей на приграничную обстановку.

В 1619 г. на границе был задержан крестьянин, который русскую «заставу учал было обходить лесом». Расследование показало, что он — царский подданный, крестьянин Савка, который был завербован шведами, когда ходил к брату Поташке в шведские владения, в Ивангород, «пови-

датца». Зарубежный родственник исправно служил шведской администрации: «И брат <...> ево про него объявил Свейскому маршалку <...>, и маршалок <...> послал его, Савку, к Москве проведать <...> вестей, и дал ему денег на дорогу полтора рубли. А проведав <...> вести, велел ему маршалок быть у себя в Ивангород». Русские власти заявили претензию по поводу вербовки царского подданного для нужд шведской приграничной администрации. В оправдание лазутчика шведские власти заявили, что посылали Савку «для вестей наших обчих недругов поляков радеючи»¹. «Маршалок», оправдывая завербованного лазутчика, ссылаясь на бывшее во многом последствием Смутного времени нестабильное положение в приграничье вследствие присутствия там польских отрядов, одинаково опасных для населения по обе стороны шведско-русской границы².

В 1626 г. из русских владений на шведскую территорию перебежала царская подданная, вдова Марья Миронова, и вышла там замуж за подданного шведского короля. Причина ухода за рубеж банальна: вдова осталась без средств к существованию. После смерти мужа зять и сыновья согнали ее со двора. Русский воевода боярин Иван Одоевский стал требовать ее назад, как нелегально пересекающую границу, как перебежницу. Шведский комендант («державец») Нильс Ансон ответил следующее. Вдова эта «родилась на нашего короля стороне», а потому и пришла она к своему племени, с ними повидаться, и у них кое-чего просить, чем бы ей прокормится». Оказалось, что эти ее родственники теперь живут в шведских владениях, и вдова вынужденно попала в разряд перебежчиков. Заграничные родственники «учали думать, чем ей какую помощь учинить», и в конце концов «выдали ее замуж и учинили свадьбу, и поп русский именем Кондратий венчал их. И то те крестьяне учинили по христианскому обычаю. Да и подобает на обе стороны христианам такую любовь и законное дело чинить», — уверял русского воеводу шведский комендант. Далее шведский «державец», отвечая на требование воеводы вернуть перебежницу, продолжал: «И мне то в подивленье, что ты о том ко мне пишешь, что то учинилось против мирного договора. Мне видится, что сделалось это к покрепленью, и к любви, и к совету». И дальше комендант выговаривает воеводе, словно поучая его: «Может то быть, что ты преждего про то не слышал и о том деле не ведаешь, что порубежные мужики», приходившие с царской стороны, «женивались у нас <...> на вдовах и на девках, на поповских дочерях и на иных простых людей дочерях и отвозили с собою за рубеж по соседственной любви». «Державец» даже грозил воеводе: «И будет тебе такое законное дело недобро повидитца и соседственна приательства не залюбишь, и вперед такого не хочешь терпеть, и я с своей стороны так же такого любви и приательства против

того не стану учиняти. И везде закажу, чтоб никто» со шведской стороны не осмелился «после сего дни давать дочь свою или вдову замуж <...> как преж сего бывало», на царскую сторону. Комендант уверял воеводу, что не подобает новобрачную «назад просить и с мужем разлучить и законный брак рознити», и требовал: «А если ты однолично хочешь ее с мужем разлучить и хочешь, чтоб я тебе ее прислал, и мое к тебе соседственное прошение, чтоб ты всех тех вдов и девок, которые во многие лета преж сего законным делом к вам за рубеж перешли, к нам назад <...> безо всякого отговору отдал»³.

В этом послании шведский комендант поднимает важные проблемы, сильно осложнявшие положение в приграничье. Шведы систематически упрекали русских в том, что те удерживают на своей стороне перебежчиков посредством крещения в православную веру. За крещением нередко следовал семейный союз с царской подданной⁴. В рассмотренном эпизоде комендант явно стремился попенять воеводе на такую практику, при этом признавая зеркальную ситуацию, как ни странно, вполне «законным делом». По сути, шведский «державец» признавал право приграничных жителей нелегально пересекать границу. Кроме того, комендант специально привлекал внимание воеводы к тому факту, что на шведской стороне есть возможность свободно отправлять религиозные обряды по православным обычаям, стараясь выбить у русской стороны их идеологическое оружие — обвинение в ущемлении православной веры на шведской территории. Как ни старался «державец», царский указ воеводе Одоевскому расставил всё на свои места. Он гласил: «Напиши державцу, чтоб он беглую крестьянку <...> прислал к нам, потому что та жёнка <...> сбежала с нашей стороны». А шведский крестьянин пусть не рассчитывает на счастливую семейную жизнь: он «женился на ней, ведая, что она беглая»⁵. Таким образом, в этом случае дело было разрешено точно по букве закона.

В 1653 г. посадские торговые люди из Пскова отправились на ярмарку в принадлежавший Швеции Юрьев-Ливонский «со всякими неявленными товарами», и псковский воевода, стремясь предотвратить контрабандную торговлю, отправил за ними погоню. Преследователи контрабандистов «до рубежа не угнали», потому что ехали сухим путем, а торговцы — «водяным путем», на судах. Увлечшись погоней, преследователи вторглись на шведскую территорию — прибыли прямо на ярмарку в Юрьев-Ливонский. Русские контрабандисты стали искать заступничества у шведских властей, в чьей юрисдикции они оказались: «по челобитью русских воров, которые, ведая свою вину, что у них неявленные товары», комендант Юрьева велел вывести погонщиков с ярмарки. После этого их

«лаяли и бесчестили, и держали за приставами <...>, пока русские воры свои товары зарубежским латышам распродали», не позволив осмотреть и переписать контрабандные товары. Когда псковичи сбывли все товары, шведские власти Юрьева Ливонского «отпустили погонщиков с бесчестьем».

Русские власти попытались возмутиться «бесчестьем» воеводских «погонщиков», оправдывая свои действия необходимостью наказать контрабандистов. Но «державец» Юрьева в ответ отправил псковскому воеводе гневное послание: «Яз с подивленьем выразумел, что ты свое простое просмотренье хотя покрасить и очищать, дерзаешь. А как тебе самому в своей мысли розсудити мочно, во что бы то поставил, только бы некоторые ее королевина величества люди здесь сделали. И приехав бы во Псков с обысканьем и пересматриваньем судов смуту б на ярманке учинили. И ты бы их однолично велел переимать и в тюрьму кинуть. А хотя и добрую причину имел, и по прямому можно было мне дополна над твоими обоими посланными, которые здесь обыскиванием судов насильство и на ярмарке меж людьми смуту учинили, как есть миропреступникам наказанье учинить. Однако яз того не учинил, а положил то на их простоту и недоразуменье, для добрые соседственные дружбы им первое время наказанье не учинил, и так пропустил. А ныне по твоему писанию супротивно чаяния, я выразумел, что ты сам им приказал в королевской земле насильство учинить, и проезжих русских людей как есть в русской земле обыскивать велел. И потому мы твою проделку и просторожку ноипаче видим». Комендант негодовал, что псковский воевода требовал наказать тех шведских проданных, которые арестовали погонщиков, «будто его посланные в том неподобном деле великое право имеют, и по делу то учинили». Комендант продолжал: «И королева о том твоем невежливом зачинанье к царю отписать велит. И тогда тебе тяжело будет в том деле отвечать, потому что в том меж подданными не только что великое смятенье чинилася было, но и учиненному мирному договору <...> великая досада и обида учинилась. И я тебе по сем еще соседственно воспоминаю, чтобы тебе вперед от того остерегатца и людям своим так делать не приказывать, но людям своим за то наказанье учинить, и сие свое неподобное дело и неостереганье тем справить»⁶.

Таким образом, «державец» вполне правомочно и справедливо, согласно международным соглашениям, обвиняет воеводу во вмешательстве в шведские внутренние дела, напоминая, что такая «полицейская операция» в зоне юрисдикции соседнего государства превращает русских «погонщиков» в угрозу мирному договору — в «миропреступников». Видим, что в этом случае попытки псковского воеводы оправдать

отправленных им «погонщиков», нелегально пересекших границу, благими намерениями — необходимостью во что бы то ни стало поймать контрабандистов обострило обстановку в приграничье вплоть до того, что шведский комендант увидел в этих действиях угрозу мирному договору, сохранить который стремились и Москва, и Стокгольм.

Вскоре после Русско-шведской войны 1656–1658 гг. шведский подданный, крестьянин Фёдор Андреев, без проезжей грамоты пришел на русскую территорию, был задержан как перебежчик и выдан шведам. Несмотря на явное нарушение правил пересечения границы, здесь опять именно намерения послужили оправданием перебежчика в глазах шведской приграничной администрации. Оказалось, что крестьянин этот «был без проезжей и хотел своих детей навестить». Во время минувшей войны он и вся его семья были пленены и вывезены со шведской территории в Россию. Когда настало мирное время, «отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне Свейской <...>, он один с женою своею на свое старое житье пришел». Сыновья его, вопреки условиям договора, не были своевременно отправлены обратно в Швецию, что и вынудило Фёдора, по словам шведского коменданта, отправиться повидаться с сыновьями. Это намерение и позволило шведскому коменданту оправдать крестьянина: «Только ходил он не как перебещик»⁷.

С правовой точки зрения цель Фёдора Андреева не могла служить оправданием его нелегальных переходов как из русского плена домой, в шведские владения, так и к детям, в русские земли: и Валиесарское перемирие 1658 г., и Кардисский мир 1661 г. подразумевали определенную процедуру возвращения пленников — «выдачу», а не переход через границу без уведомления властей. Поэтому и в этом случае мнение шведского коменданта, высказанное в официальной переписке с русскими приграничными властями, размывало в умах порубежных жителей понятие границы. Отметим, что в рассмотренном эпизоде «державец» не случайно с гордостью отмечал верность присяге. Шведские власти в борьбе за население искали опору в священности присяге королю, именно потому, что нарушение присяги со стороны царских подданных, ставших после Столбовского мира шведскими подданными, не было редкостью.

Об особенностях миграций через границу тех, кто стремился уклониться от воинской службы, характеризует завязавшаяся в начале 1660-х гг. между шведскими и русскими пограничными властями переписка по поводу беглых солдат. Не посчитав нужным уведомить шведские власти, русский воевода отправил в шведское приграничье вооруженный отряд для поимки дезертиров, которые «сбежали и в порубежной деревне

укрываюся жили». В результате «царских подданных в государя великого короля в порубежной деревне беглых солдат» захватили и пытались вывезти в русские пределы. Шведский генерал, прознавший про эту операцию, которую можно характеризовать как вооружённый налет на земли соседней державы, отчитал своего русского коллегу: «По нашим рубежам русские беглые солдаты с стороны на сторону перебегают и держатца и всякое воровство чинят и тебе бы с русской земли надзирать <...> а не насильством ночью на наш рубеж приезжать и в королевских деревнях ворота и двери ломать»⁸. Шведский генерал указывал на неспособность русских пограничных властей задерживать беглых солдат до пересечения ими границы. С другой стороны, в его словах содержится и информация, повествующая также о неспособности (или нежелании) шведских приграничных властей прекратить миграции дезертиров: «с стороны на сторону перебегают». При этом комендант указывал на то обстоятельство, что русские «погонщики» целенаправленно ищут беглецов в деревнях, подвластных шведскому королю, то есть обвиняет русскую сторону в умышленном, а не случайном пересечении границы.

В заключение отметим, что, каковы бы ни были мотивы, приводившиеся шведскими и русскими приграничными властями в целях оправдания перебежчиков, сама по себе практика обосновать правомочность нелегальных переходов границы какими бы то ни было сиюминутными резонами в конечном итоге подталкивала порубежных жителей к нелегальному пересечению границы и в будущем, что дестабилизировало обстановку в порубежье.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1619 г. Д. 1. Л. 32–33.

² См., например: *Селин А. А. Ладога при Московских царях*. СПб., 2008. С. 83–86.

³ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 129–133.

⁴ См., например: *Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сб. материалов* / Сост. К. Якубов. М., 1897. Раздел. 2. № 2. С. 163.

⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. Д. 1. Л. 133.

⁶ Там же. 1653 г. Д. 1. Л. 62–72.

⁷ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 67–68.

⁸ Там же. Л. 125 об.–126, 144 об., 147.

Т. А. Базарова

РУССКО-ШВЕДСКОЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В СТАМБУЛЕ В НАЧАЛЕ XVIII в.

3 июля 1700 г. в Стамбуле русские посланники Е. И. Украинцев и И. Чередеев подписали мирный договор сроком на тридцать лет, закрепивший за Россией завоеванные в Азовских походах (1695, 1696) земли¹. Едва весть об этом достигла Москвы, Петр I объявил войну молодому шведскому королю Карлу XII.

С началом Северной войны (1700–1721) русские дипломатические интересы сместили с южных рубежей в сторону Западной Европы. Отношения с Османской империей отошли на второй план и в политике Петра I. Однако царю было жизненно необходимо поддерживать мирные отношения с могущественным южным соседом, что давало возможность направить все силы государства на войну со Швецией. По условиям Константинопольского договора (1700) России впервые в истории отношений с Османской империей получила возможность учредить постоянное дипломатическое представительство при Порте. В тринадцатой статье мирного трактата говорилось: «Для творения и подвижения на данных делах, буде когда надобно, будет резиденту царского величества у Блистательной Порты пожить...»²

В 1702 г. первым постоянным русским послом при Порте стал Петр Андреевич Толстой (1645–1729). Стольник не имел дипломатического опыта, однако участвовал в Азовских походах и во время двухлетнего путешествия по Италии освоил итальянский язык — основное средство общения иностранных дипломатов в Стамбуле³. Вместе с П. А. Толстым в Османскую империю в составе многочисленной свиты приехали посольские дворяне И. П. Толстой (старший сын Петра Андреевича) и В. И. Блеклый и подьячий Посольского приказа И. В. Небогатой. В состав русской дипломатической миссии также входили переводчик с латинского, греческого, итальянского языков Моисей Арсеньев, два толмача и священник⁴.

Одной из важнейших задач, которую поставил перед своим послом государь, было предотвращение военного выступления Османской империи против России. Несмотря на мирный договор, отношения между двумя государствами оставались напряженными (Порта не могла смириться с утратой Азова, а захват скота и полона являлись важной частью дохода и уклада жизни крымских татар). Уже в декабре 1702 г. турецкое правительство потребовало от Петра I уничтожить крепость Каменный Затон и военные корабли в Азове и Таганроге, прекратить строительство флота в Воронеже, а также приступить к пограничному размежеванию. Весной 1704 г. к этим требованиям добавили еще одно — разрешить постройку турецкой крепости на Днестре выше Очакова, что было запрещено по Константинопольскому договору⁵.

В течение нескольких лет П. А. Толстой неустанно убеждал Порту в намерении царя неукоснительно придерживаться статей Константинопольского договора. Он доказывал, что в Азовском море стоят лишь введенные туда до заключения мира военные суда, и заверял в готовности русского правительства немедленно начать предусмотренное мирным трактатом установление границ. Действительно, в октябре 1704 г. было произведено частичное разграничение земель двух государств. Тогда близ Азова со стороны Кубани насыпали каменно-земляные курганы («признаки»)⁶. Письменное соглашение («межевая запись») о границе появилось только 22 октября 1705 г.⁷

Длительное время П. А. Толстому удавалось сглаживать и другие наиболее острые русско-турецкие противоречия. На конференциях с турецкими представителями он обсуждал вопросы возмещения ущерба, нанесенного казаками греческим купцам, требовал прекратить набеги татар на пограничные земли, пытался наладить торговые отношения через Азов и т. д.

П. А. Толстой со временем разобрался в политической ситуации при османском дворе и в правительстве. Первыми информаторами П. А. Толстого стали православные греки, затем ему удалось склонить к сотрудничеству переводчиков и секретарей западноевропейских дипломатических миссий в Стамбуле. Петр Андреевич создал и постепенно расширил круг лиц из османских вельмож и чиновников, готовых оказывать за вознаграждение услуги русскому правительству. Он также установил дружеские связи с английским послом Р. Саттоном и голландским послом Я. Кольером, которые помогали советом и делились информацией.

В выполнении поставленных царем задач П. А. Толстому пришлось противодействовать направленному на разжигание войны с Россией влиянию на Порту французского посла Ш. Ферриоля, который обладал

авторитетом и значительным влиянием на османское правительство и султана. Петр Андреевич подчеркнул, что из всех европейских дипломатов при Порте «паче почтен посол французской в явном лице, а самую вещь турки зело ево ненавидят, понеже не могут ниже имети способ с ними жити за гордость французскую, и почитают его для того, что так требует политика в поведении, понеже французы так поступают с турками, чтоб ведали турки о силе их, а не устрашают их силою своею»⁸.

Русско-французские отношения в начале XVIII в. были сложными. В июле 1698 г. Франция заключила союзный договор со Швецией, а также поддерживала враждебного России претендента на польский престол Станислава Лещинского. Сблизившаяся со Швецией Франция стала открыто проводить антирусскую политику в Османской империи.

Между тем Порта пристально наблюдала за развитием политической и военной ситуации не только возле своих границ, но и в Северной Европе. В донесениях в Москву и статейном списке П. А. Толстой писал о приходивших в Стамбул из разных мест сведениях о поражениях, которые якобы терпела русская армия от шведов. Так, в июле 1704 г. посол сообщил Ф. А. Головину: «А ныне, государь, из Европы от некоторых наших неприятелей разглашается здесь, будто шведы в некоторых местах побили великого государя ратей»⁹. Для того чтобы противостоять наветам и развеивать подобные слухи, посол просил присылать в Стамбул подробные реляции о военных победах. Помимо этого, в том же 1704 г. П. А. Толстой попросил главу Посольского приказа Ф. А. Головина отправить к нему в Стамбул шведских пленных, чтобы «подарить ими склоненного» к тайной русской службе секретаря французского посольства А. Форнета и других «доброжелателей». Петр Андреевич писал: «...а паче, государь, оные желают в подарок баб немолодых для работы в своих домех. И ежели возможно, пожалуй, государь, прикажи полоняников ко мне прислать мужеска полу и женска, сколько воля твоя будет. И воистинно, государь, сие дело и у Порты возымется в великую похвалу о победах над неприятelmi и увидят сами явные победы свидетельства»¹⁰.

Именно «шведский фактор» сыграл решающую роль в обострении русско-турецких отношений. Попытки шведской дипломатии втянуть Порту в войну с Россией начались еще в первые годы XVIII в. Вначале шведы действовали через крымского хана Девлет-Гирея II и политических оппонентов Августа II¹¹. В 1706 г. заключение Августом II Альтранштедтского договора, его отказ от польской короны в пользу Станислава Лещинского, а также военные успехи шведской армии создали новую обстановку в Европе, повлиявшую на ход Северной войны.

В августе 1707 г. шведская армия выступила из Саксонии и начала свой поход в Россию. Еще в июле того же года в Стамбуле появился официальный представитель Станислава Лещинского галицкий стольник Самуэль Гурский. Он пытался добиться от Порты отправки татарского войска на помощь Станиславу Лещинскому, а в перспективе — заключения польско-турецко-шведского союза¹². Эта миссия окончилась неудачей, Порта отклонила предложения С. Гурского, а сам он был «отпущен не честно, можно сказать, что выслан силою»¹³. Как доносил в Москву П. А. Толстой: «...сия империя по многих советах и разсмотрениях утвердила держать мир с Российским государством»¹⁴.

Однако польско-турецко-шведские контакты продолжались через Юсуф-пашу силистрийского, резиденция которого находилась в пограничной османской крепости Бендеры. Осенью 1707 г. Юсуф-паша направил к шведскому королю Эреглили Мехмед-эфенди. Османский эмиссар встретился с Карлом XII в Торун, вручил послание Юсуф-паши и получил ответное письмо, в котором содержалась просьба о военной поддержке османами Станислава Лещинского и намерении шведов отправить своего посла в Стамбул. Вскоре это послание доставили в османскую столицу¹⁵.

Как отметил К. А. Кочегаров, П. А. Толстому не было известно, или он недооценил важность продолжения польско-турецко-шведских контактов (пусть и не в Стамбуле, а через пограничного сераскера) и потому не сообщил о них в Посольский приказ. В Москве о миссии Мехмеда-эфенди узнали не из донесений русского посла при Порте, а из писем И. С. Мазепы. В ноябре 1707 г. гетман сообщил Г. И. Головкину, что османские власти намеренно скрывали от П. А. Толстого поездку турецкого представителя в шведскую ставку¹⁶.

9 января 1708 г. русский посол получил царское письмо, в котором государь требовал выяснить подробности миссии С. Гурского и поездки Мехмед-эфенди к шведскому королю¹⁷. 13 января П. А. Толстой отправил своего переводчика Моисея Арсеньева к великому драгоману А. Маврокордато с вопросом о цели поездки Мехмед-эфенди¹⁸. На состоявшейся на следующий день встрече П. А. Толстого с рейс-эфенди снова зашла речь о миссии турецкого эмиссара. И А. Маврокордато, и рейс-эфенди попытались убедить русского посла, что Порта не имеет намерений вступать с кем-либо направленный против России военный союз¹⁹.

В конечном итоге П. А. Толстому удалось прояснить ситуацию контактов турок с Ст. Лещинским и Карлом XII и опровергнуть сведения, полученные лазутчиком И. С. Мазепы. Русский посол сообщил в Москву, что встревожившие государя контакты были инициированы не осман-

ским дипломатическим ведомством, а Юсуф-пашой, который за вознаграждение от Ст. Лещинского согласился отправить в Польшу официального представителя, «чем-де могли московских устроить, будто-де они имеют согласие с Портой». Как подчеркнул Н. И. Павленко, «налицо провокация, искусно подстроенная польской и шведской дипломатией»²⁰.

Расстановка сил при османском дворе существенно изменилась в 1709 г. После поражения под Полтавой шведский король разбил свой лагерь близ Очакова, а затем шведы перебрались в Бендеры, хорошо укрепленную турецкую крепость на берегу Днестра и резиденцию сераскера Юсуф-паши. Король поселился на окраине города в подаренном султаном Ахмедом III шатре и собирался дожидаться подхода своей армии, чтобы отправиться в Польшу для соединения с генерал-майором Э. Д. фон Крассау и Ст. Лещинским. С сообщением о своем прибытии на территорию Османской империи Карл XII направил к турецкому двору посла М. Нейгебауэра.

Еще раньше, из Очакова, Карл XII направил к крымскому хану своего постоянного представителя О. Кликовстрёма. Шведский король рассчитывал на помощь Девлет-Гирея в своих военных антироссийских планах. Как подчеркивал профессор В. Е. Возгрин, «Девлет-Гирей был единственным в Европе правителем, интересы которого в отношении России полностью совпадали со шведскими и который никогда не торговался с королем, а предлагал свою помощь на любых условиях»²¹. Действительно, Девлет-Гирей предложил королю свое войско, чтобы помочь шведам прибыть в Померанию. Однако Карл XII отклонил это предложение²².

Вскоре генерал-майор Ю. А. Мейерфельт принес королю печальную весть о гибели армии под Переволочной²³. В августе—сентябре 1709 г. Польша почти без кровопролития была очищена от шведских войск, а значительная часть приверженцев Ст. Лещинского перешла на сторону Августа II²⁴. Данные события внесли серьезные коррективы в планы Карла XII. С. Ф. Орешкова заметила, что с того времени «главное место в дальнейших планах шведского короля начинает занимать Турция»²⁵.

Посланник шведского короля прибыл в Стамбул 19 августа 1709 г. Появление при Порте представителя воюющего с Россией государства встревожило П. А. Толстого. В тот же день ему удалось узнать, что посланник Карла XII прибыл «с немногими людьми, приемность ему учинена по обыкновению посланников и поставлен на Галате на том же дворе, на котором прежде сего стоял посланник Станислава Лещинского, близ двора посла французского». 20 августа 1709 г. переводчик Гаспар Тест сообщил о полученном от проживавшего неподалеку от резиденции шведского посланника «приятеля» письме. Русский посол узнал имя шведского

посланника — М. Нейгебауэр и должность — «комарер» (камердинер)²⁶. В сентябре 1709 г. на помощь М. Нейгебауэру Карл XII отправил генерал-майора Ст. Понятовского. Шведские дипломаты настойчиво добивались от Порты заключения антироссийского военного договора²⁷.

Русское правительство осознавало, что пребывание в Османской империи Карла XII осложняет непростые отношения с турками и грозит нарушением мирного договора. Поэтому был предпринят ряд попыток добиться выдачи шведского короля и мазепинцев дипломатическим путем. Еще 10 июля 1709 г. Петр I послал турецкому султану Ахмеду III грамоту, в которой помимо сообщения о победах над шведами, одержанными под Полтавой и Переволочной, просил не пропускать перебравшегося через Днепр Карла XII через турецкие земли и выдать гетмана И. С. Мазепу «сь единомышленники ево, яко наших подданных»²⁸.

При султанском дворе и в правительстве появление шведского короля в пределах империи восприняли неоднозначно. Возникли споры о дальнейших действиях: сохранять ли мир с Россией или начать с ней войну в союзе с Карлом XII. На противоречиях различных группировок и попытался сыграть П. А. Толстой. 8 августа 1709 г. русский посол в Стамбуле П. А. Толстой доложил канцлеру Г. И. Головкину, что Карл XII «неизреченные соблазны туркам доносит и премногие дела им обещает, чтобы они встали войну против царского величества, в чем ему зело способствует хан крымской»²⁹. Русский посол также сообщал, что если бы великий везир пожелал заключить вечный мир, то ему можно его и пообещать с условием передачи шведского короля России. Он также рекомендовал «по всем дорогам короля швецкого стеречь, где будет возможно»³⁰. Однако сам П. А. Толстой сомневался, что турки выдадут короля, «ибо по закону их и ради стыда от других отдать ево невозможно, и не хотят»³¹.

Тревоги русского посла не были напрасными. Пять лет Карл XII с остатками своей армии находился под покровительством турецкого султана. В лагерь шведского короля у села Варница близ Бендер устремились казаки-мазепинцы, сторонники короля Ст. Лещинского, нередко туда навещались представители крымского хана. Пребыванием на турецкой земле Карла XII воспользовались и некоторые из ведущих западноевропейских держав (в первую очередь Франция), опасавшиеся роста политического влияния России. Уже в конце 1709 г. появились слухи о турецких военных приготовлениях и скором заключении шведско-турецкого союза против России. П. А. Толстому некоторое время удавалось противодействовать своим оппонентам. Переговорами, уговорами, а также значительными подарками великому везиру, а также муфти и другим

влиятельным персонам ему удалось добиться высылки шведского посла из Крыма³². Последней крупной дипломатической победой П. А. Толстого в Стамбуле стала грамота султана Ахмеда III о подтверждении мирного договора с Россией, отправленная в феврале 1710 г. Однако уже 9 ноября 1710 г. во многом под давлением шведской дипломатии султан Ахмед III объявил войну России.

¹ Текст договора опублик.: Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Т. IV: 1700–1712. № 1804. С. 66–72; Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПиБ). Т. I. СПб., 1887. № 318. С. 368–378.

² ПСЗ. Т. IV. № 1804. С. 71.

³ Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников отметили, что П. А. Толстой быстро овладел итальянским языком и в 1698 г. на Мальте обходился без переводчика, к концу своего путешествия он даже мог определять различные диалекты (*Ольшевская Л. А., Травников С. Н. «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699 / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М., 1992. С. 286–287.*

⁴ Российского государственного архива древних актов (далее: РГАДА). Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 1–2.

⁵ *Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 34, 53.*

⁶ Демаркацию границы проводили азовский губернатор И. А. Толстой и ачужский владетель Хасан-паша (*Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М., 2015. С. 7).*

⁷ Опублик.: ПиБ. Т. III. СПб., 1893. № 956. С. 469–472.

⁸ Русский посол в Стамбуле: Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в. / Сост. и авторы вступ. статьи и примеч. М. Р. Арунова, С. Ф. Орешкова. М., 1985. С. 81.

⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 311–311 об. В ноябре 1704 г. по указу Петра I завоеванную шведскую крепость Нарву показали турецкому посланнику Нагайле Мустафе-аге. 24 ноября в Нарве состоялась его отпускная аудиенция Шлотбурге (*Базарова Т. А. Визиты иностранных посольств в Ингерманландию в 1703–1704 гг. // Петербург и страны Северной Европы: Материалы 14-й ежегодной международной научной конференции. СПб., 2013. С. 93).*

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1704 г. Д. 3 л. 311.

¹¹ *Возгрин В. Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами и турецким султаном в годы Северной войны // Скандинавские чтения 2008 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты: Сб. ст. СПб., 2010. С. 99.*

¹² *Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в начале XVIII в. (1700–1709 гг.) // Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 262.*

¹³ ПиБ. СПб., 1912. Т. VI. Примеч. к № 2094. С. 493.

¹⁴ Там же. С. 492.

¹⁵ *Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 54–55.*

¹⁶ Кочегаров К. А. Гетман И. С. Мазепа в русско-турецких отношениях первой половины 1708 г. Поездка Згуры Стилевича к сераскери Юсуфу-паше // Україна в Центрально-Східній Європі. Вып. 9–10. Київ, 2010. С. 153–155. Впрочем, 11 января 1708 г. П. П. Шафиров уверял Г. И. Головкина, что хотя «Бендре отсюда в дальнейшем разстоянии, однакож ведаю, что посылал он в Польшу чрез Венгры одного агу, имянуемого Магмет-эфендия, толко подлинно еще не знаю для чего» (РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 35).

¹⁷ ПиБ. Т. VI. № 2094. С. 179.

¹⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1708 г. Д. 2. Л. 36.

¹⁹ Там же. Л. 38–38 об.

²⁰ Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 159.

²¹ Возгрин В. Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами... С. 103.

²² Там же.

²³ Григорьев Б. Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 378–379.

²⁴ Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 34–35.

²⁵ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 64.

²⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 509 об.–510.

²⁷ Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. С. 64–65.

²⁸ ПиБ. М., 1950. Т. IX. Вып. 1. № 3304. С. 280–282.

²⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709 г. Д. 1. Л. 494.

³⁰ Там же. Л. 495 об.

³¹ Там же. Л. 493 об.

³² В 1710 г. послом шведского короля в Крымском ханстве был Свен Лагерберг (Возгрин В. Е. Политические отношения Карла XII с крымскими ханами... С. 107).

А. В. Мельнов

ШВЕДСКИЙ ГАРНИЗОН ВЫБОРГА В ОСАДЕ 1710 года

До сих пор в российских исследованиях достаточно мало обращают внимание на численный состав шведского гарнизона Выборга накануне осады 1710 г.; кроме того, мало известно общее положение этого гарнизона, а также размер его боевых и небоевых потерь. Как в российских, так и шведских архивах все же можно обнаружить не публиковавшиеся ранее ведомости, табели и полковые списки, проливающие свет на судьбу шведского гарнизона в ходе осады, а также особенности повседневной жизни гарнизона во время осадных действий.

В марте 1710 г. в Выборге было два коменданта: полковник Захарияс Аминофф (по состоянию здоровья он был почти нетрудоспособен) и полковник Магнус Шернстреле, который не успел освоиться в новой должности, поскольку был переведен из Кексгольма в начале февраля того же года¹. Состав шведского гарнизона Выборга в 1710 г. удалось установить на предыдущем этапе исследования на основе расспросных речей дезертиров и военно-исторического справочника шведского историка Л. Э. Хёглуда. Гарнизон состоял из двух пехотных полков Тавастхуского и Ингерманландского (вербованного) и четырех дублированных батальонов: Выборгского, Саволакского, Нюландского и Бьёрнборгского. Также в городе оставался эскадрон рейтарского Карельского (Выборгского) дублированного батальона, и было собрано ополчение: бюргерская гвардия Выборга и рекруты из крестьян выборгского сельского прихода².

В Военном архиве Швеции (Krigsarkivet) сохранились полковые ведомости «rullor» армии Г. Любеккера, составленные в декабре 1709 г.³ В Российском государственном архиве Военно-морского флота (ГВМФ) в фонде «Канцелярия Ф. М. Апраксина» удалось обнаружить ведомость гарнизона накануне осады, составленную квартирмейстером Гансом Шмитом после осады, и «Подлинное ведение» шведского гарнизона от

20 июня 1710 г.⁴ Впрочем, на основе полковых ведомостей за октябрь—декабрь 1709 г. затруднительно установить точную численность солдат в каждом из полков ввиду того, что значительная часть солдат числились «на постое в стране». Кроме того, общее число солдат и офицеров в полках в ведомостях, составленных до осады, зачастую не сопоставимо с общей численностью гарнизона до осады. На сегодняшний день не удалось обнаружить ведомости полков Выборгского гарнизона, датированные мартом—маем 1710 г. Однако известна общая численность гарнизона (без ополчения, артиллерийского и фортификационного штабов) до и после осады города, имеются полковые ведомости (конца 1709 г.) и расспросные речи шведских дезертиров, и существует возможность оценить ориентировочную численность полков и батальонов в гарнизоне Выборга.

Во «Ведении» квартирмейстера Г. Шмита указана численность гарнизона (обер-офицеров, унтер-офицеров и солдат без ополчения и городской милиции) до осады города — 4411 человек⁵. Среди ведомостей шведских полков в армии Г. Любеккера, составленных в октябре—декабре 1709 г., сохранились списки наличного состава Саксонского полка и трех батальонов, однако эти полки были выведены из города незадолго до прихода русской армии к Выборгу⁶. Регулярные случаи дезертирства саксонских солдат, с учетом новых политических условий (еще в августе Пётр I распорядился отправить в Выборг копии манифеста саксонского курфюрста Августа II), вынудили шведское командование перебросить эти полки кораблями в Гётеборг⁷. К моменту прихода русского осадного корпуса под стены Выборга в гарнизоне города стояли следующие полки и батальоны.

Согласно полковым ведомостям, «Тавастхуский пехотный полк полковника Густава Цюлиха» находился под командою подполковника Ханса Хендрика фон Келера и майора Фридриха Рейнгольта Паткуля. В декабре 1709 г. в полку насчитывалось 8 рот⁸, численностью 95 офицеров и 1023 солдата⁹. Вероятно, ко времени прихода русской армии в полку насчитывалось около 950 человек.

«Ингерманландский вербованный пехотный полк полковника Хенрика Хастфера» состоял из 8 рот и находился под командой подполковника Ягана Скога¹⁰ и майора Густава фон Бурхаузен¹¹. К сожалению, ведомость полка в деле «Войска в Выборге 1709/2» отсутствует¹². Численность солдат и офицеров в полку можно оценить в 950 человек¹³.

«Выборгский дублированный батальон полковника и коменданта М. Шернстрале» состоял из 4 рот, командовал батальоном подполковник Карл Кристофер фон Шёнеман¹⁴. По словам каптенармуса этого батальона, «комендант в Выборге полковник Стенстрал командует Выборгским

регimentом, в котором семьсот человек»¹⁵. Вероятная численность батальона накануне осады — 650 человек.

«Саволакский батальон подполковника Й. Шерншанца»¹⁶ находился под командой майора Фридриха Сабельфельта¹⁷. По словам перебежчика, в батальоне было «шесть рот, в каждой роте до приходу войск Царского Величества было по 156 человек»¹⁸. Таким образом, общая численность батальона могла составлять 900 человек.

«Нюландский дублированный батальон полковника Готарта Вильгельма фон Будберга» состоял из 6 рот и находился под командой подполковника Симона фон Рора¹⁹. Общая численность солдат и офицеров в батальоне, вероятно, достигала 500 человек²⁰.

«Бьёрнборгский дублированный батальон подполковника Йохана Шерншанца» состоял из 6 рот. Им командовал подполковник Яков Савесборн²¹. Общая численность солдат и офицеров в батальоне, вероятно, достигала 400 человек²².

Ко времени прихода русской армии к Выборгу в городе находилась только одна рота Карельского (Выборгского) дублированного рейтарского батальона. После осады в гарнизоне осталось 42 человека от этой роты, соответственно, численность роты до осады могла составлять 50 человек²³.

В дополнение к гарнизонным полкам была собрана «бюргерская гвардия», разделенная на роты по районам города. В начале войны гвардия состояла из четырех рот численностью 193 человека, которыми командовали 4 капитана, 8 лейтенантов, 16 унтер-офицеров²⁴. Ополчение из жителей Выборгского лена, согласно ведомости названного квартирмейстера, накануне осады составляло «мужиков» 299 чел., что соответствовало показаниям пленных²⁵. Фортификационная команда Выборгской крепости состояла из 26 чел.²⁶ Артиллерийские служители гарнизона насчитывали 107 чел.²⁷ Таким образом, общая численность шведского гарнизона Выборга (регулярной армии и ополчения) достигала 5200 человек, в то время как ранее автором была дана оценка гарнизона в 5500–6000 чел.²⁸

Русский осадный корпус появился в западных предместьях Выборга 21 марта 1710 г.²⁹ Согласно шведским источникам, в тот же день «утром в 5 часов» русская армия напала на незащищенный посад Сиканиеми, располагавшийся к западу от замка³⁰. На вылазку из крепости комендант М. Шернстрале отправил два полка, которые должны были поджечь посад и располагавшиеся на берегу склады (смоляные, артиллерийские и провиантские)³¹. По словам очевидцев, стена черного дыма помешала обзору со шведской стороны, что позволило русским войскам занять посад³². Капрал Выборгского рейтарского батальона Магнус Вымен и сол-

даты, оказавшиеся в плену, сообщили русскому командованию достоверные сведения о Выборгской крепости и ее гарнизоне³³. Стоит отметить, что подход русских войск к Выборгу в марте 1710 г. стал для М. Шернстрале неожиданностью, несмотря на то что он получил известия о движении русской армии за четыре дня до прихода к городу. Об этом свидетельствует спешная попытка шведского гарнизона непосредственно при приближении русской армии поджечь посад Сиканиеми, где находились артиллерийские склады, а самое главное, провиантские амбары.

В первые же дни бомбардировки города погиб начальник Выборгской крепостной артиллерии капитан Георг Кюхн³⁴. В ночь с 1 на 2 апреля в замке случился пожар, который перекинулся на пороховые запасы. В арсенале «горел порох, и рвало немалое число бомб и ручных гранат, и побило людей человек больши 30»³⁵. На тот момент в замке был расквартирован Выборгский пехотный батальон, который после взрыва поротно переводили в город, а на их место были поставлены роты из других полков³⁶. Существенный урон был нанесен и городу. По словам пленного гренадера Юрья Нагалта, «одна бомба упала в баню, человек с тридцать солдат вдруг убило да и с купецких людей от бомб же убило 2 человека»³⁷. Сержант Самуил Ренбер сообщил на допросе, что солдат и горожан, стоявших на крепостном валу, «больше бревнами, нежели бомбами, побивает»³⁸. Несмотря на взрывы бомб, гарнизон продолжал работы по реконструкции Выборгской крепости на приморском фронте³⁹.

Комендант крепости М. Шернстрале, получив от шпионов сведения о скором уходе русского осадного корпуса из-за недостатка провианта, решил предпринять вылазку из крепости, чтобы разведать позиции противника. На основе шведского источника финляндский историк Й. Руут привел сведения об отряде из 72 гренадер, набранных из студентов, школяров и книгоиздателей, которые были освобождены от караульной службы⁴⁰. Проливают свет на данное событие «расспросные речи» шведских солдат, взятых в плен в ходе отражения вылазки гарнизона. За день до вылазки в полках гарнизона были отобраны солдаты и гренадеры «с роты по 8 человек», под начальством полковника из Бьёрнборского батальона. 12 апреля за три часа до рассвета шведский отряд вышел из городских ворот «Карья портен»⁴¹ и обошел город по льду залива. Подполковник оставил солдат на льду в качестве резерва, а отряд гренадер численностью до 200 человек разделил на три плутонга⁴². К русским шанцам были направлен капитан Малинус с 60 гренадерами, остальные гренадеры шли за ними. Как только шведы подошли к русским позициям на расстояние 50 сажень⁴³, по ним дали залп, однако шведы продолжали наступать. В русские траншеи подоспело подкрепление из осадного ла-

геря, которое контратаковало шведских гренадер, которые стали отступать. Гренадер остановил подполковник, но, «постояв немного, видя, что от наших стрельба велика, пошел назад в гарнизон»⁴⁴. Как видно из расспросных речей шведских пленников, вылазка не нанесла русской армии заметного урона.

На основе допросов шведских перебежчиков Ф. М. Апраксин сообщал в письме Петру I от 22 апреля, что к тому моменту в городе погибли 600 человек и в один дом свезено 300 раненых⁴⁵. В Ингерманландском пехотном полку меньше чем за месяц было убито до 60 человек⁴⁶. Со слов дезертиров, в гарнизоне голод стали ощущать задолго до начала осады. Уже в первый день осады из крепости бежал «за неудовольством провианту» солдат Ингерманландского полка Клемент Хукин⁴⁷. По словам солдата того же полка Ларса Кристелева, до прихода русской армии им выдавали провиант по 6 кап ржи и 2 капы ячменя, а «нынешний месяц дано только по 2 капы ржи да по 2 ячменя, да по капе овса, по кружке круп, табаку человеку на месяц по фунту, а денег не дано им за 4 месяца»⁴⁸. Голод, как основной мотив побега, отмечало подавляющее большинство допрошенных перебежчиков. После осады в дивизии В. Бергхольца числилось 374 «выходца», из которых 118 были больны⁴⁹.

Через неделю после взятия Выборга в гарнизонных полках (исключая городское и сельское ополчение) числились 3755 чел.; из них 2441 (65 %) здоровых, 1008 (27 %) больных, 306 (8 %) раненых⁵⁰. До начала осады численность офицеров и солдат гарнизонных полков составляла 4411 человек; после сдачи крепости численность офицеров и солдат сократилось до 3755 человек. Таким образом, безвозвратные потери составили около 650 человек (15 %)⁵¹. Подтверждает достоверность приведенных данных «расспросная речь» капитана Саволакского батальона Франца Фариола. В его роте изначально числилось 167 человек, за время осады были убиты 23 (14 %), ранены 27 (15 %), осталось больных 30 (17 %) и здоровых 91 (54 %)⁵². Таким образом, на заключительном этапе осады в гарнизоне немногим больше половины офицеров и солдат могли нести службу. Примечательно, что количество раненых солдат и офицеров сопоставимо с количеством дезертиров, находившихся в русском лагере.

После недельной бомбардировки 9 июня обвалился приморский фронт Выборгской крепости⁵³. Главная атака намечалась со стороны мыса Сиканиеми по наведенным двум понтонным мостам и вспомогательная на бастион Панцерлак⁵⁴. Для развития успеха на вспомогательном направлении русской армии необходимо было овладеть капониром, который фланкировал бастион Панцерлак. Русские гренадеры 5 июня штурмовали капонир, в плен были взяты шведский капитан и капрал.

Ответной вылазкой шведы выбили русских гренадер из передового укрепления, но уже наутро шведы были отброшены обратно⁵⁵.

Пленный русскими грендерами капитан Саволакского батальона Ф. Фариол сообщил на допросе, что на вылазку выходила его рота под командой прапорщика, а капонир обороняли унтер-офицер и 15 человек солдат. Также на допросе он сообщил о состоявшемся незадолго до вылазки консилиуме, на который комендант М. Шернстрале собрал штаб- и обер-офицеров гарнизона для обсуждения оборонительных мер в случае штурма. Комендант предложил «один штурм выдержать», на что офицеры возразили, что русская армия будет штурмовать с двух сторон, и поскольку солдаты разделены на многие посты, то «не без труда будет один штурм выдержать»⁵⁶. По словам шведских дезертиров, в гарнизоне хватало запасов пороха и амуниции, но заканчивались запасы бомб — на момент капитуляции их оставалось всего 288⁵⁷. По словам сержанта Ингерманландского пехотного полка С. Ренбера, дезертировавшего 12 мая, запасов гарнизонного провианта хватило бы еще на 2 месяца осады, «а по нынешней даче будет месяца на три». После сдачи крепости офицеры русской армии среди запасов гарнизона обнаружили 100 четвертей ржи и 110 четвертей ячменя, что покрывало месячную потребность гарнизона в провианте⁵⁸.

Комендант М. Шернстрале, видя приготовления к штурму с русской стороны, понимал его неизбежность. К бреши были командированы солдаты из трех гарнизонных полков, малолюдные отряды оставались на удалении для подкрепления, на двух бастионах горнверка находилось около 200 солдат⁵⁹. Будучи комендантом Ивангородской крепости в 1704 г., М. Шернстрале имел возможность наблюдать, как развивался штурм Нарвы русскими войсками. Вероятно, этот опыт и крайне плачевное состояние Выборгского гарнизона вынудили его отправить вечером 9 июня в русский лагерь двух штаб-офицеров и капитана фортификации Л. К. Стобеуса с просьбой выпустить гарнизон на «аккорд». В письме Ф. М. Апраксину Пётр I дал распоряжение добиваться от шведского коменданта «дискреции»⁶⁰. В течение следующих двух дней из города повторно присылали парламентаров, и только 12 июня стороны сошлись на условиях выпуска гарнизона на «аккорд»⁶¹. 14 июня 1710 г. Пётр I во главе лейб-гвардии Преображенского полка вошел в город и принял караулы у шведского гарнизона по военному обычаю того времени. Однако вскоре гарнизон Выборга был арестован «за многие неправды» со шведской стороны, среди которых в «Реляции о взятии Выборга» упоминался инцидент с русской шнявой «Фальк», задержанной шведским флотом⁶².

Судьба пленных офицеров и солдат сложилась по-разному. Большой комендант З. Аминофф с женой был оставлен в Выборге, где осе-

нию 1710 г. скончался⁶³. Остальные офицеры и солдаты уже в конце июля были переведены в Санкт-Петербург, в том числе полковник и комендант М. Шернстрале с семьей⁶⁴. Из числа плененных солдат и офицеров были отправлены на шведский флот через галерного шаутбенахта (контр-адмирала) Ф. И. Боциса 1016 больных солдат с семьями, среди которых были 811 мужчин, 165 женщин и 40 детей⁶⁵. Из записок датского посланника Ю. Юля известно о 400 шведских солдатах, добровольно поступивших на русскую службу⁶⁶. Значительный контингент пленников, записавшихся на русских службу, был определен в Инглисов пехотный полк (с 1712 г. — Выборгский) общей численностью 308 человек. В основном это были выходцы из Ингерманландского полка и Выборгского батальона⁶⁷. Кроме того, в тот же полк были определены 16 человек из артиллерийского штаба Выборгского гарнизона⁶⁸. Таким образом, значительная часть солдат и офицеров, поступивших на службу в шведскую армию из занятых русскими войсками Ингерманландского, Кексгольмского и Выборгских ленов, предпочли вступить на русскую службу.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы о структуре и численности шведского гарнизона Выборга, а также причинах, вынудивших коменданта крепости принять решение о сдаче крепости. На основе сохранившихся в архивах документов удалось уточнить общую численность шведского гарнизона Выборга в марте 1710 г. — около 5200 человек. Уничтожение амбаров с провиантом усугубило голод, который ощущался в гарнизоне еще до прихода русского осадного корпуса. Голод стал одной из главных причин падения дисциплины в гарнизоне и соответственно массового дезертирства. К окончанию осады общее количество солдат и офицеров, перебежавших в русский лагерь, было сопоставимо с числом раненых в ходе бомбардировки города русской артиллерией. За обрушавшимся северо-западным фронтом Выборгской крепости солдаты гарнизона по ночам возводили временные фортификационные сооружения, из-за чего гарнизон нес существенные потери, и к концу осады солдаты были измотаны работами. Комендант М. Шернстрале, имевший опыт сдачи на «аккорд» Ивангородской крепости в 1704 г., попытался принять меры к отражению одного штурма города, после которого он собирался затребовать условия почетной сдачи крепости. Однако обрушившийся приморский фронт Выборгской крепости и наведенные к пролому штурмовые мосты вынудили коменданта отправить парламентаров в русский лагерь, не дожидаясь первого штурма. Судьбы солдат и офицеров выборгского гарнизона сложились по-разному и требуют отдельного исследования.

¹ Мошник Ю. И. Выборг в 1710 году // Страницы выборгской истории. СПб., 2004. Т. II. С. 208.

² Мельнов А. В. 1. К вопросу о шведском гарнизоне Выборга в 1710 г. // Северная война: взгляд из Выборгского замка. Выборг, 2010. С. 160–168; 2. Шведские гарнизоны Выборгской и Кексгольмской крепостей в 1710 году // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной международной научной конференции (11–12 апреля 2012 г.). СПб., 2013. С. 97–102.

³ Krigsarkivet (далее: KrA). Rullor 1709/2. Trupper i Viborg.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп. 1. Д. 6. Л. 424–425, 435–437.

⁵ Там же. Л. 437.

⁶ KrA. Rullor 1709/2. Trupper i Viborg. Öfverste Johan Baptista Schomers sachsiska inf. Regemente, Öfverstelöjtnant Ebert von Straelborns tyska inf. bataljon. Äfven generalmönsterrulla, Öfverstelöjtnant Anders Boijes sachsiska inf. bataljon. Rulla på sjuka, Major Henrik Mattias von Seulenbergs sachsiska inf. bataljon. Rulla på sjuka.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПБИБ). М., 1952. Т. IX. Вып. 2. С. 353–354; Fredberg C. R. Det gamla Göteborg: lokalhistoriska skildringar, personalia och kulturdrag. Göteborg, 1921. Vol. II. S. 231–232.

⁸ Лейб-рота, рота полковника Сиеутенантца, рота Майора, рота Йемсио, рота Ассикала, рота Сюсма, рота Рауталампи, рота Секмякки.

⁹ KrA. Rullor 1709/2. Trupper i Viborg. Tavastehus läns regemente. Öfverste Gustaf Zülich. Äfven generalmönsterrulla; Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: Архив СПбИИ РАН). Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 3671. Л. 1; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 438.

¹⁰ Назначен в полк 10 апреля 1709 года. Tab. 4. Claes Johan Skogh. [Электронный ресурс] // Adelsvapen-Wiki. Режим доступа: http://www.adelsvapen.com/genealogi/Skogh_nr_704#TAB_4 (проверено 17.08.2015).

¹¹ Назначен в полк 5 ноября 1709 года. Tab. 14. Gustaf von Burghausen. [Электронный ресурс] // Adelsvapen-Wiki. Режим доступа: http://www.adelsvapen.com/genealogi/Von_Burghausen_nr_560 (проверено 17.08.2015).

¹² Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3671. Л. 1; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 438, Д. 7. Л. 2, 4; KrA, Rullor 1709/2 Trupper i Viborg.

¹³ В «расспросной речи» на численность полка до осады в 1000 человек указывал солдат Ингерманландского пехотного полка Ларс Кристелев (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 15).

¹⁴ KrA. Rullor 1709/2 Trupper i Viborg, Viborgs län fördubblings infanteribatalion; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3671. Л. 1.

¹⁵ Расспросная речь каптенармуса Выборгского пехотного дублированно-го батальона Якова Питерова от 27 марта 1710 г. (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 50б.).

¹⁶ В марте 1710 г. Й. Шерншанц назначен комендантом Кексгольмской крепости вместо М. Шернстрале.

¹⁷ Фридрих Сабельфельт 16 сентября 1704 г. в чине капитана поступил на службу в Саволакский дублированный батальон, а 4 октября 1709 г. повышен в звании до майора («Ведение» шведских штаб-офицеров. Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3671. Л. 1; KrA. Rullor 1709/2. Trupper i Viborg. Savolax och Nyslott län fördubblings infanteribatalion; Tab. 3. Fredrik Sabelfelt.) [Электронный ресурс] // Biografiska anteckningar. Режим доступа: http://www.mattiasloman.se/any/index.php?title=Sabelfelt_nr_317 (проверено 17.08.2015).

¹⁸ Расспросная речь солдата Саволакского пехотного дублированного батальона Югана Прюца от 20 мая 1710 года (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 35).

¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3671. Л. 1; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 39; KrA. Rullor 1709/2. Trupper i Viborg. Nyland län fördubblings infanteribatalion Ca 20.

²⁰ На основе: «Подлинное ведение Выборгского гарнизона... от 20 июня 1710 года» // РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 424–425; KrA. Rullor 1709/2, Nyland län fördubblings infanteribatalion Ca 20.

²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3671. Л. 1; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 39; KrA. Rullor 1709/2. Trupper i Viborg. Björnborgs län fördubblings infanteribatalion Ca 20.

²² На основе: «Подлинное ведение гарнизона... от 20 июня» // РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 424–425; KrA. Rullor 1709/2, Björnborgs län fördubblings infanteribatalion.

²³ На основе: «Подлинное ведение гарнизона... от 20 июня» // РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 424–425.

²⁴ Мельнов А. В. К вопросу о шведском гарнизоне Выборга в 1710 г. С. 160–168.

²⁵ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 437; Д. 7. Л. 15.

²⁶ В документе именуются «подкопные»: подполковник, поручик, 2 ученика, адъютант, 2 подкопщика, 11 кузнецов и токарей, 8 каменщиков (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 436).

²⁷ Подпоручиков 2, прапорщиков 2, штык-юнкеров 4, сержантов 5, пушкарей 21, пушкарских учеников 23, работников, «которые у пушек», 32, бомбардиров и при них служителей 18 (РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 437).

²⁸ Мельнов А. В. Шведские гарнизоны Выборгской и Кексгольмской крепостей в 1710 году. С. 97–102.

²⁹ Книга Марсова, или воинских дел. СПб., 1766. С. 83.

³⁰ Сиканиеми — посад, располагавший вдоль современной улицы Островной в г. Выборге. См.: Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. Vol. I. Helsingfors, 1865. S. 124.

³¹ Расположение складов отображено на чертеже «Die Stadt Wyburgh» (Отдел рукописей Библиотеки Академии наук. Ф. 266. Т. 3 Л. 58). Оpubл.: Каунни У. Р., Мильчик М. И. Выборг — столица Старой Финляндии. Хельсинки, 1993. С. 17.

³² Koskinen Y. Lähteitä ison vihan historiaan. Handlingar till upplysande af Finlands öden under det Stora nordiska kriget. Helsingfors, 1865. Vol. I. S. 124–125.

³³ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 2–20б.

³⁴ Kungl. Artilleriet Karl XI:s och Karl XII:s tid. Militärhistoriska Förlaget. Bohus, 1993. S. 440.

³⁵ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об.

³⁶ Там же. Л. 15 об.

³⁷ Там же. Л. 11 об.

³⁸ Там же. Л. 33.

³⁹ Мельнов А. В. Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях в 1700–1709 гг. и их значение при осадных действиях в 1710 году // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием. С.-Петербург, 21 марта 2014 г.: Сб. научн. ст. СПб., 2015. С. 12.

⁴⁰ Halila A., Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia. Vol. II. Lappeenranta, 1974. S. 419–421.

⁴¹ Ворота «Карья портен» — оборонительный воротный комплекс с ронделью, от которого в наши дни сохранилась только рондель «Круглая башня». См.: Тюленев В. А. Оборонительный комплекс Выборгской крепости // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 172: Археология и архитектура. М., 1982. С. 91–96.

⁴² Плутонг — низшее подразделение пехоты; деление на плутонги применялось как в строю, так и боевом порядке.

⁴³ Около 100 метров.

⁴⁴ Расспросные речи гренадеров Ингерманландского полка Юрья Нагалта и Саволакского батальона Андруса Логинова от 12 апреля 1710 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 12–13 об.

⁴⁵ Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (документы Государственного архива) // Сб. военно-исторических материалов. СПб., 1893. Вып. 5. С. 100.

⁴⁶ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 15 об.

⁴⁷ Там же. Л. 3.

⁴⁸ Там же. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Д. 6. Л. 295.

⁵⁰ Там же. Л. 424–425.

⁵¹ Там же.

⁵² Письма и Бумаги императора Петра Великого (далее: ПБИБВ). М., 1956. Т. 10. С. 604.

⁵³ Книга Марсова, или воинских дел. С. 86.

⁵⁴ Адамович Б. В. Осада Выборга. 1710 год // Военный сборник. 1903. № 9. С. 42–43.

⁵⁵ Там же. С. 44.

⁵⁶ ПБИБВ. Т. 10. С. 604.

⁵⁷ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 7. Л. 38 об., 40; Книга Марсова, или воинских дел. С. 90.

⁵⁸ Там же. Д. 6. Л. 421.

⁵⁹ Там же. Д. 7. Л. 41 об.

⁶⁰ Аккорд — соглашение (договор) о свободном выходе из крепости на определенных условиях. Дискреция — безусловная капитуляция (Norberg E. Lorenz Christofer Stobée. En fortifikatör och hans arkiv // Karolinska förbundets årsbok. 1988.

S. 83; Мегорский Б. В. Сдача крепостей // Северная война: взгляд из Выборгского замка. Выборг, 2010. С. 20–30).

⁶¹ Книга Марсова, или воинских дел. С. 86–87; *Halila A. Ruuth J. W. Viipurin kaupungin historia*. S. 430.

⁶² Книга Марсова, или воинских дел. С. 87.

⁶³ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: Архив СПбИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 3716. Л. 1; *Мошник Ю. И.* Выборг в 1710 году. С. 213.

⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1: Книга копий № 7. Л. 468об–470об.

⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 5. Л. 8. Общая численность опубл.: *Мошник Ю. И.* Выборг в 1710 году. С. 212.

⁶⁶ *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / Сост. Ю. Н. Щербачев. М., 1900. С. 220.

⁶⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1: Книга копий № 7. Л. 475об–482.

⁶⁸ Там же. Оп. 1. Д. 3720. Л. 1.

Н. Р. Славнитский

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ РОССИЙСКИХ И ШВЕДСКИХ ВОЙСК В ИНГРИИ И ФИНЛЯНДИИ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ: БОРЬБА ЗА ПЕРЕПРАВЫ

Опорными пунктами обороны для российских войск в Ингрии, естественно, стали крепости — Санкт-Петербургская, Шлиссельбургская, Нарвская и укрепления острова Котлин (с 1723 г. крепость Кронштадт). И столкнуться со шведами им пришлось уже в 1704 г. 10 июля конная партия, осуществлявшая разведку, наткнулась недалеко от реки Сестры с авангардом шведского корпуса генерал-лейтенанта Г. И. Майделя. Санкт-Петербургский обер-комендант Р. В. Брюс принял решение не дожидаться нападения на укрепления будущей столицы Российской империи, а выдвинулся с частью сил на Выборгскую сторону. Там он соорудил батареи, поставив на них пушки, взятые, по-видимому, из крепости, и приготовился к отпору. Кроме того, шлиссельбургскому коменданту В. И. Порошину было послано указание приготовиться к возможному нападению¹. Упомянутые конные части продолжали наблюдение за передвижениями шведов², а в Санкт-Петербурге (то есть непосредственно в крепости) для охраны был оставлен полк А. Шарфа³.

12 июля на Выборгской стороне появились основные силы шведов, установили пушки против позиций Р. В. Брюса и открыли артиллерийский огонь. Перестрелка продолжалась 4 часа, после чего Г. И. Майдель был вынужден отступить⁴.

В начале августа он предпринял еще одну попытку атаковать город, на этот раз со стороны реки Охты. И снова первыми шведов встретили конные части, причем между ними и противниками произошла небольшая стычка, после которой противоборствующие части разъехались. Р. В. Брюс сообщил губернатору, что «сего августа 5 числа осматривал я и видел у мосту у речки малой, которая впадала в Охту, делают знатно, что

мост; и против того моста велел сделать батарею и из города взял я пушку 12-фунтовых да 4 пушки 3-фунтовых и на тот раскат поставлю сего ж числа и в иных нужных местах, батарее сделав, отпор чинить буду...»⁵.

На следующий день он доложил А. Д. Меншикову, что накануне неприятельские люди строили мост через Охту «за тем бастлионом, который не разорен... а генерал с войски стоит пониже Канец к лесу с версту»⁶. Против них также были установлены батареи.

7-го числа завязалась небольшая перестрелка, после которой в ночь на 9 августа шведы отступили. Роман Вилимович, осмотрев Канцы, пришел к выводу, что «от нашей стрельбы не без урону их людям было»⁷.

Из приведенных выше сведений можно сделать следующие выводы о той тактике, которой придерживался Р. В. Брюс в ходе обороны Санкт-Петербурга в 1704 г. Во-первых, он регулярно рассылал конные партии для разведки, и они полностью справились с задачей, вовремя обнаружили неприятеля и смогли организовать первый отпор. А сам обер-комендант с основными силами решил не дожидаться подхода неприятеля к какой-нибудь из крепостей, предпочел организовать оборону на переправах через реки, используя при этом артиллерию. Это очень хорошо оправдало себя; неприятеля каждый раз удавалось остановить именно на переправах.

В 1705 г. шведы предприняли более серьезную атаку с суши и моря. На сей раз они намеревались сначала занять остров Котлин и разорить форт Кроншлот, а затем общими силами двигаться к Санкт-Петербургу⁸. 19 июня уже знакомый нам генерал Г. И. Майдель подошел к Неве. Р. В. Брюс подготовил батареи, поставил на них пушки и привел войска в боевую готовность⁹. Сам он писал губернатору следующее: «Сего июня в 19 день генерал Мейдель с войска под Санкт-Питербурх пришел и стоит, не дошед реки Невы верст с 5 в лесу, а промысла от него по се число не видали. Мы везде от него в обороне, батарее во многих местах поделаны, пушки поставлены и люди во всякой готовности»¹⁰. Из приведенного документа видно, что артиллерийские орудия использовались на разных направлениях и расставлены они были заранее. Скорее всего, они снова были взяты из крепости.

По берегу реки Невы на Ингерманландской стороне были поставлены батареи, эту линию заняли 3 полка под командованием А. Шарфа и И. Бильса, усиленные 1000 человек из гарнизона, 400 драгун и выборной ротой; а майор А. Дедют и полковник Д. Е. Бахметев с остальными драгунами заняли позицию напротив Канец¹¹.

23 июня Г. И. Майдель, переправившись на Каменный остров, подошел к Малой Неве для переправы на Аптекарский остров, но увидел на

противоположной стороне реки окопы. Завязалась артиллерийская и ружейная перестрелка. Затем шведы начали переправу на плотках на другой берег, но были отбиты с большим уроном; после чего отступили к Ниеншанцу¹². Все, что они смогли сделать на Каменном острове, — сожгли две пустые деревни¹³. Отступив от Каменного острова к Ниеншанцу, Г. И. Майдель оставил часть сил в Канцах, а сам двинулся к Шлиссельбургу¹⁴. При этом войска, оставленные в Канцах, были усилены артиллерийскими орудиями на нескольких батареях¹⁵.

Затем 8-тысячный отряд шведов из числа оставшихся в Канцах переправился через Неву, но им навстречу была выслана конница Д. Е. Бахметева, казаки М. Захарского и три полка пехоты. Р. В. Брюс сам сбил неприятельский окоп на левом берегу Невы, переправившись на Карельскую сторону при поддержке двух шняв, присланных вице-адмиралом К. И. Крюсом¹⁶. Причем, как отмечал Роман Вилимович в письме к А. Д. Меншикову, не последнюю роль в этом сыграла артиллерия¹⁷.

Таким образом, в ходе обороны Санкт-Петербурга в 1705 г. Р. В. Брюс применил ту же тактику, что и в предыдущем году, — активную оборону на переправах. При этом, возможно, использовался прошлогодний опыт — пушки (а также команды, охранявшие их) были расставлены на разных направлениях практически сразу, как стало известно о появлении неприятеля. Не исключено, что наиболее вероятные направления ударов Г. И. Майделя были просчитаны заранее.

Следующее нападение произошло уже в 1708 г. Корпусом, защищавшим Ингрию, командовал генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, и у него в подчинении в Санкт-Петербурге и вокруг города имелось 1800 драгун, 200 человек дворянского конного ополчения, 400 казаков и 6500 человек пехоты¹⁸. А всего в распоряжении генерал-адмирала имелось 17 пехотных полков численностью до 20 000 человек, а также 4500 человек конницы (всего 24 500 человек)¹⁹.

Шведы тогда пошли на хитрость — часть войск имитировала переправу возле Тосны. 28 августа было получено сообщение галерного шаутбенахта И. Ф. Боциса, что против того места, где он стоит (на реке Мье), неприятель стал делать батареи. После этого основные силы русского корпуса стали стягиваться к Тосне.

Однако Г. Любеккер с главными силами решил переправиться через Неву ниже Тосны, где его не ждали. Узнав об этом, Ф. М. Апраксин приказал войскам спешить к месту настоящей переправы, но они находились слишком далеко. Правда, туда успели Н. А. Сенявин и поручик А. Лоренц с тремя бригантинами (по данным экстракта Ф. М. Апраксина, с двумя бригантинами). Огнем корабельных орудий он сумел заставить шведов

отойти и на время прекратить переправу. Но они установили свои орудия против российских кораблей и начали стрельбу по ним. Выстрелы противника оказались удачными, так как Н. А. Сенявин вскоре был вынужден отступить, ибо его бригантина оказалась разбитой. После этого шведы на пяти понтонах переправились через реку и закрепились на южном берегу. К этому месту успели только 400 драгун и сводный пехотный батальон майора И. Волохова, которые попытались выбить неприятеля с берега, но силы были неравными; и после трехчасового боя, так и не дождавшись подкреплений, российские войска были вынуждены отойти²⁰.

В экстракте Ф. М. Апраксина это изложено следующим образом: «...неприятель паки под своею пушечною стрельбою отправил к нашему берегу людей на 5 понтонах, на каждом человек по 300, и перешед, начали делать малой транжамент, куды и с нашей стороны приспело только драгун человек с 400 и потом, когда дождались батальон маёра Волохова с пушками, спеша драгун, пошли на неприятеля и по трехчасном жестоком с обеих сторон непрестанном огню, понеже неприятель чрез реку на понтонах часу от часу непрестанно прибавлялся и уже многою силою превосходил, а нашим сикурсу получить было невозможно, принуждены отступить»²¹.

В данном случае шведский командующий смог перехитрить русских при помощи ложной переправы. Иными словами, шведы к тому времени раскрыли тактику действий российских войск и нашли способ обмануть их. Интересно и то, что аналогичные события происходили весной 1708 г. на основном театре боевых действий — Петр I несколько раз предполагал навязать Карлу XII бой на переправе через реки, но шведский король избегал этого при помощи ложных маневров и переправлялся в другом месте, вынуждая таким способом российские войска отступать.

Развить успех Г. Любеккеру, как известно, не удалось, а через несколько лет он и Ф. М. Апраксин поменялись ролями — в 1712 г. Федор Матвеевич с подчиненными ему войсками отправился в поход на территорию Финляндии, которую защищал все тот же шведский корпус, атаковавший незадолго до того Ингрию. И шведы теперь тоже решили использовать водные преграды для того, чтобы останавливать российские войска на переправах.

В частности, Р. В. Брюс в сентябре 1712 г. сообщал своему брату: «Неприятель, уведав о марше наше, городок Векелакс сожег и крепость, разоря до основания, пошел прочь... у Геферса да у Сутола, построив батареи и линии крепкие, покинув, уступил назад и за собою оставшей хлеб и сена жег, сколько мог. И мужиков всех, которые жили в тех местах, забрал с собою, и зашел за великой пас, имянуемая река Кимина в урочище Ер-

викоски, в крепкое место, и зделав транжемент и батареи, чрез который пас нам без великого урону людей перебратца было невозможно, того ради мы сего сентября 4 числа отступили назад, а наипаче нам действовать было невозможно за оскудением провианту и фуражу...»²²

При вступлении российских войск генерал-лейтенант Г. Любеккер отступил за реку Кюмени, затем за Сумму и остановился за рекой Аборфорс (один из притоков Кюмени). Шведская позиция перекрывала дорогу из Гельсингфорса на деревню Аньяла и представляла собой сплошную линию окопов, укрепленных по флангам и в центре батареями. Силы шведов насчитывали 2000 кавалерии, 5500 пехоты и от четырех до шести тысяч финских крестьян, вооруженных косами²³. Взять эти позиции российским войскам не удалось, хотя необходимо признать, что Ф. М. Апраксин вообще действовал нерешительно. В данном случае позиция была выбрана шведским генерал-лейтенантом очень хорошо: от морского берега она была удалена, и подход к ней на судах был невозможен, возвышенный берег реки, на котором расположились шведы, имел форму полукруга, обращенного открытой стороной к низменному пространству, и на нем были установлены артиллерийские батареи, как в центре, так и на флангах²⁴.

При этом генерал-адмиралу приходилось беспокоиться о возможном ударе во фланг со стороны неприятеля. Это вынуждало его выделять дополнительные силы для охранения²⁵. Вообще, по справедливому замечанию А. З. Мышлаевского, Федор Матвеевич «принял на себя роль какой-то передаточной инстанции, своевременно сообщаящей о недостатках по изготовлению отряда, но не задающей вопрос, нельзя ли воспользоваться теми средствами, которые есть под рукой». Все его действия в 1712–1713 гг. были нерешительными, медлительными, и, как и прежде, он старался все согласовывать с царем.

Подойдя к позициям Г. Ю. Любеккера, он сначала попытался сбить неприятеля при помощи артиллерийского огня, однако сделать этого не удалось. После этого генерал-адмирал решил использовать обходной маневр. Конные отряды под командованием бригадира Ф. Г. Чекина обследовали берега рек и доложили, что переправа в другом месте невозможна²⁶. После этого было принято решение отходить к Выборгу. Таким образом, Г. Любеккер в какой-то степени применил тот же тактический маневр, что и Р. В. Брюс в 1705 г., и таким способом вынудил Ф. М. Апраксина отступить.

В следующем году тактика российских войск несколько изменилась — был в большей степени задействован флот. Теперь адмирал сосредоточился в первую очередь на взятии городов Борго и Гельсингфорс.

Поддержка галерного флота зачастую вынуждала шведов отступать без боя, оставляя даже позиции у переправ, где они снова старались перехватить наступавших (так, в частности, произошло у реки Борго). Именно действия вдоль побережья, позволившие и использовать галерный флот, и вытеснить шведов из основных опорных пунктов, позволили российским войскам занять территорию Финляндии, а также плацдарм для высадки десантов непосредственно в Швецию.

Однако и в той кампании были и бои за переправу. Сначала генерал-майор К. Г. Армфельт с намерением преградить путь российским войскам занял основную позицию на реке Сало. Авангард шведов стоял в обороне неподалеку, на реке Карие. Их силы составляли около 500 человек пехоты и 250 драгун. Мост через реку был сожжен, а сама река оказалась очень бурной и каменистой, что исключало переправу вброд. Но драгуны, атаковавшие шведов, смогли переправиться через нее небольшими группами, а после того, как собрались вместе, атаковали авангард шведов и обратили его в бегство²⁷.

Следующее сражение произошло у реки Пялкяне. Тут шведы заняли весьма удобную позицию между двумя озерами Пялкяне-веси и Маллас-веси, соединенными речкой Пялкяне. И здесь российское командование решило использовать слабые стороны такой обороны. Небольшая часть войск демонстрировала атаку с центра (при этом река не позволяла шведам переходить в контратаки), а значительные силы под командованием М. М. Голицына переправились с правого фланга шведов и обрушились на них с тыла и с фронта. На основной позиции противник сопротивлялся весьма упорно, но вот сбросить в воду высадившийся десант ему не удалось; более того, те силы, которые выдвинулись для этого, были легко опрокинуты, а затем дрогнули центральные части. Победа российских войск в этом сражении была полной, и она показала, что теперь они уже способны добиваться успехов при переправах.

Подводя итоги, можно сказать, что борьба за переправы на территории Ингерманландии и Финляндии сыграла важную роль в боевых действиях на данном театре. Проходила она с переменным успехом, причем тут прослеживается закономерность — сначала российские войска таким способом остановили шведов, затем шведы смогли найти способ для преодоления обороны. В 1712 г. уже российский корпус столкнулся с такой обороной, и его тоже остановили, и лишь в следующем году они научились переправляться, то есть в годы войны и те и другие постоянно учились воевать за переправы.

¹ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: Архив СПб ИИ РАН). Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 321. Л. 1.

² Там же. Д. 337. Л. 1.

³ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 158.

⁴ *Тимченко-Рубан Г. И.* 1. Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. СПб., 1899. С. 5; 2. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 108.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Л. 137–138.

⁶ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. IV, ч. II. С. 317.

⁷ Там же. С. 320.

⁸ Там же. С. 335.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 336.

¹² Ведомости времени Петра Великого (В память 200-летия первой русской газеты). М., 1903. Вып. I. С. 267; *Тимченко-Рубан Г. И.* 1. Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. С. 29; 2. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. С. 138.

¹³ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. С. 337.

¹⁴ *Предтеченский А. В.* Основание Петербурга // Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 31.

¹⁵ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. С. 341.

¹⁶ Там же. С. 342; *Тимченко-Рубан Г. И.* 1. Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. С. 32; 2. Первые годы Петербурга. С. 145.

¹⁷ *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. С. 342.

¹⁸ *Бородин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 82.

¹⁹ *Мышлаевский А. З.* Северная война. Летняя кампания 1708 г. СПб., 1901. С. 3.

²⁰ Экстракт из журнала действия генерал-адмирала графа Апраксина в 1708 году // Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета). Оп. 1. Д. 4. Л. 42–43.

²¹ Экстракт из журнала действия генерал-адмирала графа Апраксина... Л. 42 об–43.

²² Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2 (Приказ артиллерии). Оп. 1. Д. 147. Л. 308–309.

²³ *Шкваров А. Г.* Лед. Гранит. Подковы. Покорение Финляндии. СПб., 2006. С. 79–80.

²⁴ *Мышлаевский А. З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг.: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 122–123.

²⁵ *Мышлаевский А. З.* Петр Великий в Финляндии... С. 107.

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ *Шкваров А. Г.* Лед. Гранит. Подковы. Покорение Финляндии. С. 90.

Н. С. Иванников

ПОЗИЦИЯ ШВЕЦИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К АЛАНДСКОМУ СЕПАРАТИЗМУ 1917–1921 гг.

Аландские острова долгое время являлись, как, впрочем, и сейчас являются, важным стратегическим пунктом на Балтийском море. Практически равноудаленный как от Швеции, так и от Финляндии, архипелаг становится отличным подспорьем для усиления своего влияния в регионе для страны, которой он принадлежит, в то время как присутствие (особенно военное) возможных соперников на Аландах способно серьезно осложнить жизнь страны или даже региона.

Таким образом, тот факт, что с 1809 г., согласно Фридрихсгамскому мирному договору, Аландские острова принадлежали Российской империи, если и не был костью в горле для Швеции, то неизменно вызывал определенные опасения и настороженность. Несомненно, ослаблению тревожных для Швеции тенденций укрепления России на Балтике должен был послужить факт того, что в 1856 г. Россия подписала Аландскую конвенцию, согласно которой она не имела права сооружать в пределах архипелага укрепления и создавать объекты военного назначения.

Однако уже в начале XX в., предчувствуя возможность войны с Германией, Россия озаботилась поиском решений для ремилитаризации Аландов, которые, впрочем, найдены не были. Но уже тогда становилось понятно, что Аландские острова будут одной из важнейших повесток международной политики в Балтийском регионе. Присоединенные к землям Российской империи в составе Великого княжества Финляндского, населенные в основном шведоязычными людьми, Аланды были желаемы Швецией, а значит, ими можно было пользоваться в качестве разменной монеты для того, чтобы втянуть Швецию в войну.

Когда началась Первая мировая война, Россия отбросила попытки договориться на международном уровне де-юре и, сговорившись с союзниками, начала фортифицировать Аландский архипелаг, вызывая нема-

лое беспокойство у Швеции. Однако к недовольству шведской короны всерьез никто не прислушался — в условиях войны Аландская конвенция, по сути, была откинута в сторону. Тем не менее российский МИД сообщал шведской стороне, что сооружения военного характера возводятся исключительно на время военных действий и равно необходимы как для России, так и для защиты Швеции от Германии¹.

Ситуация на самих Аландах начала накаляться в тот момент, когда в марте 1917 г. в России пала империя. Именно тогда были предприняты первые шаги на пути возможного объединения архипелага со Швецией. Шведскому монарху была отправлена петиция, суть которой заключалась в просьбе принять Аландские острова в состав королевства. На островах даже начали собирать по этому поводу подписи среди всех тех, кто обладал правом голоса. Однако 6 декабря 1917 г. было объявлено о независимости Финляндии от России, и аландцам было отказано в самоопределении. А когда спустя почти месяц в Швеции и России признали независимость Финляндии, а Аландские острова сохранились как часть ее территории, ситуация усложнилась. Причем как для самих островитян, так и для шведской стороны. Объединение стало трудновыполнимой задачей².

Однако уже 27 января 1918 г., на второй день начала революции в Финляндии, делегация Аландских островов прибыла в Стокгольм с твердым намерением просить о содействии в вопросе перевода Аландов под юрисдикцию Швеции. В Стокгольме, несомненно, хотелось принять подобное предложение, однако осуществление такого решения в одностороннем порядке представлялось невозможным, ведь еще ранее, 4 января, Швеция признала независимость Финляндии, а потому ответ короны оказался разочаровывающим. Представителям Аландов было заявлено, что подобные проекты было возможно осуществить только совместно с Финляндией. Как видно, Швеция продолжала свою весьма осторожную линию, направленную, прежде всего, на недопущение открытых конфликтов с соседним государством.

Вместе с тем ситуация на Аландах стала еще более сложной к концу января 1918 г. Независимость Финляндии была уже объявлена и признана, однако на островах все еще присутствовал вооруженный контингент России, который не успел покинуть архипелаг. Дело принимало также и политический оборот: русские солдаты считались лояльными «красным» финнам, местное же население в большинстве своем сочувствовало «белым». Сторонники присоединения Аландских островов к Швеции распространяли сообщения о том, что российские солдаты серьезным образом нарушали права мирного населения Аландов.

Все это привело к неожиданному историческому прецеденту — впервые за долгие годы войска Швеции покинули ее территорию. Шведская экспедиция, состоящая из трех судов, направилась в сторону Аландов главным образом для того, чтобы обеспечить транспортом местное население, которое желало переехать в Швецию, то есть с сугубо мирными целями. Однако факт остается фактом — вооруженные силы хранящего нейтралитет государства вышли за пределы своей страны. Прибыв, однако, на место, шведская экспедиция обнаружила, что сообщения о нарушениях гражданских прав российскими войсками были сильно преувеличены³. В результате шведская миссия была ограничена в действиях до организации посреднических услуг в переговорах между представителями «красных», состоявших из военнотружущих российского гарнизона и пары сотен «красных» финнов, со сторонниками «белого» движения. После подписанного 21 февраля в Мариехамне договора, «красные» и «белые» финны, а также российские солдаты были разоружены и стали покидать архипелаг. Однако «белых», очевидно, не устраивало военное присутствие шведов на Аландах, поскольку они и были явно заинтересованы в сохранении островов в качестве части Финляндии. Поэтому была запрошена соответствующая военная поддержка у Германии⁴. И уже 5 марта 1918 г. части немецкой армии начали прибывать на острова. Они совместно со шведскими, а также «белыми» финскими войсками приступили к уничтожению остатков укреплений, построенных Россией. Однако вскоре же после завершения этой не слишком сложной операции шведам было сказано, что их военное присутствие на островах теперь становится «бессмысленно» и даже «нежелательно». И в очередной раз, не желая ввязываться в открытый конфликт, Швеция уступила, и, так и не добившись по сути ничего, шведским войскам пришлось вернуться домой. А немецкие части уже к сентябрю этого же года были полностью заменены финскими, которые оставались на архипелаге до конца января 1922 г.⁵

Но на этом история Аландского вопроса не заканчивается. К активным действиям перешли теперь уже сами жители архипелага. Во второй половине 1918 г. аландская делегация, состоящая из трех человек — Ю. Эриксона, Ю. Сьундблума и Х. Янссона, — отправилась на мирные переговоры в Версаль, чтобы привлечь взгляды больших стран к аландской проблеме и заручиться поддержкой западных держав в свою пользу. Однако же Аландский вопрос все-таки не произвел нужного фурора: на европейской повестке дня стояли более серьезные и актуальные вопросы. По возвращении из Версаля, в марте 1919 г., этими тремя делегатами был опубликован манифест, призывавший к объединению со Швецией,

который, впрочем, не принес ощутимых результатов. Шведское же предложение навстречу этому курсу — провести референдум, чтобы жители Аландов высказали свое мнение, и на основе результатов референдума можно было бы принять решение о юридическом статусе островов — было отвергнуто финляндским сенатом. Шведская сторона, в свою очередь, ссылаясь на национальный суверенитет и самосознание населения архипелага, продолжала говорить о том, что решение Аландского вопроса должно быть решением народа.

В то же время не только аландцы приступили к действиям. В 1918–1920 гг. примирить позиции сторон пытался Аландский комитет, сформированный в Хельсинки летом 1918 г. из умеренных шведоязычных общественных деятелей. Комитет, исходя из принципа сохранения суверенитета Финляндии над архипелагом, разработал проект местного самоуправления для населения островов. Но вряд ли можно сказать, что работа комитета принесла какой-то ощутимый результат. Аландский вопрос с помощью этого комитета решить так и не удалось⁶.

6 мая 1920 г. парламент Финляндии принял решение издать «Закон об автономии Аландских островов», предоставил архипелагу и его населению права автономии. Но желание аландцев сотрудничать с финским правительством явно не наблюдалось. В результате этот закон так и не был принят населением архипелага. Все это привело уже к так называемому Аландскому кризису⁷. Видимо, островитяне настолько уверовали в возможность присоединения к Швеции, что решительно отвергали все уступки финского правительства. Даже премьер-министр Финляндии тогда посещал Аланды, чтобы попытаться договориться с местным населением, но до определенного времени все эти попытки были тщетными⁸.

Сама же ситуация с аландским сепаратизмом едва ли является уникальной по своему содержанию. Островитяне хотели воссоединения со Швецией главным образом по двум причинам — они считали себя шведами, а Швецию своей родиной, а также всерьез боялись, что, будучи частью Финляндии, Аланды не смогут сохранить свою культурную самобытность под воздействием финского влияния на все сферы жизни. Уже первая петиция от жителей Аландских островов королю и народу Швеции от 31 декабря 1917 г. включала в себя мысли, суть которых сводилась к тому, что с тех времен, как аландцев отлучили от «любимой отчизны», они надеялись вернуться и быть частью шведского королевства⁹. Эта петиция была весьма эмоциональной, аландцы говорили о том, как они страдали от несправедливости Фридрихсгамского мира и упоминали о тесной связи между островами и Швецией. Эта петиция была подписана Ю. Сьондблумом, который являлся главным редактором газеты «Оланд»

(«Åland»), а чуть позднее стал первым спикером ландстинга Аландских островов. В этой и последующих петициях (а также письмах, прошениях, заявлениях) беспрестанно повторялись мотивы чистоты шведской расы, шведского языка и нерушимого единства жителей архипелага и материковой Швеции¹⁰.

Прочие официальные документы, которые жители Аландских островов представляли на всеобщее обозрение, были выдержаны в том же стиле. Согласно типичным чертам этнического национализма, аландские сепаратисты раз за разом упоминали об общих со Швецией истории, культуре, языке, происхождении. Таким образом они каждый раз напоминали, что они, жители архипелага, — шведы. Так же неоднократно подчеркивалось, что, несмотря на любые возможные льготы и автономии со стороны Финляндии, все равно существует вероятность того, что финское влияние на Аланды уничтожит их этничность, поэтому наилучшим выходом было бы проведение референдума, в рамках которого жители островов сами решат свою судьбу¹¹.

В принципе вся кампания Аландов по объединению со Швецией была достаточно энергичной и интенсивной. Было задействовано не только влияние шведоязычного населения архипелага на Стокгольм. Аландские делегации не обходили стороной и Лондон, и Париж, и Вашингтон. Однако аргументы островитян оставались главным образом эмоциональными, эстетическими, историческими, подводящими к понятиям естественности и чистоты. 31 января 1919 г. в Париже, где обсуждались вопросы послевоенного мироустройства, представители архипелага заявляли, что, исходя из своих традиций, языка, истории и происхождения, жители Аландских островов чрезвычайно близки шведам. Причем они подчеркивали, что возможная «финнизация» шведского населения Аландов будет той атакой финского национализма, которая убьет шведские традиции, существующие у местного населения¹². После обмена резкими нотами между финским и шведским правительствами конференция все же приняла английское предложение по данному вопросу. Было решено передать рассмотрение сложившейся проблемы на усмотрение образованной тогда Лиги Наций¹³.

Тем временем сторонники отделения Аландских островов от Финляндии продолжали отстаивать свою позицию и направили шведскому правительству ходатайство с просьбой поддержки их требований о проведении референдума, который, по их мысли, должен был решить судьбу архипелага. Ситуация особенно обострилась, когда лидеры аландского движения — Ю. Сюдблум и К. Бьёркман — по возвращении из Стокгольма в начале июня 1920 г. были подвергнуты аресту в Финляндии. Од-

нако, впрочем, их арест был не долгим. В декабре 1921 г. они были помилованы¹⁴. Тем не менее шведское правительство направило запрос уже в Совет Лиги Наций, ходатайствуя о возникновении дискуссии по поводу суверенитета Аландских островов¹⁵.

Окончательно споры вокруг Аландского вопроса были урегулированы на международном уровне только в 1921 г. и именно в Лиге Наций. Как только Швеция вступила в 1920 г. в Лигу, сразу же ее делегация поставила вопрос о судьбе Аландов. Стокгольм подняла вопрос о необходимости самоопределения Аландских островов. Это требование, однако, вызывала тогда много споров, поскольку тогда лишь обсуждался сам принцип самоопределения народов, его юридические и политические аспекты (эта дискуссия стартовала после публикации 14 пунктов В. Вильсона в январе 1918 г.). Скандинавские государства — Швеция, Дания, Норвегия — понимали любые возможные проявления самоопределения народов как исключительно мирное движение. Кроме того, они считали своей задачей защиту прав малых государств и народностей. Помимо прочего, для Швеции решение вопроса об Аландских островах в Лиге Наций было еще и делом принципа.

Вторым жизненно важным аспектом данной проблемы для шведской внешней политики являлось стремление добиться, по крайней мере, полной демилитаризации островов. Это диктовалось главным образом боязнью военной агрессии против Швеции со стороны России или Германии. В тот же конкретный момент Стокгольм увидел возможность решить две проблемы одновременно, что могло произойти в случае, например, присоединения Аландов к шведскому королевству. Таким образом, шведы полностью поддерживали линию представителей Аландского архипелага в вопросах вынесения решения возникшей проблемы сугобо на международный уровень, концентрируя свои усилия на то, чтобы продвигать этот вопрос в качестве примера в самоопределении народов. В общем, Швеция настаивала на том, что в случае присоединения к ней Аландов все проблемы будут полностью решены. Но когда стало ясно, что ведущие государства Лиги Наций все же склонялись к варианту сохранения Аландов как части Финляндии, стало очевидно, что для шведов разыгрывающаяся партия все больше начала выглядеть проигрышной. Швеция была весьма смущена фактом неудачи, и более того, не существовало какого-то запасного плана действий, альтернативной точки зрения. По сути, самозабвенное в своей эмоциональной аргументации, шведо-аландское стремление к объединению захлебнулось в хитросплетениях европейской политики и не выработало надежные пути для определенного маневрирования. Несомненно, что здесь слепая вера в достижение

лишь «единственно возможного» шведского варианта решения проблемы подвел Стокгольм¹⁶.

Финляндия же, напротив, проявила большее упорство и смекалку именно в политическом аспекте. В Хельсинки работали не только на международной, но и на внутренней арене. Поэтому Финляндия могла обосновывать свою политику тем, что решение Аландского вопроса — это внутреннее дело страны, поскольку ясно показывали своими действиями всему миру, что готовы решать этот вопрос самостоятельно. Это очень хорошо продемонстрировал принятый в мае 1920 г. в Финляндии Акт об автономии Аландских островов. По данному документу населению архипелага были предоставлены весьма широкие права и полномочия в составе республики. Не прибегая к эмоционально-этической полемике шведов и аландцев, правительство Финляндии стремилось вести дискуссию путем рациональной, спокойной аргументации, объясняя, например, все возможные страхи аландцев, которые возникли в результате последствий Первой мировой и Гражданской войны. В Хельсинки четко показывали, что на конституционном и законодательном уровне права шведоязычного населения Финляндии не будут ущемлены. В особенности это касалось населения Аландов. Таким образом, политическая расчетливость и конкретика взяли верх над эмоциями, а также романтическим устремлением, культурными и социальными теориями.

Принятому в итоге решению способствовало также то, как именно представился Лиге Наций аландский национализм. Несмотря на то что местное население весьма активно настаивало на собственных этнических, языковых, культурных и исторических связях со Швецией, в позиции Финляндии мировое сообщество не увидело признаков расизма, который бы проявлялся по отношению к шведоязычному населению архипелага. Более того, был сделан вывод, что если предоставить Аландам независимость или объединить архипелаг со Швецией, то это приведет лишь к росту ксенофобии, а также расизма сначала по отношению к финноязычным мигрантам, а в дальнейшем и ко всем остальным не шведского происхождения аландам¹⁷.

Решение в Лиге Наций было принято так, что Аланды оставались частью Финляндии, но местная культура и язык должны были быть сохранены неизменными и уважаться правительством этой страны. В принципе подобное решение можно считать чистой победой финской делегации во главе с Карлом Энкелем. Шведская же сторона признала, что хоть и не желает принимать данное решение, но оспаривать его и достигать желаемого силовыми методами не планирует. В результате вопрос Аландских островов оставлял некоторое напряжение в финско-шведских отноше-

ниях, пока в 1930-х гг. международная обстановка не начала кардинально меняться.

Таким образом, в шведско-финской борьбе за Аландские острова Запад принял сторону Финляндии. Впрочем, это произошло не только благодаря вдумчивой политике финского руководства. Здесь ведущие европейские государства, очевидно рассчитывая на ответную «любезность». Финляндия являлась страной, которая имела непосредственную границу с Советской Россией, а потому было бы явно нелишним заручиться расположением финских властей, чтобы в дальнейшем использовать ее как один из компонентов версальской системы. Поэтому 24 января 1921 г. Лига Наций, закрепляя финский суверенитет над Аландским архипелагом, ограничила его, однако, условиями выполнения Финляндией сохранения исконных черт для жителей Аландских островов в полном его объеме. Более того, в октябре этого же года Совет Лиги принял резолюцию, по которой власть Финляндии над Аландами сохранялась, но считалось необходимым предоставить правительством страны особых гарантий автономии жителям архипелага, закрепляя при этом статус островов как демилитаризованной зоны. С этой целью 20 октября 1921 г. была подписана еще специальная конвенция, ознаменовавшая конец Аландского кризиса¹⁸. Кроме того, Швеция и Финляндия подписали между собой дополнительное соглашение, которое содержало в себе как договор о статусе островов, так и пункты по демилитаризации Аландов¹⁹.

Подводя итог, можно сказать, что шведская политика, направленная на поощрение аландского сепаратизма, не привела к территориальным приращениям для королевства. Но с другой стороны, «аландский кризис» не вывел внешнюю политику страны из нейтрального статуса, а сама демилитаризация архипелага создал определенную зону безопасности для Стокгольма, что вполне устроило как Швецию, так и Финляндию. В результате можно утверждать, что позиция Швеции и ее осторожные внешнеполитические действия в Аландском вопросе оказали скорее позитивное влияние на исход событий, причем в первую очередь для самой Швеции.

¹ Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 349–350.

² Jungar S., Villstrand N. E. Väster om skiftet // Uppsatser ur Ålands historia. Åbo, 1986. S. 141.

³ Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. С. 367.

⁴ Там же. С. 368–369.

⁵ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 126.

⁶ Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2012. С. 147.

⁷ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 144.

⁸ Jansson I. Åland och ramkonventionen om skydd för nationella minoriteter. Examensarbete för masterexamen i mänskliga rättigheter. Uppsala, 2015. S. 8.

⁹ Ibid. S.30.

¹⁰ Åkermark S. S. The Åland islands question in the League of Nations: the ideal minority case? // Redescriptions. Yearbook of Political Thought, Conceptual History and Feminist Theory, 2009. P. 199.

¹¹ Jansson I. Åland och ramkonventionen om skydd för nationella minoriteter. Examensarbete för masterexamen i mänskliga rättigheter. S. 31.

¹² Åkermark S. S. The Åland islands question in the League of Nations: the ideal minority case? P. 199.

¹³ Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема. С. 147.

¹⁴ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 144.

¹⁵ Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема. С. 148.

¹⁶ Åkermark S. S. The Åland islands question in the League of Nations: the ideal minority case? P. 200.

¹⁷ Jansson I. Åland och ramkonventionen om skydd för nationella minoriteter. Examensarbete för masterexamen i mänskliga rättigheter. S. 33.

¹⁸ Jungar S., Villstrand N. E. Väster om skiftet. S. 167.

¹⁹ Ibid. S. 160.

А. Б. Гехт

ВОЕННАЯ ПОМОЩЬ ФИНЛЯДИИ СО СТОРОНЫ ШВЕЦИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.

Начавшаяся 30 ноября 1939 г. война между СССР и Финляндией ярко проявила преобладавшее в Швеции общественное стремление оказать соседней, исторически родственной Финляндии предельно возможную помощь. Однако, принимая решение оказать ей максимальную поддержку, шведское правительство всячески пыталось не поставить под сомнение нейтральный статус своего королевства. Поэтому руководство страны предоставило военную помощь Финляндии, прежде всего, в виде лишь поставок различных типов боевой техники, оружия и боеприпасов¹. Кроме того, заметную роль играло создание и функционирование шведского добровольческого корпуса, ставшего символом шведской помощи Финляндии².

Однако и то, что в годы «зимней войны» поступало в Финляндию из Швеции, было крайне важным для финских вооруженных сил. Необходимо учитывать, что нехватка тяжелой боевой техники являлась наиболее серьезной проблемой для финской армии. К началу войны, скажем, в ее распоряжении было лишь около 30 устаревших танков и 120 самолетов³. Также явно нахватали и боеприпасов. В воспоминаниях одного из крупнейших финских военачальников того времени Х. Эквиста говорится, что финнам нужно было как минимум 150 000 патронов в день. В противном же случае, по его мнению, офицеры изначально могли готовить свои войска к немедленному отступлению⁴.

В этой ситуации многие страны Запада изначально открыто демонстрировали свою лояльность по отношению к Финляндии. Однако их способность оказать ей реальную помощь, предоставив нужную финской армии вооружение, была весьма ограничена. Европа всё больше втягивалась в разрастающуюся Вторую мировую войну⁵. Кроме того, боеприпасы для Финляндии из-за рубежа имели не очень большую ценность

из-за разницы в стандартах вооружения и размерах калибров, в частности, финских и зарубежных артиллерийских орудий. Это явно усложняло обоюдное использование боеприпасов⁶.

Тем не менее, согласно воспоминаниям Х. Эквиста, за время этой войны Финляндия смогла приобрести и успешно применить артиллерийское вооружение из Англии, Франции и Швеции⁷. Что же касается самих боеприпасов, то ситуацию здесь несколько облегчало решение, принятое еще в 1928 г., когда Финляндия рассматривала возможность столкновения с Советским Союзом, а также вероятность получения помощи от Швеции. Согласно ему, калибр финских артиллерийских орудий должен был совпадать с калибром тех, которые использовались Швецией, что должно было облегчить применение шведских боеприпасов финскими войсками⁸. При этом, в силу имеющихся незначительных расхождений в цифрах в различных источниках, установление точного количества артиллерийских орудий, переданных Швецией финской стороне, до сих пор вызывает определенные трудности. Так, в изданном в 1975 г. в СССР IV томе «Истории дипломатии» приводятся данные, согласно которым за период боевых действий финская армия получила 112 полевых орудий и 104 зенитных орудия⁹. В то же время министр иностранных дел Финляндии Вяйнё Таннер писал, что финнами было получено 107 полевых орудий¹⁰. Также, благодаря предоставленному кредиту, Финляндия смогла приобрести 85 противотанковых орудий шведской компании Бофорс¹¹. При оценке количества снарядов, полученных Финляндией к предоставленной артиллерии, тоже существуют значительные расхождения. У отечественных исследователей называется цифра 30 тыс. артиллерийских снарядов¹², в то время как у североευропейских авторов фигурирует цифра в 77 тыс.¹³

Помимо артиллерийских орудий и снарядов к ним, Швеция передала Финляндии еще и большое количество единиц стрелкового оружия и патронов. В оценке количества этого оружия также существуют расхождения. Шведские данные говорят о 90 тыс. винтовок и 42 млн патронов, тогда как отечественные исследователи утверждали о 80 тыс. винтовок, 50 млн патронов и 500 единицах полуавтоматического оружия¹⁴.

Однако, чтобы объективно оценить размеры помощи, которую Швеция оказала Финляндии, необходимо рассмотреть помощь ей и со стороны других государств. Соседние со Швецией государства Дания и Норвегии, демонстрируя скандинавскую солидарность, тоже стремились оказать соответствующую поддержку финским вооруженным силам. Правительство Дании, в частности, продало Финляндии 30 противотанковых и 170 зенитных орудий, а также снаряды к ним¹⁵. Помимо этого, была подготовлена и отправлена в Финляндию санитарная автоколон-

на и проведена кампания по сбору денежных средств для Финляндии. Датское руководство не препятствовало своим гражданам, желающим присоединиться к шведскому добровольческому корпусу. От Норвегии финская армия получила только 12 орудий и около 7 тыс. снарядов к ним¹⁶. Остальная норвежская помощь преимущественно состояла из снаряжения. Финская сторона получила 50 000 пар обуви, 100 000 рюкзаков¹⁷, 16 000 одеял и ряд других товаров¹⁸. Так же как и датская сторона, норвежское правительство не препятствовало своим гражданам, вступавшим в шведский добровольческий корпус.

Отметим, что ряд других европейских стран, таких как Венгрия, Швейцария, Италия и Бельгия, тоже оказывали поддержку Финляндии, переправляя туда некоторое количество вооружения, а также довольно большие партии одежды и другой гуманитарной помощи¹⁹. Однако наиболее заметный вклад в этом отношении внесли ведущие страны Западной Европы — Великобритания и Франция. Эти страны, не возражая против участия своих граждан в войне на стороне Финляндии в качестве добровольцев, еще направили в виде помощи различную боевую технику, а также вооружение и боеприпасы. За время войны Великобритания, в частности, поставила в Финляндию 75 самолетов²⁰, а Франция, изначально планировавшая предоставить финнам до 180 машин, успела отправить только 35²¹.

Тем не менее и здесь в различных источниках существуют расхождения в общем количестве поставленных Великобританией и Францией единиц боевой техники и вооружения. Так, в отечественной литературе называются следующие данные об объемах британских поставок в Финляндию в годы войны: 114 полевых орудий, 200 противотанковых орудий, 124 единицы автоматического стрелкового оружия, 20 млн патронов, 185 тыс. артиллерийских снарядов, 17 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин и 70 противотанковых ружей²². В то же время, по финским данным об объемах британской помощи, эти показатели выглядят несколько иначе. Конкретно указывается на 57 полевых орудий различных калибров и 170 тыс. снарядов к ним, 56 зенитных орудий и пулеметов, 200 противотанковых ружей, 30 млн винтовочных и пистолетных патронов, 40 тыс. гранат, а также большое количество различного снаряжения²³. По данным, которыми располагали отечественные исследователи, Францией были Финляндии переданы 160 полевых орудий, 500 пулеметов, 795 тыс. артиллерийских снарядов, 200 тыс. ручных гранат, 5 тыс. винтовок, 20 млн патронов, 400 морских мин и несколько тысяч комплектов амуниции²⁴. Финские источники говорят о 96 полевых орудиях, 42 противотанковых орудиях, 112 минометах и 398 500 тыс. артиллерийских снарядов²⁵.

Эти расхождения наиболее хорошо заметны, если сравнить показатели помощи Финляндии, которые приводятся в отечественных и зарубежных работах (см. табл. № 1 и таблица № 2).

Таблица 1

Поставки вооружения в Финляндию во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (по отечественным данным)

Вид вооружения и боеприпасов	Государство-поставщик (основные поставщики вооружений и боеприпасов в Финляндию)			
	Велико- британия	Франция	Швеция	Всего
Винтовки	—	5 тыс.	80 тыс.	85 тыс.
Автоматическое оружие	124	—	500	624
Противотанковые орудия	200	—	85	285
Полевые орудия	114	160	112	386
Зенитные орудия	—	—	104	104
Самолеты	75	180	29	139
Снаряды	185 тыс.	795 тыс.	30 тыс.	2,1 млн
Патроны	20 млн	20 млн	50 млн	90 млн

Таблица 2

Поставки вооружения в Финляндию во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (по зарубежным данным)

Вид вооружения и боеприпасов	Государство-поставщик (основные поставщики вооружений и боеприпасов в Финляндию)			
	Велико- британия	Франция	Швеция	Всего
Винтовки	—	—	90 тыс.	90 тыс.
Автоматическое оружие	—	—	—	—
Противотанковые орудия	—	42	85	127
Полевые орудия	57	96	107	260
Зенитные орудия	56	—	—	56
Самолеты	75	35	24	134
Снаряды	170 тыс.	398 500 тыс.	77 тыс.	645 500 тыс.
Патроны	30 млн	-	42 млн	72 млн

Анализируя имеющиеся данные, можно сделать ряд выводов. Во-первых, в распоряжении отечественных и зарубежных исследователей находятся нередко заметно различающиеся друг от друга данные, что могло и может сказываться на их суждениях. Во-вторых, несмотря на существующие расхождения в цифрах, можно утверждать, что в ряде случаев советская сторона была склонна завышать объемы вооружений и боеприпасов, поставленных в Финляндию во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Особенно ярко это заметно по разнице в цифрах предоставленных Францией самолетов и артиллерийских снарядов. В-третьих, помощь близко расположенных и исторически и культурно близких Финляндии Норвегии и Дании носила незначительный характер²⁶. В-четвертых, объем военной помощи Финляндии со стороны Великобритании и Франции, состоявшей преимущественно из различного вооружения и боеприпасов, был относительно невелик. Это обстоятельство тем более обращает на себя внимание в сравнении с объемами шведской помощи Финляндии.

Учитывая заметную разницу в объемах экономик Швеции, с одной стороны, и Великобритании и Франции, с другой стороны²⁷, становится понятна оценка министра иностранных дел Финляндии В. Таннера, который высказался следующим образом: «Швеция была особенно важна для нас как поставщик продукции военной промышленности. Как наш ближайший сосед, Швеция намеревалась предоставить нам помощь в короткие сроки и обладала такой возможностью. Без данной помощи вести эту войну было бы невозможно»²⁸.

Таким образом, военная помощь Финляндии со стороны Швеции в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. стала важной вехой в развитии двусторонних отношений между странами. Несмотря на крайне напряженное положение на международной политической арене, шведское правительство, в отличие от руководства Дании и Норвегии, посчитало возможным оказать Финляндии обширную поддержку в виде поставок военной техники, артиллерии, оружия и боеприпасов. Ослабляя свой оборонительный потенциал, Швеция при этом поддерживала финские вооруженные силы, сдерживавшие возможное продвижение СССР дальше на территорию Северной Европы.

Несмотря на существующие расхождения в цифрах, приводимых отечественными и зарубежными исследователями, объем шведской помощи Финляндии сопоставим по объемам с поставками, которые Финляндия получила со стороны Великобритании и Франции, с учетом очень большой разницы между экономиками Швеции, с одной стороны, и европейских союзников — с другой.

¹ Bihang till Riksdagens protokoll vid lagtima Riksdagen i Stockholm Stockholm, 1939. S. 76–78. Отметим, однако, что с предоставлением этой помощи шведское руководство опасалось, что организация слишком больших поставок вооружения и боеприпасов в соседнюю страну повлечет за собой нехватку его в самой Швеции, что могло серьезно сказаться на боеспособности шведской армии в случае распространения мировой войны на Скандинавский полуостров. См.: *Nevakivi J. The Appeal that Was Never Made: The Allies, Scandinavia and the Finnish Winter War 1939–1940*. London, 1976. P. 132–133.

² *Гехт А. Б.* Шведский добровольческий корпус в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. С. 183–194.

³ *Vehviläinen O.* Finland in the Second World War: Between Germany and Russia. New York, 2002. P. 52.

⁴ *Öhquist H.* Vinterkriget 1939–40 Ur Min Synvinkel. Tammerfors, 1949. S. 100.

⁵ *Black J.* European warfare 1815–2000. Basingstock, 2002. P. 312–313.

⁶ *Lundin C. L.* Finland in the Second World War. Blominington, 1957. P. 94–95.

⁷ *Öhquist H.* Vinterkriget 1939–40. S. 36–37.

⁸ *Lange T.* Vapenhjälpen till Finland. Sveriges Militära Beredskap, 1939–1945. Stockholm, 1982. S. 133; История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 32.

⁹ История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 32; *Tanner V.* The Winter War: Finland against Russia 1939–40. Stanford, 1957. P. 130.

¹⁰ *Tanner V.* The Winter War: Finland against Russia 1939–40. Stanford, 1957. P. 130.

¹¹ *Carlquist E.* Solidaritet på Prov: Finlandshjälp Under Vinterkriget. Stockholm, 1971. S. 22. Наличие противотанковых пушек имело решающее значение для финских войск, так как они были необходимы для успешной борьбы против советских танков. Однако, по оценке Х. Эквсита, с началом войны первой партии шведских противотанковых пушек едва хватило на то, чтобы обеспечить каждый полк 1 или 2 орудиями. См.: *Öhquist H.* Vinterkriget 1939–40. S. 105.

¹² История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. С. 32.

¹³ *Tanner V.* The Winter War: Finland against Russia 1939–40. P. 132; См. также: *Carlquist E.* Solidaritet på Prov: Finlandshjälp Under Vinterkriget. S. 23.

¹⁴ История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. С. 32.

¹⁵ При этом, чтобы избежать обвинений в нарушении нейтрального статуса страны, заказ был объявлен «шведским». См.: История Дании. XX век. М., 1998. С. 117.

¹⁶ *Риске У.* История внешней политики Норвегии. М., 2003. С. 191.

¹⁷ Половина из них в качестве дара.

¹⁸ *Lange T.* Vapenhjälpen till Finland. Sveriges Militära Beredskap, 1939–1945. S. 136.

¹⁹ Vehviläinen O. Finland in the Second World War: Between Germany and Russia. P. 70.

²⁰ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. 3rd ser. Vol. V. London, 1952. P. 233.

²¹ История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны. С. 32.

²² История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. Т. 1. М., 1960. С. 264.

²³ Vehviläinen O. Finland in the Second World War: Between Germany and Russia. P. 72.

²⁴ История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны. С. 32.

²⁵ Vehviläinen O. Finland in the Second World War: Between Germany and Russia. P. 72–73

²⁶ Во многом это объясняется разворачивавшейся в непосредственной близости от этих стран Второй мировой войной на территории Западной Европы. В этих условиях правительства этих Скандинавских стран не могли пойти на ослабление и так скромного оборонительного потенциала.

²⁷ Montgomery A. Svensk ekonomisk historia, 1913–1939. Stockholm, 1948. P. 362.

²⁸ Tanner V. The Winter War: Finland against Russia 1939–40. P. 133.

В. Н. Барышников

БОМБАРДИРОВКА СОВЕТСКОЙ АВИАЦИЕЙ ХЕЛЬСИНКИ В ФЕВРАЛЕ 1944 г.: ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ*

В октябре 2014 г. в 70-летний юбилей выхода Финляндии из Второй мировой войны на стороне нацистской Германии в Москве была издана на русском языке монография «Финляндия, 1944. Война, общество, настроения» известного специалиста в области финской и скандинавской истории профессора Хельсинкского университета Х. Мейнандера¹. Ранее эта книга была подготовлена в 2009 г. на шведском языке², а затем переведена на финский и украинский языки³. Несомненно, данная работа представляет исследовательский интерес⁴, а ее автор известен в России, прежде всего, тем, что до этого, в 2008 г., также на русском языке в Москве была опубликована еще одна его книга «История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты»⁵.

Весьма любопытно, что в новой работе финского профессора достаточно подробно рассматривается вопрос о нанесении в феврале 1944 г. советской авиацией бомбового удара по столице Финляндии. Данному событию в тексте монографии уделено очень много внимания. Фактически по объему опубликованного материала эта отдельная глава монографии оказалась аналогичной описанию грандиозного советского наступления в июне 1944 г. на Карельском перешейке⁶ и даже значительно больше, чем, например, то, что касалось повествованию в книге о так называемой «лапландской войне»⁷. Причем, раскрывая события, связанные с советским авиационным налетом на столицу Финляндии, профессор Х. Мейнандер постарался его непосредственно сравнить с тем бомбометанием, которое осуществляла англо-американская авиация по городам Германии в 1943–1945 гг.

Действительно, советская бомбардировка Хельсинки в 1944 г. произвела большое впечатление. Ее в шведской и англосаксонской печати четко рас-

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В. Н. Барышников.

смаатривали лишь в качестве «акта предупреждения»⁸. С другой стороны, как докладывали в начале февраля финские дипломаты из Берна, в Швейцарии даже стали тогда уже «возвращаться к мнению, что Советский Союз в своей агрессии против Финляндии находится в начале перекрестка своего пути»⁹. Иными словами, произведенный бомбардировочный удар советскими ВВС по финской столице приковал внимание многих и указывал на то, что в СССР меняют свою тактику ведения войны против этой страны, поскольку до этого Советский Союз целенаправленно бомбил Хельсинки лишь только однажды — 30 ноября 1939 г. Причем эта бомбардировка, как известно, произошла в начале «зимней войны» и тогда жертвами атак советской авиации стали центральные районы города, в результате чего погибло около ста человек, а разрушения в финской столице оказались наиболее сильными из всех тех, которые были в ходе Второй мировой войны¹⁰. Именно на основе этого налета в начале «зимней войны» действия Советского Союза были представлены в крайне невыгодном свете в глазах мировой общественности.

Однако парадокс первого авианалета на Хельсинки заключался в том, что он не был особо продуман советским командованием. Об этом свидетельствуют реально происходившие в небе над столицей Финляндии события. Тогда Хельсинки несколько раз подвергся атакам бомбардировочной авиации. Первыми уже в 9:15 утра здесь появились самолеты ВВС Ленинградского военного округа. Они нанесли бомбовый удар по аэропорту, а также подвергли атаке хельсинкский пригород Тиккурила. В результате чего уже в самом начале войны там погибло 3 человека¹¹.

Однако основной налет на Хельсинки произошел только вечером и силами лишь авиации Балтийского флота¹². Причем единственной их задачей было только «уничтожить флот Финляндии, имея главным объектом броненосцы береговой обороны, подводные лодки, авиацию на морских аэродромах и аэродромные сооружения»¹³. Относительно гражданских объектов четко указывалось, что их вообще не следует подвергать какой-либо бомбардировке¹⁴.

Таким образом, в СССР о нанесении бомбовых ударов по гражданским объектам и тем более по районам густого проживания мирного населения речи абсолютно не велось. Таких задач советское командование перед летчиками вообще не ставило. Однако в условиях наступавшей темноты, почти в пять часов вечера, в воздушном пространстве финской столицы появились советские самолеты. Их целью являлся хельсинкский порт и корабли, стоящие тогда на рейде¹⁵. Но вместо этого в условиях вечерних сумерек бомбы стали падать на гражданские объекты финской столицы, на самый густонаселенный центр города. Причем, как было отмечено в оценочных финских военных документах, «объектами бомбардиров-

ки был прежде всего порт, который все же не пострадал»¹⁶. Бомбы падали между Техническим университетом и автобусным вокзалом, в районе парламента и Зоологического музея. Погибло более 90 жителей города.

В результате нанесенный бомбовый удар 30 ноября 1939 г. по жилым районам финской столицы являлся совершенно очевидно ошибкой советских пилотов. Они не смогли выполнить стоявшую перед ними боевую задачу¹⁷. Более того, после этого в мире началась жесткая критика политики СССР в отношении Финляндии. Вплоть до того, что уже 30 ноября президент США Ф. Д. Рузвельт послал телеграмму И. В. Сталину, в которой решительно настаивал на прекращении бомбардировок советской военной авиацией гражданских объектов в Финляндии¹⁸.

Однако прошло лишь три года и на завершающейся стадии Второй мировой войны ситуация с бомбардировками гражданских объектов и густонаселенных районов европейских городов стало уже обыденным явлением, причем именно американцы и англичане в этом очень серьезно преуспели. Их бомбардировочная авиация методично разрушала густонаселенные исторические центры различных городов Германии, превращая их в руины. Об эффективности этих налетов можно судить даже из того, что после войны оказалось даже трудным найти более или менее крупный немецкий город, которыми таким образом не был бы разрушен.

Таким же по своей общей идее должен был стать в феврале 1944 г. и налет на финскую столицу советской авиации. Он был нацелен именно на город. Но его результат оказался далеким по эффективности от западных аналогов. В монографии профессора Х. Мейнандера указано, что «потери среди гражданского населения Хельсинки в ходе февральских бомбежек 1944 г. были чрезвычайно малы» и лишь «в общей сложности 6 % жилого фонда столицы и пригородов получило те или иные повреждения»¹⁹. Причем, разбираясь с этим бесспорным фактом, Х. Мейнандер постарался определить причины этого, пытаясь выяснить отличия, которые были в бомбардировках союзников и СССР.

По его мнению, разница заключалась лишь в том, что советская бомбардировочная авиация использовала меньшее количество бомбардировщиков и соответственно и бомб. Причем и сами эти бомбы тоже имели меньшую мощность, в сопоставлении их с западными аналогами. Кроме того, в его исследовании еще обращалось внимание на отсутствие достаточного профессионализма у советских летчиков в сравнении с пилотами англо-американской авиации, а также еще и тем, что в Хельсинки оказалась более совершенная система противовоздушной обороны, чем в самой Германии, хотя, как отмечает финский исследователь, именно «немцы установили в Хельсинки ультрасовременные средства противовоздушной обороны»²⁰.

Однако все эти аргументы только отчасти можно, как представляется, признать оправданными. Кажется, в частности, даже удивительным сейчас рассуждать об эффективности немецких систем ПВО, примененных финнами, если вспомнить участь городов Германии. Более того, вероятно, здесь следует еще учитывать, что в результате советского налета потери участвовавших в нем самолетов были в процентном соотношении даже меньшими, чем в налетах на немецкую территорию ВВС союзников. Здесь, безусловно, можно согласиться с мнением отечественных исследователей авиации А. Медведя и Д. Хазанова, которые, пытаясь дать оценку эффективности финских ПВО в момент бомбардировки Хельсинки в феврале 1944 г., обратили внимание на советские потери. Они отмечали, что тогда: «АДД [Авиация дальнего действия. — В. Б.] потеряла по боевым причинам не более 1 % от числа самолетов, вылетающих на задание. При таком уровне потерь бомбардировщики практически „не замечают“ противодействия: в американской 8-й ВА (аналоге АДД по выполняемым задачам) среднемесячные потери в 1943–1944 гг. колебались от 3 до 5 % (в отдельных вылетах — до 20 %)»²¹. Удивительно, но это, несмотря ни на что, признает и сам финский исследователь²². С другой стороны, учитывая возможность менее серьезной подготовки советских пилотов дальней авиации²³, чем, скажем, английских или американских, которые до июня 1944 г. ничем иным в Европе просто не занимались, как только бомбили немецкие города, можно поставить главный вопрос: насколько советская Авиация дальнего действия (АДД) использовала (или пыталась использовать) хорошо известные западные технологии, которые применялись при бомбометании по немецким городам?

Вероятно, здесь различий было значительно больше, и наряду с более внушительной численностью самолетов, участвовавших в операциях англо-американской бомбардировочной авиации, а также с применением вдвое большей мощности бомб, западные союзники, чтобы разрушить город, стремились все продумывать до мелочей. Естественно, что это давало несколько иной эффект. Главной же в концепции их бомбардировок была идея преднамеренного разрушения исторических центров немецких городов, что рассматривалось в качестве необходимого условия для того, чтобы «сломить боевой дух вражеской стороны, подвергнув ее гражданское население мощным бомбежкам»²⁴. Поэтому вначале их авиационного налета самолеты союзников намеренно сбрасывали на густонаселенные центры немецких городов прежде всего тяжелые авиационные осколочно-фугасные бомбы (500–1000 кг). Благодаря этому ударной волной от их разрывов срывались крыши зданий, выбивало стекла, а на улицах, в местах падения этих мощных бом, возникали гигантские воронки, которыми перебивалась вся водо-

проводная система данного района. К тому же в результате этих взрывов, естественно, основательно нарушалась и общая система коммуникаций, что серьезно замедляло возможные действия спасателей и пожарных. Далее, и это самое важное, во вскрытые сверху, обескровленные здания, затем сбрасывались уже зажигательные бомбы. В результате пламя охватывало все деревянные конструкции домов, а воздушная тяга превращала каждый очаг возгорания в огромный пожар, который беспрепятственно с другими возникшими там же пожарами от таких же зажигательных бомб сливался в единый огненный смерч. При этом погибали практически все люди, которые оказывались в зоне подобной бомбардировки, независимо от того, находились они в подвалах или пытались спастись бегством уже на улицах города. В целом жители городов, подвергшиеся подобной бомбардировке, либо сгорали в огне, либо просто задыхались от дыма²⁵.

Профессор Х. Мейнандер в данном случае не смог привести подобных картин советской бомбардировки в феврале 1944 г. Хельсинки. Он лишь указал, что «часто встречающимися эпизодами в коллективной памяти стали томительные ночи в убежищах, жуткие мгновения, когда поблизости разрывался снаряд...»²⁶. Однако с подобного характера воспоминаниями, вероятно, можно было столкнуться у всех тех, кто в той или иной степени пережил бомбардировочные атаки в годы войны в Восточной Европе, и эти впечатления очень серьезно отличаются от того, как переживали люди бомбардировки авиации западных союзников.

В частности, в этом отношении весьма выразительными являются воспоминания 16-летнего юноши, жителя Кёнигсберга, который испытал авиационный налет британских ВВС в августе 1944 г. Он, конкретно, вспоминает: «...29 августа нас опять загнали в подвал. Это был неописуемый ад. Налетам и взрывам не было конца... В результате весь центр [города. — В. Б.] вспыхнул почти разом. Резкое повышение температуры и мгновенное возникновение сильнейшего пожара не оставили гражданскому населению, жившему в узких улочках, никаких шансов на спасение. Люди сгорали и у домов, и в подвалах... Около трех суток в город было невозможно войти. И по прекращении пожаров земля и камень оставались раскаленными и остывали медленно. Черные руины с пустыми оконными проемами походили на черепа»²⁷.

Действительно, подобных ужасов жители Хельсинки просто не испытывали. В результате, несмотря на то что трижды — в ночь на 7, на 17 и на 27 февраля город подвергался целенаправленным советским бомбардировкам, в нем тогда погибло несравненно меньшее число жителей — 146 человек²⁸, чем при бомбардировках немецких городов. Эти цифры, объективно, даже трудно сравнить с аналогичными результатами атак англо-американ-

ской авиации немецких городов. За две английские бомбардировки, 26 и 29 августа 1944 г. того же Кёнигсберга, там, скажем, погибло не менее 5 тысяч человек. Причем «военные объекты не пострадали»²⁹. В Гамбурге же, во втором по величине городе Германии, в результате налетов 25 июля — 3 августа 1943 г. вообще погибло до 45 тысяч человек³⁰.

В результате, представлять советские налеты на Хельсинки похожими на действия бомбардировочной авиации союзников можно лишь с очень большой натяжкой. Очевидно, что здесь подобные сравнения выглядят не совсем корректно, прежде всего с точки зрения реализации самих задач, поставленных тогда англо-американским и советским командованием. Испытанные западные технологии советской Авиацией дальнего действия явно не применялись и в этом, в главном, отношении любые аналогии подобного масштаба становятся просто нелепыми.

К тому же, в целях придельной объективности, видимо, также следовало еще вспомнить, что вслед за этими бомбардировками Хельсинки уже ВВС Финляндии также дважды в марте и апреле 1944 г. предпринимали попытки нанести ответные удары по району Ленинграда³¹. Хотя целями здесь, как утверждают финские историки, были военные объекты, но принцип здесь был схожим. Показательно, что благодаря слаженным действиям уже советских сил противовоздушной обороны последняя попытка авиационного налета противника на район Ленинграда, осуществленная в ночь на 4 апреля 1944 г., вообще полностью провалилась, поскольку финские самолеты даже не смогли долететь до намеченных их командованием целей³².

С другой стороны, очевидно, что для советского руководства главным в проведенных в феврале 1944 г. бомбардировках не являлось, как у союзников, «лишения жилищ» городского населения или, что еще более печально, с помощью авиации «с наименьшими затратами убить новые сотни людей»³³. Наоборот, при бомбардировке финской столицы перед советскими военно-воздушными силами ставилась лишь конкретная задача нанесения ударов по военным и стратегическим объектам города³⁴. Как откровенно вспоминал один из советских летчиков, принимавший участие в этой воздушной операции, «целей было много — заводы, станции, казармы, склады...», и далее пояснил: «...город мы не трогали», а «нашими целями были совершенно конкретные военные и административно-политические объекты — порт, верфь, железнодорожные узлы, промышленные предприятия в предместьях города»³⁵.

Это подтверждает в своих воспоминаниях и собственно командующий Авиацией дальнего действия А. Е. Голованов. Он указывает, что само задание подготовить бомбовый удар по Хельсинки было ему дано еще в середине декабря 1943 г. лично И. В. Сталиным. Причем речь шла

лишь о «подготовке удара по военно-промышленным объектам Финляндии». Конкретно руководителю АДД приказывалось: «Удар наносить по порту Хельсинки, железнодорожному узлу и военным объектам, расположенным в предместьях города. От массированного удара собственно по городу воздержаться»³⁶.

В результате действительно авиационные удары пришлись по пригородам, а также по железнодорожному вокзалу и железнодорожным коммуникациям Хельсинки. Кроме того, советская авиация бомбила портовые кварталы. Все это, естественно, в определенной степени затронуло и центр города. Но только 4 процента всех бомб, сброшенных на Хельсинки, попали в высотную застройку, а пострадали прежде всего деревянные сооружения пригородов³⁷, поскольку, как считалось, «по-настоящему разрушительными для крупных многоэтажных каменных зданий могли являться только фугасные бомбы калибром не менее 250 кг», тогда как их советская авиация применяла несравненно меньше по мощности авиационные снаряды³⁸.

При этом, что являлось наиболее важным, главным результатом этих бомбовых ударов стало то, что от них в Хельсинки действительно серьезно пострадали лишь железнодорожные коммуникации, портовые сооружения, а также расположенные в городе здания казарм финских войск, т. е. достаточно важные стратегические или военные объекты. К тому же, как полагают, «никогда более советским бомбардировщикам АДД не удавалось нанести столь существенного ущерба судоходству противника», как это случилось в февральских налетах на финскую столицу³⁹.

Что же касается сугубо гражданских сооружений, которые в ходе налетов серьезно пострадали, то в зону бомбометания попали и соответственно были разрушены здание Хельсинкского университета, библиотека Технического института, а также постройки, бывшие до войны помещением советского дипломатического представительства (!). При этом, как утверждают советские летчики, участвовавшие в этой операции, подобные разрушения были вызваны не тем, что перед ними ставилась соответствующая боевая задача, а было следствием появившихся в момент бомбометаний нередко случайно «залетавших в городские кварталы» т. н. «гуляющих» бомб⁴⁰. Это подтверждает и известный финский историк авиации К.-Ф. Геуст, который прямо отметил, что «нельзя предполагать, что АДД со своей тактикой и самолетами того времени, а также свободно падающими, сброшенными ночью с большой высоты бомбами, могла попасть по главным мишеням» точно⁴¹.

Таким образом, разрушение гражданских объектов было не следствием целенаправленных действий советской авиации, а являлось только

сопутствующим итогом проведения данной операции. Причем, по мнению А. Д. Голованова, вообще, «если бы масса самолетов, принимавшая участие в этом налете, нанесла удар собственно по Хельсинки, то можно сказать, что город прекратил бы свое существование»⁴², как, очевидно, это происходило в годы войны с немецкими городами. Сейчас же, при строго научном анализе произошедшей бомбардировки, исследователи утверждают, что с использованием менее мощных советских авиационных бомб, чем применялись западными союзниками, столице Финляндии действительно могли бы причинить значительно больший ущерб, когда бы задача советского командования стояла лишь только в целенаправленном разрушении самого города. Как замечается, «если бы относительно крупнокалиберные бомбы (50 кг и выше) падали „сплошным ковром“ только по застроенным районам, то они могли бы разрушить и повредить от 9 до 27 % всех зданий Хельсинки»⁴³. Этого, как известно, не произошло. В целом же понятно, что в любом случае советский бомбовой удар по Хельсинки разительного отличал его от англо-американских аналогов.

Но при этом, с другой стороны, близкой к англо-американским налетам на немецкие города стояла, очевидно, задача, которую также преследовали в Советском Союзе. Известно, что на Западе подобными бомбардировками стремились оказать воздействие на моральный дух гражданского населения⁴⁴. Возможно, столь массированной бомбардировкой финской столицы в Москве также полагали оказать воздействие на «боевой дух финнов». Но здесь, очевидно, в этом авиационном налете видели еще несколько иную задачу. Советский Союз явно стремился повлиять не на всех жителей Финляндии, а оказать воздействие, прежде всего, на финское руководство. В этом, конечно, тоже было свое принципиальное различие, поскольку действительно как раз тогда в финской столице начался процесс поиска возможности выхода Финляндии из войны. Несомненно, что Советский Союз тогда стремился способствовать тому, чтобы в финском руководстве сделали «правильное решение».

Дело в том, что уже с начала 1943 г. Финляндия развернула дипломатическую подготовку возможного вывода страны из войны. Причем эта политическая линия имела достаточно сложную конфигурацию, а сама ее стратегия, осуществляемая руководством страны в продолжение целого года, явно претерпевала определенную эволюцию. Если на первых порах (с января до середины 1943 г.) финская дипломатия лишь окольными путями с ведома Германии хотела прощупать на Западе пути выхода из войны, а затем в ухудшившейся для рейха обстановке на фронте это делалось опять-таки через западные страны, но уже скрытно от Германии (с лета по сентябрь 1943 г.), то в момент организации СССР бомбар-

дировок Хельсинки финское руководство наконец-то стало выходить на прямые контакты с Москвой⁴⁵. Но подойти к принятию данного решения для Финляндии оказалось весьма непростой задачей. Как тогда заметил председатель комиссии парламента по иностранным делам В. Войонмаа: «Положение наше сейчас такое же, как и осенью 1939 г. [накануне начала «Зимней войны». — В. Б.]. По какому пути ни пойти — везде есть риск»⁴⁶.

В этой ситуации очевидно, что в советском руководстве пришли к выводу, что пора финскому правительству показать «решительность своих намерений» и подсказать им «правильное решение». В итоге впервые за годы Великой Отечественной войны было отдано распоряжение нанести бомбовый удар по Хельсинки.

Реализация данного АДД задания действительно оказало определенное влияние на финское руководство⁴⁷. Именно в момент первого авиационного удара в финском руководстве как раз и принимались судьбоносные для страны решения. Дело в том, что, собственно, в то же самое время из ставки в Хельсинки прибыл К. Г. Маннергейм. И в момент советской бомбардировки у него проходила важная встреча с военным министром К. Р. Вальденом и с влиятельным в правительстве страны министром финансов В. Таннером. Участникам этого совещания, как свидетельствует в своих мемуарах Таннер, пришлось даже укрыться в бомбоубежище, а финский маршал прямо сказал, что «если в скорейшее время не будет достигнут мир, то произойдет ужасная катастрофа», поскольку подчеркнул, что «Советский Союз одержим добиться победы». Это «мнение Маннергейма, — заметил Таннер, — оказало огромное впечатление»⁴⁸. Далее, на следующий день, взгляды маршала были озвучены на заседании правительства. Причем в соответствующем помещении здания финского правительства его проведение оказалось крайне затруднительным. Из-за ночной бомбардировки, как уточнил Таннер: «Работать там было невозможно: окна были выбиты, в помещениях царил холод. Тогда все собрались в столовой»⁴⁹, — видимо, там было теплее. Но принципиальным в этом стало то, что уже спустя сутки, 8 февраля, прошло еще одно важное совещание, уже у президента страны Р. Рюти. На нем присутствовали К. Г. Маннергейм, К. Р. Вальден, В. Таннер и министр иностранных дел К. Х. В. Рамсай. На этой встрече Маннергейм опять прямо сказал, что «не нужно быть стратегом, чтобы предвидеть будущее наступление русских»⁵⁰. Итогом же этого совещания было уже принятие окончательного решения начать прямые переговоры с СССР, направив представителя Финляндии Ю. К. Паасикиви в Стокгольм для встречи с советским посланником А. М. Коллонтай, чтобы «предоставить ей взгляды Финляндии о нашей готовности приступить к переговорам»⁵¹. Таким образом, действительно начался процесс переговоров с СССР о выходе страны из войны.

Однако, очевидно, большего с точки зрения оказания воздействия на финское руководство последующие советские бомбардировки уже дать не могли. Поэтому второй, а затем третий бомбовый удар по финской столице ничего позитивного в развитии политического диалога не принес. Теперь в руководстве Финляндии не хотели показать, что правительство «обмякло под воздействием бомбардировок» и только «из-за боязни, которую вселяли бомбардировки, приступило к выяснению условий мира»⁵². В результате в Хельсинки последующие советские авиационные удары по столице стали строго рассматривать как стремление Москвы «подавить нашу волю к сопротивлению и придать требованиям советского правительства большую убедительность»⁵³, полагая при этом, что подобные действия Советского Союза «являлись плохой тактикой в финляндском вопросе»⁵⁴.

Тем не менее переговоры продолжились. Они уже переместились в марте 1944 г. в Москву, хотя там также особых позитивных результатов не дали. При этом показательно, что после трех зимних воздушных атак столицы Финляндии далее руководство СССР уже не продолжило использовать свою авиацию дальнего действия в отношении столицы этой страны. Все решилось в ходе советского наступления на Карельском перешейке и в Карелии в июне—июле 1944 г., а также в результате прошедшего затем переговорного процесса, закончившегося предписанием 19 сентября соглашения о перемирии. Таким образом, Хельсинки не разделил участь городов Германии, и, вероятно, поэтому сейчас очень трудно заметить какие-либо следы советских авиационных налетов на этот город, а судьба его жителей сложилась далеко не так, как населения немецких городов, которое действительно серьезно пострадало от бомбовых ударов англо-американских союзников.

¹ Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. М., 2014.

² *Meinander H. Finland 1944: Krig, samhälle, känslolandskap.* Hels., 2009.

³ *Meinander H. Suomi 1944: Sota, yhteiskunta, tunnemaishema.* Hels., 2009; Мейнандер Г. Финляндия, 1944: война, суспільство, настрої. Київ, 2010.

⁴ Подробно см.: Барышников В. Н. Финляндия на пороге рождения «Второй Республики»: 1944 год: и его значение для финской истории // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 13. С. 198–218.

⁵ Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008. (В этой книге автор постарался, как он отметил, свести «важнейшие научные достижения последних десяти—пятнадцати лет в единое хронологическое целое». См. с. VII.)

⁶ Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. М., 2014. С. 43–69, 161–189.

⁷ Там же. С. 285–294.

⁸ См.: *Gripenberg G. F. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. Suomalaisen diplomaatin muistelmia.* Porvoo; Hels., 1960. S. 306.

³¹ См.: *Seppälä H.* Leningradin saarto 1941–1944. Murhenäytelmän sävyttämä voitto. Hels.; Pietari, 2003. S. 176.

³² История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 372–373; *Иноземцев И. Г.* Под крылом — Ленинград. М., 1978. С. 209; Ленинград в борьбе месяц за месяцем 1941–1944. СПб., 1994. С. 305–306; *Барышников Н. И., Лайдинен Э. П.* Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 17.

³³ *Horst G.* Generalprobe für die Hölle. S. 54.

³⁴ См.: *Медведь А., Хазанов Д.* Цель — Хельсинки. Удары АДД по финской столице в феврале 1944 г. С. 19; Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). М., 1986. С. 92; *Богданов Н. Г.* В небе гвардейский Гатчинский. Из записок летчика АДД. Л., 1980. С. 244; *Бочкарев П. П., Парыгин Н. И.* Годы в огненном небе. (Авиация дальнего действия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). М., 1991. С. 193–194.

³⁵ *Решетников В. В.* Что было — то было. М., 2004. С. 304, 307; *Решетников В. В.* Обреченные на подвиг. Избранники времени. М., 2007. С. 179–181.

³⁶ *Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная... М., 2004. С. 403.

³⁷ Из 109 разрушенных зданий — 74 являлись деревянными. (См.: *Мейнандер Х.* Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. С. 59.)

³⁸ *Медведь А., Хазанов Д.* Цель — Хельсинки. Удары АДД по финской столице в феврале 1944 г. С. 25, 26.

³⁹ Там же. С. 24. Было потоплено пять кораблей (Там же. С. 26).

⁴⁰ *Решетников В. В.* Что было — то было. С. 307; *Решетников В. В.* Обреченные на подвиг. Избранники времени. С. 180–181.

⁴¹ *Геуст К.-Ф.* Налеты советской дальней авиации на Хельсинки с февраля 1944 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008. С. 147.

⁴² *Голованов А. Е.* Дальняя бомбардировочная... С. 407.

⁴³ *Медведь А., Хазанов Д.* Цель — Хельсинки. Удары АДД по финской столице в феврале 1944 г. С. 25.

⁴⁴ *Horst G.* Generalprobe für die Hölle. S. 54.

⁴⁵ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 241; *Барышников Н. И.* Выход Финляндии из Второй мировой войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1985. С. 81.

⁴⁶ *Voionmaa V.* Kuriiripostia. 1941–1946. Hels., 1971. S. 313.

⁴⁷ *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa. Osa II. Porvoo; Hels.; Juva, 1980. S. 16.

⁴⁸ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–44. Hels., 1952. S. 165.

⁴⁹ Ibid. S. 166. См. также: *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. Hels., 1970. S. 300.

⁵⁰ Цит. по: *Risto Rytin päiväkirjat 1940–1944.* Hels., 2006. S. 306.

⁵¹ *Polvinen T.* Teheranista Jaltaan. Suomi kansainvälisessä politiikassa. S. 16.

⁵² *Linkomies E.* Vaikea aika. Suomen pääministerinä sotavuosina 1943–44. S. 300.

⁵³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. Hels., 1952. S. 432.

⁵⁴ *Tanner V.* Suomen tie rauhaan 1943–44. S. 182.

**БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ:
СОТРУДНИЧЕСТВО
И ПРОТИВОСТОЯНИЕ**

Г. А. Гребенщикова

ВОЕННО-МОРСКИЕ СИЛЫ РОССИИ И ШВЕЦИИ НАКАНУНЕ РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1788–1790 гг.

Война со Швецией в последние годы царствования Екатерины II (1762–1796) стала для России неожиданной и внезапной. В Петербурге не планировали кампанию на Балтике, так как занимались глубокими военно-стратегическими разработками в другом географическом направлении — средиземноморском, в соответствии с которыми в 1780-е гг. Екатерина II санкционировала наступательную военную доктрину в отношении главного потенциального противника своей империи — Османской Порты (Турции). Разработчиками военной стратегии на южном и средиземноморском театрах военных действий являлись известные военные и государственные деятели России: графы А. А. Безбородко и И. Г. Чернышев, князь Г. А. Потемкин-Таврический, граф П. А. Румянцев-Задунайский, адмирал С. К. Грейг. В рамках принятой доктрины планировалось силами Балтийского флота и десантных войск осуществить второй поход в Средиземное и Эгейское моря в недра Османских владений, форсировать Дарданеллы, выйти к Константинополю и нанести Турции решающее поражение. Со стороны Босфора должен был действовать Черноморский флот, строительство которого в Херсоне и на верфях Хопра шло полным ходом. Но замыслы Екатерины II и тщательно разработанные ее сотрудниками планы в отношении Турции не осуществились по причине открывшейся кампании со шведами.

В отличие от России, шведский король Густав III начинал подготовку к войне с соседней империей со второй половины 1770-х гг. Причем родственные связи с российской императрицей¹ не препятствовали ему в вынашивании планов с оружием в руках вернуть потерянные при заключении Ништадтского мира территории и крепости в Прибалтике и в Финляндии. Несмотря на призывы своего искушенного в военно-по-

литических вопросах дяди — прусского короля Фридриха II никогда не воевать против России, Густав III тем не менее основательно готовился к войне, а в 1782 г. утвердил новую судостроительную программу. В то время шведский флот нуждался в двустороннем реформировании — в кадровой реорганизации и в количественном обновлении судового состава, так как большинство судов старой постройки оказались непригодными к службе. Общее курирование процесса реформирования флота Густав III поручил доверенным лицам, в число которых входил известный адмирал Генрих аф Тrolле и корифей шведского и европейского судостроения Ф. Г. Чапман. На завершение всех практических вопросов, связанных с наращиванием военно-морского потенциала в целом и интенсификацией кораблестроения в частности, король отвел не более пяти — семи лет.

Программа усиленного кораблестроения шведов предусматривала постройку серии из десяти единиц боевого ядра флота — кораблей 64-пушечного ранга типа «Rattvisan», головного в этой серии (все проекта Ф. Г. Чапмана), а также модернизацию и перевооружение имевшихся фрегатов и постройку принципиально новых фрегатов с высоким уровнем боевых возможностей. Причем в программу 1782 г. ее разработчики внесли важные новшества: во-первых, 64-пушечные корабли стали иметь большее водоизмещение, чем российские 66-пушечные корабли. Во-вторых, артиллерийское вооружение шведских кораблей и фрегатов теперь подразделялось по мирному и военному положениям. В мирное время на кораблях 64-пушечного ранга устанавливали 24-фунтовые орудия на нижней орудийной палубе (гон-деке) и 18-фунтовые и 6-фунтовые орудия на верхней закрытой батарее (опер-деке) и квартердеке соответственно, а в военное время — более мощные 36-фунтовые на гон-деке и 24- и 8-фунтовые на опер- и квартердеке соответственно.

Наряду с линейными кораблями большое внимание шведские мастера уделяли фрегатам. На то имелись важные причины. 40-пушечные фрегаты шведов были на 10 футов (3,05 м) длиннее российских такого же ранга и несли в качестве артиллерии главного калибра 24-фунтовые короткие пушки облегченной конструкции (26 на оба борта), а при необходимости на открытой палубе ставили 12-фунтовые орудия вместо 6-фунтовых. Во время боевой кампании такие фрегаты могли нести до 50 орудий, что было связано с задачами их службы, и прежде всего с оказанием огневой поддержки линейным кораблям на любой фазе боя, когда фрегат заменял вышедший из строя корабль и занимал его место в линии баталии. Кроме того, шведские фрегаты могли достаточно результативно действовать автономно или малыми тактическими группами и наносить противнику значительный урон. Не случайно впоследствии, во время

операций на море, российский адмирал С. К. Грейг обращал внимание подчиненных офицеров на три новых шведских фрегата — «Беллону», «Венус» и «Диану», в которых видел серьезную боевую силу. Поэтому Грейг предписывал «захватить или истребить» эти фрегаты². Российские 40-пушечные фрегаты несли артиллерию меньшего калибра — 18-фунтовые пушки в орудийной батарее.

Итогом усиленного кораблестроения шведов стала постройка на верфях Карлскруны с 1783 по 1785 г. серии из десяти линейных кораблей и десяти фрегатов³. Все они отличались хорошим качеством постройки, остойчивостью, отличной маневренностью и управляемостью, мореходностью и скоростью хода. Пополнив флот боевыми судами, Густав III продолжил наращивание всех видов вооруженных сил. В 1785 г. полномочный министр России в Стокгольме А. И. Морков отправил депешу члену Коллегии иностранных дел А. А. Безбородко, в которой доложил: «Содержание флота в прошлом году стоило 472 554 риксдалера, но в нынешнем будет простирается до 573 119-ти, что составляет более ста тысяч риксдалеров прибавки. В чем следует еще присовокупить 13 650 риксдалеров, определенных на разные морские экзерциции. Между чрезвычайными расходами примечаются некоторые совсем новые артикулы, как: на вооружение нескольких кораблей 25 000. Сие, я думаю, относится к тем кораблям, которые имели выйти сим летом из Карлскруны. При сем имею честь приложить состояние шведской сухопутной военной силы» на состояние 1 апреля 1785 года: 6612 рейтар, 2677 драгун, 71 легких драгун и 290 гусар. Всего конницы — 9650 человек. Наличных лошадей — 9879. Недостаёт по комплекту — 550 человек и 368 лошадей. «Наличная сила пехотных ландмилицких и вербованных полков, купно с артиллериею, фортификациею и армейским флотом составляет 33 047, порожные нумеры сочиняют 7106 человек⁴. И тако все недостающее число простирается до 7656 человек»⁵.

В 1787 г., за год до войны с Россией, шведский флот в полной боевой готовности сосредоточился в главной базе Карлскруне в таком составе⁶:

Ранги	Наименования	Калибры орудий / Количество					
	Корабли	36	24	18	12	8	6
74	Adolf Fredrik		26	28		20	
74	Gustav III		26	28		20	
72	Sophia Magdalena		28	26			18
72	Prince Gustav		28	26			18
72	Louisa Ulrika		28	26			18
72	Giotha Seyon		28	26			18
72	Enigheten		28	26			18

64	Prince Carl Fredrik		26		28		10
64	Riksen Stander		26		24		14
64	Herlig Ferdinand		26		24		14
62	Prince Carl		26		24		12
62	Prince Fredrik Adolf		24	26			12
62	Hedvig Elizabeth Charlotta		24	26			12
62	Fredrik Rex		24		26		12
62	Prince Gustav Adolf	26	28			8	
62	Fadernesland	26	28			8	
62	Omgeten	26	28			8	
62	Rattvisan	26	28			8	
62	Dygden	26	28			8	
62	Aran	26	28			8	
62	Forsigtigheten	26	28			8	
62	Dristigheten	26	28			8	
62	Manligheten	26	28			8	
62	Tapperheten	26	28			8	
60	Wasa		26	26		8	
60	Finland		24		22	14	
Фрегаты							
44	Grippen			22	22		
44	Uppland			22	22		
42	Minerva		26		16		
42	Bellona		26		16		
42	Venus		26		16		
42	Diana		26		16		
42	Froja		26		16		
42	Thetis		26		16		
42	Camilla		26		16		
42	Galathea		26		16		
42	Euredice		26		16		
42	Zemire		26		16		

В начале 1788 г. число боеготовых линейных кораблей 70- и 64-пушечного рангов шведы довели до 26 единиц⁷. Перед началом боевых действий все корабли и фрегаты королевского флота отличались компактностью установки артиллерийских орудий и упорядоченностью их калибров, за счет чего при стрельбе достигалась высокая огневая плотность. Швеция оказалась полностью подготовленной к войне с Россией, причем накануне

шведы месяц провели в море на практических учениях и проводили артиллерийскую подготовку. Однако открывать кампанию король не имел права без согласия парламента и сословий, но тем не менее это не помешало ему в июне 1788 г. совершить нападение на Россию без объявления войны.

В отличие от Стокгольма, ориентированного на будущие действия на Балтике, в Петербурге целенаправленно готовились к походу в Средиземное море, вкладывая средства и ресурсы на достижение главной стратегической цели выведения Турции из числа реальных и потенциальных противников. 23 октября 1781 г. Екатерина II направила в Адмиралтейств-коллегию указ: «Предположив флот Наш умножить по мере величия Империи Всероссийской, признали Мы за благо в дополнение к настоящему комплекту по мирному времени на первый случай прибавить восемь ста пушечных кораблей»⁸. Императрица санкционировала постройку восьми самых мощных на тот период кораблей 100-пушечного ранга с высоким уровнем боевых возможностей и сильной артиллерией, в том числе 36-фунтового калибра в нижней орудийной батарее. Наличие таких кораблей во флотах ведущих морских держав свидетельствовало о престиже, достоинстве и финансовом благополучии государства. До Екатерины II строительство кораблей такого ранга происходило по одному в царствование — при Петре I, Елизавете Петровне и Анне Иоанновне.

В Зимнем дворце постройку 100-пушечных кораблей разделили согласно поставленным задачам: часть кораблей проектировать и строить для службы на Балтике и, следовательно, их параметры, нагрузку и водоизмещение рассчитывать с учетом глубин моря. Вторую часть проектировать и строить для операций в Средиземном море, а значит, с большей осадкой, и водоизмещением, и другими статьями нагрузки.

Одновременно, как и в Швеции, в 1782 г. Кабинет Екатерины II принял новую судостроительную программу, согласно вступившему в силу закона корабельному Штату Балтийского флота⁹:

	По Штату 1777 года положено было		Ныне иметь полагается	
	В мирное время	В военное время	В мирное время	В военное время
Кораблей				
100-пушечных	—	—	8	8
74-пушечных	8	16	8	16
66-пушечных	24	24	24	24
Итого	32	40	40	48
Фрегатов				
32-пушечных	8	12	12	16

Судов для скорых посылок	12	12	12	16
Барказов и другого рода судов	42	54	54	66

Таким образом, обе державы, Россия и Швеция, начали усиленно вооружаться, имея, однако, разную направленность целей этих вооружений. При этом заметим, что в составе шведского флота не имелось кораблей 100-пушечного ранга: ограничиваясь операциями на Балтике, шведы строили 74- и 66-пушечные корабли. К началу войны 1788 г. в составе Балтийского флота находилось четыре 100-пушечных корабля, а в целом по боевой силе россияне превышали шведов. Другое дело, что стратегические просчеты Екатерины II и ее сотрудников привели к разделению сил. Незадолго до боевых действий сильная балтийская эскадра в составе трех 100-пушечных, семи 74-, пяти 66-пушечных кораблей и шести фрегатов¹⁰ перешла через Датскую Проливную зону и стала на якорь на рейде Копенгагена, с последующей целью следовать вокруг Европы в Средиземное море. Для охраны акватории Балтийского моря и Финского залива оставили 10 кораблей, четыре фрегата и несколько легких парусно-гребных судов для крейсирования на мелководных участках. Для операций в шхерах в полной готовности находилось до пятидесяти галер¹¹. Но средиземноморский поход не состоялся, и в 1789 г. эскадра вернулась обратно к родным берегам, пополнив состав Балтийского флота. В том же 1789 г. Россия располагала на Балтике внушительной боевой силой — 46 линейными кораблями¹², что было достаточно для полного разгрома шведов. Однако главнокомандующий флотом адмирал В. Я. Чичагов не реализовал своего преимущества и не разбил шведский флот, а, наоборот, предоставил ему свободный коридор для выхода из Выборгского залива. В результате война закончилась на условиях довоенного status-quo, когда, в отличие от блестящих действий Петра Великого в ходе Северной войны и от итогов Ништадтского мира, в 1790 г. Россия не приобрела от шведов ни территорий, ни контрибуций. На том важном историческом этапе российской военно-морской истории многое зависело от решительных и активных действий командующего флотом, от его инициативы и предприимчивости. К сожалению, адмирал В. Я. Чичагов не продемонстрировал таковых качеств и упустил возможность окончательно разгромить противника.

¹ Екатерина II приходилась Густаву III двоюродной сестрой: отец Густава, шведский король Адольф I Фредрик, бывший Голштинский (Голштейн-Готторп-

ский) герцог и епископ Любский, приходился родным братом матери Екатерины II княгине Ангальт Цербстской Иоганне-Елизавете и был женат на родной сестре прусского короля Фридриха II Луизе Ульрике фон Гогенцоллерн.

² Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (далее: АВПРИ ИДД МИД РФ). Ф. 96 (Сношения России со Швецией) Оп. 96/6. 1788 год. Д. 1324. Л. 3–4об.

³ Подробнее см.: Svenska Flottans Historia. Malmö, 1943. Bd. 2. S. 548–549. Также: Harris D. Chapman F. H. The First Naval Architect and His Work. L., 1989. P. 125–127.

⁴ Так в документе.

⁵ А. И. Морков — А. А. Безбородко. Стокгольм, 20 (31) мая 1785 г. // АВПРИ МИД РФ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 697. Л. 54, 94–95.

⁶ Российский архив древних актов. Ф. 15 (Дипломатический отдел). Оп. 1. Д. 466. Л. 1–5.

⁷ Svenska Flottans Historia. S. 346–351.

⁸ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 227 (Высочайшие повеления, рескрипты, указы). Оп. 1. Д. 44. Л. 45.

⁹ Там же. Д. 45. Л. 20.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 50. Л. 61.

¹¹ Там же. Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета). Оп. 1. Д. 46. Л. 71.

¹² Там же. Ф. 172 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышева). Оп. 1. Д. 372. Л. 5–5об.

А. А. Лебедев

БАЛТИЙСКИЙ КОРАБЕЛЬНЫЙ ФЛОТ НАЧАЛА XIX в. В СВЕТЕ НОВОГО АРХИВНОГО ИСТОЧНИКА

В общих чертах о неблагоприятном состоянии Балтийского корабельного флота в начале XIX в. известно давно. Это отмечали практически все очевидцы действий Балтийских эскадр рубежа XVIII–XIX вв. Так, русский посол в Англии граф С. Р. Воронцов, весьма прилично разбиравшийся в морских вопросах, писал из Лондона в 1798 г., что некоторые корабли российских эскадр в английских водах «в случае ветра так расшатываются и ослабевают, что делается сильная течь, а потому и служащие на оных, кроме прежестоких трудов в отлипании воды, ежеминутно подвергаются крайней опасности»¹. Не менее показательно и его следующее письмо графу Г. Г. Кушелеву о судах эскадры контр-адмирала П. В. Чичагова, датированное 1799 г., в котором среди прочего значилось: «...состояние их столько дурно и гнило, что о возвращении их нынешнею осенью в Россию... и подумать нельзя»².

Нечто подобное можно прочитать и у других авторов. Например, лейтенант Королевского флота Норрис, прибывший в Кронштадт на одном из транспортных судов, которые перевозили репатриированных русских солдат после выхода Павла I из антифранцузской коалиции, 19 (30) октября 1800 г. докладывал, что российский Балтийский флот «и впрямь самый разваливающийся и сгнивший флот из когда-либо выходивших в море... за день до выхода в плавание капитаны семи линейных кораблей доложили, что их корабли не могут выйти за пределы мола, так как ежедневно набирают по шесть футов воды»³. А вот оценка, данная уже А. Р. Воронцовым, возглавившим в 1801 г. «Комитет образования флота»: «О худом состоянии флота и кораблей и дурном их снаряжении не надобно другого доказательства, как то, что в нынешнее лето (1801 года) флот принуждены были держать в гаванях; не только в море, но и на рейд его не вывели, когда англичане в водах наших разъезжали. Лучше соразмер-

ное число кораблей иметь, но чтобы они всем нужным снабжены были и запасы лесов для строения кораблей в магазинах имелись, дабы из сырого леса не строить, как то доньше чинится, чему и причиной, что не более шесть или семь лет корабли служить могут, а в Швеции из такого же леса строенные, но не из сырого, лет по 20 держатся»⁴.

Однако общая картина положения дел на Балтике в означенное время в отечественной историографии до сих пор отсутствует. Это является серьезным недостатком еще и потому, что не позволяет подвести понастоящему объективные итоги развитию корабельных сил Балтийского флота в последней трети XVIII в. — одной из самых ярких страниц его истории. Тем ценнее обнаруженные нами в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ) два ниже публикуемых документа, представляющие собой сводные ведомости корабельного состава Балтийского парусного флота на 1804 г. и способствующие своим содержанием значительному заполнению обозначенной нами лакуны.

**Ведомость о кораблях, фрегатах и прочих судах
Балтийского корабельного флота. Августа 17 дня 1804 г.⁵**

По штату 1803 г. положено непременно/прибавочных	Ныне налицо	Построены / тимберованы или последний раз были в Канале	Чем обшиты	По последним дефектам как удостоены
ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ 100-пуш.				
9/0	130-пуш. «Благодать», в Кронштадте	1800		К плаванию в здешнем море благонадежен
	110-пуш. «Гавриил», в Кронштадте введен в Канал для обшивки медью	1802		К плаванию в дальний вояж благонадежен
	Вновь начатый здесь строением 120-пуш. «Храбрый»			
	Итого: 3 Недостает: 6			
	По неблагонадежности не включается в штатное число 100-пуш. «Св. Николай»	1789	Медью	Служить может на Кронштадтском рейде

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ 74-пуш.				
9/2	«Мстислав», в Кронштадте	1785/ 1797, 1799	Досками	С исправлением в здешнем море служить может
	«Елена», в Кронштадте	1785/ 1786, 1804	Медью	В дальний вояж благонадежен
	«Св. Петр», в кампании	1786/1797, 1799	Досками	В здешнем море служить могут
	«Алексей», в Кронштадте	1790/1800	Досками	
	«Всеволод», в Кронштадте	1796	Досками	Для плавания в здешнем море благонадежны
	«Северный Орел», в Кронштадте	1797	Досками	
	«Москва», в Кронштадте, в Канале	1799	Досками	С исправлением в дальний вояж благонадежны
	«Ярославль», в кампании	1799	Досками	
	«Св. Петр», в Кронштадте, в Канале	1799	Досками	
	80-пуш. «Рафаил», в Кронштадте, в Канал ныне введен для обшивки медью	180[2]		В дальний вояж благонадежны
	80-пуш. «Уриил», в Кронштадте, в Канал ныне введен для обшивки медью	180[2]		
	74-пуш. «Селафаил», в Кронштадте, в Канал ныне введен для обшивки медью	1803		
	Вновь построенный у города [Архангельска] «Сильный»	1804		
	Итого: 13			
	Вновь строятся здесь: 74-пуш. «Твердый», 88-пуш. «Смелый»			
	Итого: 15 Излишних: 4			
	По неблагонадежности не включается в штатное число 74-пуш. «Память Евстафия», в Ревеле	1791	Досками	Неблагонаде- жен, кроме как стоять на рейде

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ 64-пуш.				
9/3	70-пуш. «Зачатие Св. Анны», в кампании	1800		В дальний вояж благонадежны
	64-пуш. «Архистратиг Михаил», в кампании	1800		
	66-пуш. «Ианнуарий», в кампании	1780/1798		С исправлением в здешнем море служить могут
	66-пуш. «Болеслав», в кампании	1783/1797, 1799	Досками	
	66-пуш. «Изяслав», в кампании	1784/1796, 1800		В здешнем море плавать может
	66-пуш. «Ретвизан», в Кронштадте	1790 ⁶ /1797, 1804	Медью	В дальний вояж благонадежен
	66-пуш. «Омгейтен», в кампании	1790 ⁷ /1801	Досками	Для плавания в здешнем море благонадежны
	66-пуш. «Принц Карл», в кампании	1790 ⁸ /1793, 1801	Досками	
	66-пуш. «Михаил», в кампании	1791/1798		
	66-пуш. «Европа», в Кронштадте	1793/1797	Досками	
	Здесь строится 60-пуш. «Скорый»			
	Строится у города [Архангельска] 66-пуш. «Мощный»			
	Итого 12			
	По неблагонадежности остается сверхштатным 66-пуш. «Пантелеймон», в Ревеле	1783/1796		Не благонадежен, кроме как стоять на рейде
ФРЕГАТЫ 44-пуш.				
8	44-пуш. «Архипелаг»	1789/1800		С исправлением в здешнем море служить может
	52-пуш. «Венус», в Кронштадте	1789/1797, 1804	Медью	В дальний вояж благонадежен
	44-пуш. «Нарва», в Ревеле брандвахта	1790/1800		Брандвахтой служить может
	44-пуш. «Ревель», в Кронштадте	1790	Досками	Под брандвахтой
	50-пуш. «Спешный», в кампании	1802		В дальний вояж благонадежен

	Итого: 5 Недостает: 3			
По определению коллегии от 2 декабря 1802 г. велено было обратиться в транспортные суда, но еще не обращены и употребляются при флоте				
	44-пуш. «Тихвинская Богородица», в кампании	1799	Досками	К плаванию в здешнем море благонадежны
	44-пуш. «Счастливый», в кампании	1798/1800	Досками	
	44-пуш. «Феодосий Тотемский», в кампании	1799	Досками	
	40-пуш. императорский «Емануил», в Кронштадте	1797		С исправлением в здешнем море благонадежен
ФРЕГАТЫ 36-пуш.				
8	38-пуш. «Легкий», при-был из города в 1803 г., в кампании	1802		В дальний вояж благонадежен
	Недостает: 7			
ФРЕГАТЫ 24-пуш.				
10/2	«Автроил», в Кронштадте	1789/1804	Медью	В дальний вояж благонадежен
	Требуется: 11			
БОМБАРДИРСКИЕ КОРАБЛИ				
2/2	Требуется: 4			
КОРВЕТЫ				
3	Строится у города шлюп 32-пуш. 1			
	Недостает: 2			
БРИГИ				
6	Требуется: 6			
ЛЮГЕРЫ				
3	12-пуш. люгер «Великий Князь», в Ревеле	1789/1799	Медью	С исправлением благонадежен
	Яхта «Снапоп», в Кронштадте			С исправлением служить может
	Итого: 2 Недостает: 1			
ПАКЕТБОТЫ				
4	Построен в Кронштадте пакетбот «Стрела»	1804		
	Недостает: 3			

**Ведомость о кораблях и других судах неблагонадежных,
выключенных из флота и кои велено разобрать⁹**

Ранг	Корабль	Где находится	Состояние
ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ			
100-пуш.	«Иоанн Креститель» («Чесма»)	В Ревеле	
	«Саратов»		
	«Евсей»	В Кронштадте	Разобран до днища
	«Ростислав»	В Ревеле	
74-пуш.	«Константин»	В Кронштадте	Разобран до нижней палубы
	«Победослав»		Разобран до днища
	«Максим Исповедник»		К разбору еще не приступлено
	«Сысой Великий»		Для разбора введен ныне в канал
	«Петр»	В Ревеле	
	«Елизавета»		
	«Глеб»		
66-пуш.	«Борис»	В Кронштадте	Употребляется под магазин
	«Святослав»	В Кронштадте	Разобраны до нижней палубы
	«Никанор»		
	«Филипп»		Следует разобрать одно днище и кубрик
	«Не тронь меня»	В Ревеле	
	«Иона»		
	«Победоносец»	В Кронштадте	Употребляется под магазин
ФРЕГАТЫ			
	«Брячислав»	В Кронштадте	Разобраны до нижней палубы
	«Александр»		
	«Воин»		Разобран до верхней палубы
	«Симион»	В Ревеле	
ПРАМ			
	«Лев»	В Кронштадте	Разобран до днища

ПОЛУПРАМ			
	«Лев»	В Кронштадте	Отправляется в Петербург под магазин
БОМБАРДИРСКИЕ КОРАБЛИ			
	«Перун»	В Кронштадте	
	«Гром»		
	«Страшный»		
	«Победитель»		
	ЯХТА «Екатерина»		
ГРЕБНЫЕ ФРЕГАТЫ			
38-пуш.	«Екатерина»	В Кронштадте	
	«Александр»		
	«Павел»		
	«Елена»		Разобран до днища
	«Александра»		

Картина по итогам знакомства с ними получается следующая.

Во-первых, хотя в 1775–1800 гг. для Балтийского флота было построено порядка 50 линейных кораблей и 31 фрегата¹⁰, к 1804 г. он обладал к 1804 г. лишь 25 линейными кораблями и 11 фрегатами (с учетом взятых от шведов в 1788–1790 гг.¹¹ и спущенных в 1801–1804 гг.¹²).

Иными словами, из поистине большого судостроительного наследия последней четверти XVIII в. в более или менее боеспособном состоянии к 1804 г. дожило лишь 17 (!) линейных кораблей, да и то главным образом постройки 1790-х гг. Причем из восьми построенных в 1780-х гг. 100-пушечников в качестве «благонадежной к службе единицы» и вовсе не сохранился ни один!

Не многим лучше была ситуация и с фрегатами, которых, как мы видели, даже с учетом трофеев и даже формально насчитывалось только 11 единиц, а реально «годных к службе в качестве фрегатов» и того меньше — 7, так как «Емануил» числился императорским судном, а «Счастливей», «Тихвинскую Богородицу» и «Феодосий Тотемский» Адмиралтейств-коллегия вполне заслуженно списала в транспорты. Достаточно лишь вспомнить историю, случившуюся с последними двумя уже во время их первого перехода из Архангельска к берегам Англии (осень 1799 г.), когда от сильного ветра они лишились всех мачт и бушприта. «...Во время бывшего тогда от SSW унтер-зейльного крепкого с порывом и большим волнением ветра, — читаем мы, например, в экстракте журнала фрегата

„Феодосий Тотемский“, — в исходе 10 ч., идучи левым галсом, сломались напервое у фок-ванты на левой стороне вант-путены и порвались в тоже время талрепы, отчего переломилась мачта и упала на правую сторону за борт, а бушприт от взаимного такелажа с мачтою надломился и вскоре упал... вскоре затем стало ломаться у грот-вант вант-путенсы, и мачта, через короткое время, упала за борт, а от совокупного ея с бизань-мачтою такелажа сломило сию последнюю, которая упала тоже под ветер за борт. Во время падения мачт... изломало на правой стороне фок- грот- и бизань-руслени и планчеры, также из железных вант-путен у фок- грот- и бизань-русленей от падения бушприта галъюн и бывший у грот-русленя принайтовленный грот-марса-рей, за непомещением в рострах, оторвало же, более никаких повреждений не учинило...»¹³

К сказанному остается добавить только данные следственного дела, возбужденного относительно причин столь тяжелых повреждений означенных фрегатов, построенных, кстати, по образу и подобию одного из лучших фрегатов времени — шведского фрегата «Венус»: «Отправленные из Архангельска в Англию в эскадре вице-адмирала Барятинского фрегаты „Тихвинская Богородица“ и „Феодосий Тотемский“ потерпели бедствие в потереянии всех мачт и бушпритов не отчего другого более, как от дурного железа, употребленного в вант-путины... и о прочих его, Макарова (командовал русскими эскадрами в Англии), замечаниях, как в рассуждении вооружения, так и о самой конструкции фрегатов в их построении, к чему пригласить и обер-сарваера... Во исполнение сего коллежского определения экспедициею января 2 дня определено, понеже фрегаты „Тихвинская Богородица“ и „Феодосий Тотемский“ построены против „Венуса“, с которого чертеж снят был точнейший по лекалам и таковой точно на рассмотрение послан и с замечания ж вице-адмирала Макарова, кроме показания о железе, что дурное в вант-путинах положено было, усматривается и то, что вооружение фрегатам сделано не пропорционное и тяжелое, что если бы фрегаты те соответствовали во всем „Венусу“ и имели бы подобную ему артиллерию, то, по нужде, могли б быть употребляемы в открытых морях, но вместо того построение их имеет во всем великую разницу, так, что у „Венуса“ порты от воды 8 фут, а у построенных 5½ или 6, „Венус“ помещает балласту не более от 5 до 8 тыс., а оные 18 тыс. и более; артиллерия поставлена длинная, так, что ежели пушки вдвинуты во фрегат, нет уже другого способа развести бухту каната как класть на пушки, и много других и довольно важных неудобностей...»¹⁴.

Во-вторых, оставляла желать много лучшего и боеспособность значительной части имевшихся главных сил, ибо по меньшей мере 13 линейных кораблей (52 %) и 6 фрегатов (55 %) были даже официально пригод-

ны лишь для «действий в ближнем море», а если исходить из запредельно низкого числа судов, обшитых медью, и обычных сроков службы отечественных кораблей, расклад на ближайшее время мог быть еще более неблагоприятным. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на состояние того же «ограниченно годного» корабля «Всеволод», который уже через несколько лет (в 1808 г.) являл собою скорее обузу для эскадры, чем боевую единицу, ибо, «имея больший против прочих дрейф и тяжелее в ходу, никогда не мог держаться под равными парусами с прочими в линии»¹⁵.

В-третьих, Балтийскому флоту катастрофически не хватало малых вспомогательных сил в лице корветов, бригов, люгеров, пакетботов и т. п. судов. Судов, помимо всего прочего, дававших возможность молодым офицерам пройти столь важную для них школу самостоятельного командования. «...На Балтике, — выскажется впоследствии М. П. Лазарев, — ...через недостатки в познаниях этих все тендера (тип малых судов. — *Авт.*) разбивали! А суда эти славные! — для формирования и офицеров и матросов»¹⁶.

В-четвертых, судя по всему, Балтийский флот в начале XIX в. остался практически без судов, нацеленных на действия у крепостей, как для их обороны, так и обстрела, ибо практически все бомбардирские корабли, прамы и полупрамы оказались выведены из строя.

В-пятых, к сожалению, как в Кронштадте, так и Ревеле, как и в предшествующие времена, в большом количестве находились неразобранные старые корабли, не только занимающие места, но и значительно засорявшие гавани.

Подведем итоги. Представленные в публикуемых документах сведения, с одной стороны, довольно наглядно подтверждают представленную в историографии картину неблагополучия, в которой пребывал Балтийский парусный флот в начале XIX в. С другой — они не менее убедительно показывают всю сомнительность необходимости дальнейшего сохранения при текущем качестве как судостроительных работ, так и сохранения кораблей в портах, больших корабельных штатов (образца 1782 г.¹⁷ или 1798 г.¹⁸), ибо немалые средства просто перемалывались бесконечным потоком быстро ветшавших кораблей, да еще и на фоне все более деградирующих флотов Швеции и Дании. Иными словами, становится очевидным, что Балтийский флот действительно нуждался в реформах, только реформах не формальных, направленных на «экономии ради экономии», а на реформах, основанных на выработке обоснованных цифровых параметров и кардинальном решении означенных выше проблем. Что из этого получилось, хорошо известно¹⁹, но это тема уже для другого разговора.

¹ Федоров-Уайт Д. Русское военное судостроение в конце XVIII и начале XIX веков // Морские записки. 1947. Т. 5. № 2. С. 12.

² Там же.

³ Кросс Э. Британцы в Петербурге, XVIII век. СПб., 2005. С. 241.

⁴ Веселаго Ф. Ф. Краткая история русского флота. М.; Л., 1939. С. 206.

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 135. Оп. 2. Д. 349. Л. 3–60б. Публикуется впервые.

⁶ Год взятия в плен.

⁷ Год взятия в плен.

⁸ Год взятия в плен.

⁹ РГА ВМФ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 349. Л. 160б–17. Публикуется впервые.

¹⁰ Морской Атлас. М., 1959. Т. 3. Ч. 1. Описания к картам. С. 403.

¹¹ А это три линейных корабля и два фрегата.

¹² Пять линейных кораблей и два фрегата.

¹³ Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб., 1902. Ч. 16. С. 432.

¹⁴ Там же. С. 479–481.

¹⁵ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 9. Д. 40. Л. 22–220б.

¹⁶ Черноусов А. А. Деятельность командования Черноморского флота по совершенствованию боевой подготовки в 1832–1851 гг. // Война и оружие: Новые исследования и материалы: Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014 г. СПб., 2014. Ч. IV. С. 371.

¹⁷ Штат «мирного времени» предполагал наличие 40 линейных кораблей (8 100-, 8 74- и 24 66-пушечных) и 12 фрегатов, военного — 48 (8 100-, 16 74- и 24 66-пушечных) и 16 единиц соответственно (МИРФ. Ч. 12. СПб., 1888. С. 696–697).

¹⁸ Штат 1798 г. предполагал содержание на Балтике 45 линейных кораблей (9 100-, 27 74- и 9 66-пушечных) и 19 фрегатов (9 44-, 1 40- и 9 36-пушечных) (ПСЗ. СПб., 1830. Т. 44. С. 239.).

¹⁹ См., например: Андриенко В. Г. До и после Наварина. М.; СПб., 2002.; Лебедев А. А. Поражение без купюр // Гангут. 2014–2015. № 84–85; Лебедев А. А. Проблема технического состояния корабельных сил 2-й Архипелагской экспедиции (1805–1807 гг.). Малоизученный аспект блистательной экспедиции // Пространство и время. 2015. № 3 (21).

М. А. Партала

НАГРАДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОФИЦЕРОВ И НИЖНИХ ЧИНОВ РУССКОГО ФЛОТА (1914–1917) КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ РАДИОРАЗВЕДКИ

Воссоздание истории радиоразведки Русского флота в годы Первой мировой войны невозможно без решения важной частной задачи, предполагающей выявление круга лиц, непосредственно причастных к зарождению и развитию этого нового вида разведки, а также оценки их личного вклада в успехи и достижения отечественной военно-морской радиоразведки (РР).

Трудность решения этой задачи обусловлена тем, что Русский флот на Балтийском и Черном морях вступил в Первую мировую войну, не имея организационно оформленных и четко структурированных разведывательных органов (в том числе и органов радиоразведки). Формирование их осуществлялось уже в ходе самой войны и носило по ряду причин весьма сложный, в смысле реализованных организационно-штатных и кадровых решений, характер¹.

Данное обстоятельство существенно затрудняет разработку персоналий, поскольку во многих случаях причастность тех или иных лиц к разведывательной и радиоразведывательной деятельности не может быть установлена по формальным признакам (по принадлежности к соответствующим организационно-штатным структурам).

Решение столь актуальной для историков радиоразведки задачи было продекларировано в диссертационной работе В. Г. Кикнадзе². Однако фактически (как явствует из материалов диссертации), автор не только не смог самостоятельно решить поставленную в своем диссертационном исследовании задачу, но и продемонстрировал крайне слабые знания современных работ по данной теме.

Список персоналий по истории флотской РР значительно вырос в последние годы. Много новых имен, не попадавших ранее в поле зрения историков РР, было выявлено при углубленной разработке традицион-

ных (в контексте истории Службы связи) тем и сюжетов³, а также при обращении к совершенно новым сюжетам, затрагивающим историю формирования и боевой деятельности разведывательных структур флота⁴. Однако в полной мере указанная задача до сих пор не решена и продолжает сохранять свою актуальность.

Как показал опыт разработки ряда новых имен, дополнительные возможности и перспективы по теме открывает исследование наградных документов. Речь в первую очередь идет о наградных листах и о черновых материалах, которые, в отличие от наградных приказов, могут содержать ценную информацию о конкретных заслугах награждаемого и резолюции прямых начальников.

Весьма показательным в этом плане является награждение мичмана В. И. Маркова. Произведенный в офицеры 6 декабря 1914 г., В. И. Марков получил назначение на один из наиболее активно действовавших кораблей Балтийского флота — броненосный крейсер «Рюрик».

За первую военную кампанию 1914–1915 гг. многие офицеры и нижние чины крейсера были удостоены боевых наград. Тем более неожиданным и даже загадочным представляется объявленное в приказе КФБМ № 458 от 29.04.1915 г. и утвержденное Высочайшим приказом от 18.05.1915 г. «одиночное» награждение едва ли не самого молодого (в смысле срока службы на корабле) офицера крейсера — мичмана В. И. Маркова — орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Как явствует из текста Высочайшего приказа, награждение было произведено «за отличия в делах против неприятеля»⁵.

Исходный приказ адмирала Н. О. Эссена содержит, правда, несколько иную формулировку — «за особо важные заслуги, имеющие громадное боевое значение»⁶, которую в тексте Высочайшего приказа, подлежащего опубликованию, решили, видимо, заменить на более нейтральную (чтобы не привлекать к этому награждению нежелательного внимания). Исходная формулировка, однако, не столько проясняет это награждение, сколько порождает новые вопросы.

И только обращение к наградному листу позволило прояснить ситуацию, однозначно указав на прямую связь этого награждения с одной из самых охраняемых в то время тайн Русского флота. Представление мичмана В. И. Маркова к ордену было произведено начальником Службы связи Балтийского моря контр-адмиралом А. И. Непениным — «за отличие, выразившееся в разборе неприятельского шифра, чем принесена польза флоту, и за участие в активных действиях на крейсере „Рюрик“»⁷. Вполне очевидно, что упоминание об активных операциях крейсера «Рюрик», в которых молодой мичман успел принять участие, носило в данном случае

формальный характер и было призвано обосновать награждение боевым орденом (с мечами и бантом). Сама же награда испрашивалась именно за заслуги в области радиоразведки.

Как установлено на данный момент историками радиоразведки, приказом КФБМ № 157 от 9.02.1915 г. мичман В. И. Марков (бр. кр. «Рюрик») был временно назначен в распоряжение контр-адмирала А. И. Непенина «...для назначения на радиостанции»⁸ и стал, по сути, первым офицером «дешифровального бюро» создаваемой в тот момент в обстановке полной секретности Радиостанции особого назначения (РОН) — будущего главного радиоразведывательного центра Балтийского флота⁹.

В служебном дневнике 2-го (радиотелеграфного) флагманского минного офицера штаба КФБМ старшего лейтенанта И. И. Ренгартена первое упоминание о присутствии и работе В. И. Маркова в Ревеле у А. И. Непенина зафиксировано в записи от 17.02.1915 г.¹⁰

Как известно, работа по вскрытию германских шифров и дешифровке германских радиogramм была начата на Балтийском флоте еще осенью 1914 г. Мичман В. И. Марков достаточно быстро освоил «технологию» дешифровки и разбора германских радиogramм, а в апреле 1915 г. добился уже более значимого результата. Им самостоятельно был раскрыт действующий немецкий шифр «гамма-альфа», введенный в действие 21.04.1915 г. Судя по всему, именно этот успех молодого офицера и послужил непосредственным поводом к упомянутому выше награждению.

Приказом КФБМ № 538 от 18.05.1915 г. мичман В. И. Марков был возвращен на крейсер «Рюрик». Однако 11 июня немцы произвели очередную смену шифра «гамма-альфа». В служебном дневнике И. И. Ренгартена за эти дни записано: «...супостат вел себя тихо; только вечером 11-го напугал: изменил шифр. Я тотчас послал телефонограмму командире „Рюрика“, послать к Непенину мичмана Маркова, и в [Морской] Ген. Штаб — чтобы сели разбирать. 12-го днем Маркову удалось разобрать шифр. Тотчас повалили немецкие радио»¹¹.

Выполнив возложенную на него задачу, В. И. Марков снова вернулся на свой крейсер. Приказом КФБМ № 1085 от 13.10.1915 г. мичман В. И. Марков, в составе большой группы офицеров Балтийского флота, «за храбрость и мужество, проявленные при выполнении операции, сопряженной с явной опасностью и имеющей большое боевое значение» был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом¹². Учитывая активное участие броненосного крейсера «Рюрик» в операциях Балтийского флота в кампанию 1915 г., данное награждение не дает, казалось бы, никаких оснований для какого-то особого к себе внимания. Однако представление к ордену и в этот раз было произведено начальни-

ком Службы связи контр-адмиралом А. И. Непениным, а не командиром крейсера, что заставило присмотреться к наградным документам более внимательно. Наградной лист на мичмана Василия Маркова был оформлен, как на офицера «команды броненосного крейсера „Рюрик“, состоявшего во временном прикомандировании к Службе связи Балтийского моря, на радиостанции особого назначения». При этом награждение орденом испрашивалось «за известные штабу командующего успешные и самостоятельные изыскания в бытность на радиостанции особого назначения и как участвовавшего в нескольких морских сражениях»¹³. Не вызывает сомнения, что и в данном случае решающее значение для награждения молодого офицера имели его заслуги перед радиоразведкой флота. При этом особо, на наш взгляд, следует отметить действия контр-адмирала А. И. Непенина, который дважды представлял к наградам прикомандированного («чужого») офицера, во втором случае даже спустя несколько месяцев после убытия его к основному месту службы.

Данный пример наглядно показывает, что содержащаяся в наградных документах информация может дополнить, а в отдельных случаях и существенно изменить наши представления о деятельности флотской радиоразведки, о вкладе тех или иных лиц в ее успехи.

Как свидетельствуют архивные документы, первые награждения за ведение радиоразведки были произведены на Балтийском флоте еще в 1914 г. Одно из наиболее ранних упоминаний радиоразведывательной темы в наградных документах относится к эпизоду с захватом германского крейсера «Магдебург» 13.08.1914 г. (при этом само награждение произведено по совокупности заслуг). В именном списке нижних чинов команды крейсера «Богатырь», награжденных Георгиевской медалью 4-й степени за боевые отличия (приказ КФБМ № 394 от 26.11.1914 г.), следующим образом были сформулированы заслуги радиотелеграфистов крейсера: «За все военное время и во время боя с „Магдебургом“ внимательно и добросовестно относились к своим обязанностям и оказали приемом своих и неприятельских радиogramм большую услугу крейсеру»¹⁴. (Нужно отметить, что радиоперехваты, выполненные радиотелеграфистами крейсера «Богатырь», действительно не раз «оказывали большую услугу» не только крейсеру, но и штабу командующего флотом¹⁵).

Особое значение и роль РР проявились с началом проведения Балтийским флотом осенью 1914 г. операций по постановке так называемых активных минных заграждений. Важно отметить, что походы русских кораблей в неприятельские воды для минных постановок осуществлялись, как правило, в режиме полного радиомолчания, либо максимального ограничения собственной радиосвязи. В этих условиях основным содержа-

нием боевой работы корабельных радиотелеграфистов становилось ведение радиоразведки, что объективно получило отражение в наградных документах. Так, в описании заслуг радиотелеграфиста минного заградителя «Амур» телеграфного унтер-офицера 2-й статьи Е. И. Вишневого, награжденного тем же приказом КФБМ № 394 от 26.11.1914 г. Георгиевской медалью 4-й степени, было указано: «Не зная устали, почти все время похода находился в телеграфной рубке и давал своевременно знать о телеграфировании проходящих вблизи неприятельских кораблей»¹⁶.

Аналогично, за ведение радиоразведки был награжден Георгиевской медалью 4-й степени радиотелеграфист эскадренного миноносца «Новик» телеграфный унтер-офицер 2-й статьи А. О. Запольский (приказ КФБМ № 463 от 19.12.1914 г.), в описании боевых отличий которого было указано: «За хладнокровие и энергию, выразившиеся в приеме неприятельских телеграмм в его водах, позволивших ориентироваться относительно его (неприятеля. — М. П.)»¹⁷.

Приведенные документы подтверждают сделанный в более ранних работах вывод о существенной роли, которую играли в деятельности флотской РР (особенно на начальном этапе ее развития) корабельные посты радиоперехвата¹⁸.

В практику боевой работы разведки Балтийского флота уже в 1914 г. вошло создание на отряде кораблей, назначенных в операцию, своеобразного КП разведки (при походе штабе), с формированием на флагманском корабле отряда полноценного поста РР и шифроперехвата. В последующем практиковалось также дополнительное участие «подсадных» групп РР, сформированных из личного состава РОН. Для общего руководства РР на поход назначался подготовленный офицер, имевший опыт обработки материалов немецкого шифроперехвата. Известно об участии (в кампанию 1914/1915 гг.) в боевых походах в указанном качестве старшего лейтенанта И. И. Ренгартена (крейсер «Рюрик») и лейтенанта Н. Н. Гойнинген-Гюне (крейсер «Россия»). Целенаправленное изучение наградных документов офицеров флота позволило выявить еще ряд схожих сюжетов, требующих дальнейшей разработки.

Так, например, в декабре 1915 г. орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом был награжден старший флаг-офицер штаба начальника 1-й бригады крейсеров мичман Н. Ф. Тимофеевский — «за мужество, храбрость и распорядительность в походе 28–29 октября и при постановке минного заграждения, в особенности за важные заслуги, известные командующему флотом»¹⁹. Обращает на себя внимание абсолютно созвучная с наградными документами мичмана В. И. Маркова формулировка со ссылкой на некие важные заслуги, известные командующему

флотом и его штабу. Следует, однако, отметить, что некоторые «расплывчатые» указания на возможную причастность мичмана Н. Ф. Тимофеевского к делам РР имелись в книге Б. П. Дудорова «Адмирал Непенин»²⁰. Упоминается мичман Тимофеевский и в дневнике И. И. Ренгартена, где он прямо назван, как один из авторов раскрытия шифра «гамма-альфа», введенного немцами 8.03.1915 г.²¹

Фамилия другого офицера, выявленного при исследовании наградных документов, не попадала ранее в поле зрения историков РР. Речь идет о флагманском минном офицере штаба начальника эскадры Балтийского моря старшем лейтенанте В. В. Котовском, который приказом КФБМ № 1426 от 30.12.1915 г. был награжден мечами к имевшемуся ордену Св. Станислава 2-й степени. В наградном листе, подписанном вице-адмиралом Л. Б. Кербером, было указано: «Во время последнего похода 22–24 ноября руководил с большим умением радиотелеграфистами, что позволило принять все радиотелеграммы противника, и в силу этого составить нам понятие о движении его, чем много помог удаче похода»²².

Таким образом, следует отметить следующее:

1. Наградные документы офицеров и нижних чинов флота являются важным источником, позволяющим составить более полное представление о роли и личном вкладе конкретных лиц в успехи флотской РР, а в ряде случаев — выявить неизвестные ранее имена, а также новые сюжеты и новые эпизоды в истории РР.

2. Наградные документы нижних чинов флота подтверждают сделанные ранее историками РР выводы о том, что корабельные посты радиоперехвата являлись существенным элементом системы флотской РР, особенно на начальном этапе ее формирования и развития.

¹ *Партала М. А.* Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну: вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-й ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2007. С. 325–337.

² *Кикнадзе В. Г.* Развитие сил и средств радиоразведки отечественного военно-морского флота в первой половине XX века: Исторический опыт и уроки: дис. ... д-ра ист. наук. М.: ВАГШ МО РФ, 2014.

³ *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998.

⁴ *Партала М. А., Симонов Д. Н.* Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. Инсайд. 2005. № 1. С. 90–96; *Партала М. А.* Радиоразведка Балтийского флота в Первую

мировую войну (К истории создания) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова. СПб., 2005. С. 194–203; *Партала М. А.* Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» в августе 1914 г. // Защита информации. Инсайд. 2007. № 1. С. 84–90; № 2. С. 80–86; *Партала М. А.* «Сигнальная книга» с турецкого крейсера «Меджидие» (Малоизвестный ремейк «магдебургской» истории) // Защита информации. Инсайд. 2007. № 5. С. 91–96.

⁵ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 417 (Главный морской штаб). Оп. 5. Д. 4258. Л. 8.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3–4.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 770. Л. 67 об.

⁹ Подробнее, см.: *Партала М. А.* Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915–1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2006. С. 214–222.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 114.

¹¹ Там же. Л. 173.

¹² Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 770. Л. 292–293.

¹³ Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3465. Л. 74–74 об.

¹⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 717. Л. 118 об., 119 об.

¹⁵ См., например: *Партала М. А.* Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» в августе 1914 г. С. 84–85.

¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 717. Л. 137.

¹⁷ Там же. Л. 202 об.

¹⁸ *Партала М. А.* Ведение радиоразведки кораблями Балтийского флота в 1912–1913 годах // Защита информации. Инсайд. 2006. № 1. С. 85–90.

¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3497. Л. 25, 26.

²⁰ *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 171.

²¹ РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 131, 132.

²² Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3498. Л. 218, 218 об.

Д. А. Бажанов

РУССКАЯ МОРСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В ФИНЛЯНДИИ В МАРТЕ — ОКТЯБРЕ 1917 Г.: ОРГАНИЗАЦИЯ И СТРУКТУРА

Исследование становления контрразведки долгое время являлось белым пятном отечественной историографии. Лишь в конце 90-х гг. XX в. интересующимся данной проблематикой благодаря проведению конференции «Исторические чтения на Лубянке» стали доступны отдельные материалы, изданные в 1999 г. сборником. Общий очерк истории создания спецслужб в России накануне и в годы Первой мировой войны был представлен в статьях Л. С. Яковлева и А. А. Здановича¹. Последний опубликовал в 2004 г. обобщающую монографию, где рассмотрел организационное строительство контрразведки в военный период, а также ее реформирование в годы революции и Гражданской войны². Однако военно-морским структурам автор уделил в целом незначительное внимание, ограничившись вопросами формирования центральных органов управления³.

В этот же период появилось исследование, посвященное функционированию контрразведывательных служб в конкретном регионе — Сибири⁴. Подобный подход применялся историками и впоследствии. Автор данной статьи, опубликовав в 2002 г. обобщающую работу, посвященную структуре военно-морских контрразведывательных органов накануне и в период революционных событий 1917 г.⁵, обратился впоследствии к организации Морским министерством «борьбы со шпионством» в столице, а также на территории Финляндии⁶. Созданию и деятельности спецслужб на Севере в сложные годы революции и Гражданской войны посвятил свои работы А. А. Иванов⁷.

Вопросы влияния революции на спецслужбы затрагивались также исследователем событий Февральской революции А. Б. Николаевым⁸.

Наконец, вновь к проблемам создания морской контрразведки в России в годы Первой мировой войны обратился омский историк В. О. Зве-

рев⁹. В целом, повторяя выводы, сформулированные в более ранних статьях Д. А. Бажанова и оставшиеся для него неизвестными, он выделил основные этапы эволюции центральных органов управления контрразведкой в 1914–1918 гг. При этом В. О. Зверев полагал, что функционирование отделения при штабе Балтийского флота началось лишь в конце 1916 г., игнорируя факт существования в штабе Оперативной канцелярии значительно ранее.

Таким образом, думаем, что предлагаемая статья закроет некоторые из имеющихся лакун, а также поможет уточнить недостаточно разработанные вопросы по истории организации русских военно-морских контрразведывательных спецслужб на территории Великого княжества Финляндского в период революционных событий 1917 г.

Первая мировая война по-новому показала стратегическую роль Финляндии. Ее территория оказывалась важной по нескольким причинам. Это был экономически быстро развивающийся регион, игравший для империи важную роль как источник сырья и продовольствия. Финляндия являлась важным звеном в системе обороны, главным образом военно-морским. Поэтому необходимым в этих условиях становился надзор за настроениями местного населения. Не менее важной, из-за нахождения на территории Великого княжества военно-морских баз и других военных объектов, становилась борьба с попытками лиц, представлявших интересы противника, собрать сведения или нанести какой-либо вред.

К началу войны специальных военно-морских контрразведывательных структур в России не существовало. В этом смысле положение неприятеля было не в пример лучше. Только 8 мая 1914 г., после месяца рассматриваний и обсуждений в межведомственной комиссии Министерства внутренних дел, Морского Генерального штаба (МГШ) и Главного управления сухопутного Генерального штаба (ГУГШ), в Адмиралтейств-совете Николай II одобрил решение о создании в МГШ так называемого Особого делопроизводства. Оно, согласно § 1 инструкции, должно было как вести разведку, так и заниматься борьбой со шпионажем¹⁰.

Аналогичным образом обстояли дела в штабах флотов, где данными вопросами занимались особые небольшие подразделения. В составе штаба командующего Балтийским флотом роль такой службы играла еще в 1914 г. Оперативная канцелярия. Однако постепенно все более отчетливо стала выясняться необходимость разделения разведки и контрразведки. 30 марта 1916 г. этот принцип был реализован в МГШ, где в составе Особого делопроизводства появилась Центральная морская регистрационная служба (Регистрация, ЦМРС). Ее возглавил капитан II ранга

В. А. Виноградов¹¹. В штабе Балтийского флота этот процесс шел медленнее, о чем свидетельствует двойственное наименование контрразведки в делопроизводственных документах. С одной стороны, нами обнаружена «Ведомость добавочного содержания офицерских чинов КРО штаба Командующего Флотом Балтийского Моря» за октябрь 1916 г., с другой — в переписке с Регистрацией за тот же месяц начальник контрразведки подписывается как «начальник Оперативной канцелярии штаба Командующего Флотом Балтийского Моря»¹². Лишь с декабря в документации фигурирует название «Особое отделение штаба Командующего Флотом Балтийского Моря», которое и закрепилось окончательно.

Появление в Финляндии другого военно-морского КРО связано во многом с борьбой между сухопутным и морским командованием. 28 августа 1915 г. генерал-майор Н. С. Батюшин, занимавший формально должность генерала для поручений при штабе Северного фронта, сообщил, что в Свеаборгской крепости будет создано отделение, подчиняющееся штабу Северного фронта¹³. Следует при этом учитывать, что Свеаборгская крепость для Балтийского флота играла не менее важную роль. Именно она защищала столицу Финляндии Гельсингфорс — главную и основную базу русских линейных сил. Поэтому флотское командование не без оснований считало приоритетным создание здесь военно-морской контрразведки. Спустя месяц комендант крепости сообщил Н. С. Батюшину, что «общее руководство контрразведкой Свеаборгской крепости полностью лежит на Начальнике Штаба командующего флотом»¹⁴.

При этом имело место определенное соперничество между представителями МГШ и штаба флота. Осенью 1916 г., то есть в то время, когда, как мы полагаем, произошло окончательное обособление флотской контрразведки, свет увидела и инструкция подполковника А. Н. Нордмана. Несмотря на указание в п. 1 о ведении работы, согласно предписаниям флаг-капитана по оперативной части штаба флота и начальника ЦМРС, следующий пункт перечеркивал его. В нем объявлялось, что «Оперативная канцелярия является центральным органом по контрразведке в пределах всей территории Финляндии, входящей в войсковой район, подчиненный Командующему Флотом Балтийского моря». П. 4 провозглашал Оперативную канцелярию «центральным регистрационным органом», а пп. 5–6 определяли все создававшиеся на Балтике КРО ее «исполнительными органами»¹⁵. В результате КРО морских крепостей и укрепленных позиций, создававшиеся на Балтике в этот период, имели, таким образом, сразу двух «нянек». В Финляндии к началу 1917 г. помимо Свеаборгского КРО в подобной ситуации оказалось отделение при штабе Або-Оландской укрепленной позиции. Проявлялось это в необходимо-

сти отправлять отчеты о работе в оба подразделения. При этом контрразведывательные отделения могли непосредственно сноситься с Морской Регистрационной службой, то есть минуя своего прямого начальника А. Н. Нордмана.

Структура контрразведывательного отделения зависела от размеров контролируемого района и от его значения. Во главе его стоял начальник. Эта должность исполнялась офицером Морского ведомства, что являлось обязательным условием. Помимо начальника, в состав отделений входил его помощник (овер-офицер), несколько чиновников для поручений, численность которых варьировалась в зависимости от значимости отделения, кондуктор и 2–3 писаря. У истоков создания контрразведки на Балтике стоял подполковник корпуса гидрографов А. Н. Нордман. Его помощником являлся поручик Иванов. Также в состав отделения входили и другие офицеры. Обязанности каждого четко установить не удалось. «Проведением дознаний» занимался прапорщик Сиротинин. Вероятно, этот офицер попал в контрразведку благодаря личному знакомству с ним А. Н. Нордмана¹⁶. Однако в силу юности отечественных спецслужб и отсутствия специально подготовленных кадров личные знакомства играли отнюдь не последнюю роль в комплектации. На тех же основаниях создавались в это время и Центральная Морская Регистрационная служба, и другие отделения. Функции еще 6 офицеров остаются невыясненными. Можно предположить, что они занимались ведением конкретных дел¹⁷. Так, например, подполковник Отдельного корпуса жандармов Капля был привлечен в отделение в связи с делом финляндского пастора Израэля (Исраэля) осенью 1916 г.¹⁸ В более поздних документах за 1917 г. эта группа получила наименование «прикомандированные офицеры». За делопроизводственную часть в отделении отвечали гражданские чиновники: коллежские секретари В. Связев и М. Равимов, причем последний помогал и прапорщику Сиротинину в «производстве дознаний». Также в Особом отделении штаба Балтийского флота состояли 6 рассыльных и 2 переводчика¹⁹. Имелась также и секретная агентура. В финансовых отчетах ее делили на 3 группы: «сотрудники», «случайные сотрудники» и «наружные агенты». По состоянию на октябрь 1916 г. в отделении числилось 11 сотрудников, 4 «случайных сотрудника» и 8 наружных агентов. Последними, как и всей розыскной работой, руководил Н. Большаков²⁰.

Февральско-мартовские события привели к временному параличу контрразведывательных структур в Финляндии, независимо от того, кому они подчинялись. Слухи о событиях в Петрограде дошли до Гельсингфорса в первые дни марта. В ночь с 3 на 4 марта команды кораблей Балтийского флота, стоявшие здесь, и солдаты гарнизона Свеаборга

подняли вооруженный мятеж. В результате военное командование и гражданская администрация полностью утратили контроль над ситуацией. Гибель на другой день командующего флотом вице-адмирала А. И. Непенина и «избрание» на его должность командами вице-адмирала А. С. Максимова усугубили процесс. Днем 4 марта из Петрограда прибыла делегация в составе министра Временного правительства по делам Финляндии Ф. И. Родичева, товарища председателя Петроградского Совета М. И. Скобелева, матросов Л. Хомякова и В. Масловского и солдата Ю. А. Кудрявцева. Согласно «Известиям Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Свеаборгского порта» именно М. И. Скобелев, передав Исполнительному комитету телеграмму начальника Финляндского жандармского управления И. Фрейберга «Пока ещё не всё потеряно», вызвал волну арестов жандармов. Аресты проводились прапорщиком 1-го Свеаборгского артиллерийского полка В. В. Боровитиновым, Ю. А. Кудрявцевым и матросом II статьи линейного корабля «Полтава» Л. Угрюмовым²¹. Вместе с ними был арестован и начальник Особого отделения штаба командующего флотом подполковник А. Н. Нордман²². Аресты санкционировал своим приказом от 7 марта 1917 г. новый командующий флотом вице-адмирал А. С. Максимов. Освободили его 5 дней спустя. Однако многие жандармы и служащие КРО продолжали оставаться под арестом до конца марта. К 21 марта под арестом в секции охраны народной свободы Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов Свеаборгского порта продолжали оставаться 24 жандарма и 10 агентов контрразведки. 29 марта та же участь постигла начальника военной цензуры в Гельсингфорсе полковника А. Хольмберга²³. Что касается отделения при штабе Свеаборгской крепости, то, по-видимому, оно прервало свою работу на 2 дня: с 4 по 6 марта. Об этом свидетельствует полное отсутствие записей в «Журнале входящих документов» в это время. Однако сведений об арестах сотрудников КРО нами обнаружено не было.

Революция положила начало значительным изменениям в организационной части. Их начало было связано с полным отделением контрразведки от МВД и передачей ее в Военное и Морское министерства. Первый шаг в этом направлении был сделан Временным правительством 4 марта, когда вышло постановление о прекращении отпуска средств государственного казначейства «на всякого рода секретные расходы»²⁴. 19 марта министр внутренних дел князь Г. Е. Львов предложил передать всю контрразведку Военному министерству. Для обсуждения этого вопроса созывалось Особое совещание из представителей МИДа, Военного и Морского министерств, Министерства торговли и промышленности, товарища МВД и прокурора Петроградской судной палаты²⁵. После дли-

тельного рассмотрения сути вопроса 15 апреля совещание пришло к выводу о необходимости передачи всех КРО в ведение Военного и Морского министерств. Тем не менее на законодательном уровне все организационные перемены были оформлены лишь 30 июня 1917 г., когда свет увидело «Временное положение о морской контрразведочной службе на театре военных действий», утвержденное приказом Верховного главнокомандующего № 247 от 7 мая. Какие же вносились изменения? Во-первых, с момента вступления в силу «Временного положения» руководство морской контрразведкой осуществляли «по соглашению» начальник морского отдела Ставки ВГК и начальник Морского Генерального штаба (ранее только последний)²⁶. Во-вторых, в организации борьбы со шпионажем главенствующая роль изымалась из ведения МГШ, что подтверждалось возможностью параллельного сосуществования КРО при штабах флотов и КРО МГШ, находящихся на театре военных действий. Только начальникам Особых отделений при штабах флотов подчинялись КРО при штабах морских крепостей и укрепленных позиций, причем начальники последних назначались и утверждались в штабе флота. Контрразведка МГШ (Центральная морская регистрационная служба) являлась отныне лишь «высшим регистрационным и отчетным учреждением для театра военных действий и всего государства»²⁷. Ей, впрочем, предоставлялось право по указанию начальника Генмора и «по соглашению последнего с командующими флотами выполнять особые поручения внутри и за границей». И в-третьих, вместо жандармских команд в районах, где «имеются интересы флота», утверждались особые морские контрразведывательные пункты. Их начальники подчинялись соответствующим отделениям²⁸. Собственно говоря, подобная идея была не оригинальна. Так, еще в начале февраля пункт был учрежден при штабе начальника Кольского района в Романове-на-Мурмане (Мурманск). Разница состояла лишь в том, что в дальнейшем его предполагалось преобразовать в КРО и, вероятно, перенести сюда основной центр контрразведывательной службы на Севере, а пункты, появившиеся после революции, должны были стать своеобразными филиалами отделений.

Таким образом, предполагалось создание сети пунктов, подчиненных командованию флотом. Однако здесь пришлось столкнуться с определенными трудностями. Так, в июле началась работа по организации пункта в Николайштадте (Николайстад). Однако с первых дней дело функционирования оказалось в руках представителей 42-го корпуса, то есть представителей военного, а не морского ведомства. Начальником пункта с 13 июля был капитан А. Н. Красильников, служивший в штабе 42-го корпуса, его помощником — поручик Н. А. Журавлев²⁹. В качестве

сотрудников отделения (8 чел.) фигурировали солдаты, которых в августе — сентябре зачисляли в 3-й финляндский пограничный пехотный полк. Еще одной сложностью оказалось отсутствие денежных средств для его функционирования. Прикомандирование солдат, в частности, было связано именно с необходимостью получать довольствие. Именно этим мотивировал А. Н. Красильников просьбу зачислить рядового Е. Зарубина и унтер-офицера М. Соловьева в полк его командиру подполковнику Флоринскому в отношениях от 3 августа и 2 сентября³⁰. По этой причине приобретение пишущей машинки затянулось более чем на месяц, 23 июля А. Н. Красильников отправил запрос начальнику КРО штаба 42-го корпуса подполковнику Шумову о разрешении приобрести ее в 3-м пограничном полку. В тот же день было получено согласие. Но так как авансовый платеж задерживался, покупка была отложена³¹. 28 августа начальник Николайштадтского пункта просил уже компенсировать его личные расходы в сумме 250 марок, использованные на приобретение машинки у МГШ³². Что касается моряков, то их участие в деятельности пункта, судя по имеющимся делопроизводственным документам, ограничилось требованием начальника КРО Ботнического залива капитана II ранга А. Н. Гавришенко пересылать ему отчеты о деятельности³³.

Отделение Ботнического залива начало функционирование в сентябре 1917 г. Возглавил его капитан II ранга А. Н. Гавришенко. Кроме него в состав отделения вошли два офицера для поручений: мичман Н. С. Калауцкий и старший лейтенант В. В. Дитерихс, два сотрудника канцелярии и 8 агентов, часть из которых до этого находилась в распоряжении Особого отделения штаба флота³⁴. Несмотря на расположение в одном городе, Николайштадтский пункт и КРО Ботнического залива сосуществовали параллельно, что, возможно, объясняется их разной фактической подчиненностью, а также отсутствием достаточного финансирования и помощи со стороны Регистрации.

Вероятно, не удалось подчинить штабу и пункты, находившиеся в районах интересов флота. Помимо Николайштадта они должны были функционировать в Таммерфорсе (Тампере), Торнео, Белоострове, Раумо, Мянтьюлуото. Однако первые три подчинялись по-прежнему штабу 42-го корпуса и комплектовались личным составом Финляндского пограничного сводного дивизиона³⁵.

По какой причине это происходило? Возможно, что дело было и в продолжающихся противоречиях между А. Н. Нордманом и В. А. Виноградовым. Невозможность и нежелание совместно работать продемонстрировали и два письма В. А. Виноградова. Первое датировано 26 июля и адресовано назначенному на другой день начальником МГШ контр-

адмиралу графу А. П. Капнисту. Письмо, начатое с обсуждения общих проблем морской контрразведки в России: привлечения жандармов, ее чрезмерной засекреченности, быстро переходит на прямую критику А. Н. Нордмана. Причем начальник Особого отделения штаба Балтийского флота являлся прямо-таки персонифицированным воплощением ранее обозначенных проблем: он и медлителен, и работу секретит, и специалисты у него неквалифицированные, и жандармский офицер подполковник Капля «всё сидит у него...»³⁶. Второе письмо было отправлено из Петрограда 2 августа новому флаг-капитану по Оперативной части штаба Балтийского флота капитану II ранга М. А. Петрову. В нем автор жаловался на отсутствие помощи со стороны Особого отделения, несмотря на ту поддержку, которая оказывалась Регистрацией. Далее В. А. Виноградов отметил, что «Калауцкий и сообщит фамилии тех офицеров, которые, вероятно, подойдут»³⁷. Таким образом, возможно предположение, что в штабе были готовы избавиться от А. Н. Нордмана либо собирались доукомплектовывать Особое отделение офицерами, подготовленными МГШ.

Одним из важных факторов, влиявших на русскую морскую контрразведку в 1917 г., являлись выборные организации, стремительно распространившиеся после февральско-мартовских событий, — Советы депутатов и комитеты всех уровней. Эта сила действовала весьма разнообразно. Однако главной целью мероприятий являлось установление контроля над деятельностью органов по борьбе со шпионажем. Истоки такого отношения лежали в дореволюционном прошлом, когда сыск военный был тесно переплетен с сыском политическим. Поэтому контрразведка считалась инструментом в борьбе за власть.

Активнее всего это происходило, по всей видимости, в Гельсингфорсе. Там еще 21 марта начальнику секции Охраны народной свободы местного Совета было предоставлено право ловить обнаруженных шпионов. В связи с этим было учреждено Особое отделение, которое возглавил М. Молчанов. По сути дела, это означало учреждение параллельной контрразведывательной службы. И первое, что она сделала, был арест «провокаторов». На 14 апреля из 14 человек, числившихся за начальником Особого отделения, 7 (подпоручики Савин и Белов, П. Коховский, А. Тарасов, Я. Графов, капитан II ранга Рыжей и лейтенант И. Яворский) значились провокаторами³⁸. Попытался Совет подчинить себе и Особое отделение при штабе Балтийского флота, и КРО при штабе Свеаборгской крепости. 27 апреля на заседании Исполнительного комитета Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих было принято постановление о передаче всех дел контрразведки и выбора ее начальника

секции Охраны народной свободы, но далее этого дело не пошло, поскольку в дела штаба Балтийского флота Совет вмешиваться не решился. Поэтому в дальнейшем статус-кво сохранился. Контакты с центральными органами контрразведки шли либо через отделение при штабе флота, либо через Свеаборгское контрразведывательное отделение, откуда информацию и запросы в секцию Гельсингфорсского Совета доставлял корнет Архангельский.

Однако совместные усилия многочисленных контрразведок, действовавших в Финляндии, могли принести большую пользу. Понимали это и контрразведчики. Своеобразной попыткой выработать общую линию деятельности явился Съезд начальников контрразведок в Финляндии. Сохранились материалы о единственном заседании, проходившем 7 июля в Гельсингфорсе. Присутствовали на нем, согласно протоколу, начальники морских (Особого отделения штаба командующего Балтийским флотом, Свеаборгской крепости, Або-Оландской укрепленной позиции, Петроградского); армейских (КРО штаба главнокомандующего армиями Северного фронта, штаба 42-го корпуса, Выборгской крепости); пограничных (Таммерфорсский и Торнеоский пункты) контрразведывательных структур. Пограничники были представлены также помощником начальника Выборгского участка Финляндской пограничной охраны прапорщиком бароном Вольфом и штаб-офицером для поручений при управлении Финляндским пограничным сводным дивизионом подполковником Михайловым. Также в заседании участвовали начальник секции охраны народной свободы Гельсингфорсского совета В. Островский, его помощник, заведующий Особым отделом секции — М. Молчанов и товарищ председателя комитета 42-го корпуса Реммер³⁹. Таким образом, представительство было самое широкое.

На съезде обсуждался широкий круг насущных проблем. Первым в повестке стоял вопрос об отношениях с властями Финляндии. Основной трудностью, по мнению выступавшего с докладом начальника отделения при штабе Свеаборгской крепости прапорщика графа И. К. Симонича, являлось полное нежелание финляндских властей сотрудничать, пока судить арестованных не будет местный суд. Между тем характер решений суда был ясен заранее. В течение марта — мая 1917 г. по распоряжению прокурора Сената П. Э. Свинхувуда было освобождено из-под стражи 32 чел. с формулировкой «ввиду данных со стороны Сената заверений, что инкриминируемые им преступные деяния были совершены из политических побуждений»⁴⁰. Четверо из них бежали из Петрограда в дни свержения монархии. Во время обсуждения представители военной контрразведки выбирали весьма обтекаемые формулы, члены

Гельсингфорсского Совета и вовсе предпочли промолчать, чтобы, вероятно, не вступать в противоречие с политикой Совета, направленной на признание максимальной самостоятельности Финляндии. В результате была принята предложенная начальником Петроградского морского контрразведывательного отделения прапорщиком Н. П. Серебряковым резолюция о создании «специальной организации» в помощь контрразведке через Исполнительный комитет Совета. Таким образом, единства во взглядах с самого начала не наблюдалось.

Острую полемику вызвал вопрос об охране границы. Основной спор разгорелся между представителями секции охраны народной свободы и начальниками приграничных контрразведывательных пунктов. Если первые требовали признания своей роли в этом деле и подчинения пограничников Совету, то подпоручик Борисов (из Торнео) предложил сохранить существующее подчинение пунктов КРО штаба 42-го корпуса. В итоге съезд ограничился туманным призывом «работать в тесном единении»⁴¹. Наконец, большое внимание было уделено взаимоотношениям контрразведывательных и общественных организаций. По этому пункту члены съезда проявили большее единство и приняли резолюцию о необходимости принимать на службу лиц, «пользующихся общественным доверием, и удалить всех тех служащих, которые пользуются определенным общественным недоверием». При этом общественный контроль допускался «лишь в части не секретной»⁴². Хотя на деле возможность соблюдения резолюции выглядела сомнительной, так как В. Островский и М. Молчанов докладывали о своей деятельности на заседаниях Исполнительного комитета достаточно регулярно.

Таким образом, на съезде отчетливо проявилась разница в подходах к вопросам государственной безопасности. Резолюции носили компромиссный характер и мало что меняли. Но и эта видимость единства разных контрразведок в Финляндии была нарушена довольно быстро. Всего через 8 дней по распоряжению А. Ф. Керенского членами Особого отделения штаба командующего Балтийским флотом была закрыта редакция газеты «Волна» и арестованы все находившиеся там. После этого происшествия даже видимость единства между контрразведчиками и представителями Совета стала невозможна. Ситуация на Балтике резко изменилась после корниловского выступления. С 1 сентября было введено новое «Положение Секции Охраны Народной Свободы при Областном Комитете». В числе обязанностей секции значился и «надзор за всеми контрразведками в Финляндии»⁴³. Кроме того, во все контрразведывательные отделения и пункты на территории Финляндии рассылались комиссары, которые отныне контролировали всю информацию, шедшую в Петроград и обратно.

Что касается вопроса штатов, то в первое время после свержения монархии состав отделений не изменился. Тем более что 14 марта начальник отделения подполковник Ф. Ф. Крушинский и начальник Особого отделения штаба Балтийским флотом подполковник А. Н. Нордман обратились в Исполнительный комитет местного Совета с просьбой «некоторых жандармов оставить при исполнении своих обязанностей, как людей, не имеющих ничего общего с политическим сыском»⁴⁴. 25 апреля был зачислен прапорщик Л. С. Тычинский. В его компетенцию входило производство дознаний и юридические справки⁴⁵. Однако 15 апреля 1917 г. созванное для обсуждения участи контрразведки Особое совещание, состоявшее из представителей МИДа, военного и морского министерств, МВД, Министерства торговли и промышленности, приняло постановление передать борьбу со шпионажем в ведение Военного и Морского министерств⁴⁶. Вопрос этот представлял серьезное значение. Именно от его решения зависели источники и количество финансирования, а значит, и штаты. Руководствуясь представлениями нового министра А. Ф. Керенского, был взят курс на окончательное изгнание всех лиц, причастных к политической полиции. 30 апреля по этой причине покинул свою должность начальник Свеаборгского КРО подполковник Ф. Ф. Крушинский. Его заменил прапорщик граф И. К. Симонич⁴⁷.

В августе ситуация изменилась. Приказом начальника Морского штаба Ставки вице-адмирала А. С. Максимова от 10 августа штаты должны были распространиться и на районы, подчиненные командующим Балтийским и Черноморским флотами. Согласно им в КРО при штабе Свеаборгской крепости предполагалось оставить начальника, 5 его помощников, 4 чиновников для поручений, делопроизводителя и 2 его помощников, 12 служащих канцелярии, фотографа, сторожа и 4 переводчиков, то есть 32 человека⁴⁸. Таким образом, предполагалось сократить личный состав на 7 человек по сравнению с июнем. К тому же неясно было, куда следует отнести агентов наружного наблюдения. Тем не менее 14 сентября подполковник А. Н. Нордман утвердил штаты.

В ответ И. К. Симонич направил свой проект. В этом обширном документе, занимающем 10 машинописных страниц, была весьма подробно изложена и проанализирована количественная эволюция личного состава отделения, начиная со времени его основания. Для сравнения автор привел штаты секции охраны народной свободы Исполнительного комитета Гельсингфорсского Совета. При этом И. К. Симонич, пытаясь, вероятно, искусственно преувеличить их, слил в единое целое отдел, занимавшийся непосредственно «контршпионажем», и остальные части — канцелярскую и хозяйственную. Тем самым в составе секции начальник

КРО при штабе Свеаборгской крепости насчитывал 46 человек. Из них только 16 занималось непосредственно контрразведкой. Всячески подчеркивая роль своего отделения в борьбе со шпионажем, И. К. Симонич приходил к конечному выводу о необходимости иметь в отделении 47 человек⁴⁹.

Однако и такие штаты неизбежно вели к сокращению личного состава: на 14 сентября в составе Свеаборгского КРО значилось (без начальника и 3 его помощников) 59 сотрудников. Большое количество прикомандированных и писарей, бросающееся в глаза по сравнению с проектом И. К. Симонича, наводит на мысль о том, что в отделении могли служить лица, которые просто искали любое место. Отчасти, на наш взгляд, подтверждается такой вывод и дублированием функций помощников начальника КРО и прикомандированных. Например, агентурным отделением заведовал прапорщик Э. И. Гааген, но в него входил и подпоручик К. А. Студент. Канцелярией занимался прапорщик Г. В. Дерябин, а перепиской в ней — гвардии штабс-ротмистр П. В. Верещинский⁵⁰. Сохранение существующего положения в условиях нараставшей конфронтации с правительством радикальных политических сил, чьи интересы всё больше выражали Советы, было вряд ли возможно. Этим в большой степени и объясняется игнорирование проекта начальника Свеаборгского КРО. После Октябрьского переворота власть на Балтийском флоте всё больше переходила под контроль Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта). Де-юре такое положение закрепил полученный 5 декабря приказ нового органа управления военно-морскими силами России — Верховной морской коллегии. В нем говорилось о введении коллегиального управления на Балтике. Уже на следующий день Центробалт упразднил должность командующего флотом, приняв непосредственное руководство на себя. Для этого учреждался Военный отдел. Его председателем стал Н. Ф. Измайлов. В подобной ситуации, когда ни о какой стабильности и речи быть не могло, когда все шло к обретению Финляндией независимости, контрразведка казалась обузой, требующей немалых денег. К тому же офицеры штаба флота постепенно покидали его, не желая работать «коллегиально» с представителями ВО. В декабре 1917 г. свою должность оставил А. Н. Нордман, его сменил капитан II ранга И. И. Бибилов. 23 декабря в своей записке, направленной в ЦКБФ (копия — начальнику Свеаборгского КРО), он предложил передать все дела и агентуру в штаб, а отделение — упразднить⁵¹. И. К. Симонич пробовал возражать, указывая на невозможность для увольняемых сотрудников обеспечить себе заработок и существование в Финляндии. Однако его доводы не приняли во внимание. 8 января 1918 г. Н. Ф. Измайлов

сообщил И. И. Бибикову, что «Контрразведывательное отделение Штаба Свеаборгской крепости будет передано вам». Спустя 3 дня И. К. Симоничу предложили сдать дела. Объяснительная записка комитета служащих в Центробалт никакого воздействия возыметь не могла. 16 января созданная комиссия по ликвидации КРО Свеаборгской крепости приступила к работе. 19 января это отделение прекратило свое существование⁵².

Это не было чем-то исключительным. С 1 января 1918 г. из-за сокращения штата Вазаского (бывшего Николайштадтского) пункта были уволены его начальник А. Н. Красильников, его помощник поручик Н. А. Журавлев и переводчик К. С. Мацунов⁵³. Однако окончательно этот пункт расформирован не был из-за близости к границе. КРО Ботнического залива также продолжало существовать, но ничего не могло предпринять из-за нехватки людей. Дело усугублялось еще и отсутствием людей в пункте Торнео, куда из Вазы был отправлен в начале января 1918 г. отряд под командованием старшего лейтенанта В. В. Дитерихса⁵⁴. Обрато он вернуться уже не успел, так как в ночь с 15 на 16 января город был захвачен отрядами шюцкора, а русский гарнизон разоружен. Арестованными, судя по рапорту старшего лейтенанта Г. И. Шевелева на имя А. М. Щастного, приводимого в монографии Е. Н. Шошкова, оказались и сотрудники всех контрразведывательных структур⁵⁵. Положение КРО штаба командующего Балтийским флотом в этот период осталось неизвестным. Однако фактически отделение прекратило деятельность, так как сеть, которую с таким трудом удалось создать в Финляндии, уже прекратила свое существование.

Таким образом, к началу революционных событий 1917 г. процесс создания системы военно-морских контрразведывательных отделений был в разгаре. Главную роль играли отделения при штабе флота и штабе Свеаборгской крепости. Основной перспективой было создание отделений и пунктов, которые охватывали бы всю зону интересов флота. Однако в ходе революционных событий эти планы удалось реализовать лишь частично.

Причинами выступили многие обстоятельства. К ним относится сложившееся еще в дореволюционный период противостояние между центральными органами управления и штабом Балтийского флота. Также в силу заинтересованности командования 42-го корпуса и пограничной стражи, размещавшихся в Финляндии, имело место дублирование контрразведывательных структур, как в случае с пунктом в Николайштадте и КРО Ботнического залива.

Новые революционные органы власти в Финляндии также взяли на себя часть функций, выполнявшихся контрразведкой. Значительную

роль сыграла секция охраны народной свободы Гельсингфорсского совета. Возможно, здесь сказывалось дореволюционное смешение в сознании контрразведки и жандармов. Попытки договориться с представителями революционных властей успеха не имели, во многом из-за закрытия представителями КРО штаба флота газеты «Волна». В дальнейшем, полагаем, это и обусловило кризис морской контрразведки после октября 1917 г. В то же время нельзя упускать из виду и общий ход событий в Финляндии, которая взяла курс на обретение суверенитета. Это новое положение бывшего Великого княжества, признанное Советским правительством, делало перспективы контрразведки весьма туманными, а начало Гражданской войны ускорило процесс ее фактической ликвидации в январе 1918 г.

¹ Яковлев Л. С. Контрразведка России накануне и в годы Первой мировой войны // Исторические чтения на Лубянке 1997 год. Российские спецслужбы: История и современность (далее: Исторические чтения на Лубянке...). М.; Великий Новгород, 1999. С. 25–36; Зданович А. А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке ... С. 11–19.

² Зданович А. А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство. (далее: Отечественная контрразведка...). М., 2004.

³ Там же. С. 51–63.

⁴ Греков Н. В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

⁵ Бажанов Д. А. Структура русской морской контрразведки накануне Февральской революции // Герценовские чтения 2001. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2001. С. 71–73; Бажанов Д. А. Структура русской морской контрразведки в 1917 году // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 28–42.

⁶ Бажанов Д. А. 1. Петроградское морское контрразведывательное отделение // Из глубины времен. 2005. Вып.13. С. 44–66; 2. Морская контрразведка в Кронштадте в 1917 г.: организация и функционирование // Герценовские чтения 2005. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2005. С. 95–97; 3. Контрразведывательное отделение штаба Свеаборгской крепости: организация и функционирование (1915–1918 гг.) // Политическая история России: Прошлое и современность. Исторические чтения. Вып. IV. «Гороховая, 2» — 2007. СПб., 2008. С. 142–152.

⁷ Иванов А. А. 1. Военная контрразведка Белого Севера в 1918–1920 гг. // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 121–130; 2. Военно-морская контрразведка на севере России в период нахождения у власти Временного правительства (февраль—октябрь 1917 г.) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 4. С. 11–17; 3. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009.

⁸ *Николаев А. Б.* Временный комитет Государственной думы, Временное правительство и вопросы контрразведки в феврале—марте 1917 года // Из глубины времен. 2000. Вып.12. С. 11–100.

⁹ *Зверев В. О.* 1. Морская контрразведка Российской империи (Балтика. 1914–1918 гг.): история создания и ликвидации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 1. С. 42–49; 2. Морская контрразведка Российской империи на Балтике в 1914–1918 гг.: история создания и ликвидации // Новейшая история России. 2013. № 2(7). С. 7–17.

¹⁰ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 418 (Морской генеральный штаб). Оп. 2. Д. 62. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 58; *Бажанов Д. А.* Структура русской морской контрразведки в 1917 году // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 28; *Зданович А. А.* Отечественная контрразведка... С. 61; *Зверев В. О.* Морская контрразведка Российской империи на Балтике в 1914–1918 гг.: история создания и ликвидации // Новейшая история России. 2013. № 2 (7). С. 10.

¹² РГА ВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; Д. 16. Л. 2.

¹³ Там же. Д. 24. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 274. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 44.

¹⁷ Там же. Д. 16. Л. 2.

¹⁸ Там же. Д. 274. Л. 45.

¹⁹ Там же. Д. 16. Л. 12–13.

²⁰ Там же. Л. 90а, 134.

²¹ Известия... 1917. № 8. 21 марта.

²² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 171. Л. 151; Д. 153. Л. 123; Известия... 1917. № 1.

9 марта.

²³ Известия... 1917. № 1, 8, 19. 9, 21 марта, 7 апреля.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 2. Д. 114. Л. 59.

²⁵ Там же. Л. 62.

²⁶ Там же. Д. 103. Л. 1.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 101. Л. 1, 3.

³⁰ Там же. Л. 26, 30.

³¹ Там же. Л. 4, 6, 7.

³² Там же. Л. 21.

³³ Там же. Л. 13.

³⁴ Там же. Д. 104. Л. 13, 30, 69.

³⁵ Там же. Д. 31. Л. 129.

³⁶ Там же. Д. 274. Л. 37–47.

³⁷ Там же. Л. 59об.

³⁸ Там же. Д. 164. Л. 107

³⁹ Там же. Д. 31. Л. 129.

⁴⁰ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 164. Л. 107, 163–165, 317, 320.

⁴¹ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 31. Л. 130.

⁴² Там же. Л. 132.

⁴³ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 114. Л. 184.

⁴⁴ Известия... 1917. № 9. 22 марта.

⁴⁵ РГА ВМФ. Ф.1356. Оп. 1. Д. 24. Л. 156об.

⁴⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 2. Д. 114. Л. 62.

⁴⁷ Там же. Д.128. Л. 139.

⁴⁸ Там же. Л. 3об.-4.

⁴⁹ Там же. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

⁵⁰ Там же. Л. 61-62.

⁵² Там же. Д. 27, Л. 2.

⁵³ Там же. Л. 3-5, 39.

⁵⁴ Там же. Д. 100. Л. 3.

⁵⁵ *Шошков Е. Н.* Наморси А. М. Щастный (Трагическая биография в событиях, датах, комментариях). СПб., 2001. С. 315-317.

Там же. С. 316.

П. В. Петров

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ДИСЦИПЛИНА НА КРАСНОЗНАМЕННОМ БАЛТИЙСКОМ ФЛОТЕ В КОНЦЕ 1930-х — НАЧАЛЕ 1941 г.

Общая атмосфера среди личного состава КБФ в условиях массовых репрессий 1937–1938 гг. характеризовалась крайней нервозностью и подозрительностью. Член Военного Совета и начальник Политуправления КБФ дивизионный комиссар Я. В. Волков в своем докладе от 14 июня 1937 г., направленном наркомку обороны СССР К. Е. Ворошилову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову и написанном по «горячим следам» после июньского процесса над маршалом М. Н. Тухачевским, командармами 1-го ранга И. Э. Якиром, И. П. Уборевичем и другими военачальниками, с пафосом писал, что «в своих выступлениях на митингах, принятых резолюциях и высказываниях краснофлотцы и командиры выражали свое возмущение подлым предательством, жгучую ненависть и презрение к этим троцкистским посядешам, врагам народа и требовали их расстрела»¹.

Командование РКВМФ стремилось подготовить личный состав флота для «нужного» восприятия событий, поэтому шла интенсивная обработка сознания людей для формирования у них определенных настроений. Из доклада начальника Политического управления КБФ дивизионного комиссара Я. В. Волкова следует, что 1 июня в частях и на кораблях начала проводиться разъяснительная работа среди личного состава в связи с самоубийством начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1-го ранга Я. Б. Гамарника, 8 июня была доведена информация до командиров и начальников политотделов соединений КБФ, 9 июня весь начальствующий состав был проинформирован по поводу текущих событий. Наконец, 10 июня 1937 г. всему личному составу Краснознаменного Балтийского флота был оглашен приказ наркома обороны СССР № 072 «Обращение к армии по поводу раскрытия НКВД предательской контрреволюционной военно-фашистской организации в РККА»².

В приказе наркома обороны маршала К. Е. Ворошилова сообщалось, что Наркоматом внутренних дел СССР была «раскрыта» контрреволюционная военная организация, «которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии»³. Нарком обороны отмечал в конце приказа, что «нельзя быть уверенными, что эти заклятые враги трудящихся полностью рассказали всё... что они выдали всех своих единомышленников и сообщников», хотя и выразил при этом слабую надежду на то, что «главные организаторы, руководители и шпионы» уже разоблачены советским правосудием⁴. Данный приказ вызвал большое замешательство среди командиров и краснофлотцев, которые оказались неготовыми к внезапному повороту событий и задавали большое количество вопросов политработникам КБФ⁵. Среди заданных прозвучал следующий вопрос: «Имели ли они (осужденные. — П. П.) своих вредителей на флоте?»⁶ К сожалению, последующие события показали, что репрессии среди военнослужащих, которые тогда еще только начинались, быстро дойдут и до Морских сил РККА.

11–12 июня 1937 г. на кораблях и в частях КБФ, в связи с опубликованием сообщения Прокуратуры СССР «о предании суду изменников родины и приговора над ними», были проведены митинги личного состава. Среди выступавших командиров и краснофлотцев были сильны обличительные, агрессивные настроения в духе того времени: «Мы приветствуем приговор Военной коллегии Верховного суда над подлыми наймитами фашизма... Тухачевский и прочая сволочь пробрались и вредили в нашей Красной Армии... Фашистским собакам – собачья смерть», «Жаль, что для таких мерзавцев у нас нет наказания выше расстрела, они заслуживают большего»⁷.

В то же время среди части командиров и краснофлотцев Краснознаменного Балтийского флота имели место определенные сомнения относительно правильности приговора в отношении осужденных, возникали растерянность и даже панические настроения: «...сомневаюсь, что большинство — 50–60 % командного состава не замешаны во вредительстве. Чем докажем, что сам военком говорит хорошо, а за ним ничего нет», «На кого сейчас надеяться, если такие высокие командиры изменники», «Раз верхушка оказалась врагами народа, то нельзя верить, что и наши командиры тоже не враги»⁸.

Более того, среди части личного состава Краснознаменного Балтийского флота появились и более опасные для властей так называемые враждебные настроения, сводившиеся к положительной оценке осужденных и весьма острой критике существовавшей политической системы

страны: «Скоро и Сталин окажется троцкистом, сейчас вскрыт Гамарник, потом вскроют Ворошилова, а там и Сталин окажется троцкистом, кому теперь верить», «Ну и вождь, кому же теперь верить. Что-то среди вождей это стало частым явлением, тут дело темное...», «Выходит, что верить никому нельзя, можно верить одному Сталину, но а если и у него окажется что-нибудь в этом роде, тогда что?»⁹ и пр. Необходимо отметить, что командиры и краснофлотцы, высказывавшие такие мысли, сразу же проверялись лично военными частями и начальниками политотделов на предмет благонадежности, после чего представлялись к изъятию из рядов РККА. Попутно шла проверка вышеуказанных лиц и по линии Особого отдела КБФ, который в зависимости от обстоятельств принимал меры по их аресту.

Военнослужащие стали теперь относить к фактам вредительства случаи элементарного разгильдяйства, нарушения личным составом действующих уставов, наставлений и приказов. Любой негативный факт в деятельности флота теперь мог быть истолкован как осознанное вредительство со стороны военнослужащих. Среди командиров и политработников участились такие разговоры, как: «Командир БЧ-2 Рудаков, подлодка „Ерш“, рассказал, что пушка, полученная для установки на лодке с арсенала Морского завода от главного артиллериста Порты, с такими запасными частями, которые к ней не подходят. Запасные части для этих пушек изготовляет Ленинградский завод имени Калинина. Этот факт проверяется»¹⁰.

В своем следующем докладе наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову и первому секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданову, от 17 июня 1937 г., начальник Политуправления КБФ дивизионный комиссар Я. В. Волков вновь обратился к теме настроений среди личного состава флота в связи с судебным процессом по делу маршала М. Н. Тухачевского. Упомянув многочисленные примеры высказываний с осуждением расстрелянных военачальников, Волков обратил особое внимание на то обстоятельство, что не все военнослужащие разделяют подобные настроения. Оказалось, что «на фоне крепкого и здорового реагирования личного состава флота на судебный процесс над изменниками Родины, всё ещё имеют место отдельные отрицательные контрреволюционные настроения клеветнического характера, дискредитирующие политику нашей партии и правительства»¹¹.

И действительно, среди краснофлотцев и младших командиров КБФ имели также место весьма критические, даже опасные высказывания в адрес советских властей: «...Тухачевского прогнали, скоро, наверное, и Сталина прогонят», «...Может быть, в самом деле политика Советской

власти неправильна», «Ну всё, правительство у нас свихнулось», «Мощь СССР держится на расстрелах»¹². Кроме того, раздавались и более категоричные заявления, касавшиеся не столько организации службы на флоте, сколько политического устройства СССР: «...Мне тюрьма не страшна, это мой дом родной, тюрьмы боятся трусы, а мне всё равно, служить на корабле или работать в концлагере, условия всюду одинаковы», «...Служба во флоте равносильна каторге, я знаю, что за мои выступления буду арестован, но это меня не страшит»¹³.

На фоне подобных тревожных настроений дисциплина среди личного состава стала стремительно ослабевать. Авторитет командиров и начальников всех уровней заметно поколебался, потому что на них теперь стали смотреть как на потенциальных «врагов народа». Причем это находило такую форму, что краснофлотцы, выражая свое недовольство приказами командиров, говорили окружающим следующее: «...Работайте, работайте, вас за это орденами наградят», «Вам хомут оденут скоро, тогда узнаете, что такое благодарность», «На кой черт мне ваши занятия, это никому не нужное дело», «А таких, как вы с командиром отделения... мы в военное время будем за борт бросать»¹⁴. Зачастую подобные высказывания не встречали отпора со стороны командиров и политработников, которые не знали, как следует отреагировать на них и насколько это будет небезопасно для них самих.

Но не только Политическое управление КБФ занималось сбором сведений об отрицательных настроениях среди личного состава флота: этому была посвящена и деятельность специальных органов — в первую очередь Особого отдела КБФ. Любопытно, что в «Справке об отрицательных настроениях и антисоветских высказываниях в Краснознаменном Балтийском флоте в апреле 1938 г.», составленной начальником 2-го отделения ОО КБФ лейтенантом госбезопасности И. Я. Бабиным, на первом месте фигурируют различные высказывания политработников. Последние подвергались критике за слабую воспитательную и разъяснительную работу среди краснофлотцев, формальное исполнение своих обязанностей. Далее внимание Особого отдела КБФ привлекали «антисоветские» заявления краснофлотцев и младших командиров, преимущественно политического характера.

Представляют немалый интерес, для понимания внутренней обстановки в стране, следующие высказывания краснофлотцев и младших командиров, из которых видно, что они зачастую понимали смысл происходившего вокруг и были даже озлоблены на окружающую их действительность: «...Нечего сказать, у нас демократия свободная, кто правду скажет, завтра будет арестован органами НКВД...», «Советы не защища-

ют рабочих, а притесняют их на каждом шагу», «„Правда“ — это сборник московских сплетен, никогда действительного положения этот орган не отражал», «У вас здесь такой же беспорядок, как при социализме»¹⁵.

Значительное место занимали жалобы и недовольство краснофлотцев тяготами военной службы и несправедливым отношением к ним командиров и начальников: «...Служба в Красной Армии тяжела, все равно что в концлагерях», «Служить на военной службе год от года становится тяжелее, наши командиры ничем не отличаются от бывшего офицерства», «Командование с краснофлотцами не считается, гоняет как собак, нужд краснофлотцев не учитывает, скорее бы отслужить да вырваться на свободу»¹⁶.

Даже, казалось бы, такой далекий от политики вопрос, как снабжение личного состава продовольствием и обмундированием, вызывал подчас бурную и острую реакцию со стороны краснофлотцев и младших командиров и мог спровоцировать их на весьма нелестные для советской власти высказывания: «Дожили, что кирпичами стали кормить», «Говорят, что жизнь улучшается, а у нас обеды становятся всё хуже и хуже», «Бедные матросы, все ходят с подтянутыми животами, Советская власть не может их вдоволь накормить, вот пообедали, а есть хочется», «Советская власть заставляет ходить бойцов оборванными, видимо не в состоянии снабдить их»¹⁷.

Внимательнее всего Особый отдел КБФ прислушивался к тем разговорам личного состава, которые касались прокатившихся по стране репрессий. Следует признать, что высказывания краснофлотцев и старшин по поводу тех или иных репрессированных лиц носили иногда нейтральный, а порой и сочувственный характер: «Замечательный был человек, органы НКВД арестовали его зря», «В дивизионе со стороны многих краснофлотцев проявляется интерес к врагам народа Троцкому и Бухарину», «Бухарин талантливый человек, не зря его поставили редактором „Известий“, Троцкий также большая величина, старый мировой оратор», «На наших глазах гибнут лучшие люди»¹⁸.

Репрессии среди командно-начальствующего флота и возникшая из-за этого боязнь командиров за свои действия имели своим следствием общее падение дисциплины среди личного состава и ослабление требовательности со стороны командиров всех уровней. В конце 1930-х гг. статистика показывала устойчивое увеличение количества дисциплинарных проступков в Морских силах РККА, причем не только среди краснофлотцев и старшин, но и среди командиров, начальников и политработников. На заседании Военного Совета при наркомате обороны СССР 21 ноября 1937 г. член Военного Совета КБФ дивизионный комиссар А. А. Булышкин даже подчеркнул в своем докладе, что на флоте «слаба дисциплина»¹⁹.

Серьезной проблемой в Вооруженных силах, и в частности в РККФ, стало массовое пьянство, которое с 1938 г. приобрело значительный размах. В январе 1939 г. нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский издал приказ № 002, специально посвященный этому явлению, где с тревогой констатировал, что «пьянство среди личного состава РККФ за последнее время приняло угрожающие размеры и такой характер, что стало бичом флота»²⁰. По неполным данным военных советов флотов и флотилий, всего за 8 месяцев 1938 г. было наложено 7440 дисциплинарных взысканий за пьянство среди личного состава. Нарком особо отмечал, что наблюдалось «немало безобразных случаев, сопровождавшихся возмутительными дебошами и хулиганством, доходящими до совершения тягчайших преступлений»²¹.

Краснознаменный Балтийский флот в этом отношении находился на одном из первых мест. За 1938 г. на КБФ было зафиксировано, по данным Политуправления флота, 3228 случаев пьянства, из них начсостава — 201 случай. Воинская дисциплина на Балтике также носила достаточно невысокий уровень, о чем свидетельствует тот факт, что в течение года на флоте получили различные взыскания 24 тысячи командиров и краснофлотцев (что составляло 40% личного состава)²². Одним из наиболее вопиющих случаев нарушения воинской дисциплины на КБФ в 1938 г. стала история с пьянством команды эсминца «Сокрушительный», сопровождавшей военный груз из Москвы в Ленинград в сентябре этого года, за что командиру 2-го дивизиона эсминцев КБФ и командиру корабля были объявлены выговоры, а комиссар эсминца был вообще уволен из рядов РККФ²³.

В 1939 г. положение с состоянием воинской дисциплины в соединениях и частях Краснознаменного Балтийского флота продолжало оставаться неутешительным. Из доклада начальника организационно-инструкторского отдела Политического управления РККФ полкового комиссара Д. П. Лошакова начальнику Политуправления РККФ корпусному комиссару И. В. Рогову от 11 апреля 1939 г., посвященному отрицательным явлениям на КБФ, следовало, что количество дисциплинарных взысканий, наложенных на личный состав флота за два месяца (с января по февраль 1939 г.), характеризует не только низкий уровень состояния дисциплины на флоте, но и «низкий уровень состояния воспитательной работы среди личного состава со стороны командиров и политработников, низкий уровень борьбы партполитаппарата за укрепление воинской дисциплины и борьбы с проявлениями извращения дисциплинарной практики»²⁴.

Всего за два первых месяца 1939 г. на КБФ было наложено сразу 5573 дисциплинарных взыскания, что составляло 10,5 % к личному со-

ставу флота. Из них: за неисполнение приказаний — 129 взысканий, за самовольные отлучки — 202, за пьянство и дебош — 829, уход с поста — 37, сон на посту — 186 и за прочие — 4180 взысканий. Причем 52 % всех взысканий приходились на коммунистов и комсомольцев флота²⁵. В некоторых соединениях и на кораблях количество дисциплинарных взысканий было очень велико. Например, на линкоре «Марат» за первый квартал 1939 г. имелось сразу 324 взыскания, которые были наложены на 292 человек (52 — за пьянство)²⁶. Как следствие низкой дисциплины, очень высоким оставался уровень аварийности на флоте. В 1938 г. на Балтике произошло 11 катастроф и 157 аварий самолетов, кораблей и автомашин. За январь — февраль 1939 г. на КБФ произошла 1 катастрофа самолета, 4 аварии самолетов и 10 аварий автомашин²⁷.

Даже в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте продолжала оставаться на недопустимо низком уровне. Несмотря на боевую обстановку, как отметил начальник Политуправления КБФ П. И. Бельский, «мы имели недопустимое в условиях РКВМФ явление — дезертирства»²⁸. К примеру, в 11-й авиабазе имело место 10 случаев дезертирства краснофлотцев запаса. Причиной такого положения дел была плохая организация службы, когда некоторые краснофлотцы отказывались выполнять приказы и «это им проходило»²⁹. Зачастую краснофлотцы просто уходили на вокзал и самовольно уезжали в тыл, причем «на это никто не реагировал»³⁰. Неоднократные случаи самовольных отлучек и дезертирств происходили в 4-м и 5-м батальонах Отдельной специальной стрелковой бригады и 11-го отдельного артиллерийского дивизиона Северного укрепрайона КБФ³¹.

Причем отрицательные примеры поведения показывали лично-му составу и сами представители командно-начальствующего состава флота. В частности, командир Отряда легких сил КБФ капитан 1-го ранга Б. П. Птохов в начале января 1940 г. самовольно уехал в Ригу, где пьянствовал несколько дней и сорвал очередной боевой поход отряда, за что был снят с занимаемой должности и понижен в звании³². В военно-морской базе Либава в ночь на 1 января 1940 г. командование 1-й бригадой подводных лодок КБФ организовало коллективную пьянку, в которой активно участвовал военный комиссар бригады полковой комиссар А. П. Байков. В результате многие командиры подлодок оказались пьяными. В дальнейшем начальник штаба бригады капитан 2-го ранга В. Г. Якушкин и военком бригады А. П. Байков были сняты с занимаемых должностей³³.

На банкете в советском полпредстве в Риге 23 февраля 1940 г., по случаю 22-летней годовщины РККА, как сообщал полпред СССР в Латвии И. С. Зотов, «некоторые из присутствовавших на приеме моряков... вели

себя непристойно», а «некоторые из них, и особенно командир крейсера „Киров“, были в сильной степени пьяны»³⁴. Достаточно вопиющим случаем стал пьяный дебош командира линкора «Октябрьская революция» капитана 2-го ранга Д. Д. Вдовиченко в ночь на 23 февраля 1940 г.³⁵ Коллективная пьянка командиров была также устроена в 23-м дивизионе 3-й бригады подлодок в ночь на 23 февраля 1940 г. В ней приняли участие командиры ПЛ «М-74» старший лейтенант Д. М. Сазонов, ПЛ «М-76» старший лейтенант Г. А. Жаворонков, дивизионный штурман 23-го ДПЛ лейтенант Фролов и другие командиры³⁶. К сожалению, подобных явлений на Балтике было очень много, и продолжались они и дальше.

Количество дисциплинарных проступков среди личного состава КБФ достигло в 1940 г. рекордных показателей. По данным, которые привел в своем докладе на декабрьском совещании 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, Краснознаменный Балтийский флот прочно удерживал первое место среди всех флотов по количеству дисциплинарных взысканий — 59 тысяч (!)³⁷. Если в I квартале на КБФ имело место 11 426 дисциплинарных проступков, то II квартале их было уже 19 365, а в III квартале достигло рекордных 28 315 (!)³⁸. Причем наибольшее количество проступков приходилось на командиров и политработников (почти 44 %!), что свидетельствовало о явно неблагополучном положении на Балтике. В итоге многие командиры, по словам командующего Балтфлотом вице-адмирала В. Ф. Трибуца, «вместо того, чтобы насаждать железную воинскую дисциплину и большевистский порядок на корабле, часто нередко сами являются образцом расхлябанности и воинской недисциплинированности»³⁹.

За совершенные проступки в течение десяти месяцев 1940 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 1283 человека, причем 1091 — за период с 1 мая по 1 июля, т. е. за два месяца (!). Причиной увеличения осужденных летом 1940 г. стало опубликование Указа Президиума Верховного Совета СССР о повышении мер наказания за самовольные отлучки. Наиболее характерными дисциплинарными нарушениями среди личного состава были: побеги и самовольные отлучки — 67 %, неисполнение приказов командиров — 18%, халатное отношение к службе — 7 % и кражи — 6 %⁴⁰. В IV квартале было осуждено за разные дисциплинарные проступки 439 человек⁴¹.

Как следствие низкой дисциплины, в соединениях и частях надводных кораблей и Военно-воздушных сил КБФ наблюдался крайне высокий уровень аварийности. Так, в надводных силах КБФ было потеряно 2 корабля, а также имелось 24 аварии⁴². В течение 1940 г. в авиационных частях КБФ было зафиксировано 139 летных происшествий, из них 13 ка-

тастроф, 24 аварии, 55 поломок и 47 вынужденных посадок. Такое большое количество летных происшествий, как считал военный прокурор КБФ, происходило вследствие «недисциплинированности и разболтанности личного состава в ряде частей ВВС, нарушения последовательности и методичности обучения летного состава и крайне плохой работы политорганов по воспитанию чувства ответственности и дисциплины в воинских частях»⁴³.

В следующем, 1941 г. ситуация с дисциплиной на Балтике не улучшалась, а оставалась на прежнем невысоком уровне. В частности, в марте 1941 г. командующий КБФ в своем приказе отмечал большое количество случаев пьянства на эскадренных миноносцах «Смелый» и «Суровый» и плавбазе «Вирония», за что на командиров кораблей были наложены взыскания⁴⁴. Всего лишь за I квартал 1941 г. Военным трибуналом КБФ было осуждено 494 военнослужащих, в том числе по частям КБФ — 449 человек, по ВМУЗам — 39 человек и по 8-й отдельной стрелковой бригаде — 6 человек. Среди воинских преступлений преобладали самовольные отлучки (42 %), пьянство (20 %) и неисполнение приказаний (11 %)⁴⁵.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны личный состав Краснознаменного Балтийского флота испытывал очень серьезные проблемы с воинской дисциплиной. Причем данное отрицательное явление охватило не только краснофлотцев и младших командиров, но также и широкие слои командно-начальствующего состава флота.

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее: ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 26.

² Там же. Л. 25.

³ Военный Совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М., 2008. С. 458.

⁴ Там же. С. 459–460.

⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 36–39.

⁶ Там же. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 26–28.

⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 28–29; *Кутузов В. А.* О численности репрессированных командных кадров Красной Армии накануне Великой Отечественной войны // *Великая Отечественная войны: Правда и вымысел: Сборник статей.* СПб., 2000. С. 34.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2515. Л. 31–32.

¹⁰ Там же. Л. 34.

¹¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 663. Л. 18.

¹² Там же. Л. 18–19.

¹³ Там же. Д. 733. Л. 17–18.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ Там же. Л. 50–52.

¹⁶ Там же. Л. 53–54.

¹⁷ Там же. Л. 54–56.

¹⁸ Там же. Д. 663. Л. 7–8. Д. 733. Л. 57–58.

¹⁹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М., 2006. С. 141.

²⁰ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 67. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 8.

²² *Левашко В. О.* На Балтике, в советско-финляндскую...: морально-политическое состояние личного состава кораблей Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. СПб., 2009. С. 71–72.

²³ Библиотека РГА ВМФ. Секретные приказы наркома ВМФ за 1938 год. Приказ НК ВМФ № 0281 от 28 сентября 1938 г.

²⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 13. Л. 33.

²⁵ Там же. Л. 33.

²⁶ Там же. Л. 52.

²⁷ Там же. Л. 35–37.

²⁸ Там же. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 928. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 10.

³⁰ Там же. Л. 10–11, 19.

³¹ Там же. Л. 19–20.

³² Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 142. Л. 339–340.

³³ Там же. Ф. Р-34. Оп. 6. Д. 928. Л. 14–15.

³⁴ Там же. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 177. Л. 7.

³⁵ *Левашко В. О.* На Балтике, в советско-финляндскую... С. 162.

³⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 78. Л. 26.

³⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1–2). М., 1997. С. 497.

³⁸ РГА ВМФ. Ф. Р-961. Оп. 1. Д. 346. Л. 155.

³⁹ Там же. Л. 156–157.

⁴⁰ Там же. Л. 158–159.

⁴¹ Центральный военно-морской архив (далее: ЦВМА). Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 588.

⁴² Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1–2). С. 463–464.

⁴³ ЦВМА. Ф. 161. Оп. 2. Д. 1. Л. 249–250.

⁴⁴ Там же. Оп. 6. Д. 147. Л. 208.

⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 588–589. *Грибовский В. Ю.* Балтика 1941 г. Начальный период войны // Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 3. Военно-Морской Флот (специальный выпуск). СПб., 2012. С. 37.

И. А. Цверидзе

ВКЛАД ШВЕЦИИ В СОЗДАНИЕ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ОЧИСТНЫХ СООРУЖЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Для государств Балтийского региона безопасность моря, омывающего их берега, в настоящий момент является одним из приоритетных вопросов. С введением в строй Юго-Западных очистных сооружений Санкт-Петербурга (далее — ЮЗОС) был сделан огромный шаг в борьбе с загрязнением и экологическими рисками в Балтийском море. ЮЗОС стал крупным международным проектом, в котором участвовали правительства Российской Федерации, Швеции и Финляндии, крупные банки, государственные предприятия и т. д. Строительство ЮЗОС стало для России первым опытом частно-государственного партнерства. Не менее важным этот проект стал и для прочих балтийских стран, в частности для Швеции. В начале XXI столетия в стране была одобрена программа 16 государственных экологических показателей — направлений деятельности экологической политики государства для сохранения шведской природы на благо будущих поколений. Важное место среди этих целей занимает экологическая безопасность Балтийского моря, что отражено в показателе «Сбалансированные морская и прибрежная среды» (*швед.*: *Nav i balans samt levande kust och skärgård*¹), а также частично в ряде других. В данной работе будет предпринята попытка оценки и анализа шведского вклада в создание ЮЗОС. В отечественной науке исследования подобной тематики отсутствуют, что придает работе дополнительную актуальность.

К концу 1970-х гг. Ленинград (ныне Санкт-Петербург) стал самым большим загрязнителем вод Балтийского моря. Существовавшие производственные объекты в городе не могли обеспечить должный уровень очистки воды, в результате чего сточные воды городской канализации и отходы производств выливались прямо в Финский залив. В 1986 г., согласно планам Генеральной схемы канализации Ленинграда (1966), было начато строительство ЮЗОС в дополнение к введенным ранее в эксплуатацию Центральной и Северной станциям аэрации. С развалом Совет-

ского Союза финансирование проекта было прекращено, а строительство заморожено. Все это время страны Балтийского региона, особенно Швеция и Финляндия, пристально следили за ходом строительства. В середине 1990-х гг. к вопросу о возобновлении строительства очистных сооружений вернулись, на этот раз по инициативе Швеции и Финляндии. Интересно заметить, что, по словам финского дипломата Я. Хенттонена, немалую роль в переговорах о поддержке западными партнерами возобновления строительства ЮЗОС сыграл В. В. Путин, в 1991–1996 гг. возглавлявший в городе Комитет по внешним связям².

С января по июнь 2001 г. Швеция являлась государством-председателем Совета Европейского союза. К числу наиболее приоритетных направлений работы были отнесены вопросы экологии и диалог Россия—ЕС. В 2001 г. при ее непосредственном участии был задан старт Экологическому партнерству Северного измерения (ЭПСИ), проекта Европейского союза, охватывавшего Россию, Прибалтику и североевропейские страны, запущенного двумя годами ранее. Партнерство имело своей целью реализацию принципов Хельсинкской конвенции 1992 г., ставившей своей главной целью охрану и защиту морской среды Балтийского моря от любых источников загрязнения. Экологическое партнерство имеет два направления работы — ядерное и экологическое. Первым ядерным проектом ЭПСИ стали комплексные работы на Кольском полуострове, а приоритетным проектом экологического направления — строительство ЮЗОС³. Строительство было возобновлено в 2002 г. В 2003 г. было создано ООО «Нордвод»⁴, принадлежавшее строительному консорциуму в составе ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», Северной экологической финансовой корпорации («НЕФКО»), подразделений шведского холдинга «НСС» («NCC»), шведской компании «Сканска» («Skanska») и финского концерна «ЮИТ» («YIT»). В том же году были окончательно согласованы документы по финансированию объекта, а в конце года было оформлено грантовое соглашение «ЭПСИ»⁵. В марте 2003 г. при участии губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева состоялась торжественная церемония открытия строительной площадки ЮЗОС⁶.

Говоря о поддержке Швеции строительства ЮЗОС, в первую очередь необходимо отметить финансовую составляющую проекта. Финансирование строительства ЮЗОС складывалось из нескольких источников. Косвенным образом Швеция участвовала в финансировании объекта через кредит Северного инвестиционного банка (англ. Nordic Investment Bank, NIB) в размере 45 млн евро⁷, через грант Экологического партнёрства Северного измерения в размере 5,8 млн евро⁸ и через помощь проекта финансового сотрудничества Европейского союза и России «Тасис» («Tacis») в размере 24 млн евро. Шведский капитал здесь не был задействован напрямую, но в силу

особенностей организации данных учреждений можно говорить о непрямом шведском вкладе в данный проект. Например, доля шведского уставного капитала в Северном инвестиционном банке в 2015 г. составила 34,6 %, больше, чем у какого-либо другого участника¹⁰. Источниками прямого шведского финансирования строительства ЮЗОС можно считать средства от двух организаций — «СИДА» («SIDA») и «Свидфаунд» («Swedfund»). «СИДА» (англ.: Swedish International Development Cooperation Agency) — государственное агентство Швеции, работающее в области международного развития и искоренения бедности. Помимо выделения гранта в 11 млн евро, роль «СИДА» состояла в размещении заказов для строительства ЮЗОС на 5 шведских предприятиях: «ЭИАБ» (EL- och Industrimontages /EIAB:s/) из Умео, «СВЭЛ АБ» («SWEL AB») из г. Гётеборга и пр.¹¹ На протяжении строительства объекта именно «СИДА» взяла на себя роль в координации множества вопросов: документооборота, взаимодействия экспертов и т. д.¹² К сожалению, пока не удалось получить информацию об участии в строительстве ЮЗОС шведской государственной организации «Свидфаунд», согласно данным «ЭПСИ» вложившей в проект 4 млн евро. В открытом доступе отсутствуют документы об участии организации в проекте строительства ЮЗОС. Просьба о сотрудничестве и помощи в написании работы, направленная пресс-секретарю «Свидфаунд», осталась неудовлетворенной, и организация не смогла предоставить какие-либо материалы.

В сентябре 2005 г. состоялась церемония запуска ЮЗОС в эксплуатацию при участии президента Финляндии Т. Халонен, президента Российской Федерации В. В. Путина и премьер-министра Швеции Й. Перссона. В своей речи премьер-министр Швеции отметил, что экологическое сотрудничество государств Балтийского моря имеет многолетнюю историю и завершение строительства ЮЗОС можно считать блестящим итогом подобного взаимодействия¹³. На страницах шведских СМИ открытие ЮЗОС было по большей части проигнорировано, и новость о запуске объекта была освещена достаточно скупо.

В заключение нужно отметить, что Швеция сыграла достаточно важную роль в завершении создания ЮЗОС. На рубеже веков немалую роль в возрождении интереса к проекту строительства ЮЗОС сыграл Стокгольм, затем «СИДА» взяла на себя множество проблем, связанных с успешной реализацией проекта, кроме того, финансовая помощь Швеции составила около 90 млн евро из прямых и косвенных источников (общая сумма проекта немногим превысила 192 млн евро). Шведское участие в строительстве ЮЗОС можно считать не просто актом доброй воли, а реализацией шведской экологической политики на региональном уровне. Диалог об экологической безопас-

ности Балтийского моря продолжается и в наши дни, а с введением ЮЗОС в эксплуатацию был сделан огромный шаг вперед в направлении защиты окружающей среды.

¹ Hav i balans samt levande kust och skärgård. Naturvårdsverket. Режим доступа: <http://www.miljomal.se/Miljomalen/10-Hav-i-balans-samt-levande-kust-och-skar-gard/> (дата обращения: 03.01.15).

² Heikkilä M. Den nordliga dimensionen. Режим доступа: <http://formin.finland.fi/public/?contentid=78384&contentlan=3&culture=sv-FI> (дата обращения: 03.01.15).

³ The Northern Dimension Environmental Partnership: Concerted action for a cleaner environment in northern Europe. Режим доступа: <http://ndep.org/wp-content/uploads/NDEP-brochure-2005.pdf> (дата обращения: 03.02.15).

⁴ ООО «НОРДВОД» — реестр российских компаний Egeco. Режим доступа: <http://egeco.ru/view/spb/1027578> (дата обращения: 07.02.15).

⁵ См. также: Effektivare multilaterala insatser i östersjöregionen och dess närområde. Nordiska Ministerrådet, Köpenhamn, 2007. Режим доступа: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:701342/FULLTEXT01.pdf> (дата обращения: 07.02.15).

⁶ Церемония открытия строительной площадки Юго-Западных очистных сооружений Санкт-Петербурга 21 марта 2003 г. Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга (архивная версия). Режим доступа: <http://old.gov.spb.ru/press/foto/210303> (дата обращения: 07.02.15).

⁷ Nordic Investment Bank. Largest wastewater treatment project in the Baltic Sea area moves forward. Режим доступа: http://www.nib.int/news_publications/502/largest_wastewater_treatment_project_in_the_baltic_sea_area_moves_forward (дата обращения: 07.02.15).

⁸ The Northern Dimension Environmental Partnership: Concerted action for a cleaner environment in northern Europe. Режим доступа: <http://ndep.org/wp-content/uploads/NDEP-brochure-2003.pdf> (дата обращения: 07.02.15).

⁹ The Role of St. Petersburg in Improving Cooperation between Russia and the European Union. Address of the Governor of St. Petersburg, Vladimir A. Yakovlev, at the opening of the Baltic Development Forum. Режим доступа: <http://www.rnsc.leontief.ru/eng/Jakov.htm> (дата обращения: 01.02.15).

¹⁰ Nordic Investment Bank. Member Countries. Режим доступа: http://www.nib.int/about_nib/member_countries (дата обращения: 01.02.15).

¹¹ Isaksson D. Brett samarbete gör Östersjön renare. Swedish International Development Cooperation Agency. Режим доступа: http://www.sida.se/contentassets/6dd67af3ceec43d2b8ec3b22e7fa8e5b/brett-samarbete-g246r-214stersj246n-renare_1091.pdf (дата обращения: 01.02.15).

¹² См. подробнее: St. Petersburg's on the move. Swedish International Development Cooperation Agency. Режим доступа: http://www.sida.se/contentassets/017fd0137b234b0a973966afffa985f1/st-petersburg-on-the-move_1085.pdf (дата обращения: 25.01.15).

¹³ Церемония пуска в эксплуатацию Юго-Западных очистных сооружений. Официальный сайт Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/transcripts/23185> (дата обращения: 25.01.15).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

А. Г. Шкваров

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ШВЕЦИИ

Время от времени в Государственном архиве Швеции обнаруживаются новые весьма интересные документы, связанные с историей Великой Северной войны (1700–1721 гг.). В частности, достаточно любопытными представляются материалы, касающиеся отражения деятельности казачьих войск в составе петровской армии. В этом отношении, несомненно, занимательным является находящийся в архиве документ, датированный 14 ноября 1715 г. В нем губернатор Стокгольма Густав Адам Таубе сообщает в канцелярию Карла XII о некоем русском перебежчике, сдавшемся в плен шведам осенью 1715 г. и назвавшемся «казачьим капитаном» Спиридоном Вокрионовым (*Spiridon Wokrionoff*)¹. Причем дезертир прихватил с собой несколько письменных распоряжений русского командования, что, очевидно, могло тогда представлять интерес для шведского командования, а в настоящее время получить определенные исследовательские уточнения у историков, которые занимаются изучением проблем, связанных с Северной войной.

Прежде всего, несомненно, важным является то, кто в действительности был перебежчик. На допросе С. Вокрионов показал, что родился в Вильно, затем, в возрасте шести лет, переехал в Смоленск. Позднее поступил на службу в качестве писаря, а затем и капитана стрельцов в Астрахань². В Финляндии, по его словам, оказался в 1712 г. вместе с русской армией в качестве адъютанта некоего «пана гетмана Андрея Черского (или Чирского. — А. Ш.)», командовавшего там «черкасскими казаками» («hetman eller commendent för Chirkassiska Cossackerna Andre Chirschoi»). Поскольку вышеуказанный «пан гетман» скончался летом 1714 г., то, как отметил на допросе С. Вокрионов, у него самого начались проблемы из-за его вероисповедания, поскольку, по его словам, он был католиком. Более того, его якобы начали преследовать и грозили арестовать. Именно по

этой причине С. Вокрионов, как он сообщил, решил бежать из Остроботнии и добрался до Торнео, а там сдался шведам.

На допросе перебежчик сообщил шведскому командованию достаточно важные сведения относительно русских войск в Финляндии. Он показал, что здесь находилось на момент его бегства 17 полков, в том числе, 4 кавалерийских. Кроме того, С. Вокрионов упомянул еще о 3 казачьих полках. По его заверению, все казачьи силы состояли под начальством прежнего командира перебежчика «пана гетмана Черского» и насчитывали в начале завоевания Финляндии 1600 чел., но в 1715 г. сократились до 600 чел. К данным сведениям, очевидно, в Стокгольме отнеслись с большим интересом. Не случайно Г. А. Таубе, приложив к записи допроса несколько писем и распоряжений русского командования, адресованных как лично Вокрионову (поименованному «Спиридоном Варфоломеевичем»), так и иным лицам, переданных шведам перебежчиком, и отправил все эти материалы в Канцелярию короля.

Однако насколько данные сведения соответствовали реальной действительности? И что тогда представляло казачье войско в Финляндии?

Здесь уже можно сказать со всей определенностью — перебежчик не обладал достоверной информацией о численности русских войск. В одной только Остроботнии в 1715 г. находилось 6 драгунских полков³ генерал-майора Ф. Чекина и около 1000 донских казаков атамана Василия Фролова, а также 3 пехотных полка под общим командованием генерала Р. Брюса⁴.

Загадочной была и упоминавшаяся на допросе личность некоего «пана гетмана Черского». Кроме того, вызывают некоторые вопросы так называемые черкассы, коими часто именовали всех малороссийских и слободских казаков. Сам же «титул» казачьего начальника — «пан гетман» и фамилия как бы указывают на его украинское или польское происхождение. Однако нет абсолютно никаких сведений о присутствии на северо-западе ни гетманских, ни слободских казаков. Они появятся намного позднее, в 1720 г. Да и то в качестве рабочей силы на строительстве Ладожского канала⁵. В 1710 г. в Прибалтику был переброшен лишь гетманский кампанейский полк Адриаша Маламы, в полном составе сдавшийся в плен после Полтавы. Полк участвовал в осаде Риги, затем Ревеля и позднее был откомандирован в Эстляндию на остров Эзель⁶. Все остальное малороссийское и слободское казачество было задействовано на юге. Они участвовали в отражении набегов мазепинцев и запорожцев К. Гордиенко, а также принимали участие в Прутском походе. Таким образом, они находились очень далеко от Финляндии.

Сам же «пан гетман» Андрей Черский упоминается в документах канцелярии Ф. М. Апраксина за 1712, 1713 и 1714 гг. всего лишь несколь-

ко раз. Он действительно фигурирует в качестве «командира всех казаков», которых тогда было здесь не более 1000 человек⁷. Они входили в состав Ингерманландского корпуса Апраксина в первые годы вторжения в Финляндию. Вопрос же заключался в том, что это были за казаки.

В документах того времени имеются эпизодические упоминания о донских казаках при взятии Выборга и Кексгольма, а также яицких и терских, несших разведывательную и охранную службу при разных гарнизонах⁸. Можно предположить, что Ф. М. Апраксин, командовавший в 1711 г. войсками, наступавшими вдоль Белгородской черты, возвратившись в Ингерманландию, захватил с собой еще какое-то количество малороссийских или слободских казаков во главе с этим самым А. Черским. Или же, исходя из польской фамилии «пана гетмана», а также католического вероисповедания его адъютанта Спиридона, польских правобережных казаков, переданных Апраксину от союзника — короля Августа II. Представляется наиболее вероятным, что под начальством Черского оказались представители самых разнообразных казачьих войск, в том числе и городских.

В 1712 г. предпринимается первый поход русской армии в Финляндию. В нем участвуют 4 драгунских полка, губернаторский «шквадрон», казаки А. Черского и 8 пехотных полков. Армия дошла до Абборфорса (Ахвенкоски), но столкновение авангарда с противником было неудачным. Гетман Черский доносил Апраксину: «...по отдании першаго⁹ репорта половину большую в баталии потеряли. Стоим на острове, искаючи переправы с драгунами, но нигде не находим. Чрез великие блоты (болота. — А. III.) до воды нельзя проступить. Хотя бы казаки промышляли на плотях, то за великими батериями (возможно, баталиями. — А. III.) и крепкими частыми караулами нельзя»¹⁰. Армия развернулась и, разорив местность в 40-верстной полосе, возвратилась обратно к Выборгу.

В 1713 г. планируется двойной удар: готовится десант на Гельсингфорс из 36 пехотных батальонов и 150 казаков, чтобы «взять на скампавею лошади по две и более...»¹¹, а также пеший марш от Выборга драгунских полков, усиленных 2 батальонами пехоты — всего 6492 чел., при общей численности отряда около 7000 чел.¹² Отсюда можно предположить, что в распоряжении начальника кавалерии князя А. И. Волконского оставалось еще около 500 казаков, остальные по-прежнему несли гарнизонную службу.

Высадившиеся десантом казаки, судя по всему, «совсем отбились от рук» и занялись повальным грабежом местных жителей, «пан гетман» ничего с ними поделать не мог, поэтому Ф. М. Апраксин принял решение определить их гребцами на галеры. А. З. Мышлаевский пишет: «...случаи

казацких насилий до того участились, что в конце концов своевольную команду Черского пришлось взять с сухого пути и расписать по скампавеям»¹³. К концу 1713 г. в Финляндию прибывают дополнительные драгунские полки, а также донские казаки атамана Василия Фролова¹⁴. Начиная с этого времени все казаки подчиняются донскому атаману, а не «пану гетману», который явно не пользовался среди них популярностью и уважением.

19 февраля 1714 г. состоялось заключительное (второе из двух) сражение в Финляндии при Стур-Кюро¹⁵, в котором принимали участие донские казаки атамана В. Фролова. По мнению шведских и финских историков, они сыграли в нем решающую роль. Об участии именно донских казаков свидетельствует грамота Петра I атаману В. Фролову от 23 мая 1720 г., где сказано, что «ты, войсковой атаман... был с тысячей казаков в Финляндии и в генеральном сражении под Азой (город Васа, недалеко от Стур-Кюро. — А. III.) послужил радетьельно...»¹⁶.

Тем временем 25 июня 1714 г. пресловутый А. Черский скончался в Гельсингфорсе¹⁷. Ни в русских, ни в малороссийских источниках более это имя не встречается. Его же бывший адъютант С. Вокрионов теперь оказался в Остроботнии. Эта финская провинция Финляндии подверглась наибольшему «стратегическому» разорению со стороны русских войск. При этом, судя по письмам, адресованным Спиридону, он исполнял некие личные поручения отдельных командиров¹⁸. Иногда эти поручения выглядели весьма специфическими. Об этом можно найти подтверждения в отдельных письмах, адресованных С. Вокрионову¹⁹. Они явно подтверждают мнение финского историка Х. Кувая, который утверждает об очевидно наблюдавшихся случаях насилия над молодыми женщинами²⁰.

В остальном Спиридон Вокрионов исполнял обязанности обычного курьера, передавая приказы генерала Ф. Г. Чекина²¹. Причем в доставленных к шведам письмах фигурирует фамилия некоего сотника Пономарева, который, судя по всему, был «из донцов»²². Из корреспонденций понятно, что, в частности, бесконтрольных изъятий у местного населения русскими все же не допускалось. Это конкретно следует из письма Ф. Чекина от 19.08.1715 г. тому же казачьему сотнику Пономареву²³. Именно он участвовал под руководством армейского офицера в реквизициях скотины в районе Гамла Карлебю (Коккола).

Тем не менее абсолютное большинство преданий времен Великого лихолетья, особенно в отношении упоминавшихся уже селений Гамла Карлебю и Ню Карлебю (Уусикарлепю), связывается со злодеяниями в первую очередь казаков²⁴. Не отрицая жестокости русских войск по

отношению к местному населению, исследователь М. М. Бородин приводит свидетельство шведского историка Е. В. Гилдербранда о словах, произнесенных К. Г. Армфельтом, командовавшим шведскими войсками в Финляндии: «Неприятель (русский) до основания уничтожает все: уносит, замучивает, умерщвляет и жжет, так что многие местности пустуют, а те крестьяне, которые успели скрыться, — питаются соломой и корой; говорят, что казаки некоторых отпустили, хотя имели приказание убивать всех, но по совести они этого не могли сделать (курсив мой. — А. Ш.)»²⁵.

Что касается реальности тех угроз, о которых говорил шведам Спиридон Варфоломеевич и кои «вынудили» его пойти на измену, то определенная вероятность их все же прослеживается. Оставшись без покровителя, после смерти «пана гетмана» Черского, Спиридон продолжал себя выдавать за «казачьего сотника», поскольку был вынужден командовать какими-то небольшими партиями настоящих донских казаков или передавать им приказы, что могло свидетельствовать о неполном доверии к нему со стороны того же генерал-майора Ф. Чекина и вызывать конфликты с казаками.

¹ Riksarkivet. Kunglig Majestäts kansli (1521–1974). Skrivelser 14.11.1715 från överståthållaren i Stockholm Gustaf Adam Taube, volym 15 (1715).

² Возможно, Вокрионов имел некое отношение к полку конной службы Михаила Захарского, состоявшего из астраханских конных стрельцов и городских казаков, и после ухода полка в Астрахань в 1705 г. остался в Петербурге. (См.: Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 894. Л. 1–106.)

³ Это были Нарвский, Луцкий, Вологодский, Олонецкий, Тверской и Тобольский полки.

⁴ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 года. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флота. СПб., 1896. С. 292.

⁵ Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. М., 1842. Ч. III. С. 136–140.

⁶ Малама В. В. Род Малама. Екатеринослав. 1912. С. 4.

⁷ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах... С. 85.

⁸ В основном в материалах канцелярии Ф. М. Апраксина (РГА ВМФ. Ф. 233) и А. Д. Меншикова (Архив СПбИИ РАН. Ф. 83).

⁹ Слово «першаго» — еще одно указание на польско-малороссийское происхождение Черского (Чирского).

¹⁰ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах... С. 124.

¹¹ Там же. С. 152, 162.

¹² Мышлаевский А. З. Северная война на Ингерманландском и финляндском театрах в 1708–1714 гг.: (Документы Государственного архива). СПб., 1893. С. 352.

¹³ Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах... С. 204.

¹⁴ Там же. С. 292.

¹⁵ В шведской и финской историографии называется также сражением при деревне Лаппола или при деревне Напуя.

¹⁶ Материалы для истории Войска Донского. Грамоты / Изданы под редакцией М. Прянишникова. Новочеркасск, 1864. С. 141.

¹⁷ Мышлаевский А. З. Северная война на ингерманландском и финляндском театрах в 1708–1714 гг. С. 267.

¹⁸ Существуют некоторые примеры этих посланий. См., например:

«Господин сотник Спиридон Вохромеевич.

Как прибудет донских казаков сотник с тридцатью... казаками, команду свою, которая при тебе прикажи оному сотнику дать, а сам изволь ехать с помянутыми тридцатью человеками в Гамелькарбию. И против письма генеральнова в Гамелькарбис возьми письмо. А оное генеральное письмо послано к тебе с тем сотником...

А как прибудешь от Гамелькарби, помянутое тое генеральное письмо привези до князя Якова Ивановича Лобаного-Ростовского с теми казаками с тридцатью человеки.

Слуга твой Иван [...] кланяюсь.

Мая 15 дня 1715-го.

Кирка Вера (? — А. Ш.).»

¹⁹ Письмо Вокрионов получил от неизвестного полковника. Причем можно предположить, что этим полковником являлся князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский. Личность, имевшая довольно печальную славу. В частности, в 1688 г. Лобанов-Ростовский участвовал в разбое и ограбил царскую казну. За это он был «бит кнутом», но затем служил в гвардии. Однако дезертировал из-под Нарвы и был приговорен к смертной казни. Тем не менее Лобанова-Ростовского освободили уже в 1705 г. Кроме того, как считается, он имел 28 детей. По легенде, в его имении Троице-Лобанове в Подмоскovie имелся еще колокол с изображением шведского короля Карла XI, вывезенный из Финляндии. (См.: <http://deadokey.livejournal.com/24214.html>. Дата обращения 16.03.2015.)

Само же письмо, очевидно, было написано полковым писарем и содержало следующий текст:

«Спиридон Ворфоломеевич, здравствуй.

Приказал господин полковник у вас просить, ушли у него три девки, а, чаю, ваша милость знаешь сам оных девок, которые жили при господине полковнике. Одна из Уллы (возможно, город Оулу. — А. Ш.), другая из Гамеркарбис (Коккола. — А. Ш.), третья из Якушитата (Петерсари. — А. Ш.). Из Уллы Катря, из Гамеркарбис Пета, из Якушитата Маргета. Пожалуй, постарайся как можно, за что господин полковник сам рад служить вашей милости.

Также которые казаки от вашей милости будут ездить для збору провианту, пожалуй, прикажи им постаратца, чтоб поймали, и за работу, пожалуй, по-

204

сули им, что надлежит, а к нам о том отпиши, ежели поймают, мы к вам денги приишем. Также и тутошним жителем, пожалуй, поговори, и пастору закажи, чтоб как можно поймал.

Пожалуй, постарайся, за что сам господин полковник должен платить вашей милости, также и мы рады вашей милости отслужить стократно.

Слуга ваш Григорей Александров.

Августа 3 дня году 1715. Никарбис».

²⁰ Кувая Х. Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 191.

²¹ Федор Гаврилович Чекин (ум. 2.03.1741) являлся начальником бригады драгунских полков, прибыв в Финляндию в распоряжение Ф. М. Апраксина в 1708 г. из Кракова. Далее в чине бригадира, командуя Нарвским и Луцким драгунскими полками, принимал участие во взятии Выборга, Кексгольма. С 1714 г. в чине генерал-майора он являлся начальником бригады драгунских полков. В этой должности он сменил князя А. И. Волконского. Финский историк Г. Вилкуна ошибочно называет Ф. Г. Чекина «казачьим генералом» (*Vilkuna K. H. J. Viha. Perikato, katkeruus ja kertomus isostavihasta. Jyväskylä, 2005. S. 566–567*). Никакого отношения к казачеству Ф. Г. Чекин не имел. (См.: Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников, расположенные по годам. М., 1788. Т. IV. С. 116, 463; М., 1789. Т. VI. С. 73, 377.)

²² Содержание этого письма выглядит достаточно заурядно. См.:

«Сотник Пономарев, которых мужиков пошлет бурмистр для искания пастора в Торнео, двух мужиков на лодках, у оных осмотри, нет ли каких писем, и чтоб были посланы мужики, которые старые, а не молодые, и скажи бурмистру, чтобы никаких писем об обращении нашем с ним не писал, а сам к нам приезжай немедленно.

Генерал-майор Чекин

Июля в 22 день 1715 году.

Кирха Сторкюро».

²³ См. письмо:

«Сотник Пономарев,

Письмо Ваше до рук наших дошло. Ответствуем — на море караул до указа не ставь, понеже сюда прислан от нас будет капитан с казаками с тремя сотнями человек.

По получению сего отпиши же мне, не умаяя, не убоаяся, сам всю правду, как ходили весной в партии с капитаном Глебовым. Из той партии, как пришли в местечко Гамеркарбий капитан Глебов из местечка Гамеркарби тебя за скотиной посылали за Гамеркарбием, где збирать скотину. Блюди, по много ль той скотины собрал по годиям. Отпиши в правду, из того не утай ничего.

А ежели что запрядешь или что утаишь, а про то сыщут, как в Гамеркарби будем и станут челом бить мне или о скотине, то будешь наказан жестоко. Отпиши нам в правду, не бояся ничего, понеже ты был послан не сам командир. Бурмистру скажи, чтоб прислал от капитана в Никарбий казака тот час.

Генерал Чекин.

Августа 19, 1715 года.

Из Кирха СторКюро».

²⁴ Кувая Х. Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. С. 178.

²⁵ Цит. по: Бородкин М. М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 185–186.

С. Е. Ивлева

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ О СКАНДИНАВИИ В СОБРАНИИ БИБЛИОТЕКИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОГО ПОЛКА

В 1918 г. руководство Русского музея обратилось в Государственный музейный фонд с просьбой рассмотреть вопрос о передаче в музей национализированных библиотек гвардейских полков, располагавшихся в Петербурге. В том же 1918 г. Музей получил первую партию книг из библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка¹, третьего по значимости после Семеновского и Преображенского гвардейских полков России. Среди переданных книг был и ряд изданий, посвященных странам Скандинавии. Количественно они составили небольшую часть, но были интересны как яркие образцы русских иллюстрированных изданий разных десятилетий XIX в. Именно поэтому книги и оказались в Русском музее.

Библиотеки главных гвардейских полков Петербурга славились своими уникальными книжными собраниями. Необходимо отметить, что история военных полковых библиотек дореволюционной России — тема до сих пор еще мало исследованная. Многие вопросы, связанные с комплектованием фондов, повседневным функционированием библиотек и их культурной значимостью нуждаются в изучении.

Первые крупные военные библиотеки Генерального штаба и Морского министерства появились в Петербурге в начале XIX в. Тогда же стали оформляться официально и библиотеки при офицерских собраниях, хотя книги при клубах полков начали собирать уже с конца XVIII в. В Военном министерстве полагали, что собранная в полковых библиотеках литература даст возможность офицерам найти ответы на вопросы не только военной жизни, но и «руководствоваться полезнейшими для их личного образования сочинениями»².

Особенно известны в военной среде и у культурной общественности столицы были библиотеки трех главных полков Императорской гвардии: Семеновского, Преображенского и Измайловского. Их универсальные

по характеру книжные собрания отличались разнообразием и полнотой подбора литературы и служили образцами при формировании библиотек других гвардейских полков. Лейб-гвардии Измайловский полк имел и средства, и возможности сформировать одну из лучших по подбору изданий библиотеку.

Третий по старшинству в российской гвардии Измайловский полк был образован в 1730 г. в Москве по указу императрицы Анны Иоанновны и назван в честь подмосковного имения Измайлово — родовой вотчины Романовых. Полк принимал участие во всех военных кампаниях России, прославился на полях сражений. Один из героических эпизодов истории полка был связан со Скандинавией и в дальнейшем способствовал появлению «скандинавских» книг в полковой библиотеке. В сентябре 1808 г. части полка выступили в Финляндию для участия в Русско-шведской войне. Под командованием графа Строганова измайловцы по льду форсировали Ботнический залив и принудили шведов к переговорам о мире. В память об этом «славном эпизоде» в полковой библиотеке «всегда имелись издания, которые пробуждали воспоминания о походе и его героях»³, о чем и свидетельствовали каталоги полковой библиотеки.

Впервые библиотека Лейб-гвардии Измайловского полка упоминалась в 1838 г. в «Военном Энциклопедическом Лексиконе». В статье «Библиотеки военные» сообщалось, что «стараниями офицеров в Измайловском полку насчитывается до 900 томов»⁴. Книжное собрание содержалось на ежемесячные денежные взносы членов офицерского собрания полка, управлялась одним или несколькими офицерами полка «по выбору товарищей и утверждению полковых командиров». Суммы расходовались на приобретение книг, их переплет, выписку периодических изданий. Право на получение книг имели все действительные члены офицерского собрания. Посещать библиотеку могли и «сторонние» военные читатели, в том числе и офицеры других гвардейских полков. Гражданские читатели для посещения библиотеки должны были получить рекомендации члена офицерского собрания и внести денежный взнос. Книги библиотеки переплетались в стандартный полукожаный переплет с литерами золотого тиснения на корешке Б.Л.Г.И.П. (библиотека Лейб-гвардии Измайловского полка) и шрифтовой наклейкой с инвентарным номером на корешке. Располагалась библиотека с 1880-х гг. в помещении Офицерского собрания на Измайловском проспекте.

Первый каталог библиотеки был выпущен в 1876 г.⁵ Его составил заведующий капитан фон Бранденбург. Согласно данным каталога, библиотека полка насчитывала около 1500 томов, книги распределялись по 6 отделам, охватывавшим все сферы военной и гражданской жизни.

В различные отделы каталога, как напоминание о героическом эпизоде измайловской истории, попали и издания, касающиеся стран Севера Европы.

В раздел «Военные сочинения и военные журналы» была включена книга с названием, отсылающим к финляндской тематике, — труд А[лексея] Марина — «Краткий очерк истории Лейб-гвардии Финляндского полка» (СПб., 1846)⁶ — одно из самых известных иллюстрированных изданий 1840-х гг. с литографированными портретами (характерные образцы ранней литографии) офицеров полка и ксилографическими иллюстрациями, повествовавшими об эпизодах боевой истории финляндцев, гравированными Евстафием Бернардским и его учеником Дм. Дуниным.

В разделе «География и путешествия» значилось одно из самых интересных «скандинавских» изданий библиотеки — «Морской атлас всего Балтийского моря» вице-адмирала Гавриила Сарычева⁷ в размер инфолио. «Атлас», изданный по высочайшему повелению в 1812 г., был не только великолепным напоминанием о героическом переходе измайловцев по льду Ботнического залива в 1808 г., но и произведением граверного искусства. Открывал «Атлас» гравированный титульный лист с аллегорическим сюжетом в овальной виньетке (ее выполнил известный гравер И. Клаубер). На ней властитель морей Нептун показывал на карте Балтийского моря «русское и вновь обретенное финское побережье». Держал карту бог торговли Меркурий, а вдали волны Балтики бороздили русские военные и торговые суда. Напечатанный в Морской типографии, «Атлас» стал «образцовым» для изданий подобного типа и достойным украшением библиотеки полка.

В разделе «Периодические издания» был упомянут иллюстрированный журнал «Живописное обозрение» (его в Москве с 1835 по 1844 г. издавали Николай Полевой, а потом его брат Ксенофонт). В журнале было напечатано много «скандинавских» сюжетов с иллюстрациями к ним. Значился и журнал «Живописный сборник (издатель Василий Генкель), где в нескольких номерах за 1858 г. был помещен обширный очерк «Финляндия и финляндцы» с иллюстрациями. Каталог Бранденбурга 1876 г. послужил основой для составления всех последующих каталогов библиотеки полка.

К концу XIX в. книжный фонд библиотеки измайловцев составил почти 3000 томов. Количественные прибавления собрания нашли отражение в новых каталогах полковой библиотеки. Так, в каталоге 1901 г.⁸ (самом полном после издания 1876 г.) старые и вновь накопленные книги были поделены уже на 10 разделов. К уже имеющимся добавили и новые, отражавшие читательские предпочтения измайловцев: «История литературы и искусств», «Археология», «Сельское хозяйство», «Технологии»,

«Справочные и статистические издания». В новых и в старых разделах каталога присутствовали книги о Скандинавии.

В разделе «Путешествия» значились многочисленные путеводители по Финляндии и Гельсингфорсу. В «Статистику» и «Технологию» были включены: «Статистические заметки о Великом Княжестве Финляндском» (Гельсингфорс, 1882), «Кустарное производство в Финляндии» (Гельсингфорс, 1901) и даже такое редкое издание, как труд А. Селиванова «Фарфор и фаянс Российской Империи» с описанием и изображением фабричных марок фарфоровых и фаянсовых производств Великого княжества Финляндского. Эти издания свидетельствовали о несомненном интересе измайловцев к вопросам культурной и хозяйственной жизни Финляндии.

В новый раздел «Альбомы» были включены два характерных образца иллюстрированных изданий 1870–1880-х гг., связанных с искусством и культурой Скандинавских стран. Первое — изданное в Гельсингфорсе в 1875 г. «Путешествие по Финляндии»⁹. Текст книги написал Цакарнас Топелиус — один из видных представителей финской литературы. Этой книгой он фактически открыл миру Финляндию, ее народ, природу и культуру. Иллюстрации к каждой главе, выполненные финскими художниками во главе с А. Эдельфельдом, были гравированы на стали в сложной и трудоемкой граверной технике. Книга была издана Финским литературным обществом и переведена на многие языки, в том числе и русский.

Второе — издание 1888 г. «Путевые заметки о Севере России и Норвегии»¹⁰ академика Владимира Васильевича Суслова. Описание городов Норвегии и Швеции, где побывал известный архитектор, иллюстрировано его же рисунками с видами древних поселений и изображением скандинавских памятников, в которых В. Суслов видел прямую связь с искусством Русского Севера.

До конца 1917 г. библиотека Измайловского полка пополнялась книгами. В 1916 г. вышел последний каталог ее книжного собрания¹¹. В начале 1918 г. библиотека была отдана в распоряжение Государственного музейного фонда. В 1918 г. часть книг были переданы в Русский музей. После оформления в 1922 г. наиболее ценные иллюстрированные книги поступили в библиотеку Художественного отдела Русского музея. В их числе оказались и интересные в художественном отношении издания о странах Скандинавии.

⁹ Отдел рукописей Государственного Русского музея. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 17.

¹⁰ Цит. по: Матвеева И. «Литературные гостиные». Против праздности и скуки. Военные библиотеки гвардейских полков дореволюционного Санкт-Петербурга // Библиотечное дело. 2007. № 9. С. 37.

³ Зноско-Боровский Н. А. История Лейб-гвардии Измайловского полка (1730–1880). СПб., 1882. С. 50.

⁴ Цит. по: Панченко А. М. Значение книги заявлений офицерского собрания лейб-гвардии Измайловского полка для улучшения работы библиотеки // Библиотековедение. 2012. № 6. С. 102.

⁵ Каталог по отделам библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1876.

⁶ Краткий очерк истории Лейб-гвардии Финляндского полка, или материалы в воспоминаниях и рассказах для полной истории полка с портретами и планами Бородинского и Лейпцигского сражений. Составлено служившим в батальоне и полку с 1808 по 1820 А. Мариным. СПб., 1846.

⁷ Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом; заключающий в себе Генеральную меркаторскую и 12 частных карт с видами берегов, вновь исправленный по Высочайшему повелению вице-адмиралом Гавриилом Сарычевым. Правирован и печатан при Морской типографии. СПб., 1812.

⁸ Систематический каталог библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка. СПб., 1901.

⁹ Путешествие по Финляндии. Текст З. Топелиуса. Гельсингфорс, 1875.

¹⁰ Суслов В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888.

¹¹ Систематический каталог библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка. М., 1916.

Т. А. Шрадер

ТРУДЫ СКАНДИНАВСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗДАНИЯХ АКАДЕМИИ НАУК РОССИИ (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

29 декабря 1864 г. на торжественном собрании Академии наук России непременный секретарь академик Константин Степанович Веселовский в речи «Историческое обозрение трудов Академии наук на пользу России в прошлом и текущем столетии» сказал следующее: «Из всех проявлений человеческого духа наука всего менее приучена к тем географическим разграничениям, которые историческими судьбами проведены между разными народоносителями — содержание науки есть всеобщее, космополитическое»¹. Безусловно, труды огромной плеяды ученых в различных областях науки принадлежат всему человечеству, а проводником результатов исследований ученых к читателю во все времена являлась и является книга.

27 декабря 1725 г. в доме Шафириных в присутствии членов правительства и виднейших представителей двора и духовенства состоялось первое торжественное академическое заседание, на котором было отмечено, что создание Академии наук в России являлось крупнейшим событием того времени. Президентом по указу Екатерины II был назначен придворный лейб-медик Л. Л. Блюментрост.

В 1727 г., через два года после создания в России Императорской (Петербургской) Академии наук, была создана академическая типография, что послужило началом регулярного издания научных книг и популяризации науки в России. Прибывшие в страну иностранные ученые получали широкие возможности для деятельности, а также для публикации своих трудов. Академия стала центром книгопечатания в России, здесь публиковались отчеты о научных экспедициях, о результатах экспериментальных опытов, переиздавались труды ученых из других стран. Научные трактаты печатались в Академии на русском и иностранных языках.

С 1768 г. при Академии образуется «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык». Переводились и издавались учебные книги по истории, географии, романы, повести, комедии². Среди переведенных работ немалое количество печатных трудов из Швеции и Дании. В XIX в. в издательской деятельности Академии наук продолжалась традиция, сложившаяся в XVIII в. Спектр направлений ее изданий был различным: словари, лингвистические исследования, история, религия, работы по физике, медицине, биологии и др.³ В 1728 г. при Академии наук была открыта книжная лавка, в которой каждый мог приобрести издания академической типографии.

В задачу автора не входит описание истории издательской деятельности Петербургской академии наук. Целью работы является дать краткую характеристику научных контактов между скандинавскими и российскими учеными на основе публикаций их Академией наук в России. Прежде всего надо отметить, что немалое число шведских, датских, а в XIX в. и норвежских ученых было избрано почетными членами Академии наук: 26 шведских ученых, в том числе три шведских короля: Оскар I, Оскар II и Густав V, 21 датских, 11 финляндских и 4 норвежских (список почетных членов Российской академии наук дается в приложении). Наиболее насыщенными были связи Российской и Шведской академий, особенно в конце XVIII в.

Несмотря на сложные межгосударственные отношения — Русско-шведские войны (1700–1721, 1741–1743, 1788–1790), научные и культурные связи между Россией и Швецией не прерывались. Да и династические связи стокгольмского и петербургского дворов способствовали этому. Так, король Швеции Адольф Фредерик (1751–1771) был кузеном мужа дочери Петра I Анны; король Швеции Густав III (1771–1792), сын Адольфа Фредерика, — кузен российской императрицы Екатерины II⁴.

В XVIII в. отмечается значительный приток шведской книги в Россию. Попадала она в страну различными путями. Часть книг была завезена в Россию в годы Северной войны военнопленными, значительная часть их привезена русскими специалистами, проходившими научную практику в Швеции, поступала книга через дипломатические каналы, а также в результате книгообмена научных и учебных заведений. Репертуар шведских книг, попавших в Россию, был чрезвычайно широк: книги мифологического и исторического содержания, книги по географии, атласы, карты, словари, публицистика, академические журналы и научные книги крупнейших шведских ученых. Особенный интерес вызывали у русских специалистов издания по истории естествознания, металлургии и горному делу⁵.

Не только книги привозили русские практиканты из Швеции. Так, три брата Демидовы, посланные в начале 1760-х гг. в Швецию их отцом Григорием Акинфиевичем, владельцем уральских заводов, помимо книг Карла Линнея и других шведских авторов отправили в Россию собранные ими в Швеции образцы шведской руды и стали, также коллекцию насекомых (1200 экземпляров) с тем, чтобы расположить их по системе К. Линнея⁶.

В XVIII в. Петербургской академией наук практиковалось объявление конкурсов на лучшие работы в области различных направлений исследований. Шведские ученые не остались в стороне. В 1762 г. на конкурсе по теории и конструкции «зрительных труб и микроскопов» победил известный шведский физик Самуэль Клингеншерн (1698–1765), представив трактат «Попытка ограничения и исправления аберраций световых лучей в сферических преломляющих линзах и усовершенствования диоптрических телескопов». Этот труд был издан в том же году отдельной книгой⁷. В 1804 г. Морской департамент России выдвинул на премию научную задачу «о сопротивлении жидких тел и приложении оного к корабельной архитектуре», которая была опубликована в академическом техническом журнале⁸. Премия Университета в Упсале была присуждена профессору математики Захарию Нордмарку⁹.

Научные круги Скандинавских стран неоднократно отдавали дань высокому уровню изданий Российской академии наук. В 1770 г. в переписке с Петербургской академией наук, извещая последнюю о получении ее трудов, в частности для К. Линнея, непременный секретарь Стокгольмской академии наук П. Варгентин признавал скромность трудов Стокгольмской академии наук по сравнению с трудами Российской и обещал выслать в Петербург шведские работы¹⁰. В 1774 г. П. Варгентин вновь в письме на адрес академии в России выразил благодарность от имени Стокгольмской академии за присланные издания с указанием, что не только количеством, но и качеством своих работ российская превосходила другие академии¹¹. Надо учесть, что российская книжная палата распространяла издания Академии; иноземные торговцы продавали академические издания, и через этих же торговцев выписывали иностранные книги для академической библиотеки, а впоследствии и для продажи.

В 1781 г. Петербургская академия наук приняла предложение об обмене научными трудами с Университетом в Копенгагене¹².

Издания Академии наук были пробным камнем для многих молодых талантливых европейских ученых. Так, в 1768 г. по рекомендации германского ученого А. Шлёцера, пославшего в Санкт-Петербург положительные отзывы об А. Лекселе из Або, последний послал для публикации

свои работы для издания в Российской академии наук и позднее высказал согласие принять место в Академии наук России. Через несколько лет А. Лексель становится профессором математики в Петербурге, почетным членом Французской академии наук, академиком в Петербурге и Стокгольме¹³.

Академия в Петербурге не раз получала предложения из Стокгольма о распространении российских академических изданий в Швеции, «так как на них есть спрос, но они с трудом получаются из России»¹⁴.

При знакомстве со списком почетных членов Российской академии наук из Скандинавских стран можно отметить почти равное количество представителей из Дании и Швеции. Норвегия до 1814 г. входила в Датское Королевство, а потом вошла в Унию Шведского Королевства, поэтому в столице страны Кристиании (Осло) в 1811 г. был открыт норвежский университет.

В XVIII в. специалисты не имели достаточной научной базы для представительства в иностранных академиях, в том числе российской. Финляндия до 1809 г. входила в Шведское государство, и в стране научной базой был основанный в 1640 г. Университет в Або. Финляндия вошла в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское, и часть ученых этой страны были приняты в состав почетных членов Академии наук России.

В задачу почетных членов Академии наук России входило информировать российскую научную общественность о состоянии исследований у них на родине. Многие из ученых Скандинавских стран печатались в академических изданиях и получали от академии денежные вознаграждения¹⁵.

Точные данные о работах скандинавских ученых можно найти в Академическом справочнике-каталоге¹⁶. Необходимо отметить, что все работы, изданные в XVIII и XIX вв. на иностранных языках, представляли собой серьезные научные труды. Что же касается изданий XVIII в. на русском языке, то печатались труды философов, историков, произведения ученых чисто прикладного характера. Эта литература носила просветительский характер и была рассчитана в большей степени на чтение ее широкой публикой Петербурга и всей России. В изданиях Академии наук на русском языке редко печатались книги по экономике, сельскому хозяйству, технике, а потребность в таких темах в России была значительна¹⁷. Переведенные на русский язык работы практически отражали состояние скандинавской научной технической и гуманитарной мысли конца XVIII в., так как основная часть этих публикаций приходилась на 1760–1790-е гг. С перечнем такого рода работ на русском языке можно ознакомиться в Академическом систематическом и алфавитном указателе статей¹⁸.

В Академическом сборнике трудов «Сочинения и переводы» при «Техническом журнале, или собрании сочинений и известий, относящихся до технологии, и приложения учиненных в науках открытий к практическому употреблению» опубликовано не менее 3000 работ ученых из различных стран Европы, среди которых значительное число переведенных из сочинений Шведской академии наук и научных учреждений Дании¹⁹. Причем разнообразие тематики опубликованных работ указывает на то, что в Петербурге следили за издаваемой скандинавской литературой и выбирали те труды, которые были необходимы в жизни и представляли интерес для русского читателя. В XIX столетии в академических изданиях публикаций прикладного характера не находим.

Контакты российских и скандинавских ученых в XIX в. расширялись и принимали несколько иное направление. Примером может служить русско-скандинавское сотрудничество по измерению дуги меридиана на территории России, Норвегии и в конце века на Шпицбергене с 1816 по 1855 г. и с 1899 по 1901 г. Результаты этого международного, многолетнего исследования печатались в академических изданиях России и Швеции. Они были высоко оценены специалистами всех стран. Об этом свидетельствует двухтомная книга руководителя этой работой академика В. Струве, который отметил международный характер исследований²⁰. В академических изданиях публиковались научные работы крупных ученых европейских стран, специальные выпуски, отражавшие совместные работы, в том числе в исследовании северных районов Земли Ф. Нансеном и Н. Норденшёльдом²¹.

Итак, вышеизложенные факты, касающиеся в большей степени XVIII в., свидетельствуют о взаимной пользе научных контактов с помощью издания научных работ в России, Швеции и Дании. Статус почетного члена Петербургской (Императорской) Академии наук был высоким для специалистов из Скандинавии. Их контакты с российскими учеными, возможность пользоваться научными книгами, опубликованными в Санкт-Петербурге, печатать там свои научные работы способствовали международному развитию науки.

¹ Историческое обозрение. СПб., 1865. С. 5.

² Академическая типография, 1728–1928. Л., 1929. С. 39.

³ Файнштейн М. Ш. Издательское дело Российской Академии // Книга в России XVI — середины XIX вв.: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 183.

⁴ Некрасов Г. А. Русско-шведские научные связи во второй половине XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1985. Т. XXIX. С. 86.

⁵ Некрасов Г. А. Шведская книга в частных библиотеках России в XVIII в. // Третья Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX в.» Тезисы докладов. Л., 1985. С. 111–112.

⁶ Некрасов Г. А. Русско-шведские научные связи во второй половине XVIII в. С. 89.

⁷ Цварава Г. К. Из истории русско-шведских научных связей в XVIII в. // Скандинавский сборник. Таллин, 1978. Т. XXIII. С. 203.

⁸ Технический журнал. СПб., 1804. Т. I. С. 128–131.

⁹ Там же. СПб., 1804. Т. IV. Ч. 2. С. 121–125.

¹⁰ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII в. (1766–1782). М.; Л., 1937. С. 197.

¹¹ Там же. С. 248.

¹² Там же. С. 371.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 62, 89.

¹⁵ Академия наук СССР. 1724–1917. М., 1977. Т. 1. С. 34.

¹⁶ Каталог изданий Императорской Академии наук. Ч. I: Отдельные издания на русском языке с 1726 по 1 июня 1915 г.; Ч. III: Отдельные издания на иностранных языках с 1726 по 1 марта 1915 г.

¹⁷ Тюличев Д. В. Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988. С. 51.

¹⁸ Шелиот В. П. Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской академии наук, а также сочинений, изданных Академиею отдельно со времени ее основания по 1872 г. включительно. СПб., 1875. Ч. II. СПб., 1885. Прибавление 2: Соч. на русском языке, вышедшие в свет с 1 января 1873 по 1 октября 1884 г.

¹⁹ Укажем лишь на некоторые из них по разделам науки (при всех переводных работах представлены данные об их издании в Швеции или Дании): *астрономия*: Варгентин П. («О виде и величине Земли», 1760), («О термометрах», 1761), («О приливе и отливе морском», 1761), («О Северном сиянии», 1761), Эльвиус П. («О теории движения Юпитерских спутников», 1763); *технологические процессы*: Лаурей Г. («Способ калить сталь для всякого употребления», 1760), Сольберг Ю. («Способ к охранению железных кровельных листов от ржавчины, в котором показывается худъе, от незнания происходящее, употребление черлени», 1762), («Способ, как сберечь дрожжи на долгое время», 1761), («Вестринговы опыты, каким образом извлекать из разных пород каменного моха красящее вещество, способное к производству ярких и изящных цветов», 1808); *сельское хозяйство*: Фаггат Я. («Размышление о земледелии, каким образом Шведская Академия наук о споспешествовании онаго старается», 1761); *ботаника, зоология, медицина*: К. Линней («Розыскания о различном поле произрастаний, удостоенная награждения от Императорской Санкт-Петербургской Академии наук», 1760), Гепкен А. («Королевской Шведской академии наук бывшего Президента, рассуждения о домовых лекарствах, и каким образом для общей пользы намерена Академия внести из оных некоторые в свои сочинения», 1761); *экономика*: Пломгрэн Ф. («Фомы Пломгрена, знатного шведского купца, размышления о ком-

мерции вообще, переведенным из второй части Шведской Королевской академии наук», 1757), *археология, история*: Гилленборг Г. А. («О мудром попечительстве древних шведов, для пресечения расширяющейся роскоши. Экстракт из речи, говоренной 29 генваря 1757 года Его Превосходительством шведским сенатором, графом Г. А. Гилленборгом в Стокгольмской академии наук при сложении президентства», 1760); *география, путешествия, этнография*: Эльвиус П. («История и география», 1760), О. Далин («История Шведского государства», 1805–1807), Ворсо И. И. А. («Северные древности Королевского музея в Копенгагене, отобранные и объясненные проф. Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо», 1861).

²⁰ Струве В. Дуга меридиана в 25° 20' между Дунаем и Ледовитым морем, измеренная с 1816 по 1855 г. под руководством К. Теннера, генерального штаба генерала от инфантерии, Хр. Ганстена, директора Королевского географического департамента в Норвегии, Н. Х. Зеландера, директора Королевской обсерватории в Стокгольме, Ф. Г. В. Струве, директора Николаевской Главной Обсерватории. По разным материалам составил и обработал Ф. Г. В. Струве. СПб., 1861. Т. 1–2.

²¹ К примеру, Императорской академией наук издавался журнал «Mittheilung den Internationalen Polar Commission» (1882–1891), в котором отражались последние результаты исследований.

М. А. Решетникова, А. Ю. Чихачев

БЕЗОПАСНОСТЬ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ ПРИБРЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Общую внешнеполитическую линию современной России определяет Стратегия национальной безопасности, принятая до 2020 г. В ней сформулированы важнейшие принципы и приоритеты фундаментального характера, которыми руководствуется государство в проведении своей политике. При постоянном упоминании напряженности нынешней международной обстановки в Стратегии отдельно критикуется роль НАТО: «Несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности»¹.

Однако именно Балтийскому региону, если воспринимать его как субрегион Евро-Атлантического пространства, никакого внимания ни до этой формулировки, ни впоследствии не уделяется. В своем прогнозе о «кризисных точках» современных международных отношений Кремль упоминает другие моря: арктические, Баренцево, Каспийское, — но и те в контексте борьбы за энергоресурсы. Сюжеты морской безопасности, обеспеченности страны боеспособным флотом также не упоминаются, оставаясь на откуп тематическим документам.

Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. — тот единственный документ, где следует искать основы российского подхода к балтийской безопасности. Она конкретизирует военные задачи РФ на Балтике: обеспечить безопасность Калининградской области, разрешить вопросы шельфа, создать условия для базирования составляющих морского потенциала². Подчеркивается, что Балтийский флот является «силовой основой» решения оперативных и стратегических задач. Тем не менее Морская доктрина поднимает вопрос региональной безопасно-

сти лишь постольку, поскольку он связан с защитой интересов России. Скорее можно заключить, что Балтийское море звучит в этом документе «технически», лишь как один из театров развертывания флота.

Таким образом, подход России к региональной безопасности на Балтийском море не отличается значительной степенью доктринальной проработанности. Напротив, Балтика в официальных документах или не звучит вовсе, или вписывается в предельно общие формулировки, или не слишком сильно отличается по своей специфике от других акваторий.

Для стран Прибалтики Балтийское море имеет первостепенное стратегическое значение, поскольку оно является единственным, к которому они имеют выход. Ключевыми документами, где заложены основы стратегической линии Балтийских государств, являются Концепции национальной безопасности Латвии (2011)³ и Эстонии (2010)⁴, Стратегия национальной безопасности Литвы (2012)⁵, Концепция государственной обороны Латвии (2012)⁶, Национальная стратегия обороны Эстонии (2010)⁷ и Военная стратегия Республики Литва (2012)⁸.

Главной особенностью, объединяющей все эти документы, служит идея тесного военного сотрудничества для обеспечения безопасности региона, поскольку признается, что каждая из этих стран не имеет возможности самостоятельно развивать свои военные силы на должном уровне. Исходя из данных документов, для Латвии, Литвы и Эстонии главным стратегическим партнером являются США, чье присутствие в Европе и на Балтийском море служит гарантом безопасности. Говоря о региональном сотрудничестве, отмечается важность тесной кооперации между собой и с Северными государствами.

Тем не менее оценки ситуации в регионе Балтийского моря имеют определенные различия, касающиеся, прежде всего, соседства России. В концепциях *Латвии* ситуация оценивается как спокойная и стабильная, Россия не рассматривается как потенциальная угроза, и отмечается необходимость вовлечения России для обеспечения безопасности региона в широкое сотрудничество.

Эстония характеризует ситуацию как «стабильную». Хотя Россия не обозначена в качестве прямой опасности, Эстония заявляет о желании восстановления Россией статуса сверхдержавы и возвращения сферы влияния в Прибалтике, а отношения ЕС и России оцениваются как «непоследовательные». Эстония обеспокоена ростом числа вооружений у своей границы и готовностью России использовать силу для достижения своих целей. В области кооперации по военным вопросам Эстония предпочитает вести диалог с Россией через НАТО и ЕС, нежели двухсторонним путем.

В своей Военной стратегии *Литва* отмечает тревожную тенденцию, влияющую на безопасность в литовском окружении: «растущий авторитаризм в соседних восточных странах, усиление военной мощи некоторых восточных государств, демонстрация их силы и даже использование ее против других стран». Прямо о России речь идет в Стратегии национальной безопасности, где сказано о стремлении Литвы к усилению доверия и сотрудничества с Россией, в том числе в области безопасности.

Учитывая годы принятия данных документов, рост напряженности в Восточной Европе в последнее время и реакцию Балтийских стран на происходящие события, в ближайшей перспективе стоит ожидать пересмотра Концепций и Стратегий в сторону усиления роли НАТО в Балтийском регионе.

В *Королевстве Дания* политика безопасности сама по себе является предметом общественного и партийного консенсуса. На сегодняшний день действует т. н. «Соглашение по датской обороне 2013–2017»⁹, подписанное как правительством, так и крупнейшими оппозиционными силами. Именно оно специфическим образом заменяет собой всю иную документацию: специальной стратегии у Дании, в отличие от большинства стран, нет. По существу, это соглашение ничем не отличается от любых подобных документов по безопасности.

Балтийское море в датском варианте звучит в качестве незримого лейтмотива внешней и военной политики; едва ли это удивительно, учитывая географическое положение страны. Высока степень институционализации: первейшее значение придается действиям страны в рамках структур НАТО. К примеру, инициатива Альянса «Умная оборона» должна закрепить «разделение военного труда» как раз на Балтике. В этом смысле Дания, всегда уделяющая особое внимание ансамблю своих сухопутных, воздушных, морских сил, становится чрезвычайно важным звеном балтийской безопасности со стороны НАТО.

Еще одно важное балтийское государство, *Польша*, стремится спроецировать свои интересы в регионе в более широкий контекст: свое влияние в Европе. Новейшая Стратегия национальной безопасности (2014) ставит линию Польши на четыре опоры: НАТО, ЕС, присутствие США на континенте, отношения с Россией¹⁰. Поскольку без этих элементов польскую стратегию трудно представить законченной, их же следует перенести и на балтийский вопрос, хотя конкретных формулировок о море не прослеживается. Учитывая стратегическое значение польских портов (Гданьск—Гдыня), едва ли следует предполагать, что истеблишмент Польши упускает акваторию из виду.

Что касается *Германии*, в ее прочтении национальной безопасности балтийский сюжет тоже не имеет какого-то особого звучания. Можно

предположить, что специфика Балтийского моря, как и любого другого приоритета, концептуально впишется в общие стратегические установки Берлина. Важнейшие документы, Белая книга 2006 г.¹¹ и Принципы оборонной политики 2011 г.¹², в таком качестве обозначают взаимодействие в рамках ЕС и НАТО.

Можно лишь отметить, что немецкие стратеги пунктиром выделяют балтийское соседство Германии с Польшей и Россией, политический, экономический, военный потенциалы трех стран, что делает их группу лидирующей в Центральной и Восточной Европе. Не умаляя значимости других держав, Берлин далее переключается на другие вопросы собственной внешней политики, ограничиваясь по Балтийскому морю уже сказанным выше.

Следует сразу оговориться, что *Швеция*, пусть даже оставаясь формально вне рамок Альянса, традиционно демонстрирует свою готовность поддерживать инициативы блока на Балтике. Любопытная идея «северной идентичности» развивается в заявлении министра иностранных дел Швеции К. Бильдта по внешнеполитической линии страны от 2014 г.¹³ Пожалуй, это единственный случай, когда безопасность на Балтийском море воспринимается на официальном уровне именно как самостоятельная система, к которой применимы те или иные региональные понятия. Стокгольм стремится поставить акцент на значимости его «северного» проекта для сотрудничества Северных стран и прибрежных восточноевропейских государств на Балтике.

Ввиду последнего охлаждения отношений России и Запада Швеция предприняла определенные шаги по совершенствованию своего подхода к региональной безопасности. Например, в мае 2014 г. опубликовала свой доклад государственная комиссия по обороне¹⁴. В нем постулируется, что Балтийский регион, прежде отличавшийся стабильностью и предсказуемостью, ныне испытывает на себе влияние непредсказуемого поведения России. «Северная идея» теперь предстает в виде базиса для сплочения против гипотетической угрозы. В докладе также рекомендуется увеличить военный бюджет и степень оперативной готовности вооруженных сил.

Общая стратегия безопасности *Финляндии* определяется каждые четыре года новым правительством¹⁵ и парламентом¹⁶, которые формулируют ее в своих специальных докладах, последние из которых были в 2012 г. Согласно им, ситуация в безопасности по соседству с Финляндией оценивается как позитивная. Хельсинки видит позитивное участие в региональном диалоге Прибалтики, Северных стран, России и США. В докладе парламента говорится, что ЕС, по всей вероятности, не смо-

жет построить европейскую безопасность отдельно от НАТО, и именно поэтому будущая военная безопасность Европы будет обеспечиваться исключительно Альянсом.

Для формирования военно-политической линии нового парламента и правительства с 2006 г. используется Стратегия министерства обороны, в которой заложены долгосрочные цели в области безопасности страны¹⁷.

Говоря о безопасности в регионе Балтийского моря, Стратегия не отличается оптимизмом, и министерство отмечает все более возрастающую угрозу нестабильности. В стратегии говорится, что угроза использования военной силы против Финляндии реальна и большое опасение вызывает потенциальная возможность глобального или европейского конфликта. Исходя из контекста, Финляндия связывает эти опасения именно с Россией, которой в стратегии дается не самая позитивная оценка в обеспечении безопасности. Военное развитие России считается ключевым фактором, влияющим на безопасность Финляндии, ввиду чего основой стабильности в регионе видится только совместный диалог.

Итак, безопасность в Балтийском регионе формируется под влиянием двух основных линий интересов: России и стран НАТО. Прибалтика видит гарантом безопасности присутствие НАТО и США. Для Дании важнее собственное участие в региональной архитектуре безопасности под эгидой Альянса. Германия и Польша мыслят чуть шире, включая балтийскую подсистему безопасности в геополитическую палитру Большой Европы. Финляндия и Швеция осуществляют свою военную кооперацию в рамках Североевропейского оборонительного союза и партнерства со странами Балтии. Все эти страны в своих стратегических документах признают важность контактов с Россией, но в то же время в целом отмечается потенциальная напряженность в Балтийском регионе. Имея в виду тесное партнерство Финляндии и Швеции с НАТО и факт членства балтийских и некоторых северных партнеров в нем, можно заявить, что только Россия остается без даже потенциальных союзников в Балтийском регионе. Более того, в глазах всех остальных прибрежных государств ее политика является едва ли не единственным фактором возможной нестабильности на Балтике.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России (официальный сайт). Режим доступа: http://president.kremlin.ru/ref_notes/424 (дата обращения 8.03.2015).

² Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года // Совет Безопасности Российской Федерации (официальный сайт). Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/34.html> (дата обращения: 8.03.2015).

³ The National Security Concept of the Republic of Latvia // Ministry of Defence of the Republic of Latvia. Режим доступа: http://www.mod.gov.lv/Par_aizsardzibas_nozari/Politikas_planosana/Koncepcijas/Nac_dros.aspx (дата обращения: 9.03.2015).

⁴ National Security Concept of Estonia // Estonian Ministry of Defense (official web-site). Режим доступа: http://www.kaitseministeerium.ee/files/kmin/img/files/National_Security_Concept_of_Estonia.pdf (дата обращения: 9.03.2015).

⁵ Resolution on the Approval of the National Security Strategy // The Seimas of the Republic of Lithuania (official web-site). Режим доступа: http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=433830 (дата обращения: 9.03.2015).

⁶ State Defence Concept of the Republic of Latvia // Ministry of Defence of the Republic of Latvia. Режим доступа: http://www.mod.gov.lv/Par_aizsardzibas_nozari/Politikas_planosana/Koncepcijas/Valsts_aizsardz.aspx (дата обращения: 9.03.2015).

⁷ National Defence Strategy of Estonia // Estonian Ministry of Defense (official web-site). Режим доступа: [http://www.kaitseministeerium.ee/files/kmin/img/files/KM_riigikaitse_strategia_eng\(2\).pdf](http://www.kaitseministeerium.ee/files/kmin/img/files/KM_riigikaitse_strategia_eng(2).pdf) (дата обращения: 9.03.2015).

⁸ The Military Strategy of the Republic of Lithuania // Ministry of Defence of the Republic of Lithuania (official web-site). Режим доступа: [http://www.kam.lt/download/32127/the%20military%20strategy%20\(3\).doc](http://www.kam.lt/download/32127/the%20military%20strategy%20(3).doc) (дата обращения: 9.03.2015).

⁹ Danish Defence Agreement 2013–2017. // The Danish Ministry of Defense (official web-site). Режим доступа: <http://www.fmn.dk/eng/allabout/Documents/TheDanishDefenceAgreement2013-2017english-version.pdf> (дата обращения: 9.03.2015).

¹⁰ National Security Strategy of The Republic of Poland, 2014.

¹¹ White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr, 2006.

¹² Defence Policy Guidelines // German Ministry of Defence. Berlin, 2011.

¹³ Statement of Government Policy in the Parliamentary Debate on Foreign Affairs, 2014 // Government offices of Sweden (official web-site). Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. Режим доступа: <http://www.government.se/content/1/c6/23/42/35/50a83212.pdf> (дата обращения: 9.03.2015).

¹⁴ Defence Commission presents its defence policy report. // Government offices of Sweden (official web-site). Режим доступа: <http://www.government.se/sb/d/18638/a/240432> (дата обращения: 9.03.2015).

¹⁵ Finnish Security and Defence Policy 2012–Government Report // Prime Minister's Office Publications 1/2013 Режим доступа: http://vnk.fi/documents/10616/1093242/J0113_FinnishSecurity_net.pdf/f7d0b3db-f566-4d32-af19-68a7064e24ee?version=1.0 (дата обращения: 9.03.2015).

¹⁶ Report on the Government Report on Finnish Security and Defence Policy 2012 // Foreign Affairs Committee, Parliament of Finland (official web-site). Режим доступа: <http://web.eduskunta.fi/dman/Document.phx?documentId=ky28713144029442&cmd=download> (дата обращения: 9.03.2015).

¹⁷ Securely into the future: Ministry of Defence Strategy 2025 // Ministry of Defence Strategy of Finland (official web-site). Режим доступа: http://www.defmin.fi/files/674/Securely_into_the_future_-_strategy_2025.pdf

Д. Р. Лобанова

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ФИНЛЯНДИИ 1918 г.
В РАБОТАХ ДЕЯТЕЛЕЙ ФИНСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
(1920 — 1-я половина 1940-х гг.)***

Гражданская война в Финляндии являлась исключительной в истории европейских стран Новейшего времени. В первую очередь это связано с ее чрезвычайной кровопролитностью. За шесть месяцев самой войны, а также после ее окончания в результате начала т. н. «белого террора» в Финляндии погибло более 36 тысяч человек¹. Таким образом, наряду с гражданскими войнами в Испании и России, финская война по количеству жертв стала одной из наиболее смертоносных из всех внутренних европейских конфликтов XX в. В ходе нее погибло более 1 % населения страны².

Данное обстоятельство во многом объясняет то, что в Финляндии проблемами изучения истории гражданской войны занимались уже достаточно продолжительное время. Практически с момента ее окончания и вплоть до наших дней в Финляндии регулярно появляются как публицистические, так и исследовательские сочинения, посвященные сюжетам данной войны. Важным является то, что можно отчетливо проследить определенную эволюцию во взглядах на эту войну финских историков, государственных и политических деятелей³.

После 1918 г. финская историография предлагала ряд объяснений исключительной жестокости гражданской войны. Консервативные историки, государственные деятели, представители правых партий и церкви издавна интерпретировали гражданскую войну как войну за «освобождение», избавившую Финляндию от большевистской угрозы. Причем победа «белых» традиционно квалифицировалась как тот результат, который обеспечил стране национальную независимость, что, соответственно, в

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В. Н. Барышников.

определенной степени «оправдывало» ее жертвенность и указывало на вынужденность проявления жестокости победителей к «противникам независимости Финляндии». Что же касается историков и политиков левого направления, то ими всегда рассматривался возникший в 1918 г. конфликт как классический пример «классовой войны», которая тоже не могла не вести к большому числу жертв со стороны людей, отдавших свою жизнь за «народное дело».

Тем не менее сейчас в современной России существует достаточно ограниченное число работ историков, в которых в той или иной степени касались рассмотрения сюжетов, связанных с изучением гражданской войны в Финляндии⁴. Тем более практически не дается оценка того, как воспринималась эта война «левыми» ее участниками. В то же время для соответствующей объективной оценки событий этой войны следует все же обратить внимание на существующие труды, изданные лидерами финской революции, бежавшими в Советскую Россию и основавшими затем Коммунистическую партию Финляндии (КПФ). Тем не менее, анализируя работы финских коммунистических деятелей, можно четко выявить их взгляды на предпосылки гражданской войны, причины поражения «красных», а также установить ход событий, рассматриваемый с противоположной точки зрения, отличной от официальной финской историографии послевоенного периода⁵.

Наиболее значимым для изучения событий 1918 г. являются работы О. В. Куусинена и Ю. Сирола — известных деятелей финляндского и международного рабочего движения, активных участников революции в Финляндии, входивших в состав революционного правительства. При этом характерным здесь является то, что в этих работах, прежде всего, обращается внимание на условия, при которых, собственно, в Финляндии началась гражданская война. Поэтому данные авторы особо касаются прежде всего проблем, связанных с началом революции в Финляндии, и, таким образом, затрагивают непосредственные истоки начала этой войны.

Особенно обильные материалы для изучения истории периода гражданской войны, опубликованные на русском языке, содержатся в ряде работ, подготовленных О. В. Куусиным⁶. Поскольку творческая деятельность этого человека охватывает достаточно продолжительный отрезок времени и заканчивается уже в начале 1960-х гг., то его взгляды относительно гражданской войны в Финляндии не могли не содержать определенные оценки, которые являются, несомненно, важными для объяснения природы поражения «красных», а также причин возникновения затем между Финляндией и СССР двух войн. В данном отношении

лидер финских коммунистов видел непосредственную связь. Поэтому в его исследовании особое место занимают размышления, указывающие на стремление автора понять истоки антисоветской политики Финляндии 20–40-х гг. Они, очевидно, связывались с результатами финской гражданской войны.

В этом отношении представления Куусинена были характерны для большинства работ коммунистической направленности, где считается, что жесткие антисоветские настроения зародились в Финляндии из представлений, которые господствовали у финских «плутократов» и «шовинистов», т. е. победителей в гражданской войне. Более того, именно поэтому, как считал Куусинен, Финляндия являлась единственной в мире страной, которая в течение четверти века затем весьма последовательно проводила антисоветскую политику⁷, а «финские шовинисты» всегда выступали как представители национализма. Причем их идеологией являлась открытая неприязнь ко всему русскому⁸.

Данные представления действительно существовали в финляндском обществе в 20–30-е гг. и даже имели соответствующую терминологию, определяющуюся понятием «рюссявиха». Причем, как отмечает по этому поводу финская исследовательница В.-Т. Васара, определением «рюссявиха» нельзя было охарактеризовать проявление финской русофобии. Она справедливо замечает, что в понятие «рюссявиха» вкладывались еще «элементы расизма, реакционности, уверенности в превосходстве финнов над русскими...» и т. д.⁹ Но, как, с другой стороны, отмечает О. В. Куусинен, в реальности эта ненависть распространялась далеко не на всех жителей России. С русскими белогвардейцами и белоэмигрантами правящие круги Финляндии продолжали иметь достаточно прочные связи¹⁰. Подобными размышлениями автор, очевидно, стремился вскрыть и природу финского «белого террора», который начался в стране в период гражданской войны и после ее окончания, где явно подчеркивалась его «классовая сущность».

Националистическая идея же, которую так активно пропагандировало «белое правительство», по мнению О. В. Куусинена, преследовало лишь свои, сугубо корыстные цели. Оно, по его взглядам, играло исключительно в интересах верхушки создаваемого независимого государства. Эта националистическая идея была направлена на то, чтобы заражать антисоветским настроением широкие круги финского населения, увеличивая недоверие к русским, которое продолжало иметь место еще со времени великодержавной царской политики России в отношении Финляндии¹¹. Одной из важных черт «шовинизма», по представлениям О. В. Куусинена, являлось то, что главные носители данной идеологии принадлежали,

прежде всего, к тем слоям, которые в период «царского гнета» не отличились национализмом, а, наоборот, были «предателями» национальных интересов страны¹². В этом любопытном наблюдении, очевидно, О. В. Куусинен подразумевал старофиннов, которые до событий гражданской войны 1918 г. выступали за активное сотрудничество с царским режимом, а после поражения революции начали выступать в качестве сторонников тех, кто одержал победу.

О. В. Куусинен, разоблачая националистов, не забывает при этом упомянуть и о финляндских царских офицерах, которых, прежде всего, видит в качестве представителей господствующего класса в Финляндии. Не обходит, разумеется, стороной он и личность К. Г. Э. Маннергейма. По его мнению, Маннергейм уже забыл свой родной язык, так как всю свою жизнь служил в России в качестве вернейшего из «слуг царизма»¹³, но тем не менее в период Гражданской войны этот бывший генерал русской армии стал одним из наиболее последовательных сторонников борьбы за независимость своей страны от России. Причем Куусинен весьма оправданно отмечает, что после падения царской власти «финляндская плутократия» не видела во Временном правительстве надежной опоры, а победу большевиков в октябре 1917 г. восприняла как страшное бедствие. В этом лидер финских коммунистов видит принципиальное отличие взглядов «белых» от существовавших тогда в Финляндии настроений «трудящихся масс», которые восприняли революционные изменения в России как «самое счастливое и радостное» событие¹⁴. Очевидно, что именно в этом, как можно было понять, зарождались корни той непримиримой атмосферы ненависти, которая затем породила кровавый террор в Финляндии.

Более того, весьма интересными для изучения вопросами, связанными с выяснением истоков гражданской войны в Финляндии являются материалы, представленные в работе О. В. Куусинена «Революция и Финляндия. (Самокритика)»¹⁵. В ней автор стремится разобраться в ошибках, допущенных финскими социал-демократами. Причем он явно считает лидеров рабочего движения еще неготовыми к начавшейся революции, что, очевидно, и предредило для них ее финал. Впоследствии, продолжая анализировать причины поражения, Куусинен усиливает это положение, указывая на то, что основным просчетом социал-демократов стало то, что они «категорически» не готовили к революции общественные массы. В результате этого, по мнению автора, они не смогли вовремя принять необходимые действия для «правильного» развития революционных настроений¹⁶.

Не раз возвращаясь к этому вопросу, Куусинен, очевидно, стремился понять, когда конкретно финские социал-демократы упустили свой шанс

не допустить возникновения гражданской войны и одержать победу в революции. Причем данная проблема довольно долгое время волновала представителей финского коммунистического движения. Это весьма заметно, если обратиться к творчеству генерального секретаря Коммунистической партии Финляндии, Вилле Песси¹⁷. Говоря о событиях 1917 г., он особо останавливается на периоде, предшествовавшем вооруженному восстанию в Петрограде, касаясь, прежде всего, политики Временного правительства в России. В. Песси указывает, что именно тогда настало то самое время особенно быстрого обострения классовой борьбы, причем как в России, так и в Финляндии¹⁸. Характерно, по его мнению, что финская буржуазия, опираясь на продолжавшуюся Временным правительством России царскую политику угнетения финского народа, даже усилила эксплуатацию рабочих, доведя его положение до крайнего предела¹⁹. Подобные действия, по мнению В. Песси, не заставили долго ждать, и уже 14 ноября 1917 г. страну охватила всеобщая забастовка. Таким образом, всеобщую забастовку в Финляндии автор рассматривает, как одним из важных поворотных пунктов в остром социальном движении в стране, повлиявшем также и на внутренний раскол в обществе и, в частности, внутри самого рабочего движения.

Это суждение, однако, не до конца разделялись О. В. Куусиненом. В отношении результатов данной забастовки он писал, что непосредственным итогом революционных действий в ноябре 1917 г. в Финляндии не стал захват власти рабочими. Поэтому данные события могли иметь историческое значение, по его мнению, лишь для последующей пролетарской революции. Если бы, как он подчеркивал, революционно настроенное население продолжало бы свое наступление²⁰, то при такой тактике классовая борьба продвинулась бы вперед гораздо с меньшими жертвами, чем принесла кровопролитная гражданская война²¹. В результате проблема «упущенных шансов» для лидеров социал-демократического движения в 1917–1918 гг. осталась достаточно обсуждаемым вопросом. Это, естественно, касалось и других проблем, связанных с революцией и гражданской войной в Финляндии.

Важнейшие материалы по изучению взглядов представителей финского коммунистического движения, касающихся их отношения к истокам гражданской войны в Финляндии, содержатся, в частности, в сборнике «Финляндская рабочая революция 1918 года», изданном в 1928 г. в Ленинграде²². В это издание были включены статьи активных участников революции и гражданской войны в Финляндии. Наряду с О. В. Куусиненом, в сборнике представлены работы Ю. Сирола, Э. Гюллинга, К. Ровио и др. Естественно, что в подготовленных тогда материалах можно было

четко заметить собственное видение этими людьми проблем, связанных с освещением отдельных сторон их революционной деятельности. При этом существенной составляющей сборника стала еще его справочная часть, в которой были опубликованы ценные материалы о функционировании в период революции отдельных революционных организаций. Но, что немаловажно, в издании много внимания было еще уделено выяснению причин поражения революции²³. Это, несомненно, отчасти пролиvalo свет на то, как представляли участники революции вопросы, связанные с началом гражданской войны и поражением «красных».

В этом отношении важным является еще то, что уже в самых первых работах представителей финского коммунистического движения можно четко заметить, что саму революцию и гражданскую войну в Финляндии они никоим образом не отрывали от тех событий, которые тогда происходили в России. В результате влиянию Октябрьской революции 1917 г. на положение в Финляндии посвящено огромное количество работ. Причем, как подчеркивали сторонники левого движения, свержение Временного правительства в Петрограде в ноябре 1917 г. четко поделило политическое пространство Финляндии. В результате уже тогда появились явные признаки надвигающейся гражданской войны. К тому же будущие финские коммунистические лидеры не скрывали, что большевистское правительство в Петрограде все настойчивее подталкивало СДПФ к необходимости взятия власти в Финляндии.

В целом в работах деятелей финского левого движения проблеме взаимоотношения советского руководства и «красных финнов» было уделено значительное внимание. Из опубликованных материалов четко видно, что изначально в Финляндии русская революция вызывала «опьянение свободой». Многие верили, что рождается «свободная Россия», которая предоставит Финляндии независимость²⁴. Речи в парламенте его председателя социал-демократа К. Маннера и вице-председателя сената социал-демократа О. Токоя несли идею о том, что «свободная Россия» и Финляндия будут жить «в братском союзе народов»²⁵.

При этом для представителей левого финского рабочего движения разбор допущенных ошибок и неправильная оценка развития событий в Финляндии продолжало впоследствии являться определяющим. В частности, один из основателей коммунистической партии Финляндии Ю. Сирола издал по данному вопросу целую серию работ, в которых наибольшее внимание уделил особенностям политического развития Финляндии. В них он прямо отмечает, что финляндскому рабочему движению не хватало той политической «проницательности» и революционной целеустремленности, которые мог предоставить большевизм²⁶. Чрезвы-

чайно характерно, по его мнению, что до 1918 г. в Финляндии не было не только сформировавшейся большевистской партии, но и не было даже оформившейся ее фракции в составе РСДРП. Главная причина этого, как отмечает Сирола, заключалась в том, что в Финляндии были иные условия, чем в Российской империи: имелась автономия, хотя и не полная, а также легальное рабочее движение, весьма изолированное от русской партийной жизни²⁷. Проблемы русской революции в Финляндии были непонятны, и российская революция интересовала лишь в той мере, в какой она могла оказать влияние на положение Финляндии.

Оценку происходивших тогда событий Ю. Сирола сделал в форме своих размышлений о прошедших событиях, и они были опубликованы в виде цикла статей в газете «Тюёмиес»²⁸. В этих материалах освещалась непосредственная деятельность Совета народных уполномоченных, а также ход развития событий гражданской войны. Очень важным является то, что в опубликованных материалах были размещены и все важнейшие законы, указы, распоряжения революционного правительства²⁹.

В этом отношении особый интерес также представляют еще материалы, которые были опубликованы в этой газете ее редактором Альготом Унтола³⁰. Они во многом отражали те настроения, которые тогда господствовали в определенной части финского общества. Весьма примечательно, в частности, что накануне начала революции в Финляндии, 19 января 1918 г., он подготовил материал, в котором четко указывал на то, что борьба большевиков России с ее великими освободительными идеями явилась краеугольным камнем будущей истории народов. Он писал, что у пролетариата Финляндии есть все основания радоваться и гордиться тем, что ему выпала честь участвовать в революции с первых шагов, которые предпринял русский рабочий-большевик для воплощения выдвигаемых им идей в жизнь. По его мнению, пролетариат Финляндии всегда должен помнить о своем долге перед русским братом, с помощью которого он вырвался из рабства на свободу»³¹. Таким образом, действительно в начинающейся тогда в Финляндии революции многое уже связывали с теми событиями, которые тогда происходили в России.

Что же касается непосредственно самих событий гражданской войны, то деятели финского коммунистического движения описывают их достаточно сухо и обращают лишь внимание только на самые основные ее моменты. Причем здесь также многое перекликается с тем анализом, который относился к оценке неудач в целом революции в Финляндии в 1918 г. В частности, также первоочередной причиной поражения в гражданской войне считалось то, что революционное движение в Финляндии не было в полном объеме готово совершить переворот. Также обра-

щалось внимание на недостаточную связь финских социал-демократов с большевиками. Это касалось того, что финны не смогли воспользоваться «лучшей революционной выучкой у русских большевиков» и, более того, не воспользовались опытом Октябрьской революции. В коммунистических изданиях указывалось, в частности, что осуществленная в Финляндии революция практически повторила почти все ошибки Парижской коммуны. Главным же недостатком считали то, что в Финляндии не была провозглашена диктатура пролетариата, а лишь было заявлено о стремлении к «действительно соответствующей интересам рабочего класса демократии»³².

Те же недостатки «красные финны» видели и в организации боевых действий уже на фронтах гражданской войны. Здесь подчеркивался низкий уровень у военнослужащих финской красной гвардии военной подготовки, а также недостаточно эффективную помощь со стороны России, на которую в полном объеме трудно было вообще рассчитывать. С другой стороны, справедливо обращалось внимание на ту роль в разгроме «красных», которую сыграла немецкая военная интервенция³³.

В целом, оценивая тот вклад в изучение событий, связанных с историей гражданской войны в Финляндии, который был достигнут в первоначальных работах деятелей финского коммунистического движения, можно отметить, что он имел диаметрально противоположный характер с работами, подготовленными «победителями» в этой войне. Различия заключаются не только в подаче материала, касающегося исторических событий и оценок тех или иных явлений гражданской войны. Совершенно иным является постановка самой проблемы, где определяющим является положения марксистско-ленинской идеологии. Поэтому, естественно, в данных работах явно пока не наблюдается стремление к достижению полной и объективной оценки в отображении наиболее драматических проблем, касающихся изучения истории этой войны, что вполне объяснимо весьма острыми воспоминаниями кровопролитных событий и противоборства в обществе, которое все еще активно ощущалось.

¹ Хаапала П., Тикка М. Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год) // Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014. С. 109.

² Там же.

³ См.: Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии на страницах журнала «Хисториаллинен Айкааускирья» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 197–208.

⁴ См.: Власов Л. В. Маннергейм. СПб., 2005; Власов Л. В. Долгий путь финского маршала. СПб., 2010; Таргуйайнен М. А. Ингерманландский излом. Борьба

ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 2001; *Ширококрад А. Б.* Финляндия—Россия. Три неизвестные войны. М., 2007; *Соколов Б. В.* СССР и Россия на войне. Людские потери в войнах XX века. М., 2013.

⁵ См.: *Kruhse P., Uitto A.* Suomea rajan takana 1918–1944. Suomenkielisen Neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia. Jyväskylä. 2008. S. 142–195.

⁶ *Куусинен О. В.* Избранные произведения. (1918–1964). М., 1967.

⁷ Там же. С. 213.

⁸ Там же.

⁹ *Васара В.-Т.* Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 246.

¹⁰ *Куусинен О. В.* Избранные произведения. С. 214.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 216.

¹⁵ *Куусинен О. В.* Революция и Финляндия (Самокритика). Пг., 1919.

¹⁶ *Kuusinen O. W.* Suomen työväenliikkeen opetuksia. Julkaisija ja kustantaja: Suomen Kommunistisen puolueen puoluetöimikunta. Lappeenranta, 1949. S. 17.

¹⁷ Был генеральным секретарем ЦК КПФ с 1944 по 1969 г.

¹⁸ *Пессу В.* Избранные статьи и речи. М., 1978. С. 278.

¹⁹ *Пессу В.* Значение Октябрьской революции для самостоятельности Финляндии и развития освободительной борьбы рабочего класса. М., 1967. С. 17.

²⁰ Финляндская революция. М., 1920. С. 27–26.

²¹ Там же. С. 28.

²² Suomen työväen vallankumous 1918. Arvioita ja itsekritiikkiä. Leningrad, 1928. (Для подготовки этого издания весной 1927 г. была даже создана специальная комиссия по изучению революционного движения в Финляндии. В комиссию вошли практически все ведущие деятели революционного движения в Финляндии: О. В. Куусинен, Ю. Сирола, К. Майнер, К. Ровно, И. А. Кому, К. Лепола, А. Вастен, А. Кийскиен, О. Вильми.)

²³ См.: Ibidem.

²⁴ Ibid. S. 17.

²⁵ См.: *Юссилла О.* Финляндия — Великое княжество в составе Российской империи 1809–1917 // *Юссилла О., Хенттиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 2010. С. 100.

²⁶ *Työmies.* 1918. 12.01.

²⁷ Ibid.

²⁸ Газета «Тюёмиес» являлась центральным органом финской социал-демократической партии. Однако затем подверглась критике со стороны коммунистов. Редакторскую политику этой газеты обвиняли в непоследовательности, поскольку на ее страницах было размещено «предательское» обращение социал-демократа В. Таннера с призывом сложить оружие в условиях начала в Финляндии высадки немецких войск в период гражданской войны (см.: *Työmies.* 1918. 07.04).

²⁹ Työmies. 1918. 12.01; 1924. 26.04; 1928. 17.11. См.так же: Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 12.

³⁰ Альгот Унтола являлся весьма ярким деятелем финской революции. Причем к поддержке социал-демократов он пришел не сразу, поскольку в течение многих лет был связан с консервативной партией «старофиннов». Только после поражения в Первой русской революции Унтола начал печататься в газете «Тюёмиэс» под псевдонимом Илмари Рантамала.

³¹ Цит. по: *Rintamala I. Totuuden nimessä*. Hels., 1948. S. 57–58.

³² Саломаа Э. Влияние Октябрьской социалистической революции на рабочее движение в Финляндии. М., 1967. С. 57–58.

³³ Suomen työväen vallankumous. S. 52.

Д. А. Журавлев

БОЛЬНИЦЫ И КЛИНИКИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 гг.

Медицинские учреждения, где проходили лечение военнослужащие в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг., входили в состав 50-го фронтового эвакуационного пункта, управление которого находилось в Ленинграде. После проведения медицинской сортировки, оказания неотложной помощи, а также оформления необходимых документов раненые и больные в соответствии с показаниями поступали из сортировочно-эвакуационных госпиталей либо с иных этапов оказания медицинской помощи в лечебные учреждения, располагавшиеся в городе. Наибольшее число военнослужащих поступало в эвакуационные госпитали наркомата здравоохранения (НКЗ) — 41,4 % от всего количества раненых и больных, прошедших лечение в медицинских учреждениях Ленинграда, 28,9 % поступило на «оперативные койки», развернутые в больницах и клиниках города¹. Кроме того, 5,1 % получили квалифицированную медицинскую помощь в больницах города, принадлежавших различным ведомствам (например, народный комиссариат путей сообщения и пр.). Таким образом, гражданское здравоохранение Ленинграда играло чрезвычайно важную роль в процессе размещения и обеспечения более половины всех поступивших в город военнослужащих квалифицированной медицинской помощью.

Соотношение между профилем лечебных учреждений также во многом было сходным с тем, которое отмечалось на уровне всей системы эвакуационного пункта: 59,2 % — госпитали; 40,8 % — больницы. В целом при распределении развернутых на начало войны медицинских учреждений обращает на себя внимание тот факт, что гражданская сфера превалировала в данное время. Значительную роль сыграли также профсоюзные учреждения ВЦСПС, прежде всего дома отдыха и санатории, которые использовались в период боевых действий как госпитали для легкораненых².

Эвакуационные госпитали выполнили большой объем работ по размещению пострадавших военнослужащих и оказанию им медицинской помощи. Проведение специализированного лечения, за исключением отдельных госпиталей, не входило в сферу их деятельности, вследствие чего возникла необходимость создания коечного фонда в городских больницах и клиниках медицинских институтов — «оперативных коек».

Как правило, на «оперативные койки» поступали тяжелораненые, а также пострадавшие, нуждавшиеся в оказании специализированной медицинской помощи, поэтому в больницах и клиниках была сосредоточена работа с определенным контингентом раненых и больных. Большей частью в них проходили лечение военнослужащие с холодовой травмой, с челюстно-лицевыми ранениями, а также раненые с тяжелыми повреждениями конечностей, которые доставлялись как из сортировочно-эвакуационных госпиталей, так и отделений эвакуогоспиталей³.

По схеме развертывания санитарных учреждений на Ленгорздравотдел была возложена задача формирования «оперативных коек» в 6 больницах и 4 институтах численностью 4410 единиц, с объемом и спецификацией коек, согласованной с Санитарным отделом ЛВО⁴. Между тем оказалось невозможно предоставить столь большое число мест в учреждениях гражданского здравоохранения, поэтому перед началом боевых действий в соответствии с распоряжением НКЗ СССР от 20 ноября 1939 г. в оперативное распоряжение НКО было предоставлено лишь 4060 лечебных коек⁵. Из них были освобождены от гражданских пациентов 3722⁶. Вследствие этого в конце ноября 1939 г. для увеличения количества больничных коек, включенных в мобилизационный план, находившиеся на них пациенты были по медицинским показаниям в отдельных случаях выписаны либо направлены в другие учреждения гражданского здравоохранения для окончания курса лечения⁷. Как отмечалось в докладной записке заведующего Ленгорздравотделом, известного невропатолога и нейрохирурга Л. А. Эмдина, адресованная на имя председателя Ленгорсовета П. С. Попкова, «никаких недоразумений и конфликтов с больными при выделении коек для оперативных целей не было»⁸.

Состав медицинских учреждений, где находились «оперативные койки», в начальный период войны свидетельствует о недостаточном уровне мобилизационной работы — не были вовлечены медицинские институты по специальностям, имевшим особую актуальность в период боевых действий, — Институт травматологии, Институт рентгенологии и т. д. Однако по мере нарастания активности боевых действий и увеличения числа раненых и больных, доставленных в город, наравне с количеством оперативных коек возрастает и численность лечебных учреждений, где они

были развернуты. Большая часть военнослужащих в первые дни войны размещалась в больнице им. Мечникова (1577 человек), больницах им. Куйбышева и Нечаева (700), при этом лечебные места в последней предназначались для размещения пострадавших от отравляющих веществ.

В соответствии с решением Военного совета Ленинградского военного округа и приказом по Ленгорздравотделу, НКО было предоставлено в оперативное распоряжение дополнительно 3860 коек (2850 — Ленгорздравотдел, 1010 — другие ведомства) в лечебных учреждениях Ленинграда⁹. К концу войны медицинскими учреждениями Ленинграда в оперативное распоряжение НКО было выделено 8270 коек¹⁰, что составляло приблизительно 30 % от общего количества лечебных мест, развернутых в городе. «Оперативные койки» существовали в 24 гражданских медицинских учреждениях (12 больницах, 11 институтах, одном диспансере). В данный процесс были вовлечены не только доминировавшие в целом стационары Ленгорздравотдела, но и других ведомств. С течением времени происходило развертывание дополнительных лечебных мест в гражданских учреждениях, где уже были развернуты «оперативные койки».

По данным Л. А. Эмдина, всего для медицинского обслуживания раненых и больных Ленгорздравотделом в школьных зданиях, домах культуры и больницах было развернуто 21 035 коек с их дифференциацией «для обслуживания глазных, черепных и хирургических больных»¹¹, в то время как согласно предвоенным нормативам на городское здравоохранение возлагалась задача формирования лечебных учреждений с общим количеством коек 8710 единиц¹². Данное обстоятельство непосредственным образом повлияло на оказание медицинской помощи горожанам.

«Оперативные койки» развертывались в значительной части гражданских лечебных учреждений, за счет сокращения, а иногда и закрытия лечебных мест для горожан¹³. Так, в ноябре было развернуто 300 «оперативных коек» в дермато-венерологическом институте, в результате для гражданских пациентов в распоряжении осталось лишь 295 мест¹⁴. В начале декабря произошло реформирование больницы им. С. Перовской в эвакуационный госпиталь, и уже 14 декабря она была закрыта для гражданских пациентов. По этой причине в предшествующий период отмечалось большое число выписанных, превосходившее среднегодовые показатели в 2,5 раза¹⁵. Подобные процессы происходили также в других лечебных учреждениях. В конце декабря 1939 г. — начале февраля 1940 г. были свернуты практически все койки в Научно-исследовательском институте переливания крови¹⁶. В декабре Институт скорой помощи был преобразован в эвакуационный госпиталь¹⁷, при этом в отчете о работе данного учреждения отмеченный период оказался не включен, что может

свидетельствовать о том, что основное внимание было сосредоточено на выполнении оборонных заданий. В то же время, по имеющимся данным, можно говорить о дополнительном развертывании мест для гражданского населения лишь в одной из больниц города — больнице им. 25 Октября. Дополнительные места развертывались здесь в свободных помещениях, в том числе коридорах¹⁸. Вместе с тем необходимо отметить, что данное лечебное учреждение имело особую специфику: в больницу еще в ноябре 1939 г. стали поступать наиболее тяжелые больные из других больниц, которые в большинстве своем скончались в течение следующего года¹⁹.

Несмотря на возросшее в декабре 1939 г. число лечебных мест, предназначенных для оказания медицинской помощи военнослужащим, в том числе за счет развертывания «оперативных коек» в больницах и клиниках, необходимой компенсации в гражданской сфере не происходило. В отчете финансовой службы Ленинграда (Ленгорфо) было указано 314 дополнительных койки, развернутых в декабре для гражданского населения²⁰. В целом для обеспечения гражданского населения медицинской помощью в новых условиях было развернуто дополнительно 2700 мест, что было значительно меньше того количества лечебных мест, которые передавались в оперативное распоряжение 50-го фронтового эвакуационного пункта²¹.

После завершения боевых действий количество «оперативных коек» уменьшалось незначительно, что было связано с необходимостью оказания специализированной медицинской помощи военнослужащим, эвакуированным с различных направлений.

Стоит сказать несколько слов и о материально-техническом обеспечении больниц и клиник. Статус «оперативных коек» не был четко определен, формально они несли обязанности эвакуационных госпиталей, хотя в действительности не имели ни прав военных лечебных учреждений, ни материального обеспечения военнослужащих. Наиболее трудным положение было у тех формирований, которые развертывались непосредственно в период боевых действий. Табель, принятый в 1937 г., не обеспечивал должного функционирования учреждений: не были предусмотрены необходимые медикаменты, в том числе сердечные препараты, каталки для перевозки раненых, стулья-самокаты и инструментальные столы, деревянные санитарные носилки, не были включены такие предметы ухода за больными, как грелки, емкости для льда, подкладные судна, костыли, операционные блоки; не было также халатов, простыней, медицинских халатов²². Отсутствовали также табели для оснащения нейрочелюстно-лицевых лечебных коек. Данная ситуация являлась свидетельством не

только низкого уровня подготовки соответствующих документов по материально-техническому снабжению медицинских учреждений, развертываемых в военное время, но и недостаточности промышленных мощностей для производства соответствующей номенклатуры изделий.

После начала боевых действий выявился недостаток в обеспечении городского здравоохранения и военно-медицинских учреждений медицинским имуществом, необходимым для оказания травматологической помощи, что было связано с тем, что ранее данной сфере не уделялось должного внимания. Как отмечалось в «Кратких сведениях о работе госпиталей, сформированных Ленгорздравотделом», травматологическая аппаратура и гипс к началу боевых действий в Ленинграде отсутствовали²³. Несмотря на определенную субъективность данных сведений, необходимо отметить, что наличные материальные ресурсы, находившиеся в распоряжении вновь развертываемых лечебных учреждений, были крайне ограничены. Решением этой проблемы стало перераспределение имущества больниц и клиник. Вместе с тем привлекались и другие источники. Для удовлетворения возросшей потребности в гипсе были налажены связи между Ленгорздравотделом и алебастровым заводом, где осуществляла свою работу отдельная бригада Травматологического института. Дефицит необходимого оборудования был преодолен также путем передачи последнего из распоряжения ЛВО²⁴. В подавляющей части развернутых в период боевых действий лечебных учреждений, а также в уже функционировавших клиниках и больницах ощущался крайне низкий уровень оснащения подсобными средствами для обследования раненых и больных (в частности, рентгеновских лабораторий)²⁵.

В условиях низкой подготовленности лечебных учреждений их обеспечение необходимым имуществом и оснащением проходило за счет городских ресурсов, прежде всего гражданских медицинских учреждений, а также фондов ЛВО. Так, большая часть развернутых в городе эвакуационных госпиталей не была обеспечена «инструментами для большой хирургии». Для исправления данного положения активно привлекались неприкосновенные запасы органов НКЗ, а также медицинских учреждений, в том числе проводились закупки на местном рынке²⁶.

В отчете больницы им. С. Перовской за 1939 г. отмечалось: «Больница в 1939 году снабжалась почти бесперебойно всеми видами медимущества и медикаментов за исключением некоторых предметов в связи с общим состоянием медикаментозного рынка как эфиром для наркоза, спиртом, бензином, инсулином, витамином „С“, диуретином и предметами по уходу: грелками, резиновыми подушками, кислородными и шприцами»²⁷. Серьезные трудности отмечались в снабжении ленинградских лечебных

учреждений сыворотками, в том числе учреждений, уже работавших на момент начала боевых действий (в частности, Ленинградской областной клинической больницы²⁸). В Ленинграде в короткий срок были израсходованы резервы антигангренозной сыворотки, которые находились в запасе лечебных учреждений, и даже в Институте вакцин и сывороток, в результате чего из Москвы было отправлено 50 тыс. доз сыворотки. Это вызвало негодующую реакцию со стороны центральных органов, настаивавших на более экономном расходовании отпущенного количества лекарственных препаратов²⁹, не осознавая при этом величину потерь Красной армии в данное время.

Подобные масштабы привлечения ресурсов гражданской сферы непосредственным образом отразилось на торговой сфере города. Из-за отсутствия необходимых препаратов военные склады осуществляли прямые закупки в городских аптеках, тем самым серьезно осложняя обстановку в обеспечении горожан лекарственными средствами. Кроме того, данная практика была обусловлена также недостатком запасов, сделанных в предвоенный период. При этом большая часть заготовленного имущества была просроченной, что определилось в ходе проведенной экспертной проверки. Вследствие этого к началу боевых действий на отдельных складах отмечалась «большая дефракция» основных предметов — эфира, наркоза, перевязочного материала, кислорода, шинного материала, предметов анестезии, бромистых препаратов и др.³⁰ Данное обстоятельство серьезно осложняло обстановку в обеспечении горожан лекарственными средствами. В послевоенный период Е. И. Смирнов, бывший в тот период начальником Санитарного управления Красной армии, следующим образом характеризовал обстановку в сфере обеспечения населения Ленинграда медицинскими препаратами: «Обеспечению населения медикаментами в период военных действий наркомздравом уделялось недостаточное внимание в Ленинграде, и в аптеках никаких запасов не осталось»³¹.

Таким образом, роль гражданского здравоохранения при оказании медицинской помощи раненым и больным была значительной и по многим показателям эти учреждения занимали ведущие позиции. В данной связи совершенно необъективной является характеристика проделанной гражданским здравоохранением работы со стороны наркома здравоохранения СССР Г. А. Митерева, который утверждал в своих воспоминаниях, что «в финской кампании гражданское здравоохранение почти не было затронуто...»³². Вполне естественно, что в целом по стране эта тенденция была незначительной, но на Северо-Западе этот процесс шел более активными темпами, с явным преобладанием тенденции к сокращению медицинской помощи, оказываемой горожанам и жителям области.

Основным фактором, повлиявшим на широкое вовлечение ленинградских лечебных учреждений в мероприятия по оказанию медицинской помощи военным в городе, стало большое число санитарных потерь в период советско-финляндской войны. Это потребовало мобилизации материально-технических ресурсов и сил личного состава не только для приведения своей работы в соответствие с новыми условиями, но и для оказания помощи в войсковом и армейском районах. Низкий уровень мобилизационной работы, неадекватной масштабам и характеру боевых действий, отрицательно сказывался как на лечебно-эвакуационном обслуживании действующей армии, так и на оказании медицинской помощи гражданскому населению. Гражданские и военные лечебные учреждения сумели адаптироваться к новым условиям, о чем свидетельствует процент смертности в них. Для госпиталей, развернутых НКЗ и «оперативных коек» он в среднем составлял 1,5 %. Однако можно предположить, что приведенный показатель не является окончательным и может быть еще больше увеличен³³.

¹ Филиал Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) (архив военно-медицинских документов). Ф. 141. Оп. 4326. Д. 4. Л. 37.

² Там же. Ф. 1. Оп. 35484. Д. 224. Л. 231.

³ *Леонов И. Т.* Организация хирургической помощи раненым в Советской Армии в 1918–1940 гг.: // Дис. ... доктора медицинских наук. Л., 1973. С. 262.

⁴ Филиал ЦАМО. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 56.

⁵ Там же. Л. 57.

⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 4. Д. 25. Л. 22.

⁷ Филиал ЦАМО. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 67.

⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 25. Л. 23.

⁹ Филиал ЦАМО. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 57.

¹⁰ Там же. Л. 58.

¹¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 152.

¹² Филиал ЦАМО. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 1. Л. 139.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп. 4. Д. 263. Л. 108.

¹⁴ Там же. Д. 264. Л. 21.

¹⁵ Там же. Д. 260. Л. 34.

¹⁶ Там же. Д. 281. Л. 27, 95.

¹⁷ Там же. Д. 282. Л. 176.

¹⁸ Там же. Д. 286. Л. 29, 107.

¹⁹ Там же. Л. 350.

²⁰ Там же. Д. 263. Л. 108.

²¹ Филиал ЦАМО. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 130.

²² Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 62.

²³ Там же. Д. 5. Л. 132.

²⁴ Там же. Л. 132–133.

²⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 5924. Д. 20. Л. 6.

²⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 44833. Д. 2. Л. 25.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 9156. Оп 4. Д. 260. Л. 29.

²⁸ Филиал ЦАМО. Ф. 141. Оп. 1680. Д. 5. Л. 6.

²⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 13738. Д. 5. Л. 143.

³⁰ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 1. Л. 148–149.

³¹ Там же. Ф. 1. Оп. 35482. Д. 2. Л. 127.

³² Митерев Г. А. В дни войны и мира. М., 1975. С. 58.

³³ Вместе с тем указанные цифры не в полной мере отражают динамику имевших место явлений. Примером этого могут служить данные относительно постоянных военных госпиталей. Средний процент смертности в Ленинградском Красноармейском военном госпитале имени З. П. Соловьева до февральского наступления 1940 г. составлял 0,7 %, однако со второй половины февраля наметилось повышение числа умерших почти в четыре раза, составив 2,6 % (Филиал ЦАМО. Ф. 2648. Оп. 8268. Д. 1. Л. 76). В клиническом госпитале Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова этот показатель достигал 3 % (Филиал ЦАМО. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 11. Л. 295). Следует предположить, что в постоянные военные госпитали доставлялись военнослужащие с наиболее тяжелыми случаями ранений и заболеваний.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. И. Мусаев

**АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ (ЛУКЬЯНОВ) —
ПОСЛЕДНИЙ АРХИЕРЕЙ ФИНЛЯНДСКОЙ ЕПАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим оказался последним архиереем Православной церкви в Финляндии, когда она еще оставалась, на положении епархии, в юрисдикции Русской православной церкви. Он стоял во главе епархии в последние годы великокняжеского периода и в первые годы финляндской независимости. На долю архиепископа Серафима выпало стать одним из действующих лиц в драматических событиях, развернувшихся внутри и вокруг финляндского православия после 1917 г.

Серафим, в миру Александр Иванович Лукьянов (1879–1959), родился в Саратове в крестьянской семье. В 1900 г. поступил в Саратовскую духовную академию, которую окончил в 1904 г. Во время обучения в академии был пострижен в монашество (в 1902 г.) и рукоположен во иеромонаха (в 1903 г.). По окончании академии, со степенью кандидата богословия, был назначен преподавателем церковной и библейской истории в Уфимской духовной семинарии. С 1907 г. занимал пост ректора Таврической духовной семинарии в сане архимандрита. Его назначение ректором Саратовской духовной семинарии состоялось 8 августа 1911 г.¹ С этого поста он и был переведен в Финляндскую епархию.

В феврале 1913 г. Святейшим Синодом было принято решение об образовании в составе Финляндской епархии викариата для приходов финляндской Карелии, с центром в городе Сердоболь (Сортавала). На место викарного епископа был назначен архимандрит Киприан (Шнитников), который до этого занимал должность «синодального карельского противо-лютеранского миссионера для Архангельской, Олонецкой и Финляндской епархий» и руководил деятельностью основанного в 1907 г.

«Православного Карельского братства во имя Великомученика и Победоносца Георгия». Киприан, очень много сделавший для отстаивания русско-православных интересов в Финляндии, в неустанных трудах, однако, надорвал свое далеко не богатырское здоровье. В конце апреля 1914 г., находясь в Петербурге, епископ Киприан слег с сильными болями и в июне того же года скончался.

Его преемником и стал ректор Саратовской духовной семинарии архимандрит Серафим, назначенный на должность викарного епископа Сердобольского 30 июля 1914 г. Его хиротония состоялась 7 сентября того же года². Новый викарный епископ выказал намерение продолжать политику, проводившуюся Киприаном. В октябре 1914 г. он отправился в длительную поездку по Ладожской Карелии, посетив Сердоболь, Валаам, приходы Мантсинсаари, Салми и Кителя. В ходе нее он совершал литургии в церквях и проводил моления в часовнях, инспектировал преподавание Закона Божия в школах, знакомился с клиром и учителями³. Серафим ясно показал себя противником каких-либо новшеств и отступлений от канонов. В циркуляре Финляндской духовной консистории от 25 апреля 1915 г. он с неудовольствием отмечал заимствованный духовенством епархии у лютеран обычай совершать обряд крещения не в церкви, а на дому, где не имелось соответствующей церковной утвари для погружения в купель, в соответствии с православной обрядностью⁴. Серафиму, однако, как отмечал К. Мерикоски, бывший секретарь «Сортавальского представительского общества» (Sortavalan Esitysseura), «недоставало инициативности, трудоспособности и твердости его предшественника»⁵. Активность Карельского братства после смерти епископа Киприана явно снизилась: при епископе Серафиме в финляндской Карелии была открыта только одна новая братская школа — в деревне Меляселья прихода Иломанси в 1914 г.⁶ (тогда как за то время, когда братством руководил Киприан, было открыто 14 таких школ).

Викарному епископу Серафиму еще в 1910-х гг. нередко приходилось заведовать делами всей епархии, так как архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Страгородский) подолгу находился в Петербурге/Петрограде, где он как член Святейшего Синода и Предсоборного присутствия участвовал в разработке церковной реформы и в подготовке Поместного собора. В августе 1917 г. определением Синода архиепископ Сергей был назначен на кафедру Владимирскую и Шуйскую. После отъезда архиепископа Сергея из Финляндии епископ Серафим был назначен временным главой Финляндской епархии⁷.

10 (23) января 1918 г. в Выборге на епархиальном съезде духовенства и мирян, на который прибыл митрополит Петроградский Вениамин,

были проведены выборы нового епархиального архиерея. Кандидатами были епископ Серафим, протоиерей Михаил Казанский и томский епископ Анатолий. При предварительном голосовании Серафим получил 46 голосов, Михаил — 26, Анатолий не получил ни одного голоса. На следующий день было проведено решающее голосование по двум кандидатурам, на котором Серафим одержал победу, получив 58 голосов против 30⁸. 17 (30) января Синод Русской православной церкви (РПЦ) утвердил Серафима в сане епископа Финляндского и Выборгского⁹. В сан архиепископа Серафим был посвящен в 1920 г.: об этом было объявлено в письме за подписью митрополита Сергия как члена Синода от 8 января 1921 г. (26 декабря 1920 г.)¹⁰

Часть финляндского духовенства была недовольна избранием Серафима, считая, что он победил только благодаря процедуре выборов, навязанной Синодом, который в свое время отверг поступившее из Финляндии ходатайство о том, чтобы на выборах иметь представителей могли только приходы, в которых насчитывалось не менее 500 прихожан. В результате небольшие русские приходы смогли делегировать своих представителей. Кроме того, своих делегатов имели русские гарнизоны. Это якобы и обеспечило победу Серафиму¹¹. Выразителями недовольства были сторонники т. н. «национального направления» в финляндском православии, которые стремились к каноническому обособлению от РПЦ и созданию национальной Православной церкви. После обретения Финляндией независимости члены этой группировки явно активизировались, получая поддержку от новых гражданских властей. Новый архиерей, по мнению этих деятелей, был «чужд национальным стремлениям большинства своей паствы». К тому же он не владел финским языком. «Национально» ориентированные деятели предпочитали видеть на его месте протоиерея М. Казанского. Серафим же имел репутацию твердого приверженца «русского направления» в церковной жизни.

В журнале «Хистоиаллинен Айкаккускиря» (*"Historiallinen Aika-kauskirja"*) была позднее опубликована статья об архиепископе Серафиме бывшего секретаря Министерства просвещения А. Инкинена. Автор писал: «Хотя епископ Серафим поначалу открыто не сопротивлялся этим замыслам (обособления Финляндской церкви от РПЦ. — В. М.), и даже демонстрировал им свою поддержку, позднее всё же были получены явные свидетельства того, что его официальная позиция в этом вопросе была чистым притворством и что втайне он начал прилагать весьма энергичные усилия с целью сопротивления замыслам национального течения церкви и сведения их на нет»¹². Серафим старался выполнять указы Синода РПЦ и патриарха Тихона, не скрывал своего отрицательного

отношения к мероприятиям правительства и новообразованного Церковного управления, в котором ведущие места занимали сторонники нового курса, не соглашался со многими решениями соборов Финляндской церкви¹³. Разногласия касались основных вопросов существования Финляндской Православной церкви (ФПЦ), включая ее каноническое подчинение, организацию епархиальной структуры, календарную реформу.

В частности, вопрос о введении в Финляндской Православной церкви григорианского календаря (уже давно действовавший в гражданской жизни в Финляндии), который стали поднимать еще в 1917 г., особенно обострился в 1921 г. Решение о переходе на новое летосчисление было принято на Соборе ФПЦ в Сортавале в июне 1921 г. Однако, когда архиепископ Серафим отправил письмо патриарху Московскому и всея Руси Тихону с просьбой благословить переход Финляндской церкви на григорианский календарь, патриарх отказался дать на то свое благословение, ссылаясь на то, что этот вопрос он не вправе решать единолично и что подобное решение является прерогативой всей Вселенской церкви¹⁴. С этого времени взгляды архиепископа и членов Церковного управления, поддерживаемых гражданскими властями Финляндии, относительно календарного вопроса коренным образом разошлись. Серафим считал себя обязанным подчиниться предписанию патриарха Тихона и принять меры к возвращению старого летосчисления.

Гражданские власти Финляндской Республики тем временем всё активнее вмешивались в дела ФПЦ. Министром просвещения и церковных дел в сформированном в апреле 1921 г. новом кабинете премьер-министра Й. Х. Веннола стал член партии Аграрный союз Н. Лиакка. Для него было характерно более жесткое отношение к проживавшим в стране русским. Вопрос о церковном календаре Н. Лиакка считал политическим и полагал, что он окончательно решен и ставить его снова на повестку дня нет оснований¹⁵. Министерство церковных дел и просвещения в письме архиепископу Серафиму от 31 декабря 1921 г. предостерегало его от каких-либо насильственных мер против сторонников нового стиля и предлагало решить календарный вопрос мирным путем. По утверждению авторов письма, лица, которые противились введению нового стиля, ссылаясь на канонические основания, в действительности руководствовались стремлениями к политиканству и интриганству¹⁶. Серафим в ответе министерству аргументировал свою позицию тем, что для православных недопустимо праздновать Пасху одновременно с иудеями или даже раньше них, что иногда получается у католиков и лютеран при праздновании Пасхи по григорианскому календарю. Утверждения о склонности сторонников старого стиля к политиканству и интриганству о том, что «старый

стиль служит признаком русофильства, опасного для Финляндии, и есть одно из средств политической борьбы монархистов и русофилов против ее самостоятельности» он отвергал как несостоятельные. «Отступление от общих православных канонических порядков будет осуждено всеми Православными Церквями и историей», писал архиепископ¹⁷.

Еще более ожесточенное сопротивление со стороны архиепископа и его сторонников вызывал взятый поборниками «национального» направления в финляндском православии курс на обособление от РПЦ. Серафим старался следовать указам Синода РПЦ и патриарха Тихона, не скрывал своего отрицательного отношения к мероприятиям правительства Финляндии и Церковного управления и не соглашался со многими решениями церковных соборов. Он выступал против автокефалии ФПЦ и не проявлял желания сотрудничать с приглашенным управлением на должность викарного епископа Карельского, эстонским священником, протоиереем Германом Аавом. В пространной докладной записке Вселенскому патриарху от 12 октября 1922 г. Серафим критиковал закон о Финляндской церкви, утвержденный правительством 26 ноября 1918 г.: «По этому закону власть епископа умалена до последней степени, членами церковного суда состоят даже миряне, о власти патриарха и Синода не сказано ничего, и весь закон пропитан парламентаризмом и демократическими принципами»¹⁸. О назначении Германа Аава епископом Карельским архиепископ писал: «Избрание в викарные епископы священника Аава, ни мне, ни собору совершенно не известного, избрание, состоявшееся вопреки моему желанию и мною не одобренное, я считаю противоканоничным и нецелесообразным... Недавно я имел случай познакомиться с священником Аавом. Он произвел на меня тягостное впечатление. В беседе со мной он высказал удивительно легкомысленный взгляд на наши каноны, говоря, что они отжили свой век, что с ними можно не считаться и т. д. ... Нужды в викарном епископе у меня не имеется. Я управляю церковью с августа 1917 г. один, и никаких затруднений у меня не встречается... Вопрос об автокефалии решать в настоящее время я не нахожу возможным ввиду того, что св. патриарх Тихон находится в тюрьме... Выходить из повиновения своему Главе и Отцу в тяжелый момент его страданий за Христа и за церковь я считаю не только противным нашим канонам, но и нравственному христианскому чувству... Я как архипастырь вверенной мне Богом Церкви ни под каким видом не могу признать ни своей церкви, ни самого себя автокефальным»¹⁹.

Со своей стороны, финляндские власти имели серьезные претензии к архиепископу Серафиму. Одним из обвинений, которые выдвигались против него, была связь архиепископа с Синодом Русской православ-

ной церкви за границей (РПЦЗ), с которым Финляндский архиепископ состоял в переписке и который он считал «законным преемником высшей власти автокефальной Российской церкви». В частности, в письме председателю Синода РПЦЗ митрополиту Антонию (Храповицкому) от 25 (12) апреля 1923 г. он излагал свое мнение относительно устройства церковной жизни за границей. Серафим высказывался за передачу власти над русскими зарубежными приходами Синоду РПЦЗ, считая, что «организация Высшей церковной власти за границей как преемницы таковой же в лице Патриарха, Синода и Высшего Церковного Совета, безусловно, желательна и крайне необходима»²⁰. Из-за сложных отношений с финляндскими властями архиепископ Серафим не смог принять участие в Архиерейском соборе РПЦЗ, состоявшемся в Сербии 31 мая — 8 июня (18–26 мая) 1923 г., на который он получил приглашение приехать или прислать своего представителя²¹. Упомянутый собор высказался «о нежелательности и недопустимости автокефалии для Финляндской Церкви», выразил глубокое сочувствие архиепископу Серафиму «за его мужество в отстаивании Православной Церкви» и подтвердил «постановление Синода о совершенной недопустимости посвящения священника Аава в викарные епископы помимо воли местного канонического Архиерея»²².

В ряде финских газет была развернута кампания против архиепископа Серафима, которого обвиняли в попытках русификации православной церкви в Финляндии и интригах против епископа Германа. В некоторых газетных статьях содержались требования отрешения Серафима от должности. В ноябре 1922 г. архиепископу было неофициально предложено оставить кафедру, на что он ответил отказом²³. Среди членов Церковного управления смещения Серафима особенно активно добивались коммерции советник А. В. Жаворонков и К. Репо²⁴. Серафим писал позднее Константинопольскому патриарху: «Меня жестоко и систематически травили в местной прессе, называя даже иногда коммунистом, большевиком, и советуя выслать меня из Финляндии как опасного для страны, как врага ее самостоятельности и русофила. Я все время боролся здесь за канонические начала церковной жизни, за что и был подвергаем и поношениям, и ругательствам, и клеветам». О своих соперниках в Церковном управлении он писал: «Они видели во мне представителя ненавистной им Русской Церкви и Московского Патриархата. Давно они мечтали избавиться от этого „ненавистного ига“»²⁵.

Архиепископа поддерживали монахи финляндских православных монастырей и некоторые приходы, членами которых были этнические русские. В середине 1923 г. Валаамский монастырь и члены хельсинкского православного прихода обратились в Государственный совет с пред-

ставлением в защиту Серафима. В нем отрицались выдвинутые против архиепископа обвинения, в частности, в проведении русификаторской политики. Авторы представления указали на ошибочность тезиса о том, что каноническое обособление Финляндской церкви от Московской патриархии должно было вытекать из факта государственной независимости Финляндии. Вопрос об автокефалии, писали они, является не государственным, а церковным, и решать его может лишь высшая церковная власть. Они отмечали при этом, что в юрисдикции патриарха Тихона находятся православные церковные организации ряда зарубежных стран, в том числе Северной Америки и Японии. Относительно автокефалии в представлении говорилось, что существуют два пути ее обретения — канонический и революционный. Первый путь был проигнорирован: одобрение патриарха Тихона не испрашивалось. Сторонники автокефалии избрали второй путь, который ведет к схизме. По поводу конфликта архиепископа Серафима с епископом Германом обращалось внимание на неканоничность избрания последнего на должность епископа как гражданина иностранного государства, не владевшего финским языком. Авторы представления возражали против интерпретации разногласий внутри Финляндской церкви как борьбы между сторонниками «русского» и «финского» направлений в финляндском православии²⁶.

Конфликт архиепископа Серафима со сторонниками преобразования внутри ФПЦ закончился вмешательством светской власти на стороне последних. Указом президента Финляндии К. Й. Стольберга от 29 декабря 1923 г. Серафим был отстранен от управления Финляндской церковью и затем отправлен на жительство в Коневский монастырь с ежегодной пенсией в 12 000 марок (которая полагалась также и лютеранским епископам). Формальной причиной его увольнения было «несоответствие требованиям государственного закона об официальном языке в государстве». Должность архиепископа Финляндского была временно упразднена. Епископ Герман стал временным управляющим всей Финляндской церковью²⁷ (позднее, в 1925 г., он был возведен в сан архиепископа и находился во главе ФПЦ до своей смерти в 1961 г.).

После отставки Серафим направил доклад Вселенскому патриарху, в котором писал о незаконности своего увольнения и в мрачных красках описывал будущее Финляндской церкви. «После моего устранения может последовать введение всяких новшеств в богослужении и в церковном быту, что при мне любители этих новшеств... стеснялись делать. Я предвижу и другие еще более печальные события в церковной жизни, которые будут последствием моего удаления: всяческое притеснение монашества и монастырей, пренебрежение канонами и преданиями Цер-

кви, и может быть, даже самочинное объявление автокефалии Финской и Эстонской Церкви, второй брак для духовенства, сокращение постов и появление женатых епископов»²⁸, — писал уволенный архиепископ. Константинопольский патриарх Григорий прислал ответ, в котором выражал сожаление о случившемся, однако заявлял, что увольнение считает юридически и канонически правильным²⁹. Бывший Финляндский архиепископ, прожив чуть больше двух лет в Коневском монастыре, в 1926 г. уехал из Финляндии.

Позднее собственную версию событий, связанных с увольнением архиепископа Серафима и его последующим отъездом из Финляндии, предложил архиепископ Фотий (Топиро) в своем докладе патриарху Московскому и всея Руси Алексию I (Симанскому) о командировке во Францию (в 1946 г.). Архиепископ Фотий излагал ситуацию следующим образом: «Финские власти решили, что для них будет удобнее и надежнее, если главою церкви станет коренной финн (в действительности Герман Аав был эстонец. — В. М.), о назначении которого они и возбудили ходатайство перед Константинопольским Патриархом. Архиепископу же Серафиму в виде компенсации была назначена пожизненная правительственная пенсия и предложено почетное проживание на покое. Когда русские приходы во главе с протоиереем Г. Светловским, не пожелавшие отделяться от русской церкви и принять для церковного календаря новый стиль, стали просить архиепископа Серафима о их духовном окормлении, он поставил им определенное условие: обеспечение векселями той суммы, которая была ему назначена в виде пенсии финляндским правительством, так как в случае духовного окормления русских правительство прекратит выдачу ему пенсии. Предложение русских приходов поверить их добросовестному обещанию оказывать ему всемерную материальную поддержку, но не требовать от них векселей, архиепископ Серафим отверг. В то же время он обратился к митрополиту Евлогию с письмом, в котором сообщал о своем безвыходном положении, явившемся будто бы результатом его верности Русской Церкви, и просил о каком-либо назначении. Митрополит Евлогий выслал ему деньги на дорогу и, по приезде, назначил его в Англию на хороших условиях»³⁰. Автор доклада, таким образом, представляет бывшего Финляндского архиепископа не в самом лучшем свете.

Что касается дальнейшей судьбы архиепископа Серафима, она складывалась следующим образом. В Коневском монастыре он прожил около полутора лет, после чего покинул Финляндию, отправившись в Западную Европу. В июне 1926 г. он принимал участие в Соборе Русской православной церкви за границей, которая не признавала его увольнение от

руководства Финляндской церковью. На Соборе архиепископ Серафим получил назначение в Лондон в качестве викария митрополита Евлогия, главы Западноевропейского экзархата. При этом было объявлено, что это назначение является временным и что Собор по-прежнему считает архиепископа Серафима главой церкви в Финляндии³¹. В начале следующего года, когда у митрополита Евлогия возникли разногласия с руководством Русской православной церкви за границей, Архиерейский Синод РПЦЗ попытался отрешить его от должности и назначил Серафима вместо него временно управляющим русскими приходами в Западной Европе. Архиепископ Серафим переехал в Париж и до 1945 г. возглавлял Западно-Европейскую епархию РПЦЗ. Большая часть русских приходов Западной Европы, однако, сохранила верность митрополиту Евлогии, который не подчинился решению Синода.

В 1937 г. Серафим был возведен в сан митрополита. В 1945 г., после встречи с посетившим Париж митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, принял решение перейти в юрисдикцию Московского патриархата. С 1946 г. — Патриарший экзарх Западной Европы. Должен был принять на себя руководство Парижским экзархатом, который Московская патриархия постановила перевести в свое подчинение, однако архиепископ Владимир (Тихоничский), управлявший экзархатом после смерти митрополита Евлогия, отказался подчиниться этому решению, и в ведении митрополита Серафима находилось лишь небольшое число приходов. В своей статье «Без канонов», опубликованной в «Журнале Московской Патриархии» (№ 6 за 1949 год), Серафим критиковал позицию Синода РПЦЗ после избрания патриарха Алексия (Симанского). В 1949 г. митрополит Серафим был уволен на покой. На некоторое время вновь он перешел в РПЦЗ, но в 1954 г. переехал в СССР и с 1956 г. уже проживал в Гербовецком монастыре в Молдавской епархии, где, собственно, и скончался в феврале 1959 г.³²

¹ Высокопреосвященный Архиепископ Серафим, глава Православной Церкви в Финляндии // Церковные ведомости. 1926. № 13–14. С. 10–11; *Loima J. Esipaimen siunaa. Suomen ortodoksiset piispat 1892–1988.* Jyväskylä, 1999. S. 135.

² Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2678. Л. 2.

³ *Merikoski K. Taistelua Karjalasta. Piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina.* Helsinki, 1939. S. 337.

⁴ *Loima J. Esipaimen siunaa.* S. 143.

⁵ *Merikoski K. Taistelua Karjalasta.* S. 337.

⁶ *Loima J. Esipaimen siunaa.* S. 142.

⁷ *Kirkinen H., Railas V. Ortodoksisen kirkon historia.* Kuopio, 1963. S. 210.

⁸ Purmonen V. Suomen ortodoksisen kirkon tie autonomiaan // Ortodoksia. 37. 1987. S. 21–22.

⁹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Т. 6. М., 1996. С. 51.

¹⁰ Purmonen V. Suomen ortodoksisen kirkon tie autonomiaan. S. 20–21.

¹¹ Ibid. S. 38.

¹² Inkinen A. Arkkipiispa Serafim // Historiallinen Aikakauskirja. 1960. No 4. S. 435.

¹³ Loima J. Nationalism and the Orthodox Church in Finland // Nationalism and Orthodoxy. Two Thematic Studies on National Ideologies and Their Interaction with the Church. Helsinki, 2004. P. 155.

¹⁴ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее — ЛОГАВ). Ф. 389. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

¹⁵ Frilander T. Valtiovalta, venäläiset ja kalenterikysymys. S. 72.

¹⁶ Valtionneuvosto, Kirkollis- ja opetusministeriö joulukuun 31 p:nä 1921 – Suomen kreikkalais-katolisen kirkko-kunnan Arkkipiispalle Serafimille // ЛОГАВ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–10б.; Ф. 410. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹⁷ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях (по документам и записям инока). Аренсбург, 1927. С. 23–28.

¹⁸ Там же. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 113–116.

²⁰ Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. М., 2007. С. 158.

²¹ Там же. С. 170.

²² Шевченко Т. И. Валаамский монастырь и становление Финляндской Православной Церкви (1917–1957). М., 2012. С. 142.

²³ Яровой О. А., Смирнова И. А. Валаамский монастырь и православная церковь в Финляндии: 1880–1930-е гг. (из истории финнизации православной конфессии). Петрозаводск, 1997. С. 105.

²⁴ Loima J. Esipaimen siunaa. S. 159–160.

²⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 762. Оп. 1. Д. 130. Л. 27–29.

²⁶ Valamon luostarin ja useiden Helsingin kreikankatolisen seurakunnan jäsenten opetusministeriön kautta Valtionneuvostolle jättämä esitys // ЛОГАВ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–3.

²⁷ Kirkinen H., Railas V. Ortodoksisen kirkon historia. S. 215; Loima J. Esipaimen siunaa. S. 166–167.

²⁸ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях. С. 211.

²⁹ Там же. С. 213.

³⁰ Цит. по: Кострюков А. А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. М., 2011. С. 68.

³¹ Там же. С. 117–118.

³² Полторацкий Н. Митрополит Серафим (Лукиянов) (некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 4. С. 10; Inkinen A. Arkkipiispa Serafim. S. 442–443.

М. В. Шкаровский

РУССКАЯ НИКОЛЬСКАЯ ОБЩИНА ХЕЛЬСИНКИ В XX веке

В 1926 г. в Хельсинки группой русских эмигрантов было создано и зарегистрировано братство святителя Николая Чудотворца с целью совершения регулярных богослужений по старому (юлианскому) стилю, так как Финляндская Православная церковь перешла на григорианский календарь. Главной святыней братства была икона свт. Николая Чудотворца, которая сейчас находится в Никольском храме на аналое с правой стороны. В том же году основатели братства — В. С. Синькевич, П. М. Мошкарев, А. К. Васильева посетили в Выборге убежденного сторонника сохранения старого стиля — протоиерея Григория Светловского. Когда к концу 1926 г. окормляемая отцом Григорием Покровская Выборгская русская община прошла официальную регистрацию (устав был уже утвержден правительством/сеймом 23 декабря), Никольская община в Хельсинки также подала прошение и весной 1927 г. получила регистрацию от Государственного совета Финляндии в качестве частной религиозной организации и составной части Выборгской православной общины.

Сразу после регистрации Никольская и Покровская общины послали телеграмму в Париж экзарху Русской православной церкви в Западной Европе митрополиту Евлогию (Георгиевскому), с просьбой принять их под свое духовное окормление, на что получили согласие. Днем рождения прихода стал храмовый праздник — день перенесения мощей свт. Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари — 9/22 мая 1927 г. В июле 1927 г. Никольский приход возглавил кронштадтский беженец — священник Николай Сильвестрович Шукин, до революции бывший военным инженером и рукоположенный в священный сан в Москве 14 декабря 1920 г. Первые богослужения в Финляндии он совершал за колючей проволокой форта Ино в лагере беженцев, затем служил преподавателем в «беженской» школе в Перкъярви (Кирилловская)¹.

Никольский храм разместился сначала во временном помещении, арендованном в доме купца Ковина в Хельсинки в районе площади Хаканиеми. Первое богослужение было совершено 29 августа/11 сентября 1927 г., на день Усекновения главы Иоанна Крестителя. Этот временный храм прихода просуществовал до 11 марта 1928 г. Его пришлось закрыть из-за недоброжелательного отношения хозяина дома. Вскоре был арендован деревянный дом на улице Колмас линья (18). В этом доме находились три квартиры и большой зал с примыкающей комнатой, в котором и устроили домовый храм, располагавшийся там около 10 лет — до момента сноса здания осенью 1938 г. Община быстро росла и в конце 1930-х гг. насчитывала более 650 человек. Благодаря стараниям протоиерея Николая Шукина (возведен в сан протоиерея в 1934 г.), которому помогал сын — бессменный пономарь и сторож Николай Николаевич Шукин, она превратилась в полноценный приход с хорошо налаженной богослужebной и общинной жизнью (псаломщицей была Е. В. Гребнер, а первым церковным старостой — Александр Гаврилович Васильев). В 1932–1939 гг. общиной ежегодно устраивались приходские детские лагеря².

В 1938 г. городские власти передали общине в аренду на 40 лет участок на бывшем русском военном кладбище в районе Хьетаниеми (недалеко от железнодорожного вокзала), где до 1917 г. хоронили военнослужащих из гарнизонов, окружавших город, в частности из крепости Свеаборг (Суоменлинна). В том же году началось сооружение новой каменной церкви по проекту местного инженера-строителя А. Нюберга. Строительные работы вели под его руководством сами прихожане³. Храм был заложен 2 октября 1938 г. протоиереями Николаем Шукиным и Григорием Светловским, председателем строительной комиссии являлся П. И. Столбов. Одноэтажная церковь с колокольней над входом напоминала финские лютеранские кирки, вход украсил небольшой портик с двумя дорическими колоннами. 10 декабря того же года храм был освящен настоятелем в честь свт. Николая Чудотворца⁴.

Отец Николай Шукин умер в Мариинской больнице в Хельсинки 21 декабря 1940 г. и 26 декабря был погребен на центральной аллее преобразованного в Никольское православное приходское кладбище бывшего русского военного кладбища. После его смерти два старца протоиерея: известный духовный писатель отец Сергей Четвериков и отец Виктор Крохин несколько лет попеременно совершали богослужения в храме. В проведении богослужений им помогали иеродиакон Арсений (Конев) и диакон Григорий Сандин — в будущем священник. Настоятельские функции, однако, исполнял уехавший из Выборга в связи с советско-финской войной протоиерей Григорий Светловский, он же и был председателем

церковного совета. В декабре 1945 г. настоятелем оказался избран протоиерей Виктор Крохин, скончавшийся в декабре 1949 г. (погребен на приходском кладбище)⁵.

Отец Сергей Четвериков был при Никольской церкви недолго и вынужденно, но оставил глубокий след в жизни прихода. Полюбив после первой своей поездки в 1930 г. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, он в дальнейшем неоднократно ездил туда для литературной и духовной работы. В 1939 г. он, как обычно, отправился на Валаам, но не смог вернуться из-за начавшейся советско-финской войны. В сочельник 1940 г. отец Сергей вместе с братией был эвакуирован в Финляндию и сначала жил во временном помещении монастыря, а потом, чтобы не обременять братию — ему было уже 73 года, — переехал в Хельсинки, где и служил некоторое время в Никольском храме, после чего перебрался к своему сыну Феодосию Сергеевичу Четверикову в Братиславу (Словакия). Скончался он 29 апреля 1947 г. в Братиславе.

Летом 1945 г. состоялось временное воссоединение Западно-Европейского экзархата, возглавляемого митрополитом Евлогием, с Московским патриархатом. 8 октября 1945 г. в Хельсинки прибыл митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), под руководством которого произошел переход в состав Русской православной церкви Коневского и Ново-Валаамского монастырей, Покровской и Никольской частных общин (акт воссоединения прихода был совершен 8 октября). В это время в Московскую патриархию посылались обращения за сотнями подписей из разных районов Финляндии с просьбой организовать для них богослужение по старому стилю. Духовное окормление этих людей поручили священнику Петру Нортамо (погребен на приходском кладбище). В это время Никольский храм был переполнен молящимися.

Настоятелем Никольского прихода с начала 1950 г. около 19 лет служил протоиерей Георгий Павинский (тоже кронштадтский беженец). Это был высокообразованный пастырь, закончивший дореволюционную Петроградскую духовную академию со степенью кандидата богословия. При нем приход быстро рос и вскоре достиг численности в тысячу человек, в связи с чем появилась необходимость расширения площади храма. При деятельном участии церковного старосты И. В. Розе и под руководством отца Георгия была проведена реконструкция здания храма по чертежам известного в Финляндии архитектора — русского эмигранта И. Н. Кудрявцева (ему принадлежит авторство собора в Ново-Валаамском монастыре, церкви св. прор. Ильи на кладбище православного прихода в Хельсинки и ряда других зданий). Со стороны восточной части храма было пристроено просторное алтарное помещение с пономаркой, кроме

того, под алтарем в крипте появилось новое помещение, которое ныне используется как приходской зал. Строительство велось быстро, и уже 17 декабря 1950 г. обновленный храм был освящен. В таком виде он сохранился до настоящего времени⁶.

В 1969 г. скончался протоиерей Георгий Павинский, погребенный на приходском кладбище, и в том же году общее собрание прихода выбрало на должность настоятеля священника Николая Старостина, который спустя четыре года попросил освободить его от этой должности по болезни. В 1973 г. собрание прихода избирало настоятелем протоиерея Георгия Кильгаста. В период его настоятельства Никольский приход получил самостоятельность от переехавшей еще в начале 1940-х гг. из Выборга в Хельсинки Покровской общины, было изменено название прихода и устав (оттуда убрали слова «филиал Покровской общины»).

Кроме настоятелей в приходе трудилось несколько ревностных пастырей и диаконов: иеродиакон Арсений (Конев), протодиакон Михаил Мельников, диакон Феодор Лукьянов (погребен на приходском кладбище) и др. В сане диакона служил будущий настоятель Покровской общины протоиерей Борис Павинский (погребен на приходском кладбище). Священник Григорий Сандин (также погребен на приходском кладбище) близко знал святого отца Иоанна Кронштадтского и когда-то получил от него благословение на брак. До революции 1917 г. он, будучи состоятельным человеком, активно помогал основанному св. отцом Иоанном Кронштадтским Иоанновскому монастырю в Санкт-Петербурге. С 1979 г. на приходе несколько десятков лет служил митрофорный протоиерей Орест Червинский⁷.

В качестве регента в Никольской церкви около 15 лет работал известный церковный композитор Алексей Иванович Красностовский. Он родился в 1880 г. в Петербурге, проходил обучение в регентских классах Придворной певческой капеллы, с 17 лет управлял хорами и окончил Санкт-Петербургскую консерваторию по классу композиции и оркестровки у Н. А. Римского-Корсакова. С 1900 г. А. И. Красностовский регентировал в различных храмах Петербурга, в частности служил церковным регентом и учителем пения в приюте Синего Креста, а затем в женской Покровской общине. Некоторое время он регентировал в Орле, в 1908 г. занял место регента в кафедральном соборе Выборга, где преподавал пение в школе. В 1938–1939 гг. тексты его музыкальных произведений погибли во время бомбардировки, а сам он эвакуировался в глубь Финляндии. С 1950 г. А. И. Красностовский жил в Хельсинки, писал труды по композиции, регентировал в Никольском храме до своей кончины 8 февраля 1965 г. (погребен на приходском кладбище).

В Никольский храм неоднократно привозили из Нового Валаама для поклонения чудотворную Коневскую икону Пресвятой Богородицы, часто в церкви служили иеромонахи из Ново-Валаамской обители. Регулярно храм посещали приезжавшие из СССР архиереи Московского патриархата. Так, в 1967 г. на 40-летний юбилей общины в Хельсинки приезжали митрополит Ювеналий (Поярков) и епископ Михаил (Мудьюгтин).

6 мая 1974 г. литургию в Никольском храме совершил Святейший Патриарх Пимен, вторично он посетил церковь в начале сентября 1981 г. Неоднократно бывал здесь митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов), который, будучи председателем Отдела внешних церковных сношений, является правящим архиереем русских финляндских приходов. С 1970-х гг. более 30 лет (с небольшим перерывом) две русские общины в Финляндии — Никольскую и Покровскую — духовно окормлял епископ (затем архиепископ и митрополит) Кирилл (Гундяев, ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси). В особенности в первое десятилетие своего епископского служения он часто совершал богослужения в Никольском храме, проповедовал, встречался с членами церковного совета и лично знал многих прихожан. Митрополит Алексей (Ридигер) в 1983 и 1985 гг. посещал Никольский приход и служил в нем, а потом, будучи правящим архиереем Ленинградской епархии с 1986 г. до своего избрания Святейшим Патриархом, в течение нескольких лет возглавлял русские финляндские приходы и бывал в них с архиастырскими визитами⁸.

Почти с самого начала перехода русских общин в Финляндии в юрисдикцию Московского патриархата был учрежден институт благочинных, которыми в основном назначали протоиереев Ленинградской епархии, оставшихся проживать в Ленинграде. Они занимались хозяйственными и финансовыми вопросами Никольского и Покровского приходов и исполняли представительские функции Русской православной церкви в Финляндии. В дальнейшем, когда общины уже не смогли выдвигать священников из числа своих прихожан и настоятелей начали присылать для служения из России, эта должность была временно отменена (в настоящее время представительские функции возложены на настоятеля Покровского прихода протоиерея Виктора Лютика).

В 1985 г. настоятелем Никольской церкви стал протоиерей Михаил Поляченко. С 1944 г. он состоял при храме: пел в хоре, выполнял работы по кладбищу, состоял членом церковного совета, исполнял послушание казначея прихода. В 1974 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов) посвятил его в диаконский сан, а в 1980 г. архиепископ Выборгский Кирилл рукоположил в священники. С 1986 г. отец Михаил

одновременно исполнял обязанности настоятеля и Покровского прихода. В 1980-е гг. из-за кончины многих старых прихожан община постепенно уменьшалась и ее деятельность затухала⁹.

При этом Московская патриархия старалась помочь приходу — он постоянно получал богослужебные книги, облачения, сосуды и др. В начале 1980-х гг. из Ленинграда присылали стипендиатом для обучения на богословском факультете Хельсинкского университета диакона Георгия Антонюка, который помогал служить в общине. В 1985 г. с этой же целью приехали священники-стипендиаты Виктор Лютик и Геннадий Бартов, затем отец Николай Воскобойников. В 1987 г. в Хельсинки построили дом — представительство Московского патриархата в Финляндии. В этом же году торжественно отмечалось 60-летие Никольского и Покровского приходов. Свои поздравления прислали Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, митрополит Минский и Белорусский Филарет, архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл.

В начале 1990-х гг. ситуация в общине стала заметно улучшаться. После распада СССР несколько десятков тысяч эмигрантов из России поселились в Финляндии, и приход начал возрождаться. Никольский храм стал постепенно наполняться верующими, с новой силой зазвучал церковный хор. 21 сентября 1994 г. в храме совершил божественную службу Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. В 1998 г. скончался настоятель протоиерей Михаил Поляченко. С 1989 г. в приходе служит протоиерей Николай Воскобойников, который в 1999 г. был избран настоятелем храма. Новый настоятель сумел организовать хороший хор под руководством регента Таисии Воскобойниковой, увеличить численность прихожан до полутора тысяч человек. С января 2012 г. в приходе трудится священник Владислав Меньшиков, который до этого с 2005 г. нес диаконское послушание¹⁰.

В ноябре 2000 г. в восточной части Хельсинки в арендованном помещении была устроена новая русская церковь св. Ксении Блаженной Петербургской, приписанная к Никольскому храму. Церковь расположена в арендованном помещении около станции метро «Меллунмяки». Богослужения в ней проводятся регулярно — два раза в месяц совершается литургия, каждый понедельник — молебен или акафистное пение. Священником служит отец Орест Червинский, который после литургии в церкви Св. Ксении Блаженной исповедует в Никольском храме.

В настоящее время Никольский приход продолжает активную работу. Сделан сайт в Интернете, посвященный истории и приходской жизни, выпущен буклет, рассказывающий о приходе, при храме работает хорошая библиотека, организованы разные кружки (церковного пения,

детского творчества, другие), налажено сотрудничество с русскоязычной газетой «Е18», регулярно публикующей материалы на православные темы. 11 сентября 2002 г. вблизи храма перезахоронили останки более 50 русских солдат, найденные при проведении реконструкции Никольского кладбища. В 2003 г. рядом с храмом был построен хозяйственный флигель с небольшой гостиницей. В 2007 г. численность зарегистрированных членов Никольского прихода составляла 1300 человек, из которых 70 % были гражданами Финляндии.

¹ Сно В. Круг жизни // Нансеновские чтения 2010. СПб., 2012. С. 339–340, 368–369.

² Северный Благовест. Хельсинки. 2005. № 2. С. 26–44; 2006. № 3. С. 17–20, 55–58; Рисак Н. История Никольского прихода г. Хельсинки // Россия за рубежом. 2006. № 4.

³ Журнал Содружества. 1938. № 10–11. С. 30.

⁴ Воскобойников Н. Приход святителя Николая Чудотворца в городе Хельсинки // Северный Благовест. 2007. № 2 (11). С. 38–44.

⁵ Там же.

⁶ Pavinsky H. Russian Orthodox Parishes in Finland // Orthodoxy in Finland. Past and present. Kuopio, 1984. P. 97–100.

⁷ Рисак Н. История Никольского прихода г. Хельсинки.

⁸ Воскобойников Н. Приход святителя Николая Чудотворца в городе Хельсинки.

⁹ Рисак Н. История Никольского прихода г. Хельсинки.

¹⁰ Воскобойников Н. Приход святителя Николая Чудотворца в городе Хельсинки.

Т. Г. Фруменкова

К ИСТОРИИ МАРИИНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ «ИМПЕРАТОРСКОЙ САНАТОРИИ» В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ (НАЧАЛО XX в.)

В 1889 г. в Выборгской губернии Великого княжества Финляндского в районе станции Каннельярви в деревне Халила на берегу озера Халиленярви был открыт противотуберкулезный оздоровительный санаторий. Ранее на этом же участке работала частная туберкулезная лечебница.

Первый отчет о работе санатория, опубликованный в 1891 г., открывался утверждением о том, что «лечение хронической бугорчатки легких» (туберкулезом. — Т. Ф.) является трудной задачей в больших городах, особенно в Петербурге, расположенном в болотистой местности, с его влажным воздухом и антисанитарией. Больным нужно уезжать из города, но необязательно в районы с теплым климатом. «По системе Бремера», как утверждали авторы отчета, им требуется чистый воздух, сухая почва, строгая гигиена и твердый режим. Всем этим требованиям отвечает Финляндия. Отчет подробно рассказывал о том, как можно было добраться до санатория. Лечебное учреждение располагалось в 4 часах езды от столицы. Два с половиной часа занимал проезд по железной дороге, еще 17 верст следовало проехать на лошадях. По другим сведениям, санаторий располагался в 10 верстах от станции Новая Кирка¹. Окрестности деревни Халила описывались как место, окруженное горами и скалами: гранит, сухой воздух, вокруг сосны и другие «деревья здоровые».

Отчет заявлял, что доктор В. Дитман использовал все современные методы лечения: обильное и качественное питание (до 5000 калорий) — парное молоко, хлеб, масло, мясо, рыба, яйца, сладости, столовое вино; обтирания, гимнастика, прогулки, а также «специальные аппараты для дыхания»².

В 1891 г. лечебное учреждение у доктора В. Дитмана приобрела канцелярия Александра III, и в Российской империи начал работу первый специализированный государственный санаторий для легочных больных. Вскоре он приобрел наименование Императорского. В санатории было 3 отделения, названные именами императоров и императриц:

Николаевское — для 50 генералов и офицеров, Александровское — для 20 бесплатных и 10 платных больных «всякого звания». В 1893 г. на средства императора было открыто Мариинское отделение «для 12 больных женского пола ведомства императрицы Марии». Для отделения в 50 метрах от Александровского выстроили трехэтажное здание, его первый этаж был каменным, а второй и третий — деревянными³.

На практике и численность, и источники содержания, и здания, в которых проживали воспитанницы, лечившиеся в санатории, не раз менялись. С 1894 по 1897 г. в Мариинском отделении находились 24 воспитанницы. Содержание в санатории учениц и состоящего при них персонала служащих обеспечивалось кредитом из собственных сумм императрицы Марии Федоровны, покровительницы санатория, супруги Александра III и матери Николая II. Лишь расходы на отправку в санаторий и обратно воспитанниц и служащих, снабжение их постельными принадлежностями и играми на свежем воздухе, а также зарплата обслуживающего персонала, согласно журналу Петербургского опекунского совета от 5 августа 1894 г., производилась из сумм Мариинского ведомства. 3 января 1894 г. главноуправляющий ведомства учреждений императрицы Марии граф Н. А. Протасов-Бахметев утвердил «правила по приему больных воспитанниц Санкт-Петербургских институтов ведомства императрицы Марии в санаторию Халила и по выписке из оной» и правила для служащих. Первые воспитанницы прибыли в санаторий 24 июня 1894 г.

Положение об особом отделении при санатории Халила «для пользования больных воспитанниц» и штаты отделения были доработаны инспектором по медицинской части ведомства, утверждены императрицей 2 ноября 1896 г. и введены в действие с начала 1897 г.

В мае 1897 г. заведующий санаторием Халила лейб-хирург Г. И. Гирш сообщил, что по новым временным правилам для всего санатория положение о Мариинском отделении было отменено, и в нем оставили 12 вакансий для воспитанниц с относительно явными признаками чахотки, а «малокровные и слабые» подлежали «удалению из среды, могущей повлиять на здоровье их». Эти правила представили на подпись императрице без учета мнения Главного управления ведомства. В результате возник вопрос о том, будут ли две группы детей содержаться отдельно и будет ли за каждой из групп особый надзор, как полагалось в закрытых учебных заведениях ведомства учреждений императрицы Марии. Медик известил опекунский совет о том, что верхний этаж здания «совершенно отделен от нижнего», на верхнем этаже находились 12 воспитанниц, а внизу — 12 «чахоточных женщин всех сословий». Он заявил, что специального надзора за детьми санаторий установить не может.

Случился межведомственный скандал. 5 декабря 1897 г. опекунский совет признал, что «нахождение институток на указанных условиях совершенно не соответствует с правилами... ведомства... и, приняв во внимание, что по заявлению инспектора по медицинской части ведомства в течение 3 лет существования Мариинского отделения для слабогрудых и малокровных воспитанниц наибольшую и существенную пользу пребывание в санатории оказывало именно на анемичных и слабосильных воспитанниц, а относительно чахоточных не давало особенно благотворных результатов, положили: 1. находящихся в санатории Халила воспитанниц Санкт-Петербургских институтов ведомства возвратить в подлежащие институты; 2. положение об особом отделении для воспитанниц Санкт-Петербургских институтов в санатории Халила и штат сего отделения с 1 января 1898 г. считать отмененным»⁴.

20 декабря 1900 г. Николай II подписал указ о передаче санатория в Финляндии в ведение Главного управления ведомства учреждений императрицы Марии, а 27 декабря утвердил доклад графа Н. А. Протасова-Бахметева об изменениях в устройстве санатория. Мариинское отделение по-прежнему предоставлялось для лечения 24 воспитанниц ведомства, потому отмененные ранее правила и штаты восстанавливались. С этого времени отделение стало содержаться за счет средств ведомства, на что положено было ежегодно 5530 руб. В 1901 г. в Александровском отделении были выделены 10 бесплатных мест «для страдающих туберкулезом воспитанниц институтов ведомства», а в 1904 г. они были упразднены «по воле императрицы Марии Федоровны»⁵. Такая непоследовательность, кроме ведомственной разобщенности, могла вызываться также общей нехваткой бесплатных мест в санатории и постоянными ремонтами и реконструкцией его корпусов.

Как принимали в санаторий? В 1900 г. было утверждено положение о врачебном комитете по приему больных в императорский санаторий Халила. Он состоял из 6 врачей и должен был собираться в центре Петербурга не менее двух раз в месяц по приглашению заведующего делами комитета. Документы Российского государственного исторического архива свидетельствуют, что этот режим, как правило, соблюдался. В назначенный день комитет вызывал «на освидетельствование пожелавших быть помещенными» в санаторий. Многие кандидаты признавались подлежащими приему, однако часть из них получала отказ, что зависело от «степени болезни или от рода болезни»⁶, то есть не принимали больных туберкулезом в последней стадии и больных другими болезнями.

В соответствии с «правилами по приему больных воспитанниц Санкт-Петербургских институтов ведомства императрицы Марии в санаторию Халила и по выписке из оной» 1894 г. принимать полагалось девочек,

«одержимых бугорчаткою в легких в раннем периоде болезни, но без отделения мокроты»; страдающих «бугорковым поражением суставов костей и лимфатических желез», если болезнь не требовала немедленной операции и не мешала больным участвовать в прогулках; «слабогрудых вследствие наследственного предрасположения или по причине не вполне разрешившихся воспалительных процессов в легких... оставивших после себя оплотнение или непроходимость части легкого»; больных «переменяющейся лихорадкою, требующие перемены воздуха»; медленно поправлявшихся после «тяжких болезней», наконец, «малокровных и с упадком питания, а равно одержимых хроническим катаром органов пищеварения»⁷.

Как и взрослых, в санаторий поначалу не принимали чахоточных воспитанниц, а также девочек, страдавших болезнями нервной системы, ревматизмом и острыми заболеваниями органов пищеварения. Прием в отделение проходил «преимущественно круглый год по освобождении вакансий и выздоровлении предыдущих». Согласно правилам, выбор пациенток оставался «за инспектором по медицинской части ведомства учреждений императрицы Марии по согласованию с главным врачом санатории»⁸. В связи с этим не совсем понятно, освидетельствовал ли их врачебный комитет. Так или иначе, время от времени имена воспитанниц встречались в отчетах о его работе, а в списках желающих попасть в санаторий имена учеников и сотрудников учреждений ведомства сведения о них были подчеркнуты⁹.

Взрослым пациентам, принятым в санаторий, назначалось время приема, и выдавался билет, по которому им следовало прибыть в Халилу¹⁰. Детей привозили сотрудники институтов или работники санатория.

Несмотря на то что правила о возобновлении Мариинского отделения были утверждены в декабре 1900 г., несколькими месяцами ранее, в августе того же года в санаторий прибыли 24 воспитанницы, врач, старшая классная дама, портниха и служитель, всего 28 человек. Сохранились счета, по которым следовало оплатить их проезд, расходы на «рогожи, веревку и упаковку вещей», предназначенных для воспитанниц и классных дам, еду для детей — «1 бутылку портвейна и 6 фунтов ветчины»¹¹.

«Пользование» воспитанниц, режим, «пищевое довольствие их, указание мер гигиены, содействующих укреплению здоровья воспитанниц, вверялось главному врачу санатория, то есть он отвечал за «содержание, лечение, уход». Методами лечения и укрепления здоровья детей, как и взрослых, считались свежий воздух, закалка, водные процедуры, обтирание, «гимнастика легких», прогулки и усиленное питание. Главный врач должен был посещать Мариинское отделение не менее 1 раза в день. Он осматривал девочек, назначал лечение и режим питания, контролировал медицинских служителей. Он также распределял воспитанниц по комнатам

«по требованиям медицины и возрасту, следил за ведением истории болезни, осматривал припасы для детей, пробовал пищу за завтраком и обедом, следил за ее качеством и количеством. Главный врач дважды в месяц подробно извещал инспектора ведомства по медицинской части о состоянии здоровья воспитанниц, а в экстренных случаях делал это немедленно»¹².

«Ближайшее наблюдение за нравственностью и физическим благосостоянием воспитанниц» в санатории возлагалось на старшую классную даму. Она должна была следить за содержанием воспитанниц, за точным исполнением предписаний главного врача, за учебными занятиями, отдыхом и прогулками воспитанниц, за сохранностью оборудования санатория и вещей девочек, за поведением женской прислуги из воспитанниц воспитательного дома. Старшая классная дама сопровождала институток в церкви, следила за тем, чтобы они не посылали и не получали через прислугу писем и вещей, наблюдала за их личной чистотой и аккуратностью. Чинить одежду полагалось самим воспитанницам. Старшая классная дама завтракала и обедала с девочками, сопровождала главного врача во время обходов, на прогулках не допускала их встреч с посторонними. Ей следовало сообщать главному врачу о внезапных переменах в самочувствии воспитанниц, а также о болезнях служащих. На ее плечах лежало и наблюдение за чистотой и порядком в помещениях. В случае необходимости ей полагалось извещать о воспитаннице начальницу соответствующего института. В подчинении старшей находилась младшая дама¹³.

На место старшей классной дамы по представлению инспектора по медицинской части ведомства отбирали штатную классную даму одного из петербургских институтов. В помощь ей для наблюдения за воспитанницами и их занятиями назначалась вольнонаемная младшая классная дама. В первые годы XX в. (с 1900 по меньшей мере до 1905 г.) старшей классной дамой была Елена Семеновна Павловская. В 1901–1905 гг. младшей классной дамой Александровского отделения служила Надежда Дмитриевна Кульфон. Младшая классная дама Эмма Фридриховна Циглер занимала свою должность с 1900 и по меньшей мере до 1916 г.¹⁴ Вполне вероятно, что она прослужила в санатории до конца его существования.

Воспитанницам полагалось «по мере сил» заниматься с классными дамами «повторением пройденного по наукам, причем одна из классных дам ведет занятия по русскому и иностранным языкам, а другая — по всем прочим предметам». Закон Божий девочкам преподавал местный священник, который также получал жалованье от Мариинского ведомства. Время и продолжительность занятий для каждой воспитанницы устанавливал главный врач санатория. Посетители допускались к девочкам только с разрешения главного врача и с согласия старшей классной дамы¹⁵.

В 1897 г. сметная комиссия Мариинского ведомства ассигновала 300 руб. на устройство «небольшой библиотеки при санатории Халила для временно находящихся в ней воспитанниц институтов». Опекунский совет заявил, что «приобретение всех необходимых руководств для учебных занятий воспитанниц... обошлось бы слишком дорого, так как воспитанницы, отправляемые на лечение, могут принадлежать к различным классам различных учебных заведений ведомства, в которых приняты различные учебники по одному и тому же предмету». Выделяя небольшую сумму на создание библиотеки, почетные опекуны предложили заведениям, из которых воспитанницы назначались в санаторий, снабжать их «необходимыми руководствами, хотя бы подержанными, с тем, чтобы эти руководства оставались при санатории, так как возвращение книг в институты по санитарным условиям представляется нежелательным»¹⁶. Для занятий регулярно приобретались книги и классные принадлежности: тетради, бумагу, папки, ручки, чернила и т. п.¹⁷

Мариинское ведомство обеспечивало институток, находившихся на лечении в санатории, одеждой и обувью. Нужно полагать, она была удобной, теплой, позволяющей гулять на свежем воздухе в любое время года в климатических условиях Выборгской губернии. По списку «смен белья, одежды и обуви для воспитанниц в санатории Халила, по возможности последнего срока», датированному 1897 г., на воспитанницу полагалось по 8 пар рубашек и «кальсон», а также «пелеринки, рукавички, передники, носовые платки, чулки (из них 2 пары шерстяных)» по 12 смен, кофты, ночные чепчики и юбки — по 6 смен, ботинки — не менее 2 пар, галоши — по одной паре, платья — 3 смены, теплые шерстяные платки и капоры или шапки — по 1 штуке, по две пары шерстяных теплых перчаток, по 2 фуфайки — по назначению врача. У каждой девочки была зубная щетка, гребешок, губки и прочее. Планировалось купить всем институткам валенки до колена, приобрести или сшить драповое пальто «за колени», клоч или длинное пальто на вате¹⁸.

В 1900 г. для нужд воспитанниц в Петербурге О. С. Павловская купила швейную машинку, оплатила «надвязку 29 пар тонких шерстяных чулок шерстью (по 45 коп. пара), в центральном аптекарском уплатила за 24 куса молочного мыла... 10 фунтов очищенного мыла», «мятное молоко для приготовления зубного», льняные полотенца. Классная дама купила также тесьму, пуговицы, крючки, булавки, бумазю для домашних платьев, коленкор для подкладки, теплые вещи: фуфайки, валенки, галоши, башлыки, 24 пары прорезиненных валенок, резиновые накидки для всех детей и классных дам. Приобретались и летние вещи: кофточки, соломенные шляпки. В связи с покупками первый и единственный раз в доку-

ментах по истории Мариинского отделения появилось имя лечившейся в санатории институтки: были приобретены носовые платки специально для воспитанницы Александровского института Ольги Барановой¹⁹.

При этом руководство санатория, очевидно, понимало, что детей и подростков помещали в атмосферу комфорта, но полной закрытости, изолированности от внешнего мира, что для рубежа XIX–XX вв. было уже далеко не характерным. Вероятно, и поэтому большое внимание уделялось тому, чтобы вносить разнообразие в их санаторное существование, отвлекать от грустных мыслей. Большая роль в решении этой проблемы отводилась религии. Для санатория были приобретены несколько десятков книг религиозно-нравственного и богословского содержания, а для библиотеки Мариинского отделения — «книги для чтения в посту»²⁰.

Кроме того, для Мариинского отделения в 1900 г. была выписана газета-официоз «Новое время», а также популярный детский журнал «Родник». В отделении имелся гамак для отдыха на свежем воздухе. Девочки могли ловить рыбу в озере, для них были куплены удочки и крючки. В помещении институтки могли писать письма родным под контролем классных дам, рисовать — у них были цветные карандаши, краски, тетради для раскрашивания, играть в настольные игры — домино, биологическое и зоологическое лото, игру «Московский цирк». Они и их классные дамы играли на музыкальных инструментах — у них были «ноты для детских игр». В праздничные дни в санаторий могли приезжать музыканты. Имелись запасы материалов «для изящных рукоделий», для занятий переплетным делом, а также «бумага для цветов на куличи». Классные дамы организовали самодеятельный театр. Для него отделение располагало бубном, кастаньетами и альбомом народных танцев²¹.

Однако главной целью пребывания в санатории являлось лечение. Его результаты излагались в сухих строчках отчетов. Они содержат сведения и о юных пациентках Мариинского и Александровского отделений. В опубликованном отчете о работе санатория за 1902 г., включенном в состав архивного дела, имеется информация о 86 институтках из разных городов России. О самой младшей девочке сообщалось: «Санкт-Петербургское воспитательное общество благородных девиц. г. б. 11 лет. Сильное малокровие, головные боли, головокружение, частые расстройства кишечника. Плохой аппетит. В верхушке левого легкого выдых. 168 дней. Прибыла в весе 8,1 кг. Значительное улучшение общего состояния. Головных болей и головокружения нет. Аппетит хороший, отправления кишечника правильны. Небольшой выдых из верхушки левого легкого»²². Самочувствие старшей из воспитанниц характеризовалось так: «Александровский институт. г. г. 18 лет. Сильное малокровие. Головные боли,

сердцебиение, одышка, слабость. Аппетит плохой. Временами сухой кашель. 52 дня. Прибыла в весе 4,3 кг. Значительное улучшение общего состояния. Головных болей, сердцебиения, одышки и слабости нет. Аппетит хороший. Кашля нет»²³. Впрочем, девочки, больные туберкулезом, могли рассчитывать лишь на улучшение общего состояния²⁴.

Санаторий прекратил работу после обретения Финляндией независимости и заставил жителей окрестных деревень искать другие возможности заработка. В настоящее время здесь снова работает небольшой санаторий «Сосновый бор», по-прежнему использующий природно-климатические особенности местности.

¹ Путеводитель по Финляндии. СПб., 1913. Ч. 4 // Режим доступа: http://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=karelin_04&lang=ru (дата обращения: 12.03.2015).

² Первый отчет санатории для грудных больных Халила. За время с 1 июля 1889 по 15 ноября 1891 г. СПб., 1891. С. 3–18, 22–27.

³ V-летний отчет Императорской санатории для чахоточных больных в Финляндии. СПб., 1897. С. 13, 27.

⁴ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 762 (Контрольная экспедиция Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям императрицы Марии). Оп. 3. Д. 718. Л. 110–110об.

⁵ Там же. Л. 111; Д. 722. Л. 5; Ф. 759 (Собственная Е. И. В. канцелярия по учреждениям императрицы Марии). Оп. 86. Д. 14. Л. 141.

⁶ Там же. Ф. 759. Оп. 86. Д. 10. Л. 11.

⁷ Там же. Ф. 762. Оп. 3. Д. 715. Л. 28.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 759. Оп. 86. Д. 10. Л. 259; Д. 14. Л. 63.

¹⁰ Там же. Д. 12. Л. 30.

¹¹ Там же. Ф. 762. Оп. 3. Д. 721. Л. 15, 42, 43.

¹² Там же. Д. 715. Л. 7, 30, 62 об–63об.; Извлечение из отчета санатории Халила за 1894–1895 г. СПб., 1895. С. 9.

¹³ РГИА. Ф. 762. Оп. 3. Д. 715. Л. 6, 30, 64–65.

¹⁴ Там же. Л. 6 об., 11; Д. 721. Л. 5–6; Д. 728. Л. 1 об.; Д. 735. Л. 1; Д. 745. Л. 1 об., 7об.; Д. 751. Л. 1 об.; Д. 795. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Д. 715. Л. 9.

¹⁶ Там же. Д. 716. Л. 2–2 об.

¹⁷ Там же. Л. 5; Д. 721. Л. 16 об.

¹⁸ Там же. Д. 715. Л. 23.

¹⁹ Там же. Д. 716. Л. 5; Д. 721. Л. 15–16 об., 44 об., 46; Д. 734. Л. 56.

²⁰ Там же. Д. 716. Л. 5; Д. 726. Л. 84–85 об.

²¹ Там же. Д. 716. Л. 5; Д. 721. Л. 15, 44–44 об.

²² Там же. Д. 738. Л. 39; Отчет санатории Халила за 1902 год. СПб., 1903. С. 27.

²³ Там же. Д. 738. Л. 31; Отчет санатории Халила за 1902 год. С. 25.

²⁴ Там же. Д. 738. Л. 29–30.

Л. В. Суворова

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ ВО 2-й ПОЛОВИНЕ XIX века

Художественное образование в Великом княжестве Финляндском не завершается в середине столетия с организацией музейных и художественно-воспитательных учреждений, а получает во второй половине века дальнейшие импульсы. Приметами формирования художественной среды, особенно в провинции, стали разнообразные кружки, классы, общества, где обсуждали вопросы искусства, проводили выставки, обучали основам художественной грамоты. Устанавливаются более прочные связи со столичными учреждениями, подъем выразился не только в создании социокультурных институтов, но и в изучении традиций русского художественного образования, особенно академического. Известное отставание в общественном и экономическом отношении бывшей шведской провинции в XIX в. требовало ускорения поступательного развития. Причем эволюция финского общества играла важную роль в его истории. Открываются новые темы исторического прошлого, из жизни исчезнувшие, которым стараются сообщить жизненность и достоверность. И здесь художники были первооткрывателями. Элементы идеализации в трактовке образов, преобладание темного колорита, присущие мастерам середины столетия — влияние Дюссельдорфской школы, — исчезают. Неприязительная поначалу живопись Княжества Финляндского достигла в 1870–1880-х гг. вполне европейского уровня. На удивление быстро страна превратилась из провинции, в которой работали немногие и, как правило, иностранные художники, в страну с большими возможностями в области искусства.

С 1873 г. финские художники участвовали на академических выставках Петербургской Императорской академии художеств, что влекло за собой признание профессиональных заслуг и открывало возможности для творческого роста. С развитием промышленности, в свою очередь, требовалась подготовка квалифицированных специалистов, способных работать

на производстве и создавать конкурентоспособные товары. Эта ситуация существенно меняла характер обучения грамотных художников-исполнителей, потребность в которых с ростом машинной техники на производствах и общим развитием ремесел резко возрастала. Вклад талантливой художницы Ф. Курберг в эту область хорошо известен. Становление русского художественно-промышленного образования на примере Санкт-Петербургской рисовальной школы, созданной в 1839 г., несомненно, повлияло на формирование педагогической системы подобных финских учебных заведений. Здесь основной задачей стала подготовка художников среднего звена для работы в промышленности, но предусматривалась и другая цель: воспитание и подготовка учителей для будущих подобных художественных заведений. В 1880-х гг. Академия художеств разработала проект провинциального художественно-музейного учреждения, с передачей картин, скульптур и рисунков в данные учебные заведения. Без сомнения, этот проект оказал действенное влияние на усовершенствование системы преподавания художественных дисциплин. Как поздний пример может быть названа художественная школа, размещенная архитектором Уно Ульбергом (1879–1944) в правом крыле здания Школы искусств в 1930 г. для общества «Выборгские друзья искусства». Педагогические и эстетические принципы Академии были направлены на развитие классических (изящных) искусств — живописи, скульптуры и архитектуры, тогда как ремесла считались делом хотя и нужным, но второстепенным и не относящимся к сфере деятельности Академии художеств.

Когда в 1863 г. Общество финляндских художников стало давать стипендии для заграничных командировок, многие финны получили возможность учиться в Париже, посетить Италию или другие центры мировой культуры. Как русские подданные, финские художники обращались в Императорскую академию за разрешением на преподавание, и Государственный архив хранит несколько таких писем, а также за материальной поддержкой продолжения художественного образования за границей. В 1874 г. в Европу — сначала в Антверпен, а затем в Париж отправился А. Эдельфельт (1854–1905). Его родина — город Борго, где жили Й. Л. Рунеберг и В. Валгрэн. Первые уроки живописи А. Эдельфельт получил в Школе финляндского Художественного общества (1869–1871) и на Рисовальном отделении Университета. Художник прошел школу серьезного академического обучения в Академии изящных искусств у Жана-Леона Жерома. В Париже была его мастерская, важные заказы, из которых знаменит «Портрет Л. Пастера» (1885, Музей Орсе, Париж), рядом учились финские друзья — В. Валгрэн, Р. Стигел, А. Утила. Однако в 1879 г. было построено ателье на берегу залива в Хайко, где каждое лето художник

работал над темами финской действительности. Сейчас здесь музей. Его работы показывают техническое мастерство и широту содержания, с именем А. Эдельфельта связано начало реалистического направления.

А. Эдельфельт стал главной фигурой в области финско-русских художественных связей, длившихся почти тридцать лет. В архиве Академии художеств хранится личное дело художника, помеченное датами «1878–1905», где среди документов большой интерес представляют письма А. Эдельфельта, адресованные вице-президенту Академии графу И. И. Толстому и конференц-секретарю П. Ф. Исееву¹. Письма дают некоторые разъяснения по поводу сюжета исторической картины «Герцог Карл оскорбляет останки финского губернатора Класа Флеминга» (1878, Атенеум, Хельсинки) для посетителей выставки в Академии. Свидетельствуют о получении наград и звания действительного члена Петербургской академии в 1881 г., плате за акварель, выполненную в командировке на коронацию в мае 1896 г. Для портрета императора А. Эдельфельт заказывает раму у преподавателя класса резьбы по дереву Школы императорского Общества поощрения художеств С. Г. Волковысского (1839–1914). Николай II выказал восхищение тщательной работой мастера. Интересны сведения, приведенные художником — ему часто приходилось перевозить свои картины — по поводу размеров таможенного страхования: «Я никогда не мог понять, почему страхование из Гельсингфорса в Петербург стоит только 100 (за провоз картины), в то время как из Петербурга в Гельсингфорс — 300 и больше». М. Койвисто пишет, что права русских и финнов не были сбалансированы — финны пользовались более широкими правами в России, чем русские в Финляндии². В связи с постоянным вниманием, который художник проявлял к истории Финляндии и России, немаловажным представляется факт его присутствия на торжествах коронации в Москве. Из заданных четырех сюжетов художник выполнил две акварели — одна хранится в Эрмитаже, другая в Русском музее. Финский исследователь А. Рейтала подчеркивал, что ось, соединяющая ателье художника в Хельсинки с Парижем и Петербургом, стала главной магистралью его жизни³.

Звание академика было получено за картину «Похороны ребенка» (1878, Атенеум, Хельсинки). Художник выполнил работу летом в Хайко, захваченный пленэрными задачами, которые успешно решал его французский друг Ж. Бастьен-Лепаж. О представленном на выставке полотне В. В. Стасов (1824–1906) в заметках отметил, что «это прекрасная картина», которую отличает выразительность народных типов, тонкая живопись, светлые краски и свобода в передаче воздушной среды. В результате бытовые картины и сцены на открытом воздухе несли жизненную правду и расширяли жанровую тематику, которая утверждалась А. Эдельфельтом в

течение всей творческой жизни. Совсем другой мир — парижской городской жизни — показан в картине «В Люксембургском саду» (1887, Атенеум, Хельсинки). За деятельное участие в организации финских выставок художник был удостоен награды императора — звания кавалера ордена Св. Анны III степени. В 1903 г. А. Эдельфельт возглавил Финляндское художественное общество, но от предложения занять должность профессора в Академии художеств еще в 1897 г. он отказался, так как ждали многочисленные заказы. Но связи с Академией не прерывались — по его рекомендации и при участии С. Дягилева в мастерской И. Е. Репина стал учиться талантливый Ю. Риссанен (1907–1908). Чуть позже в залах учебного музея Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица открылась «Выставка русских и финляндских художников». Ее организатор С. Дягилев был одной из центральных фигур «Мира искусства». На выставке демонстрировались работы московских, петербургских и финляндских мастеров — Бломстеда, Эдельфельта, Энкеля, Галлена, Халонена, Ярнефельта, Валгрена и других. Выставка была перевезена в Москву, затем в Петербург. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже успехи финского искусства были оценены в международном масштабе, ряд художников — А. Галлен, Э. Ярнефельт, Ю. Риссанен — получили заслуженные награды. А. Эдельфельт являлся распорядителем всех работ по подготовке экспозиции, им было получено разрешение В. Н. Тенишева, комиссара русского отдела Всемирной выставки, на размещение экспонатов в отдельном павильоне «Финляндия». Художник входил в состав международного жюри. Выставка стала крупной организационной победой А. Эдельфельта. Среди представленных работ выделялась его картина «Рыбаки с дальних островов» (1898, Атенеум, Хельсинки), где с большой долей объективности были изображены уверенные в будущем жители нюландского побережья. Картина близка передовому искусству русских передвижников с их идейной программой — отражать жизнь со всеми острыми социальными проблемами. 1870-е годы явили общественное признание демократической живописи, это пора расцвета русского демократического реализма второй половины XIX столетия. В центре официальной школы — Петербургской академии художеств — идет борьба за право обратиться к реальной жизни, она выливается в отказ академистов писать программную картину на тему скандинавского эпоса. В. В. Стасов в статье «Нужно ли художнику образование» приводит слова И. Н. Крамского (1837–1887): «Ничто так, кто же этого не знает, не возвышает человека, как образование. Если вы хотите служить обществу, вы должны знать и понимать его, во всех его интересах, во всех проявлениях; а для этого вы должны быть самым образованным человеком. Ведь художник есть критик общественных явлений:

какую бы картину он ни представил, в ней ясно выразятся его мирозерцание, его симпатии, антипатии и, главное, та неуловимая идея, которая будет освещать его картину». На первое место И. Н. Крамской ставил художественную школу, как базу знаний; затем — величие предшественников и достойное образование. Чтобы стать художником, он считал, мало одного таланта, мало ума и счастливых материальных условий⁴. В стенах Санкт-Петербургской академии учились О. Клейне — у А. П. Боголюбова в 1870–1874 гг., Э. Ярнефельт — у П. П. Чистякова и М. К. Клодта (1883–1886), Х. Шерфбек у П. П. Чистякова в 1882 г., — известны имена двадцати обучавшихся и связанных с Академией художеств финнов⁵. Однако только один Г. Бакмансон, воспитанник Финляндского кадетского корпуса, офицер лейб-гвардии Измайловского полка, ученик П. П. Чистякова и П. О. Ковалевского, в 1899 г. получил диплом классного художника, сдав все требуемые экзамены.

Пенсионерство было оформлено в Уставе и стало одним из проявлений русско-французских и русско-итальянских связей, эта практика оказалась плодотворной и закрепилась в учебном процессе Академии вплоть до начала XX в. Пенсионерская поездка была рассчитана на три года и предполагала систематические занятия по специальности при Французской академии художеств и краткое путешествие по Италии ознакомительного характера. Каждый пенсионер отправлял в Академию отчет, ему придавалось большое значение, и эти рапорты заслушивались на заседаниях Совета. Данные документы хранятся в Госархиве Академии, есть среди них отчеты и финских мастеров второй половины XIX в. Пенсионерские картины и скульптуры передавались на хранение в музеи. Эти документальные свидетельства — ценнейший источник для исследований в области художественного образования. Общественное мнение Финляндского княжества пристально следило за работой своих «пенсионеров», о которых регулярно сообщала пресса. После В. Холмберга (1830–1860), пейзажиста-дюссельдорфца, мастера мирового уровня, наиболее известным финляндским художником, который обучался за рубежом, был сын поэта Вальтер Рунеберг (1838–1920), почти весь свой творческий потенциал скульптор сформировал в Италии. Его способности привлекли к себе внимание уже в ранние годы, и он был отправлен сначала на Карельский перешеек, где проводил летние месяцы барон П. К. Клодт, чьи скульптурные конные композиции были подарены королю Неаполя. В 1863 г. Рунеберг получил грант для обучения — 500 рублей от Художественного общества. После учебы в Копенгагене долгое время жил и работал в Риме. За присланную в Петербург работу «Спящий Амур» скульптор был избран академиком в 1874 г. Главные темы его произведений — античные, мифологические и библей-

ские аллегии. Он оставался неоклассиком на протяжении всей жизни. Он активно вводит в финскую скульптуру мрамор, который лишь в редких случаях прежде использовался в надгробной пластике. Первая большая мраморная скульптура «Аполлон и Марсий» (1874, Атенеум, Хельсинки) была прислана на родину, как и образцы других работ. В 1880-е гг. скульптор работает в области монументального ваия. Общественные монументы, с их идеей народного почитания выдающихся личностей, значительно обогатили искусство финской скульптуры. В. Рунеберга называли «финским Торвальдсеном»: датчанин Торвальдсен более сорока лет жизни посвятил Италии. В. Рунеберг в 1890 г. вернулся на родину. Им созданы эскизы памятника Й. Л. Рунебергу (1804–1877). Соперником скульптора в конкурсе на памятник Александру II стал его современник Й. Таканен (1849–1885), автор скульптуры Вайнемейнена в Монрепо (1871, утрачен в 1930). Он учился у К. Э. Шёстранда, затем в Копенгагене, далее в Риме. Й. Таканен любил работать в таком живом материале, как терракота. Его идеал женской красоты лишен традиционной академической сухости и холодной условности — «Айно», 1876; «Ребекка», 1877, «Андромеда», 1879 (все — Атенеум, Хельсинки). «Андромеду мастер сам перевел в мрамор. Серьезное влияние на мастерство Й. Таканена оказал А. Канова, с особым свойством его творческого метода «изобретать античное». Огромный памятник царю Александру II, который открыли в Хельсинки на Сенатской площади в 1894 г., является совместным творением двух «римских» скульпторов: Рунеберг создает аллегии (Закон, Свет, Мир и Труд), а фигуру самого императора изваяли по эскизу Таканена. Во время этой работы Й. Таканен скончался в Риме и был похоронен в Вечном городе. Скульптор был популярен в России, особенно в Выборге; его поддерживал известный мастер фортификации Э. И. Тотлебен.

Обучение живописи и проявление интереса к изучению искусства стало всеобщим явлением второй половины века. Местом паломничества стала не только Франция, но и Италия, а также Испания. Уже по традиции ученик К. Э. Шёстранда скульптор Р. Стигел (1852–1907) с 1872 г. в течение четырех лет посещает Академию св. Луки в Риме. Приехав в Венецию, а затем в Рим в 1876 г., А. Эдельфельт встречается с живущими здесь скульпторами Рунебергом и Стигелом. Сам он неоднократно бывал в Италии — Милане, Вероне, Флоренции, Фьезоле. Надо отметить развитие меценатства: поддержка художников как частными лицами, так и государством превратилась в дело чести всего финляндского общества. А в 1890-х гг. увеличение интереса к монументальному искусству вызвало многочисленные поездки художников к памятникам раннего итальянского Возрождения. Прежде всего, это живописцы А. Галлен, П. Халонен, Ю. Риссанен,

Х. Симберг. В Италии работают Гебхард и Ярнефельт. Воскрешая героев древней Калевалы, А. Галлен (1865–1931) создает особую орнаментально-эпическую форму, придавая большое значение декоративным свойствам цвета, рисунку и пластике. Плоскостный характер темперной живописи, которую художник изучал в Помпеях, приблизил его к задаче создания огромного размера композиций, напоминающих итальянские фрески. Композиция «Куллерво в походе» (1901) для стены Музыкального дома студентов (1870) навеяна одним из произведений С. Мартини «Кондотьер Гвидориччи да Фольяни» (1328, Палаццо Публико, Сиена). Художник выполнил серию фресок для финского павильона 1900 года в Париже на калевальские темы. Они представлены в Национальном музее в Хельсинки, где умело вписаны в сложные развороты стен. И. Е. Репин⁶ изображает А. Галлен-Каллелу (с 1906 г. фамилия художника становится двойной) на переднем плане своего полотна «Финские знаменитости» (1920-е гг., Атенеум, Хельсинки). Вершиной монументального творчества П. Халонена (1865–1933) стала картина «Возвращение с работы» (1907, Музей в Похьянмаа, Вааса) — одно из ценнейших живописных произведений по своей законченности, гармонии и простоте, написанная по следам знакомства с итальянской фреской. Фредрик Сигнеус (1807–1881), ректор Университета и поэт, является влиятельной фигурой в интеллектуальной и культурной жизни. Именно Сигнеус в 1860 г. представил на рассмотрение Художественного объединения план по его преобразованию в Академию художеств. Но средств тогда и возможностей для ее организации не было. В 1887 г. величественный Атенеум (от *Athene* — покровительница искусств и наук, архитектор К. Т. Хейер) был освящен как художественная школа и музей. Всего за несколько десятилетий Финляндия, страна, в которой, по словам З. Топелиуса (1818–1898), имелось «больше того, чего нет», опираясь на ценности классики, из провинции стала одной из наиболее активных многообещающих стран в процессе развития европейской культуры.

¹ Во главе Императорской Академии художеств. Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. М., 2009. С. 40.

² *Койвисто М.* Русская идея. М., 2002. С. 87.

³ *Рейтала А.* Дружба под сенью политики. Введение в историю российско-советских и финских художественных взаимосвязей / Рукопись. 1980. С. 5.

⁴ *Стасов В. В.* Нужно ли образование художнику // Избранные сочинения. М., 1952. Т. 3. С. 201.

⁵ *Ниронен Я.* Финский Петербург. СПб., 2003. С. 204.

⁶ *Балаценко Ю. Д.* Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты» // Курортный район. Страницы истории. Вып. 8. СПб., 2013. С. 108.

О. А. Яковлев

ЗАКОНОПРОЕКТ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ «О МЕРАХ К РАСШИРЕНИЮ ПОЗНАНИЙ ФИНСКОГО И ШВЕДСКОГО ЯЗЫКОВ СРЕДИ РУССКОЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ» В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В октябре 1911 г. в Государственную Думу III созыва поступил законопроект Министерства народного просвещения (МНП) «О мерах к расширению познаний финского и шведского языков среди учащейся молодежи».

Разработка этого документа была вызвана правительственными интересами: необходимостью «обеспечения гражданского управления Финляндии должностными лицами, преданными государственным интересам и знающими местные языки»¹, так как «знание местных языков в значительной степени облегчает и упрощает лицам административной службы исполнение возложенных на них правительством обязанностей»². Наряду с этим Министерство отмечало, что оно стремится поддерживать и развить в более широких размерах проявившееся стремление к изучению местных языков среди русских учащихся Александровской Гельсингфорской гимназии и Выборгского реального училища.

Именно в этих двух учебных заведениях на территории Великого княжества Финляндского, предназначенных для русских детей, велось преподавание шведского и финского языков. В Александровской Гельсингфорской гимназии в 1887 г. было введено преподавание финского и шведского языков для гимназистов, желающих поступить в местные высшие учебные заведения. При этом они освобождались от изучения греческого языка, что лишало их права получения аттестатов зрелости и поступления в университеты на территории России. Это ограничение было отменено высочайшим повелением от 17 декабря 1905 г., в связи с тем, что в 1903 г. изучение греческого языка стало необязательным. В мужских гимназиях обязательным стало изучение французского и немецкого

языков, но повелением от 17 декабря 1905 г. учащимся Гельсингфорской гимназии было предоставлено право «по желанию родителей» заменить изучение одного из «новых» языков финским или шведским языком.

В другом русском учебном заведении на территории Финляндии — Выборгском реальном училище — в 1889 г. было разрешено ученикам по их желанию изучать финский язык взамен французского.

До 1905 г. действовало ограничение на поступление в высшие учебные заведения России для учащихся Гельсингфорской гимназии, изучавших финский язык. Оно привело к тому, что, по данным учебно-окружного управления, «с 1887 по 1905 г. число изучавших местные языки русских учеников Гельсингфорской гимназии колебалось в пределах от 1 до 8»³. Отмена данного ограничения привела к росту числа гимназистов, изучающих финский и шведский языки: в 1906/1907 учебном году до 19 учащихся, а в 1910/1911 учебном году — до 26⁴.

В связи с этим законопроект Министерства народного образования предлагал «упорядочить преподавание местных языков в Гельсингфорской гимназии и Выборгском реальном училище»⁵ и ввести в последние преподавание шведского языка. Вместе с тем Министерство намеревалось организовать преподавание финского и шведского языков в некоторых мужских гимназиях и реальных училищах Петербурга, заменив ими изучение французского или немецкого языка.

Для поощрения русских учащихся к изучению финского и шведского языков должны были учредить стипендии в размере 100 рублей, что соответствовало годовой плате за обучение в гимназии и расходам на классные пособия. В Петербурге предполагалось учредить 24 стипендии, в Выборге и Гельсингфорсе — 6⁶.

Из-за возможной проблемы обеспечения учебных заведений преподавательскими кадрами Министерство предлагало предоставить право русским подданным, владеющим соответствующими языками, сдать экзамены для получения права преподавания. Для изучавших финский и шведский языки в средних учебных заведениях, по мнению Министерства, должна быть предоставлена возможность их дальнейшего изучения в Университете. Для этого законопроект предусматривал учреждение в Императорском Санкт-Петербургском университете должностей лекторов финского и шведского языков и назначение стипендий по 400 рублей в год 6 студентам (трем обучающимся шведскому языку и трем — финскому языку)⁷.

Министерство также предлагало «для полного и всестороннего изучения названных языков, а равно и для ознакомления с культурой, бытом, нравами Финляндии и Швеции»⁸ командировать шесть выпускни-

ков университета в названные страны на двухлетний срок пребывания с ежегодной стипендией в 1500 рублей. По окончании подобной стажировки каждый стипендиат должен был получить назначение и прослужить на государственной службе не менее полутора лет.

В своем заседании от 15 октября 1911 г. совещание Государственной Думы предложило передать законопроект Министерства народного просвещения «в комиссию по народному образованию и на заключение бюджетной»⁹. Думская комиссия по народному образованию 1 декабря того же года рассмотрела данный законопроект в присутствии директора Департамента народного просвещения МНП. Она признала, что «знание местных языков не только желательно, но даже необходимо, для успешного выполнения правительственными чинами лежащих на них обязанностей»¹⁰. Поддержав предложение по введению преподавания финского и шведского языков в Санкт-Петербургском Императорском университете, учреждению стипендий и командировок в Швецию и Финляндию для студентов, изучающих шведский и финский языки, Думская комиссия выступила решительно против введения преподавания данных языков в средних учебных заведениях Петербурга. В свою очередь, Комиссия предложила правительству организовать доступные бесплатные курсы для желающих изучать шведский и финский языки и привлекать на государственную службу лиц, знающих местные языки.

В свою очередь, бюджетная комиссия на заседании 22 мая 1912 г. исключила из законопроекта стипендии для студентов, которые будут изучать шведский и финский языки в Санкт-Петербургском Императорском университете и могут быть направлены на стажировку в Швецию и Финляндию¹¹.

5 июня 1912 г. данный законопроект был принят без прений в редакции бюджетной комиссии¹², а затем он был передан в Государственный совет для дальнейшего рассмотрения, но был отклонен¹³. Таким образом, законопроект Министерства народного просвещения, в котором предлагалось ввести преподавание шведского и финского языков в Санкт-Петербургском Императорском университете, не был воплощен в жизнь. Лишь в советский период истории в Ленинградском государственном университете началось преподавание финского (с 1925 г.) и шведского (с 1935 г.) языков¹⁴.

¹ Приложение к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 5. Том 5. СПб., 1912. (№ 783). С. 2.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же.

⁹ Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 5. СПб., 1911. Стлб. 14–15.

¹⁰ Приложение к стенографическим отчетам Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 5. Том 5. (№ 783). С. 5.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 5. Стлб. 3604.

¹³ Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. I. С. 326.

¹⁴ Материалы к истории филологического факультета СПбГУ // *Дубровина З. М.* 50 лет финно-угорской филологии в Ленинградском университете (1925–1975 гг.). С. 191; *Жаров Б. С.* Кафедра скандинавской филологии. С. 183. Режим доступа: http://philarts.spb.ru/about/history_articles/history-kafedr

А. В. Востров

ШВЕДСКИЙ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ В ФИНЛЯНДИИ В XIX в.е. ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ ДВУХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА

Противопоставление «Королевский Або» — «Имперский Гельсингфорс» стало красной нитью всей финской истории: Або в умах обывателей ассоциировался со Стокгольмом, Гельсингфорс — с Петербургом. И если на протяжении XIX в. Або, по традиции поддерживая контакты со Стокгольмом, постепенно становился провинцией, то превращение Гельсингфорса в «настоящую столицу» происходило быстрыми темпами. Таким образом, основной исторический стержень страны Турку — Хельсинки — Выборг, упираясь одним концом в Упсалу и Стокгольм, а другим — в Великий Новгород и Санкт-Петербург, на протяжении веков пытался найти равновесное положение.

Швеция, несомненно, сыграла важнейшую роль в формировании финляндской идентичности (в первую очередь культурной). Однако именно Россия позволила вырасти независимому самосознанию до уровня нации, подталкивая развитие национального языка: весь XIX в. на шведском языке зрела национальная финская идея, которая воплотилась в независимость в 1917 г., в один из узловых моментов российской истории. Но помимо Швеции и России существенную роль в истории страны сыграли немецкие земли: бюргеры-торговцы составляли значительную часть населения Або (Турку) и Выборга.

Граничные явления труднопредсказуемы в естественной науке, так же как и последствия первых контактов двух христианских культур на Карельском перешейке: наметившаяся граница вынудила карело-финские народности принимать ту или иную сторону в этнополитической борьбе¹, в которой сила тяготения к Швеции в течение веков сменялась движением в сторону России. Это накладывало отпечаток на мироощущение финнов, но при этом финноязычные крестьяне, составлявшие большинство страны, всегда оставались самодостаточным элементом, сложно сочетаемым с другими этнографическими группами, «сталки-

вавшимися» на финских землях. Особое место среди жителей финских земель занимали шведоязычные аристократы, бюргеры и крестьяне, возникшие как «граничный эффект». Их мироощущение, с одной стороны, определялось шведскими корнями, с другой стороны, финляндская традиция вовлекала их в финскую ментальность.

В середине XIX в. национальный идеолог Й. В. Снельман высказал парадоксальное суждение о том, что для Финляндии большей пользой могло стать, если бы Швеция сделала свой язык всеобщим. Таким способом культурный уровень финской нации оказался бы на порядок выше². Однако позднее он уже не был столь категоричен. Тем не менее нельзя отрицать, что зарождение финской национальной идеи началось еще в шведские времена, когда финляндская аристократия отстаивала, прежде всего, свои интересы, часто отличные от позиции Стокгольма.

Финский язык, на котором говорили сельские жители Финляндии, до начала XIX в. оставался во второстепенном положении по сравнению со шведским и немецким языками. Несмотря на труды М. Агриколы (1510–1557) и внимание королевской власти, финский язык находился в статусе «кухонного»: только церковная литература издавалась на финском — административные распоряжения и указы выходили на шведском³. Однако процент шведоговорящих в Финляндии оставался невысоким (14,6 % от общего числа населения в 1815 г.)⁴. Это создавало определенный дисбаланс. Кроме того, шведский язык преимущественно использовался населением городов, а финский — крестьянским сословием.

Ситуация безоговорочного доминирования шведского языка сохранялась вплоть до Фридрихсгамского мирного договора 1809 г., ставшего итогом Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и утвердившего присоединение Финляндии к Российской империи. Великое княжество оказалась в новых условиях, которые на первый взгляд подразумевали смену языка управления на русский. Однако миролюбивая политика Александра I в отношении Финляндии оставила многие традиции княжества без изменений, лишь сменив вектор развития от шведского к финскому.

В то же время шведоязычная аристократия Финляндии оказалась перед выбором: поддержка русских властей или эмиграция на другой берег Ботнического залива (им было предоставлено три года на принятие решения с сохранением всех имущественных прав на это время)⁵. Однако большинство предпочитало автономную Финляндию в составе России, так как Швеция проявляла слишком малый интерес к своей восточной провинции на протяжении последнего столетия, да и сил на ее удержание не хватало. Присоединение к Российской империи предоставляло княжеству большие экономические перспективы, а политика умиротво-

рения со стороны России и «показательное выступление» Александра I на сословном сейме в Борго в 1809 г. убеждали в правильности такого решения.

Наиболее ярким примером шведоязычного финского аристократа, принявшего русскую сторону, является Густав Мориц Армфельт (1757–1814), который за короткое время стал фаворитом и доверенным лицом Александра по финляндским вопросам (он перешел на русскую службу в 1811 г.). Самым значимым из его достижений считается обратное присоединение Старой Финляндии к Великому княжеству в 1812 г. Также он начал процесс переноса столицы княжества и университета из Або (Турку) в Гельсингфорс (Хельсинки)⁶, стремясь обезопасить столицу от прямого шведского влияния, к которому западное побережье Финляндии было склонно.

Наряду с вышеуказанными действиями он предпринимал попытки внедрить русский язык в делопроизводство, тем самым стараясь уменьшить использование шведского языка. Его языковая идея была глобальной и утопической: сделать русский язык официальным всего за пять лет. Однако в Финляндии не было ни условий (преподавателей, учебников), ни стремления аристократов и чиновников, ни желания учеников к осуществлению такого глобального проекта⁷.

Несмотря на отделение Финляндии от Швеции, сильное влияние бывшей метрополии ощущалось еще несколько десятилетий и особенно сильно проявлялось в юго-западной и северо-западной областях страны. Причины крылись не только в экономическом факторе и идеологии единого культурного прошлого: язык доминирующего меньшинства теперь принадлежал враждебному государству и отличался от языка новой метрополии. Именно язык должен был оказать влияние на будущее страны как части Российской империи, что и попытался предвосхитить Армфельт, инициируя реформу по введению русского языка. Он не учел, что Финляндия, уже зараженная «вирусом» национального самосознания и окрыленная обещаниями русских властей (прежде всего императора), не принимала такого поворота событий.

Одним из первых, кто громко заговорил о финском национальном пробуждении, стал историк и журналист А. И. Арвидсон (1791–1858). Ему долгое время приписывали крылатые слова «Мы не шведы, русскими мы никогда не станем, так будем же финнами»⁸. Он одним из первых выстроил языки княжества по степени их важности: финский, русский, шведский, немецкий и французский. Таким образом, финский язык постепенно завоевывал себе место национального языка — пока только теоретически.

В 1822 г. в Университет одновременно поступили три человека, в значительной степени повлиявшие на формирование финского самосознания: Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877), Элиас Лённрот (1802–1884) и Йохан Вильгельм Снельман (1806–1881). Рунеберг и Лённрот подхватили идеологию епископа Тёнгстрема, который идеализировал свой народ и утверждал о потенциальном его богатстве. «Охотники на лосей» Рунеберга и «Калевала» Лённрота первыми громко озвучили эту идею — на шведском и на финском языках соответственно. «Финляндия как нация строилась вокруг идеи о финской национальной сути, предложенной Рунебергом», — отмечает финский историк М. Клинге⁹. И строилась на шведском языке: поначалу возникали сложности при переводе Рунеберга на финский язык из-за недостаточной литературности народного языка. Поэтому «Калевала» Лённрота завоевала признание на родине и за рубежом только после перевода на шведский язык в 1841 г.

Экономическая зависимость Финляндии от Швеции продолжалась вплоть до 1840-х гг.: только в результате денежной реформы 1840 г. шведские деньги на территории княжества были запрещены, что окончательно сделало Швецию заграницей. В идеологическом плане Швеция становится заграницей также в 1840-е гг. благодаря Университету, который пропагандировал образ единой Финляндии, при этом сохраняя лояльность императору¹⁰. Тем не менее Снельман высказывал пессимистичные тезисы о ее будущем, в которых, в частности, утверждалось: «У образованной (шведской) части населения нет ни малейшего интереса к тому, чтобы способствовать духовному и светскому развитию необразованной (финской) части...» Поэтому, по его мнению, особенно важно развивать финский язык, ведь «сила маленькой нации может быть только в культуре»¹¹.

Таким образом, языковой вопрос, который преобладал в общественных дебатах в Финляндии более ста лет, зародился именно в эти годы (под влиянием негативно настроенного Стокгольма) и вел к постепенному, но ощутимому социальному и культурному разделению общества по языковому признаку. Однако еще одной немаловажной деталью являлось то, что развитие Университета (при поддержке русских властей) увеличивало влияние шведского языка на студенчество и элиту страны: до середины XIX в. преподавание велось исключительно на шведском языке.

Северо-западное побережье Финляндии (Эстерботния) имело наиболее крепкие экономические и культурные связи со Швецией вплоть до конца XIX в., что вело к относительной маргинализации этой губернии. Широкое использование шведского языка, однако, не сближало местное крестьянство с шведоязычной аристократией Финляндии — они

представляли два разных сословия. В 1855 г. стокгольмский журналист А. Солман опубликовал статью, в которой привлек внимание к шведоязычной компоненте финского общества и к ответственности финляндской элиты к защите интересов этой группы под напором растущего финского самосознания. Несколькими годами позже преподаватель и поэт Ф. Сигнеус представил проект о необходимости просвещения шведоязычных простоллюдинов Финляндии¹². И. Ф. Сигнеус и Й. В. Снельман вели острую полемику, направленную против стокгольмских эмигрантов и кругов Хельсинки, выражавших восхищение Швецией и забывавших о важной связи Финляндии с Россией, которая была необходима стране для осуществления социально-языковой программы, а также для политических и экономических реформ.

Важным связующим звеном между Россией и Финляндией стали офицеры. Широкие перспективы, открывавшиеся при поступлении в русскую армию, делали очень заманчивым движение в сторону Петербурга, тем более что языковых препятствий не возникало: французский язык являлся *lingua franca*. По возвращении на родину финские офицеры не пользовались недостаточно изученным русским — они возвращались к родному шведскому или к французскому, уместному в финляндских салонах. Даже организация в 1878 г. в Великом княжестве собственной армии, где могли служить только граждане Великого княжества¹³, не изменило ситуации в целом, хотя языком отдачи команд являлся русский. Таким образом, Финляндскому кадетскому корпусу была присуща русская ориентация, а Университету — «домашняя» и во многом шведоязычная¹⁴.

Европейский радикализм конца 1840-х гг., Крымская война (1853–1856) и вступление на престол Александра II (1855) подтвердили финскую лояльность по отношению к России. Особенно важным для страны стал созыв на регулярной основе четырехсословного сейма (1863). С точки зрения положения финского языка основополагающим стал рескрипт 1863 г.: финский язык уравнивался в правах со шведским языком в течение двадцати лет — язык большинства становился официальным.

Усиление фенномании привело к появлению ответного движения — свекомании, которое позже неоднократно влияло на радикализм фенноманов. Позиция свекоманов представляла собой смесь скандинавизма и антирусской ориентации; их стремление к шведскому языку и союзу с близкой по духу Швецией вызывала в обществе (в первую очередь в радикальном студенчестве) брожения и ответные действия русских властей (например, короткое введение цензуры и запрета печати книг на финском языке), что не могло не вызывать неприятие фенноманов.

Вопреки растущей фенномании оплотом свекоманов оставались города Выборг и Або. В торговом Выборге давние экономические связи с Прибалтикой привнесли в местное бюргерство ярко выраженный немецкий компонент, для которого были важны связи со Швецией (языковое разнообразие Выборга достигло расцвета в XVIII в.: в городе говорили на финском, шведском, немецком и русском языках). В Або, приближенном к Стокгольму в географическом, историческом, языковом и идеологическом планах, преобладала прошведская позиция местных шведоязычных судовладельцев и торговцев.

Й. В. Снельман, наблюдая разраставшийся языковой дуализм Финляндии, выразил надежду, что языковая революция не перерастет в общественную¹⁵. Его предположение об «опрощении» элиты путем смены языка на народный финский воплотилось лишь частично: шведоязычная элита отдавала своих детей (прежде всего мальчиков) в финские школы, понимая общую языковую тенденцию страны. Но речь шла не о смене языка (дети становились билингвами), а лишь об овладении «главным» официальным языком, коим финский язык стремительно становился. В результате образованный класс разделился на сторонников финского и шведского языков, что в дальнейшем породило расслоение общества на финские и шведские семьи. Однако при этом чувство национального единства между ними не терялось.

Несмотря на моду на финский язык среди многих шведоязычных аристократов, до начала XX в. шведский язык оставался основным языком культуры Финляндии. Предлагаемая в Великом княжестве литература была большей частью шведоязычной (часть книг завозилась из Швеции), и лишь с 1890-х гг. возросло количество ее переводов на финский язык, увеличилось количество именно финноязычных произведений. В 1860-е гг. расцвел Новый театр на Эротта в Гельсингфорсе (*Nya teatern* — сейчас Шведский театр), который принимал актеров из Швеции, в том числе с целью улучшения шведского языка: в те годы театральный язык считался эталонным.

В середине XIX в. социально-экономическое влияние Стокгольма постепенно сменилось влиянием Петербурга, а на стыке двух «культурных дорог» оказались главные финские центры: Або, Гельсингфорс и Выборг, которые одновременно испытывали влияние шведского и русского языков. Тем не менее шведский язык как язык культуры Финляндии был на тот момент вне конкуренции, хотя французский, немецкий и русский языки могли изредка его подменять в общественной жизни. По мере того как аристократия самой России русифицировалась в ущерб французскому и немецкому языкам, в Финляндии возникала все большая необхо-

димось в русском языке для усиления контактов с метрополией, что не впечатляло ни фенноманов, ни свекоманов.

Многоязычие Финляндии проявилось особенно ярко при открытии сейма в 1892 г., когда генерал-губернатор зачитал приветственную речь императора по-русски, а сенатор зачитал ее перевод на шведском и финском языках. Ответные речи ландмаршала, председателя духовного и крестьянского сословий, председателя сословия мещан прозвучали, соответственно, по-французски, по-фински и по-шведски¹⁶. Такое разнообразие не отражало реальное соотношение «языковых сил» на рубеже веков: финский язык оставался языком большинства, над которым все еще доминировал административный и культурный шведский с редкими вкраплениями русского.

Во второй половине XIX в. символом развивающейся Финляндии стали Сайменский канал и железная дорога. Канал, соединивший Выборг с системой озер Саймаа, был открыт в 1856 г. и увеличил в несколько раз речные грузоперевозки с Россией. В 1870 г. было завершено строительство железнодорожного пути между Хельсинки и Петербургом, ставшей главной финляндской транспортной артерией. В годы экономического кризиса ее строительство дало работу многим финнам, а Выборг обрел дополнительный экономический потенциал: благодаря железной дороге русские дачники заполнили Карельский перешеек, усилив контакты местных жителей с русскими.

Однако возросшее русское влияние вошло в резкое противоречие с интересами самой финской культуры, стремившейся к самоутверждению. В 1890-х гг. финские городские власти (в первую очередь в Выборге) были озабочены тем, что притягательная мощь Петербурга толкала местных жителей на заработки в имперской столице, а не на заботу о собственной земле (до 1917 г. 1–3 % жителей Санкт-Петербурга составляли финны)¹⁷. Возникла еще одна плоскость языковых отношений — приграничная: русскоязычные дачники Карельского перешейка приносили в финский обиход новые слова, тем самым формируя особый приграничный диалект. Влияние приезжих распространялось не только на язык, но и на привычки, что частично отдаляло приграничных финнов от жителей остальной Финляндии.

Поэтому националистические круги Финляндии начали активно высказываться против русификации Карельского перешейка, на что обратили внимание русские средства печатной информации во время громкой полемики вокруг автономного статуса Великого княжества¹⁸. Карельский перешеек стал по сути единственной большой точкой языкового соприкосновения Финляндии и России — практически безуспеш-

ные попытки русификации финских чиновников стали разочарованием Петербурга времен Александра III и Николая II. Кроме того, пограничное русскоязычное влияние являлось вторичным по отношению к главному языковому контрапункту «шведский-финский-русский».

Несмотря на рескрипт 1863 г. о введении финского языка в статус официального в течение 20 лет, на практике «вхождение» финского языка в делопроизводство заняло гораздо больше времени. Например, в 1897 г. в прошении финских крестьян императору Николаю II отмечалось, что финский язык оставался второстепенным: языком официальных учреждений являлся шведский, а финноязычные просители довольствовались листом с переводом¹⁹.

Прошение крестьян неожиданно дало обратный эффект в 1899 г.: вместо упрочения «финскости», которое имело в виду крестьянское сословие, на первый план выдвинулся вопрос о роли общегосударственного русского языка в Великом княжестве. Февральский манифест о порядке издания законов 1899 г. окончательно закреплял за финляндским сеймом только консультативную роль, его несогласие теперь не препятствовало введению законов на территории Великого княжества.

На самом деле политика русификации Финляндии началась раньше — еще при генерал-губернаторе Ф. Гейдене в конце 1880-х — начале 1890-х гг. Но она имела менее резкие черты, несмотря на желание статс-секретаря по делам Финляндии В. фон Дена, имевшего тесный контакт с Александром III, который предлагал оставить шведскому языку только статус «дозволенного местного». Идея была настолько радикальной, что даже Ю. С. Юрье-Коскинен (1830–1903), лидер фенноманов, ее не поддержал.

Программа Ф. Гейдена предполагала одновременно с усилением роли финского языка повысить статус русского языка: ослабление шведского языка, по его мнению, прокладывало дорогу русскому языку, который, являясь более развитым языком, должен был занять место финского языка в среде образованного общества.

Таким образом, начало XX в. стало кульминационным моментом в языковой истории Финляндии «русского образца». Начало политического и языкового давления на Великое княжество связано с уже упомянутым Февральским манифестом, а в 1900 г. издается манифест о введении русского языка в делопроизводство, который предписывал поэтапное введение языка в Сенате, центральных учреждениях и губернских управах в течение 5 лет. Кроме того, в 1902 г. издается положение об окончательном уравнивании в правах финского и шведского языков — тем самым было выполнено обещание, данное Александром II в 1863 г.²⁰

Новый генерал-губернатор Финляндии Н. И. Бобриков, вступивший в должность в 1898 г., серьезно повлиял на ситуацию внутри Великого княжества и на критическое отношение финляндцев к Российской империи. Жесткие действия генерал-губернатора, основанные на поддержке Петербурга, введение чрезвычайного положения на три года в 1903 г. (так называемый «режим диктатуры») привели к его убийству в 1904 г. Лишь Великая петиция 1899 г. (*Suuri adressi*)²¹ и революционные события 1905 г. в самой России позволили избежать Финляндии больших репрессий — решение проблем окраин империи было отложено.

Второй период языкового давления начался в 1909 г., а в 1910 г. был принят закон об общегосударственном законодательстве, на основе которого формируется «Большая программа русификации». Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г., помешала воплотиться программе, оставив практически неизменным автономный статус Финляндии.

Вопреки предпринятым мерам, языковая реформа, которая должна была ввести обязательный русский язык в систему образования, провалилась из-за неподготовленности реформы (в первую очередь нехватки преподавателей русского языка), протестов, а временами и бойкота русскоязычного обучения финскими преподавателями, учениками, студентами. Но интересно, что пункт программы Н. И. Бобрикова, который касался введения обязательного русского языка в образовании, соответствовал идее Г. М. Армфельта, представленной им еще в первые годы присоединения Финляндии к Российской империи, но не воплощенного из-за своей утопичности.

Напротив, программа по введению финского языка в средних школах, начатая в 1883 г. и поддержанная лидером фенноманов Юрьё-Коскиненем, а также появление большого количества частных школ и лицеев, поддерживаемых государством, вырастила в 1880–1890 гг. новое поколение студентов и чиновников, «думающих по-фински»²². Их оппозиция свекоманам, ориентированным на Швецию и на «вечный шведский язык», становилась все более мощной и вела в том числе к уменьшению роли шведского языка в повседневной жизни. Тем не менее на почве общего негативного отношения к русскому языку наметился некоторый союз между фенноманами и свекоманами, но разница в подходе к литературе и культуре все равно оставалась.

Шведский язык, оказавшись «зажатым» между финским и русским языками и чуждый большинству жителей княжества (см. таблицу), терял позиции, но сохранял достаточно силы, чтобы оставаться языком аристократии и культуры. В то же время быстро набирающий силу финский язык ощущал давление русского языка, усилившееся после 1899 г. Но

громкие реплики фенноманов о тотальной русификации были скорее политическим приемом или паникой: целью царской администрации было лишь введение русского языка в сферу государственного управления Великим княжеством и частично в университет, как это было осуществлено в Прибалтике.

Замыслы по русификации княжества не могли реализоваться в полной мере, так как не язык связывал Финляндию, изначально двуязычную, а конституционные законы, которые защищали обе языковые группы. Так или иначе после окончания «бобриковского режима» страна сплотилась: в политическом смысле из-за усилившегося давления русских властей, в экономическом — из-за быстро развивающейся сети железных дорог, давших работу многим финляндцам. Мысль о независимости Финляндии становилась все более желанной для всех сословий финского общества, однако последствия революционных событий 1917 г. в России для многих из них оказались неожиданными.

Таблица.
Соотношение носителей языка в Финляндии в 1865–1920 гг.²³

Год	Население, тыс. чел.	Финно- говорящие, %	Шведо- говорящие, %	Русско- говорящие, %	Другие языки, %
1865	1843	85,7	13,9	0,2	0,2
1880	2061	85,2	14,3	0,2	0,3
1890	2380	86,1	13,6	0,2	0,1
1900	2713	86,8	12,9	0,2	0,2
1910	2921	88,0	11,6	0,3	0,1
1920	3105	88,7	11,0	0,2	0,1

¹ Восточные карелы именовали западных карел шведами, несмотря на близкое языковое родство.

² Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 58.

³ Все государственные указы зачитывались крестьянам по-шведски, что могло привести к потере имущества, если священник не объяснял крестьянам суть указа.

⁴ По материалам Suomen Tilastollinen Vuosikirja. Hels., 1882–1922.

⁵ Луото Р. Т. А., Талвитуе Х., Висури П. Русско-шведская война 1808–1809. Финляндия между Швецией и Россией. Эспоо, 2009. С. 288.

⁶ Процесс переноса столицы завершился в 1817 г., а Университета — в 1827 г.

⁷ Вихавайнен Т. Столетия соседства: размышления о финско-русской границе. СПб., 2012. С. 33.

⁸ Современные историки склоняются к версии, что фраза принадлежит Г. М. Армфельту. См.: Вихавайнен Т. Столетия соседства: размышления о финско-русской границе. С. 28.

⁹ Клинге М. На чужбине и дома. СПб., 2005. С. 199.

¹⁰ Клинге М. Столица. Хельсинки, 2012. С. 215.

¹¹ Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 153.

¹² Клинге М. На чужбине и дома. С. 215.

¹³ Термин «гражданство» вошел в обиход с 1830-х гг.: русским требовалось специальное разрешение на проживание.

¹⁴ Клинге М. На чужбине и дома. С. 18–19.

¹⁵ Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 344.

¹⁶ Клинге М. Имперская Финляндия. С. 337.

¹⁷ Энгман М. Финны и шведы в Санкт-Петербурге в XIX — начале XX в. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции (25–26 апреля 2003 г.).

¹⁸ Яковлев О. А. Периодические издания о Финляндии в Санкт-Петербурге (1845–1910 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14–16 апреля 2004 г.).

¹⁹ Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 90–94.

²⁰ Оно имело силу вплоть до 1922 г., когда был принят закон о языке независимой Финляндии, и оказало существенное влияние на становление языковой ситуации в стране.

²¹ Великая петиция была отправлена Николаю II в ответ на Февральский манифест и действия генерал-губернатора. За 11 дней было собрано 522 тысячи подписей (в тот момент в Финляндии проживало около 2,5 миллиона жителей).

²² Клинге М. Имперская Финляндия. С. 339.

²³ По материалам Suomen Tilastollinen Vuosikirja. 1882–1922.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

УДК: 359(47) «1917»

Бажанов Д. А. Русская морская контрразведка в Финляндии в марте—октябре 1917 г.: организация и структура

Предлагаемая статья посвящена малоизученному сюжету становления русских военно-морских спецслужб в Финляндии в сложных условиях революционных событий 1917 г. Показано влияние как политических перемен, выразившихся в активном вмешательстве в круг вопросов контрразведчиков революционных органов власти, так и противоречий, сложившихся в системе управления контрразведкой в предреволюционные годы. Также предпринята попытка показать специфику Финляндии, где пересекались интересы не только сухопутного и морского командования, но и пограничной охраны.

Bazhanov D. A. Russian naval counterintelligence services in Finland in March—October 1917: organization and structure.

This article is devoted to the insufficiently explored subject of becoming of the Russian naval intelligence services in Finland in difficult conditions of the revolutionary events of 1917. The influence of the political changes, expressed in terms of the active intervention in issues counterintelligence revolutionary authorities and contradictions existing in the management of counterintelligence in prerevolutionary years, is shown. It is also an attempt to show the specificity of Finland, where the interests of not only the land and sea command but the Border Protection interests met.

Ключевые слова: Балтийский флот, контрразведка, Финляндия, военные моряки, борьба со шпионажем, 1917 год.

Keywords: the Baltic Fleet, counterintelligence, Finland, Navy sailors, the struggle against espionage, 1917.

УДК: 94(48).052, 94(47).05

Базарова Т. А. Русско-шведское дипломатическое противостояние в Стамбуле в начале XVIII в.

В 1702 г. впервые в истории русско-турецких отношений в Стамбуле появилось русское посольство. Петр I поставил перед своим послом при Порте П. А. Толстым задачу сохранения мирных отношений с османами. В течение нескольких лет Толстому удавалось успешно противодействовать крымской и французской дипломатии, стремившейся обострить русско-турецкие отношения. Переломным моментом стало прибытие на территорию Османской империи Карла XII с остатками потерпевшей поражение под Полтавой шведской армии. Под влиянием шведской дипломатии Порты в ноябре 1710 г. объявила войну России.

Bazarova T. A. Russian-Swedish diplomatic confrontation in Istanbul at the beginning of the 18th century

In 1702 for the first time in the history of Russian-Turkish relations Russian embassy appeared in Istanbul. Peter I set the task to his ambassador at the Sublime Porte Petr Tolstoy to maintain peaceful relations with the Ottomans. For several years, Tolstoy managed to successfully oppose the Crimean and French diplomacy, which strove to aggravate Russian-Turkish relations. The turning point became the arrival of the Ottoman Empire of Charles XII with the remnants of the Swedish army that was defeated at Poltava battle. In November 1710 under the influence of the Swedish diplomacy the Sublime Porte declared war on Russia.

Ключевые слова: Северная война, Петр I, Карл XII, русско-турецкие отношения, Петр Толстой, дипломатия, международные отношения.

Keywords: the Great Northern War, Peter I, Charles XII, Russian-Turkish relations, Peter Tolstoy, diplomacy, international relations.

УДК: 94(48).082

Балащенко Ю. Д. Как и почему И. И. Бродский уговаривал И. Е. Репина переехать из Финляндии в СССР

Знаменитый русский художник И. Е. Репин (1844–1930) стал жителем Финляндии с момента приобретения им в 1899 г. усадьбы на территории Великого княжества Финляндского. Она была названа «Пенаты». Репин, прожив в ней 30 лет, был похоронен на ее территории. После 1917 года Княжество стало независимой Республикой. Репин, оставаясь жить в «Пенатах», стал эмигрантом. Это не помешало ему участвовать в общественной жизни страны. В 1920 г. Репин преподнес молодому государству 30 картин русских художников из своей коллекции. Правительство Финляндии отметило заслуги Репина, наградив его орденом «Белой Розы» 2-й степени.

В СССР о Репине особо не вспоминали до 1924 г. Но в преддверии 80-летнего юбилея художника в Москве, Ленинграде и других городах было решено провести выставки картин Репина. В мае 1924 г. на правительственном уровне было решено попытаться уговорить художника переехать из Финляндии в СССР. Сначала Репина посетили его друзья — Гинцбург и Чуковский. А летом 1926 г. в Пенаты была направлена делегация советских художников во главе с И. И. Бродским. Официальной их целью было приобретение у Репина картин для государственных музеев. Однако основным их заданием было убедить художника в необходимости переезда в СССР. Репин напрямую переселяться в СССР не отказывался, но ничего и не предпринимал для смены местожительства, ссылаясь на старость и болезни.

Balatsenko Yu. D. How and why I. I. Brodsky has been persuading I. E. Repin to move from Finland to the USSR

Ilya E.Repin (1844–1930), a famous Russian artist, may be considered as an inhabitant of Finland since the date of his purchase of an estate in the Grand Duchy of Finland in 1899. The estate was named the “Penates”. I. E. Repin has lived in his estate for 30 years and finally was buried on its grounds. After 1917, the Duchy became an independent republic, and Repin, who kept living in the “Penates”, has turned into an emigrant. It did not prevent the artist from participating in the public life of the country. In 1920, Repin made a gift to the young state in the form of 30 paintings of Russian artists from his personal collection. The Government of Finland appreciated Repin’s merits by decorating him with the Order of the White Rose.

I. Repin has not been frequently recalled in the USSR until 1924. However, on the eve of the artist’s 80th Anniversary, it was decided to hold exhibitions of his paintings in Moscow, Leningrad. In May 1924, the problem of “returning Repin from Finland to the USSR” pursuing propagandist objectives was raised at the governmental level. It triggered a chain of unofficial and official visits to Repin with an attempt to persuade the artist to move to the USSR. Repin was visited by his friends and acquaintances, as well as by Communist Party functionaries represented by a group of Soviet artists headed by I. I. Brodsky. However, all the attempts turned to be futile. Though the artist never turned any proposals down, he stayed living in his estate, pleading his age and health.

Ключевые слова: история, Репин И. Е., история культуры, российско-финляндские связи.

Keywords: history, Ilya E. Repin, history of culture, Russian-Finnish relations.

УДК: 94 «1941/45»

Барышников В. Н. Бомбардировка советской авиацией Хельсинки в феврале 1944 г.: особенности и значение

Советская авиация в феврале 1944 г. три раза наносила бомбовые удары по Хельсинки. Это являлось единственными бомбардировками финской столицы в период войны 1941–1944 гг. Результат этой бомбардировки был отличным от эффективности бомбардировок авиацией США и Великобритании городов Германии. Хельсинки не был разрушен. Причиной этого являлись главные цели советской авиации. Ими были военные (а не гражданские) объекты Хельсинки. Задачей бомбардировки была также политическая цель. В Москве хотели заставить финское руководство начать мирные переговоры. В результате мирные переговоры начались сразу после первого авиационного удара по финской столице.

Baryshnikov V. N. Soviet bombing Helsinki in February 1944: characteristics and significance

In February 1944 Soviet Air Force bombed Helsinki three times. It was only the bombing of the Finnish capital during the war of 1941–1944. The result of this bombing was different from the effectiveness of bombing cities in Germany by Air Force of the US and the UK. Helsinki was not destroyed. The cause of this had been the main objective of Soviet attack. These were military (rather than civilian) objects of Helsinki. The object of the bombardment had been also a political aim. Moscow wanted to force the Finnish leadership to start peace talks. As a result, the negotiations started right after the first air strike of the Finnish capital.

Ключевые слова: история Второй мировой войны, советско-финляндские отношения, история авиации, бомбардировки Хельсинки.

Keywords: history of the Second World War, the Soviet-Finnish relations, the history of aviation, bombing of Helsinki.

УДК: 94(438)

Возгрин В. Е. Почему Речь Посполитая не стала (великой) балтийской державой?

В XVII–XVIII вв. Польша имела все шансы стать одной из крупных морских держав. Этого не произошло по ряду причин. Автор статьи приходит к выводу, что важнейшей из них стал сарматизм — идеология, которую исповедовали лидеры Польши упомянутого периода.

Vozgrin V. Ye. Why did not the Polish-Lithuanian Commonwealth become a great Baltic power?

In the 16th and 17th centuries Poland had every chance to become one of the major maritime powers. It did not happen for several reasons. The author concludes that the most important of these reasons was Sarmatism — ideology that leaders of Poland followed on that period.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Россия, Балтийский регион, сарматизм, коммерция, морской флот, политика, экономика.

Keywords: the Polish-Lithuanian Commonwealth, Russia, the Baltic Region, Sarmatism, Commerce, Marine, Politics, Economy.

УДК: 94(480)

Востров А. В. Шведский и русский языки в Финляндии в XIX веке: проблемы отношений двух административных языков Великого княжества

Статья посвящена отношениям шведского и русского административных языков Финляндии в период вхождения Великого княжества в состав Российской империи (1809–1917 гг.). В первую очередь в статье рассматривается ситуация шведского языка, который, являясь языком другого государства, доминировал в Финляндии на протяжении всего рассматриваемого периода. Также оцениваются результаты попыток русификации Великого княжества. Особое внимание уделено положению финского языка, стремительное развитие которого привело к его доминированию уже в начале XX в.

Vostrov A. E. Swedish and Russian Languages in Finland in the 19th Century: Issues of Relations of Two Administrative Languages of the Grand Duchy

The paper deals with relations of Swedish and Russian administrative languages of Finland when the Grand Duchy of Finland was a part of the Russian Empire (1809–1917). First the paper considers a situation with the Swedish language which being a language of the third state dominated in Finland during the period in question. It also evaluates results of attempts to russificate the Grand Duchy. Special attention is paid to a position of the Finnish language which rapid development has led to its domination already at the beginning of the 20th century.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, шведский язык, финляндские шведы, русский язык, фенноманы, свекоманы, русификация.

Keywords: The Grand Duchy of Finland, Swedish language, Finland Swedes, Russian language, fennomania, svekomania, russification.

УДК: 94(481).083

Гехт А. Б. Шведская военная помощь Финляндии в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

В статье рассматриваются некоторые аспекты военной помощи Финляндии со стороны Швеции в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Финляндия была важнейшим политическим партнёром Швеции и близкородственной страной в массовом сознании населения. Поэтому шведское правительство пришло к выводу, что необходимо предоставить Финляндии различную военную помощь, при этом не нарушая нейтральный статус королевства. Обширная поддержка в виде поставок военной техники, артиллерии, оружия и боеприпасов Финляндии со стороны Швеции в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. стала важной вехой в развитии двусторонних отношений между странами.

Gekht A. B. The supplies of military equipment from Sweden to Finland during the Soviet-Finnish War of 1939–1940

This article discusses some aspects of Sweden's arms and ammunition supplies to Finland during the Soviet-Finnish War. Finland remained an important political partner of Sweden and a close country in the mass consciousness of the population. That's why the Swedish government had concluded to lend support to Finland. The same time Sweden had been trying not to break the state's neutral status. The vast supplies of military equipment, artillery, weapons and ammunition from Sweden to Finland during the Soviet-Finnish war of 1939–1940 became an important milestone in the development of two countries' relations.

Ключевые слова: советско-финляндская война 1939–1940 гг., военная помощь Финляндии со стороны Швеции, история шведско-финляндских политических отношений.

Keywords: The Soviet-Finnish War of 1939–1940, the supplies of military equipment from Sweden to Finland, the history of Sweden-Finland political relations.

УДК: 94(48). 083

Гребенщикова Г. А. Военно-морские силы России и Швеции накануне Русско-шведской войны 1788–1790 гг.

В 1772 г. шведский король Густав III совершил *coup-d'état* — политический переворот и тем самым нарушил принцип паритета трех ветвей власти — короля, Риксдага и сейма, ограничивавший с 1720 г. королевские прерогативы. Король не имел права начинать войну без согласия парламента и сословий, но переворот 1772 г. позволил ему начать военные приготовления, направленные против России. Швеция активно наращивала военно-морской потенциал и восполняла флот усовершенствованными линейными кораблями и фрегатами. Ее военно-морские силы состояли из двух корпусов — военного и армейского флотов. В состав пер-

вого корпуса входили линейные корабли (21 ед.) и фрегаты (12 ед.), базировавшиеся на главную базу Карлскрону, в состав второго входила галерная флотилия (32 ед.), базировавшаяся на Гельсингфорс и Стокгольм.

Однако флот шведов по численности и силе не превосходил флот России на Балтике, который мог достойно противостоять Швеции на театре военных действий и перейти от оборонительной тактики к наступательной. Но главнокомандующий Балтийским флотом адмирал В. Я. Чичагов не реализовал имевшиеся у него силы и боевые возможности мощных кораблей 100-пушечного ранга, а также морально-психологического фактора личного состава для полного разгрома шведов.

Grebenshchikova G. A. Naval Forces of Russia and Sweden before the War of 1788–1790

Since 1772 King of Sweden Gustav III had perpetrated the coup-d'état, the political upheaval, and the principle of State authority's parity branch was broke. According to 1720's Constitution King's prerogatives were cut, but after political upheaval Gustav III got the opportunity to increase actively his armaments and naval forces against Russia.

Sweden had constructed the refinement and perfect line ships and frigates, and her naval forces consisted of two Corps — Military Corp and Army Corp. Military Corp based on Karlskrona had consisted of 21 line ships and 12 frigates, Army Corp consisted of galley flotilla (32 unit) based on Helsingfors and Stockholm.

The fact was that, the Sweden Fleet did not more power than Russian Fleet in Baltic which could successfully to fight against widen and led the active operations. However, Commander-in-Chief on Baltic, admiral V. Chichagov, did not realized his forces including power of line ships of 100-gun rank to win over the Swedish.

Ключевые слова: средиземноморская стратегия Екатерины II, мощные корабли 100-пушечного ранга, подготовка будущего театра военных действий, позиция Швеции, Густав III, война на Балтике, пассивность адмирала В. Я. Чичагова.

Keywords: Catherina's the Second Mediterranean strategy, power line ships of 100-gun rank, the future theatre of naval operations' prepared, the position of Sweden, Gustav III, war in Baltic, admiral V. Chichagov's passive actions.

УДК: 94 (489)

Жаров Б. С. Иван Оттонович Паллизен (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881) — Генеральный консул Дании в Санкт-Петербурге

Более 500 лет Россия и Дания имеют дипломатические связи, при этом никогда не были в состоянии войны друг с другом. Частью дипломатических отношений является консульская работа. В определенных исторических обстоятельствах страны назначают консулами лиц, постоянно проживающих в другой стране и заметно проявивших себя в той или иной сфере. Одним из наиболее ярких примеров таких консулов, на протяжении многих лет вносивших большой вклад в укрепление деловых и культурных контактов России и Дании, был живший в Санкт-Петербурге датский предприниматель Ханс Йессен Паллизен (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881), который в России взял русское имя Иван Оттонович Паллизен. Датским консулом он был с 1860, Генеральным консулом с 1866 г. Первой сферой его деятельности была торговля. Паллизен продавал в Петербурге продукцию датских фирм, а в Дании российские товары. Позже к импорту-экспорту прибавились речные и морские перевозки. На следующем этапе своей коммерческой деятельности Паллизен стал вкладывать средства в промышленность: основал бумажную фабрику. В середине XIX в. произошла активизация общения между двумя странами по всем направлениям. В первую очередь следует говорить об этом как о следствии осуществления матримониальных планов российского и датского дворов. В Санкт-Петербурге было большое количество датчан, которые входили в постоянный круг общения Генерального консула. За большие заслуги он получил от Датского Королевства награду и стал командором ордена Даннеброга.

Zharov B. S. Ivan Ottonovich Pallisen (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881) — general consul of Denmark in Saint Petersburg

Russia and Denmark have maintained diplomatic relations for more than 500 years and never having been in a state of war. Consul work is a part of diplomatic relations. Under certain historic circumstances countries appoint as consuls persons constantly living in another country and revealing themselves in some sphere of life. One of the brightest examples of such a type of consuls who had contributed a lot in strengthening Russian — Danish business and cultural links was Danish entrepreneur Hans Jessen Pallisen, living in Saint Petersburg, who took the Russian name Ivan Ottonovich Pallisen. He had been Danish consul since 1860 and general consul since 1866. The first sphere of his activity was trade. He sold Danish goods in Saint Petersburg and Russian ones in Denmark, later shipping operations were added. The next stage of his activity was characterised by industry investments: he founded a paper factory. In the middle of the XIX-th century the Russian-Danish relations became very active in every direction. This fact should be explained by realisation of matrimonial plans of the Russian and Danish courts. A lot of the Danes in Saint Petersburg were in touch with the general consul. He was awarded for his outstanding contribution by Denmark and became an order of Dannebrog commander.

Ключевые слова: дипломатические отношения: Россия — Дания XIX век, консульская служба, Иван Оттонович Паллизен (Ханс Йессен Паллисен), датчане в Санкт-Петербурге.

Keywords: Russia — Denmark diplomatic relations, the XIX-th century, Consul work, Ivan Ottonovich Pallisen, Hans Jessen Pallisen, the Danes in Saint Petersburg.

УДК: 94(47).084.6

Журавлев Д. А. Больницы и научно-исследовательские институты Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.

В статье рассмотрены особенности деятельности гражданских лечебных учреждений Ленинграда, в которых оказывалась медицинская помощь раненым и больным военным военнослужащим в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Проанализированы основные проблемы, которые возникали перед больницами и научно-исследовательскими институтами Ленинграда в этот период, влияние боевых действий на медицинское обеспечение жителей города. Гражданское здравоохранение Ленинграда сыграло крайне важную роль в размещении и обеспечении квалифицированной медицинской помощью 160 тысяч раненых и больных военнослужащих, поступивших в город за период боевых действий 1939–1940 гг. По многим показателям эти учреждения занимали ведущие позиции, проводя лечение наиболее тяжелых категорий раненых и больных.

Zhuravlev D. A. Hospitals and Medical Research Institutions of Leningrad during Soviet-Finnish war of 1939–1940

The article deals with the peculiarities of Leningrad civil medical institutions performance where military casualties were treated during the period of Soviet-Finnish war of 1939–1940. The paper analyses the main problems that hospitals and medical research institutions of Leningrad faced in that period as well as the influence of military operations on medical backup of the citizens. Civil healthcare system of Leningrad played an extremely crucial role in accommodation and qualified medical treatment of 160 000 military casualties delivered into the city in the period of 1939–1940. Measured by many factors those institutions occupied the leading position providing medical help to casualties in the worst condition.

Ключевые слова: советско-финляндская война, раненые и больные, Ленинград, медицина, здравоохранение, больница, медицинский научно-исследовательский институт.

Keywords: Soviet-Finnish war, casualties, Leningrad, medicine, healthcare, hospital, medical research institution.

УДК 94(4)

Иванников Н. С. Позиция Швеции по отношению к Аландскому сепаратизму 1917–1921 гг.

В работе рассматривается позиция Швеции по отношению к аландскому сепаратизму во время Аландского кризиса 1917–1921 гг. Главная цель работы — рассмотреть действия Швеции в это время, чтобы можно было сделать вывод о ее позиции, результатах, которые она принесла. Необходимо кратко затронуть историю вопроса, сделать предметом изучения не только Швецию и ее действия, но и комплекс мер, принимаемых другими странами для решения этой проблемы. В частности, рассмотреть шведо-финское противостояние в борьбе за стратегически важную территорию. То есть оценить произошедшие в итоге факты таким образом, чтобы можно было сделать вывод о позиции Швеции.

Ivannikov N. S. Sweden's attitude towards the Åland's separatism during 1917–1921.

This topic contains information and materials about Sweden's attitude towards Åland's separatism during the time of Åland's crisis (1917–1921). Primary target of the topic is to consider Sweden's actions during that period in order to make conclusion about its policy, attitude and achieved results. It is necessary to touch the history of a question, to make research's objective not only Sweden and its actions, but also comprehensive set of measures performed by other countries in order to solve this particular problem. In particular, also regard Swedish-Finnish withstanding in a fight for strategically important territory. Now therefore, such evaluation of all events and actions which took place is required so that conclusion about Sweden's attitude is being possible to make.

Ключевые слова: Швеция, Аландские острова, Финляндия, Сепаратизм, Лига Наций.

Keywords: Sweden, Åland islands, Finland, Separatism, League of Nations.

УДК: 69

Ивлева С. Е. Иллюстрированные издания о Скандинавии в собрании библиотеки лейб-гвардии Измайловского полка

Статья посвящена истории создания и функционирования библиотеки лейб-гвардии Измайловского полка. Рассматриваются основные направления комплектования ее книжных фондов, нашедших отражение в печатных каталогах библиотеки, отмечается культурная значимость измайловской библиотеки и ее место среди библиотек других гвардейских полков Петербурга. Особое внимание уделено иллюстрированным изданиям XIX — начала XX в. о Скандинавии, входивших в состав библиотеки Измайловского полка.

Ivleva S. E. Illustrated Editions on Scandinavia in the Collections of the Life Guards Izmailovsky Regiment Library

The article is devoted to the history of creation and functioning of the library of the Life Guards Izmailovsky regiment. The main directions of gathering of its book collections, as reflected in the printed catalogues, are under consideration. The cultural significance of the Izmailovsky library and its place among the libraries of other guards regiments of St. Petersburg are noted. Special attention is paid to the illustrated editions of XIX — early XX century on Scandinavia, which formed a part of the Izmailovsky regiment library.

Ключевые слова: библиотека, Измайловский полк, иллюстрация, книга, журнал.

Keywords: library, Izmailovsky regiment, illustration, book, magazine.

Статья посвящена участию известных юристов и государственных деятелей Н. С. Таганцева и А. Грутенфельта в проведении тюремных реформ в Российской империи и Великом княжестве Финляндском.

Как известно, историю делают люди, поэтому изучение деятельности лиц, которые могли повлиять на какие-либо исторические события, имеет важное значение. Степень влияния личности на исторические факты зависит, с одной стороны, от характера самих фактов, а с другой стороны, от способностей личности влиять на общество.

Российские эксперты были активными участниками международного пенитенциарного дискурса. Тем не менее на практике их идеи нашли воплощение в России только в экспериментах. В международном общественном мнении, название «русская тюрьма» стало символом негативных особенностей пенитенциарной системы.

Финская система уголовного наказания была создана под влиянием европейской науки и практики. Тюремная реформа проводилась разумно и энергично. Стабильная политическая ситуация в автономии лишь способствовала этому. В течение трех десятилетий, начиная с 1860-х гг., Финляндия приобрела тюремную систему, отвечавшую мировым стандартам того времени. Эффективное пенитенциарное законодательство и независимое тюремное управление в княжестве только ускорило преобразования. Русское уголовное законодательство практически не повлияло на развивавшуюся правовую систему Финляндии, несмотря на тот факт, что Финляндия являлась неотъемлемой частью Российской империи.

Kangaspuro L. V. Creators of prison reform — N. S. Tagantsev and A. Grotenfelt

The article focuses on the participation of famous lawyers and state leaders N. S. Tagantseva and A. Grutenfelta in prison reforms in the Russian Empire and the Grand Duchy of Finland.

As well known, history is made by people, so the study of the personal activities which could affect to any historical events is essential.

The influence degree of personality on the historical facts depends on the one hand on the character the historical facts, and on the other hand — on the personal abilities to influence on society.

Russian experts were active participants in the international penitentiary discourse. However, in practice their ideas found the realization in Russia only as experiments. In international public opinion, the name “Russian prison” became a symbol of the most negative features of penitentiary system.

The Finnish Criminal Punishment was created under the influence of the European science and practice. The prison reform was carried out in moderate way, reasonably and vigorously, and the stable political situation in the Grant Duchy contributed to this. During three decades, since 1860s, Finland acquired the prison system, which met the world standard of that time. Own legislation, which was excellent and independent from general imperial system of state penitentiary management, only sped up the development. The Russian Criminal Legislation did not affect almost at all to the developing legal system of Finland despite the fact that Finland was an integral part of the Russian Empire.

Ключевые слова: тюремная реформа, Уголовный кодекс, Российская империя, Великое княжество Финляндское, Н. С. Таганцев, А. Грутенфельт.

Keywords: prison reform, the Criminal Code, the Russian Empire, the Grand Duchy of Finland, N. S. Tagantsev, A. Grotenfelt.

УДК: 94(47).1920.

Коваленко Г. М. Советская Россия 1920-х гг. глазами Туре Арне

В статье рассмотрена книга шведского археолога Туре Арне «Современная Россия», в которой он описал повседневную жизнь в Советской России в конце 1920-х гг. В его описании советской действительности нет следов политических симпатий или антипатий, он не чернит действительности, но и не обходит молчанием острые вопросы.

Kovalenko G. M. Soviet Russia of the 1920th years Toure Arne's eyes

The subject of this article is the book of the Swedish archeologist Toure Arne «Modern Russia» in which he described everyday life in the Soviet Russia in the late twenties is considered. In its description of the Soviet reality there are no traces of political sympathies or antipathies, he doesn't blacken reality, but also doesn't ignore sensitive issues.

Ключевые слова: Туре Арне, революция в России, Советская Россия, повседневная жизнь.

Keywords: Ture Arne, revolution in Russia, the Soviet Russia, everyday life.

УДК: 69

Кривдина О. А. Потомок датчан — выпускник Петербургской академии художеств живописец В. Г. Шварц (1838–1869): формирование таланта

Оценивая значение творчества В. Г. Шварца, в статье отмечаются его заслуги в развитии русского исторического жанра в живописи, подчеркнуто, что он прожил короткую, но яркую и творчески насыщенную жизнь. Умер Вячеслав Григорьевич, когда ему было 30 лет, оставив богатое творческое наследие — рисунки и живописные произведения, большая часть которых хранится в собраниях Русского музея, Государственной Третьяковской галереи, Курской государственной картинной галереи им. А. А. Дейнеки, Научно-исследовательского музея РАХ. В данной публикации акцент сделан на раннем периоде творчества художника.

Krivdina O. A. Danish by origin; the graduate of St. Petersburg Art Academy, painter V. G. Shwartz (1838–1869): Forming of the talent.

The article, analyzing the significance of V. G. Shwartz creativity, underlines his impact into Russian historical genre in painting. Shwartz did not live long, but his life was bright and artistically valuable. He died, when he was thirty, having left a rich creative heritage — drawings and paintings, mostly kept in the State Russian Museum, the Tretyakov Gallery, Art Gallery in Kursk, St. Petersburg Art Academy museum. The following publication concentrates at the early period of the painter's creativity.

Ключевые слова: живопись, рисунок, исторический жанр, письма художника, колорит.

Keywords: painting, drawing, historical genre, painter's letters, color.

УДК: 94(47)072

Лебедев А. А. Балтийский корабельный флот начала XIX в. в свете нового архивного источника

В общих чертах о неблагоприятном состоянии Балтийского корабельного флота в начале XIX в. известно давно, ибо оно не раз отмечалось многими отечественными и иностранными авторами. Однако, несмотря на столь яркие и многочисленные подробности, общая картина положения дел на Балтике в означенное время в отечественной историографии до сих пор отсутствует. Восполнению этого пробела служит данная публикация, основанная на двух впервые публикуемых архивных документах.

Lebedev A. A. The Baltic Fleet beginning of XIX century in the light of new archival sources

In General terms, about the dysfunctional state of the Baltic fleet in the early nineteenth century has long been known, for it was not once mentioned by many

domestic and foreign authors. However, despite such a vivid and rich in detail, the overall picture of the situation in the Baltic sea in the designated time in the national historiography is still missing. To fill this gap this publication is based on two first published archival documents.

Ключевые слова: Baltic Fleet, Fleet Education Committee, Alexander I.

Keywords: Балтийский флот, Комитет образования флота, Александр I.

УДК: 94 (47) 1918

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского коммунистического движения (1920 — 1-я половина 1940-х гг.)

В статье рассмотрены основные аспекты Гражданской войны в Финляндии, затронутые в работах финских коммунистических деятелей. Война, разразившаяся с января по май 1918 г. в Финляндии, долгое время носила название «освободительная» и в оценке событий было учтено исключительно мнение победившей стороны, тогда как оценка событий «красными» участниками конфликта замалчивалась. Для объективной оценки Гражданской войны в Финляндии необходимо проанализировать работы коммунистических лидеров Финляндии, в разборе которых можно выявить предпосылки войны, причины поражения и установить ход событий, рассматриваемый с противоположной точки зрения, отличной от официальной финской историографии послевоенного периода.

Lobanova D. R. Finnish Civil War of 1918 in the writings of members finnish communist movement (1920 — the first half of the 1940s.)

The article describes the main aspects of the Civil War in Finland, raised in the work of the Finnish Communist leaders. The war broke out between January and May 1918 in Finland for a long time, was called “liberation” in the assessment of events was taken into account solely the opinion of the winning side, while the assessment of events “red” parties to the conflict was ignored. For an objective assessment of the civil war in Finland is necessary to analyze the work of communist leaders of Finland, in the analysis which can detect conditions of the war, the reasons for the defeat and set the course of events, viewed from the opposite point of view different from the official Finnish historiography of the postwar period.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, освободительная война, гражданская война, 1918, революционное движение, коммунистическое движение, коммунистическая партия Финляндии, КПФ.

Keywords: Finnish Civil War, the liberation war, civil war, in 1918, the revolutionary movement, the communist movement, the Communist Party of Finland.

УДК: 94(47).053

Мельнов А. В. Шведский гарнизон Выборга в осаде 1710 года

В статье на основе не публиковавшихся ранее источников рассматривается структура и численность шведского гарнизона Выборга, а также его положение во время осады 1710 года. Впервые указываются имена командиров, состав и численность гарнизонных полков и батальонов. Благодаря сохранившимся «расспросным речам» раскрывается история повседневной жизни гарнизона в осажденной крепости, а также освещаются малоизвестные факты осады. Статистические данные позволяют проследить причинно-следственные связи, вынудившие коменданта крепости М. Шернстрале сдать крепость русской армии.

Melnov A. V. The Swedish garrison of Vyborg in the siege of 1710

The subject of this article is structure, strength and condition of Vyborg's Swedish garrison during the siege of 1710. Names of the commanders, strength of the garrison's regiments and battalions are specified in this article for the first time. Thanks to the various documented interrogations of soldiers garrison's everyday life during the siege and some of its little known facts are also described in this article. Statistical data helps

to figure out the reasons that forced the commandant M. Stiernstråle to deliver the fortress to the Russian army.

Ключевые слова: Северная война, шведский гарнизон Выборга, М. Шернстрале, осада Выборга, 1710 год, голод.

Keywords: The Great Northern war, swedish garrison of Vyborg, M. Stiernstråle, the siege of Vyborg, 1710, famine.

УДК: 94 (480)

Мусаев В. И. Архиепископ Серафим (Лукиянов): последний архиерей Финляндской епархии Русской православной церкви

В статье речь идет о последних годах существования Православной церкви в Финляндии в качестве епархии Русской православной церкви и процессе ее перехода в юрисдикцию Константинопольского патриархата на правах автономной церкви. В этот период во главе епархии находился архиепископ Серафим (Лукиянов), который противостоял стремлению «национально» ориентированных клириков к разрыву с РПЦ и созданию финской национальной церкви, однако потерпел неудачу и был вынужден в итоге покинуть страну.

Musaev V. I. Archbishop Seraphim (Lukyanov): The Last Bishop of the Finnish Diocese of the Russian Orthodox Church

The article deals with the last years of existence of the Orthodox Church in Finland as a diocese of the Russian Orthodox Church and the process of its transition in jurisdiction of the Patriarchate of Constantinople as an autonomous ecclesiastic structure. In this period the diocese was headed by the archbishop Seraphim (Lukyanov), who opposed aspirations of the “nationally” oriented clergy to break with the Russian Church and to create the Finnish national church, but eventually failed and had to leave the country.

Ключевые слова: Финляндия, православие, юрисдикционный конфликт.

Keywords: Finland, Orthodoxy, jurisdictional conflict.

УДК: 355.404.7-051 + 355.49(430:47) «1914/1918»

Партала М. А. Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914–1917) как важный источник по истории отечественной военноморской радиоразведки

Статья посвящена истории радиоразведки Русского флота в период Первой мировой войны. Показана важность использования наградных документов при разработке персоналий, а также отдельных исторических сюжетов по данной теме. Приведены примеры не публиковавшихся ранее документов.

Partala M. A. Award documents of officers and enlisted men of the Russian Navy (1914–1917), as an important source on the history of Russian naval radio intelligence

The article is devoted to the history of Russian Navy radio intelligence during WW1. Shows the importance of using award documents in the study of personalities, as well as some historical stories on the topic. Examples of previously unpublished documents.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский флот, Балтийское море, радиоразведка, персоналии, наградные документы.

Keywords: World War I, Russian Navy, Baltic Sea, radio intelligence, personalities, award (decoration) documents.

УДК: 929

Пермякова А. А. Аврора Шернваль: места памяти в Финляндии и Петербурге

Память об Авроре Шернваль (в первом браке — Демидовой, во втором — Карминой) хранится во множестве мест, произведений искусства и названий, находящихся на территории Финляндии и России. Все они связаны с ее биографией

и масштабной благотворительной деятельностью. Вследствие неумейной жажды этой женщины помогать людям и заботиться о больных и обездоленных в обеих странах было основано множество учреждений: школы, больницы, приюты. Эти места памяти рассматриваются в статье.

Permjakova A. A. Aurora Stjernvall: Places of memory in Finland and St. Petersburg

The memory of Aurora Stjernvall (Demidova in her first marriage and Karamzina in her second marriage) is kept in many places, things, names and titles, which exists on the territory of Finland and Russia. All of them are connected with her biography and charity activity. Due to her passionate willing to help people new schools, medical institutions, shelters for homeless and poor were founded in both countries. Because of the importance of her deeds a lot of institutions were named after her, as well as streets and locations. These places of memory are described in the article.

Ключевые слова: Аврора Шернваль, Аврора Карамзина, история благотворительности, места памяти.

Keywords: Aurora Stjernvall, Aurora Karamzina, history of charity, places of memory.

УДК: 94(47).084.6

Петров П. В. Политические настроения и дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте в конце 1930-х — начале 1941 гг.

Массовые политические репрессии в Советском Союзе в 1937–1938 гг. нанесли серьезный ущерб Вооруженным силам. Не только в Красной армии, но и в Военно-морском флоте было уволено и арестовано значительное количество командиров, начальников и политработников. Последствия арестов среди командных кадров Краснознаменного Балтийского флота имели своим результатом формирование тяжелой атмосферы недоверия и подозрительности среди личного состава флота. В это время усилились негативные и антисоветские настроения среди командиров и краснофлотцев флота. Доверие к командному составу резко упало из-за частых арестов командиров и начальников всех уровней. Это имело своим следствием резкое падение дисциплины среди моряков, увеличение количества различных проступков. В результате в 1940 г. Краснознаменный Балтийский флот лидировал по количеству дисциплинарных нарушений среди всех флотов. Данное обстоятельство не могло не сказаться серьезным образом на боеспособности флота накануне Великой Отечественной войны.

Petrov P. V. Political moods and discipline of the Red Banner Baltic Fleet in late 1930 — early 1941

Mass political repressions in the Soviet Union in 1937–1938 caused serious damage to the Armed Forces. Not only in the Red Army, but also in the Navy was dismissed and arrested a large number of officers, commanders and political commissars. Consequences of arrests among the command staff of the Red Banner Baltic fleet have resulted in the formation of the heavy atmosphere of mistrust and suspicion among the personnel of the Navy. At that time, negative and anti-Soviet moods increased among the commanders and seamen of the Baltic fleet. Confidence in the commanders fell sharply as a result of the frequent arrests of commanders at all levels. This had the effect of a sharp drop in discipline among seamen, the number of different offenses. As a result, in 1940, the Red Banner Baltic Fleet was the leader in the number of disciplinary infringements among all navies. This circumstance could not affect seriously the combat readiness of the fleet on the eve of the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Краснознаменный Балтийский флот, командир, матрос, комиссар, репрессии, настроения, дисциплина.

Keywords: Red Banner Baltic fleet, commander, seaman, sailor, commissar, repression, moods, discipline.

УДК: 327.5

Решетникова М. А., Чихачев А. Ю. Безопасность Балтийского региона в стратегических документах прибрежных государств

Последнее обострение отношений России и Запада стимулирует к обсуждению тематики безопасности в тех регионах, где это ранее казалось бы излишним или надуманным. В частности, регион Балтийского моря представляет собой место прямого пересечения интересов Российской Федерации и НАТО (стран-членов блока и его тесных партнеров Финляндии и Швеции). В статье анализируются основные документы стран Балтийского региона (концепции и стратегии обороны и национальной безопасности), что позволяет выявить специфику позиции каждого прибрежного государства. Проводится сравнение стратегических линий Балтийских государств, России, Финляндии и Швеции, анализируется влияние НАТО на формирование концепций государств-членов.

Reshetnikov M. A., Chikhachev A. Y. Baltic security in strategic concepts of maritime nations

In the light of the aggravation of relations between Russia and Western nations, the discussion of security safeguarding in regions where this theme did not seem to be especially significant gains a special actuality. In particular, the Baltic Sea Region becomes a place of a direct intersection of interests of Russia, NATO and the neutral states — Finland and Sweden, which can be considered as close partners of NATO. The article examines key strategic documents of the Baltic Sea states (concepts and strategies of defense and national security) in order to find out specific features of every maritime state's position. The authors make a comparison of strategic lines of Russia, Finland, Sweden and the Baltic states analyzing NATO's influence on concept forming of member-states in this region.

Ключевые слова: региональная безопасность, национальная безопасность, регион Балтийского моря, Российская Федерация, НАТО.

Keywords: regional security, the Baltic Sea Region, the Russian Federation, NATO.

УДК: 908 (470)

Славнитский Н. Р. Тактика действий российских и шведских войск в Ингрии и Финляндии в годы Северной войны: борьба за переправы

В статье рассматриваются операции в Ингерманландии и Финляндии в годы Северной войны. В 1704–1708 гг. российские войска защищали Ингрию, и они с самого начала старались использовать тактику активной обороны — останавливать неприятеля на переправах. К 1708 г. шведы научились бороться с этим, а в 1712 г. при обороне Финляндии применили аналогичный способ. Теперь уже российским войскам пришлось учиться преодолевать водные преграды, что они смогли сделать в следующей кампании.

Slavnitsky N. R. The tactics of the Russian and Swedish forces in England and Finland during the Great Northern War: The Struggle for the crossing

The article deals with operations in Ingria and Finland during the Great Northern War. In 1704–1708 gg. Russian troops defended Ingria, and from the very beginning tried to use tactics of active defense — stop the enemy at the crossings. By 1708 the Swedes learned to deal with this (and crossing the Neva outwitted Russian), between 1712 and the defense of Finland applied the same method. Now the Russian troops had to learn to overcome water obstacles that they could do in the next campaign.

Ключевые слова: Северная война, Ингерманландия, Финляндия, Р. В. Брюс, Ф. М. Апраксин.

Keywords: Great Northern War, Ingermanlandia, Finland, R. Bruce, F. Apraksin.

УДК: 45.071

Суворова Л. В. О художественном образовании в Великом княжестве Финляндском во 2-й половине XIX века

Развитие художественного образования получает дальнейшие импульсы, во второй половине XIX в. устанавливаются более прочные связи со столичными учреждениями. В сфере изобразительного искусства, художественного образования высшим авторитетом признавалась Императорская академия художеств. Культурный подъем выразился не только в создании музеев, архивов, библиотек, художественных школ, но и в изучении традиций русского художественного образования XIX в., особенно академического; это объясняет причины многих событий финской художественной жизни второй половины века.

Suvorova L.V. The artistic education at the Grand Duchy of Finland in the second half of the XIX century

The development of art education receives further rising, in the second half of the XIX century stronger links with metropolitan institutions were established. In the field of fine arts, the Imperial Academy of Arts was recognized as the highest authority. Cultural rise was expressed not only by the creation of museums, archives, libraries, art schools, but also in the study of the traditions of Russian art education of the XIX century, especially academic; this explains the reasons of many events in the Finnish artistic life in the second half of the century.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, искусство, вторая половина XIX века, Императорская академия художеств, художественное образование; традиции.

Keywords: the Grand Duchy of Finland, art, the second half of the XIX century, the Imperial Academy of Arts, art education, the traditions.

УДК: 94(47).082–083

Фруменкова Т. Г. К истории Мариинского отделения «императорской санатории» в Великом княжестве Финляндском (конец XIX — начало XX в.)

Статья посвящена истории Мариинского отделения первого в Российской империи противотуберкулезного санатория в Выборгском уезде Великого княжества Финляндского, в местности с чистым воздухом и сухой почвой. Открытое в 1893 г., отделение более 20 лет занималось лечением больных первыми стадиями туберкулеза и ослабленных воспитанниц женских институтов ведомства учреждений императрицы Марии. Одновременно в санатории находилось от 12 до 34 девочек. Отделение располагалось в отдельном здании. Врачи использовали современные им методы лечения: обильное и качественное питание, обтирания, гимнастику, прогулки на свежем воздухе, а также «специальные аппараты для дыхания». Девочки находились под наблюдением классных дам, которые следили за их лечением, занимались, гуляли и играли с ними. Результатом лечения в большинстве случаев становилось улучшение общего состояния юной пациентки. После того как Финляндия получила независимость, санаторий был закрыт. В настоящее время в его корпусах работает небольшой санаторий «Сосновый бор». Статья написана на основе не публиковавшихся ранее архивных документов.

Frumenkova T. G. The history of the Mariinsky branch of the “Emperor’s sanatorium” in the Grand Duchy of Finland (the end of XIX — beginning of XX century)

The article is devoted to the history of Mariinsky department of the first in the Russian Empire anti-tuberculosis sanatorium in the Vyborg district of the Grand Duchy of Finland, an area with pure air and dry soil. Opened in 1893, the department more than 20 years was in the treatment of patients with the first stages of tuberculosis and weakened students of female institutions of the Department of institutions of Empress Maria. There were from 12 to 34 girls in the sanatorium at the same time. The department was located in a separate building. Doctors used modern for that period methods of treatment: abundant and good quality food, wiping, gymnastics, walks in the fresh air, as well as “a special apparatus for breathing”. The girls were under the

supervision of classy ladies who followed their treatment, worked, walked and played with them. The result of treatment in most cases was the improvement of the general condition of the young patient. After Finland gained independence, the sanatorium was closed. Now it is the territory of the Russian Federation. Currently a small sanatorium "Sosnovy Bor" is situated in its buildings. The article is based on previously unpublished archival documents.

Ключевые слова: санаторий Халила, Мариинское отделение, Ведомство учреждений императрицы Марии, воспитанницы женских институтов, туберкулезные больные, лечение, климат.

Keywords: sanatorium Khalil, Mariinsky Department, the Department of institutions of Empress Maria, students of women's institutes, the TB patients, treatment, climate.

УДК: 94 (48)

Цверьяншвили И. А. Вклад Швеции в создание Юго-Западных очистных сооружений в Санкт-Петербурге

Статья посвящена истории создания Юго-Западных очистных сооружений в Санкт-Петербурге. Проанализированы предпосылки создания проекта, особенности его реализации. Особая роль отведена участию шведской стороны в реализации проекта, в первую очередь материальное содействие. В работе подчеркнуто, что строительство ЮЗОС было важным шагом в рамках шведской экологической политики и программы сохранения чистоты Балтийского моря.

Tcverianashvili I. A. The Swedish contribution to the construction of The South-West waste-water treatment plant in Saint-Petersburg

The article is devoted to the history of Saint Petersburg's South-West waste-water treatment plant foundation. The foundation's background and project's building special aspects are analyzed. The Swedish participation is significantly described, first the financial help. The article stresses that The South-West waste-water treatment plant's building was a big step in the Swedish ecological policy and the Baltic Sea treatment policy as well.

Ключевые слова: Швеция, Российская Федерация, Балтийское море, экология, международное сотрудничество.

Keywords: Sweden, Russian Federation, Saint Petersburg, Baltic Sea, ecology, international cooperation.

УДК: 94 (485) «16»

Чепель А. И. Шведско-русское приграничье после Столбовского мира: оправдание и самооправдание перебежчиков

В статье рассматривается один из важнейших вопросов шведско-русских отношений в период после Столбовского мирного договора — проблема перебежчиков. Круговая порука приграничных жителей, бюрократические препоны, необдуманные действия представителей приграничных властей способствовали нелегальным переходам границы. Представители приграничных администраций, вопреки межгосударственным соглашениям, с целью решения оперативных вопросов, искали оправдания незаконным трансграничным миграциям, что формировало у приграничных жителей ощущение безнаказанности и вседозволенности. Автор делает вывод, что решение приграничных проблем зависело от совместных усилий шведских и русских властей, при этом тесные контакты жителей приграничья, в лояльности которых нуждались правительства обеих стран, препятствовали быстрому разрешению приграничных проблем.

Chepel A. I. Swedish-Russian Border Area after Stolbovo: Justification and Self-justification Defectors

The article considers an important issue concerning relations between Sweden and Russia after Stolbovo peace treaty, namely the defectors issue. Mutual protection

of border residents, red tape, hasty actions of border area authorities contribute illegal crossings of border. Representatives of the border administrations, despite international agreements by way of to address operational issues, sought to justify the illegal cross-border migration that has formed at the border inhabitants a sense of impunity and permissiveness. The author concludes that the solution of border issues depended on the joint efforts of Swedish and Russian authorities, and the close contacts of border inhabitants, whose loyalty was crucial for both governments, prevented and rapid resolution of border issues.

Ключевые слова: шведско-русское приграничье, Столбовский мирный договор, проблема перебежчиков, дипломатический диалог.

Keywords: Swedish-Russian border region, Stolbov peace treaty, defectors issue, diplomatic dialogue.

УДК: 94 (47) 053

Шкваров А. Г. Новые источники по истории Северной войны из Государственного архива Швеции

Статья представляет обзор нескольких документов периода Северной войны, попавших в канцелярию короля Швеции вместе с перебежчиком Спиридоном Вокрионовым, выдававшим себя за капитана казаков. Письма и распоряжения русского командования касаются обстановки в провинции Остроботния в 1715 г. Во время войны Остроботния, наряду с другими провинциями Финляндии, была разорена, как регулярными русскими войсками, так и действовавшими совместно с ними казаками. Особенно пострадала Северная Остроботния, потерявшая примерно четверть своего населения.

Shkvarov A. G. The new sources of the Great Northern War from the National Archives of Sweden

The article presents a review of several documents of the Great Northern War got to the Chancellery of His Majesty the King of Sweden together with the deserter and turncoat Spiridon Wokrionoff posing as the captain of the Cossacks. Letters and orders of the Russian army command illustrated the situation in the Finnish province of Ostrobothnia in 1715. The Great Northern War was the low point in the history of the province, which was occupied in 1714–1721 by Russian troops, alongside with the rest of Finland. In Ostrobothnia, the Russian troops and Cossacks engaged in the creation of a wide strip of no-man's land between the occupied Finland and Sweden proper. Especially, the Northern Ostrobothnia suffered heavily, losing a fourth of its population due to ravages of war.

Ключевые слова: Северная война, Финляндия, Остроботния, русская армия, казаки.

Keywords: the Great Northern War, Finland, Ostrobothnia, Russian army, Cossacks.

УДК: 281.93

Шкаровский М. В. Русская церковь во имя Святителя Николая Чудотворца в Хельсинки

Статья посвящена истории находившейся Хельсинки православной русской церкви Святителя Николая Чудотворца. Община этой церкви была создана в 1926, а сама церковь построена в 1938 г. В 1945 г. она перешла в юрисдикцию Московского патриархата и остается в ней до настоящего времени. При церкви существует русское кладбище. Община святителя Николая Чудотворца играла в XX в. и играет сейчас важную роль в жизни российской диаспоры в Финляндии.

Shkarovskii M. V. The Russian Church in the name of St. Nicholas the Wonderworker in Helsinki

The Article is devoted to the history of Helsinki were Orthodox Russian Church of St. Nicholas the Wonderworker. The congregation of this Church was established in

1926, and the Church itself was built in 1938. In 1945 she transferred to the jurisdiction of the Moscow Patriarchate and remains there until the present time. At the Church there is a Russian cemetery. The community of St. Nicholas the Wonderworker played in the twentieth century and now plays an important role in the life of the Russian Diaspora in Finland.

Ключевые слова: Финляндия, Русская церковь, храм Святителя Николая Чудотворца, Хельсинки.

Keywords: Finland, the Russian Church, the Cathedral of St Nicholas, Helsinki.

УДК: 001.83(100)

Шрадер Т. А. Труды скандинавских ученых в изданиях Академии наук России (XVIII–XIX вв.)

В начале XVIII в. в России была основана Академия наук и Академическая типография, где приехавшие в Россию иностранные учёные имели хорошую возможность не только работать, но и публиковать свои книги. Между скандинавскими и российскими учеными были хорошие научные контакты. Многие ученые из Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии были избраны почетными членами Российской академии наук. Значительное число книг, написанных скандинавскими учеными, были опубликованы в России. В XVIII в. работы печатались на латыни, немецком и французском языках, в XIX в. — на русском, немецком и французском. Опубликованные в России скандинавские книги отражали все направления мировой науки того времени.

В представленной статье указаны имена ученых из Швеции, Дании, Норвегии и Финляндии, кто были почетными членами Российской академии наук в XVIII и XIX вв.

Shrader T. A. Scientific works of Scandinavian scholars in publications of the Russian Academy of Sciences (XVIII–XIX centuries)

In the beginning of the XVIII century was grounded the Russian Academy of Sciences and printing-house of the Academy, where the foreign scholars, who came to Russia had a good possibility not only to work, but to publish their books too. There were good scientific contacts between Scandinavian and scholars in Russia. Many of scholars from Sweden, Denmark and Norway were elected as honorary members of the Russian Academy of sciences. Many books written by Scandinavian scholars were published in Russia. In the XVIII century the works were printed in Latin, German and French, in XIX century — in Russian, German and French. The books of Scandinavian scholars covered all the trends of the word science of that time.

In this article are pointed out names of scholars from Sweden, Denmark, Norway, who were honorary members of the Russian Academy of Sciences in XVIII–XIX centuries.

Ключевые слова: Академия наук России, скандинавские ученые, научные контакты.

Keywords: Russian Academy of Sciences, Scandinavian scholars, scientific contacts.

УДК: 94(47)08

Яковлев О. А. Законопроект Министерства народного просвещения «О мерах к расширению познаний финского и шведского языков среди русской учащейся молодежи» в III Государственной Думе Российской империи»

Статья посвящена обсуждению в III Государственной Думе Российской империи законопроекта Министерства народного просвещения о введении обучения финскому и шведскому языкам в учебных заведениях Петербурга. Министерство народного просвещения предлагало ввести преподавание финского и шведского языков в ряде гимназий столицы и в Санкт-Петербургском университете.

Yakovlev O. A. Bill of the Ministry of Public Education “On the measures for expanding training of Finnish and Sweedish languages among Russian young students” in the III State Duma of the Russian Empire

The article is devoted to the discussion in the III State Duma of the Russian Empire of the bill of the Ministry of Public education on Finish and Sweedish languages training in Petersburg schools. The Ministry of Pulic Education suggested to introduce into the curriculum Finnish and Sweedish languages training in a number of gymnasiums in the capital and in Saint-Petersburg University.

Ключевые слова: III Государственная Дума Российской империи, Министерство народного просвещения России, обучение финскому и шведскому языкам, Санкт-Петербургский университет.

Keywords: III Sate Duma of the Russian Empire, Ministry of Public Education of Russia, Finnish and Sweedish laguages training, Saint-Petersburg university.

УДК: 7-05

Яковлева Т. М. Ида Аалберг в Петербурге

В статье говорится о жизни финской актрисы в российской столице, ее знакомстве с художницей В. П. Шнейдер, гастролях 1905 г. и впечатлениях, которые они произвели на петербургских зрителей.

Jakovleva T. M. Ida Aalberg in St.Petersburg

The article is about the life Finnish actress in the Russian capital, its familiarity with the artist V. Shneider, guest performances of 1905 and the impressions they make on the St. Petersburg audience.

Ключевые слова: история культуры, российско-финляндские культурные связи, Ида Аалберг.

Keywords: History of Culture, Russian-Finnish cultural relations, Ida Aalberg.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бажанов Денис Александрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, russ-kafedra@yandex.ru

Базарова Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, tbazarova@yandex.ru

Балаценко Юрий Дмитриевич, Музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты», yurabal@gmail.com

Барышников Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Возгрин Валерий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института истории СПбГУ, valerijvozgrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Востров Алексей Владимирович, Санкт-Петербургский политехнический университет, alex.sinkriver@gmail.com

Гехт Антон Борисович, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Гребениčkova Галина Александровна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, inversiea@mail.ru

Жаров Борис Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, bzharov@gmail.com

Журавлев Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Военно-медицинский музей, demetrio_s@mail.ru

Иванников Никита Сергеевич, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, ivannikov.n78@gmail.com

Ивлева Светлана Евгеньевна, Государственный Русский музей, ivlevasv@yandex.ru

Кангаспуро Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, университет Хельсинки, larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Коваленко Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, gmk49@mail.ru

Кривдина Ольга Алексеевна, кандидат искусствоведения, профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина РАХ, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, oljmal@yandex.ru

Лебедев Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru

Мельнов Алексей Витальевич, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, alexmelnov@yandex.ru

Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru

Партала Михаил Анатольевич, кандидат технических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, rag_ma@mail.ru.

Пермякова Алиса Андреевна, Санкт-Петербургский государственный университет, alisa0296@yandex.ru

Петров Павел Владимирович, доктор исторических наук, Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru

Решетникова Марина Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, reshetnikovaspb@gmail.com

Славнитский Николай Равильевич, кандидат исторических наук, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Суворова Лариса Владимировна, кандидат искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина РАХ, suvorova1945@mail.ru

Фруменкова Татьяна Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, frumentat@yandex.ru

Цвериганавили Иван Алексеевич, Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, kondite14@rambler.ru

Чепель Александр Иванович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, achepel@mail.ru

Чихачев Алексей Юрьевич, Санкт-Петербургский государственный университет, alexchikhachev@gmail.com

Шкаровский Михаил Викторович, доктор исторических наук, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, shkarovs@mail.ru

Шкваров Алексей Геннадьевич, д. н., кандидат исторических наук, shkv-aleksej@yandex.ru

Шрадер Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии РАН, tatyana.schrader@gmail.com

Яковлев Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, olegyakovlev2002@mail.ru

Яковлева Татьяна Михайловна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, yakovlevat@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Balacenko Yuriy D., I. E. Repin memorial estate «The Penates», yurabal@gmail.com
Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Bazarova Tatiana A., PhD (History), Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, tbazarova@yandex.ru.

Bazhanov Dmitriy A., PhD (History), associate professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, russ-kafedra@yandex.ru

Chepel Alexander I., PhD (History), associate Professor of Saint-Petersburg State Marine Technical University, achepel@mail.ru.

Chikhachev Alexey Y., Saint-Petersburg State University, alexchikhachev@gmail.com

Grebenshchikova Galina A., PhD (History), professor of St. Petersburg State Marine Technical University, inversiea@mail.ru

Frumenkova Tanjana G., PhD (History), associated professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, frumentat@yandex.ru

Gekht Anton B., The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru

Ivannikov Nikita, St. Petersburg State Polytechnic University, ivannikov.n78@gmail.com

Ileva Svetlana E., State Russian Museum, ivlevasv@yandex.ru

Kangaspuro Larisa V., Ph. D. (History), University of Helsinki, larisa.kangaspuro@helsinki.fi

Kovalenko Gennady M., PhD (History), the St. Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, gmk49@mail.ru

Krividina Olga A., PhD, professor of the Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture of St. Petersburg, leading researcher of the Russian Museum, oljmal@yandex.ru

Lebedev Aleksey A., PhD (History), St. Petersburg State University of Film and Television

Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru

Melnov Aleksey V., Herzen State Pedagogical University of Russia, alexmelnov@yandex.ru

Musaev Vadim I., PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences, vmusaev62@mail.ru

Partala Mikhail A., Ph.D., associated professor of St. Petersburg State Electrotechnical University, par_ma@mail.ru

Permjakova Alisa A., St. Petersburg State University, alisa0296@yandex.ru

Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof», kbf1939@rambler.ru

Reshetnikova Marina A., Saint-Petersburg State University, reshetnikovaspb@gmail.com

Shkarovskii Mihail V., PhD (History), Central State Archives of Sankt-Petersburg, shkarovs@mail.ru

Shkvarov Aleksei G., PhD (History), shkv-aleksej@yandex.ru

Shrader Tatjana A., PhD (History), Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) tatyana.schrader@gmail.com

Slavnitsky Nikolai R., PhD (History), State Museum of History of St. Petersburg, slavnitski@bk.ru

Suvorova Larisa V., PhD (Art History), Repin State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture of St., Petersburg, suvorova1945@mail.ru

Tsverianishvili Ivan A. The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, kondite14@rambler.ru

Vostrov Alexey E., St. Petersburg Polytechnic University, alex.sinkriver@gmail.com

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University, vozgrin60@mail.ru

Yakovlev Oleg A., PhD (History), Assistant Professor of Saint-Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M. A. Bonch-Bruevich, olegyakovlev2002@mail.ru

Yakovleva Tatjana M., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences, yakovlevat@mail.ru

Zharov Boris S., PhD (Philology), associated professor of Saint Petersburg State University, bzharov@gmail.com

Zhuravlev Dmitry A., PhD (History), Military Medical Museum, demetrio_s@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Б. С. Жаров

Иван Оттонович Паллизен (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881) — генеральный консул Дании в Санкт-Петербурге.....	11
---	----

О. А. Кривдина

Потомок датчан — выпускник Петербургской Академии художеств В. Г. Шварц (1838–1869): Формирование таланта	17
--	----

Т. М. Яковлева

Ида Аалберг в Петербурге	24
--------------------------------	----

А. А. Пермякова

Аврора Шернваль: Места памяти в Финляндии и Петербурге	31
--	----

Л. В. Кангаспуру

Творцы тюремных реформ — Н. С. Таганцев и А. Грутенфельт	36
--	----

Ю. Д. Балащенко

Как и почему И. И. Бродский уговаривал И. Е. Репина переехать из Финляндии в СССР	46
--	----

Г. М. Коваленко

Советская Россия 1920-х гг. глазами Туре Арне	54
---	----

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

В. Е. Возгрин

Почему Речь Посполитая не стала (великой) балтийской державой?.....	61
--	----

А. И. Чепель

Шведско-русское приграничье после Столбовского мира: оправдание и самооправдание перебежчиков	81
--	----

<i>Т. А. Базарова</i>	
Русско-шведское дипломатическое противостояние в Стамбуле в начале XVIII в.	87
<i>А. В. Мельнов</i>	
Шведский гарнизон Выборга в осаде 1710 года	95
<i>Н. Р. Славнитский</i>	
Тактика действий российских и шведских войск в Ингрии и Финляндии в годы Северной войны: борьба за переправы.....	106
<i>Н. С. Иванников</i>	
Позиция Швеции по отношению к Аландскому сепаратизму 1917–1921 гг.	113
<i>А. Б. Гехт</i>	
Военная помощь Финляндии со стороны Швеции в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг.....	122
<i>В. Н. Барышников</i>	
Бомбардировка советской авиацией Хельсинки в феврале 1944 г.: особенности и значение	129

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

<i>Г. А. Гребенищикова</i>	
Военно-морские силы России и Швеции накануне Русско-шведской войны 1788–1790 гг.	143
<i>А. А. Лебедев</i>	
Балтийский корабельный флот начала XIX в. в свете нового архивного источника.....	150
<i>М. А. Партала</i>	
Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914–1917) как важный источник по истории отечественной военно-морской радиоразведки.....	160
<i>Д. А. Бажанов</i>	
Русская морская контрразведка в Финляндии в марте — октябре 1917 г.: организация и структура.....	167
<i>П. В. Петров</i>	
Политические настроения и дисциплина на Краснознаменном Балтийском флоте в конце 1930-х — начале 1941 г.....	183
<i>И. А. Цверганашвили</i>	
Вклад Швеции в создание Юго-Западных очистных сооружений в Санкт-Петербурге	193

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

А. Г. Шкваров

Новые источники по истории Северной войны
из Государственного архива Швеции..... 199

С. Е. Ивлева

Иллюстрированные издания о Скандинавии
в собрании библиотеки Лейб-гвардии Измайловского полка 207

Т. А. Шрадер

Труды скандинавских ученых в изданиях
Академии наук России (XVIII — начало XIX в.) 212

М. А. Решетникова, А. Ю. Чихачев

Безопасность Балтийского региона в стратегических
документах прибрежных государств 219

Д. Р. Лобанова

Гражданская война в Финляндии 1918 г. в работах деятелей финского
коммунистического движения (1920 — 1-я половина 1940-х гг.) 225

Д. А. Журавлев

Больницы и клиники научно-исследовательских институтов
Ленинграда в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. 235

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

В. И. Мусаев

Архиепископ Серафим (Лукьянов) — последний архиерей
Финляндской епархии Русской православной церкви 245

М. В. Шкаровский

Русская Никольская община Хельсинки в XX веке 255

Т. Г. Фруменкова

К истории Мариинского отделения «императорской санатории»
в Великом княжестве Финляндском (начало XX в.) 262

Л. В. Суворова

О художественном образовании в Великом княжестве
Финляндском во 2-й половине XIX века 270

О. А. Яковлев

Законопроект Министерства народного просвещения «О мерах
к расширению познаний финского и шведского языков среди
русской учащейся молодежи» в III Государственной Думе
Российской империи 277

А. В. Востров

Шведский и русский языки в Финляндии в XIX веке. Проблемы
отношений двух административных языков Великого княжества 281

РЕЗЮМЕ 292

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 310

CONTENTS

PREFACE.....	7
--------------	---

PEOPLE AND EVENTS THROUGH THE PRISM OF HISTORY

B. S. Zharov

Ivan Ottonovich Pallisen (Hans Jessen Pallisen, 1815–1881) — general consul of Denmark in Saint Petersburg.....	11
--	----

O. A. Krivdina

Danish by origin; the graduate of St. Petersburg Art Academy, painter V. G. Shwartz (1838–1869): Forming of the talent	17
---	----

T. M. Jakovleva

Ida Aalberg in St. Petersburg.....	24
------------------------------------	----

A. A. Permjakova

Aurora Stjernvall: Places of memory in Finland and St. Petersburg.....	31
--	----

L. V. Kangaspuro

Creators of prison reform. N. S. Tagantsev and A. Grotenfelt.....	36
---	----

Yu. D. Balatsenko

How and why I. I. Brodsky has been persuading I. E. Repin to move from Finland to the USSR	46
---	----

G. M. Kovalenko

Soviet Russia of the 1920th years Toure Arne's eyes	54
---	----

ECONOMICS, WAR AND POLITICS

V. Je. Vozgrin

Why did not the Polish-Lithuanian Commonwealth become a great Baltic power?	61
--	----

A. I. Chepel

Swedish-Russian Border Area after Stolbovo: Justification and Self-justification Defectors.....	81
--	----

<i>T. A. Bazarova</i>	
Russian-Swedish diplomatic confrontation in Istanbul at the beginning of the 18th century	87
<i>A. V. Melnov</i>	
The Swedish garrison of Vyborg in the siege of 1710	95
<i>N. R. Slavnitsky</i>	
The tactics of the Russian and Swedish forces in England and Finland during the Great Northern War: The Struggle for the crossing	106
<i>N. S. Ivannikov</i>	
Sweden's attitude towards the Åisland's separatism during 1917–1921.....	113
<i>A. B. Gekht</i>	
The supplies of military equipment from Sweden to Finland during the Soviet-Finnish War of 1939–1940.....	122
<i>V. N. Baryshnikov</i>	
Soviet bombing Helsinki in February 1944: characteristics and significance	129
THE BALTIC SEA: COOPERATION AND CONFRONTATION	
<i>G. A. Grebenshchikova</i>	
Naval Forces of Russia and Sweden before the War of 1788–1790.....	143
<i>A. A. Lebedev</i>	
The Baltic Fleet beginning of XIX century in the light of new archival sources	150
<i>M. A. Partala</i>	
Award documents of officers and enlisted men of the Russian Navy (1914–1917), as an important source on the history of Russian naval radio intelligence	160
<i>D. A. Bazhanov</i>	
Russian naval counterintelligence services in Finland in March-October 1917: organization and structure.....	167
<i>P. V. Petrov</i>	
Political moods and discipline of the Red Banner Baltic Fleet in late 1930 — early 1941.....	183
<i>I. A. Tcverianashvili</i>	
The Swedish contribution to the construction of The South-West waste-water treatment plant in Saint-Petersburg	193
HISTORICAL SOURCES, OPINIONS AND ESTIMATIONS	
<i>A. G. Shkvarov</i>	
The new sources of the Great Northern War from the National Archives of Sweden	199

<i>S. E. Ivleva</i>	
Illustrated Editions on Scandinavia in the Collections of the Life Guards Izmailovsky Regiment Library	207
<i>T. A. Shrader</i>	
Scientific works of Scandinavian scholars in publications of the Russian Academy of Sciences (XVIII–XIX centuries)	212
<i>M. A. Reshetnikov, A. Y. Chikhachev</i>	
Baltic security in strategic concepts of maritime nations	219
<i>D. R. Lobanova</i>	
Finnish Civil War of 1918 in the writings of members finnish communist movement (1920 — the first half of the 1940s.)	225
<i>D. A. Zhuravlev</i>	
Hospitals and Medical Research Institutions of Leningrad during Soviet-Finnish war of 1939–1940	235

SCIENCE, CULTURE AND RELIGION

<i>V. I. Musaev</i>	
Archbishop Seraphim (Lukyanov): The Last Bishop of the Finnish Diocese of the Russian Orthodox Church	245
<i>M. V. Shkarovskii</i>	
The Russian Church in the name of St. Nicholas the Wonderworker in Helsinki	255
<i>T. G. Frumenkova</i>	
The history of the Mariinsky branch of the «Emperor's sanatorium» in the Grand Duchy of Finland (the end of XIX — beginning of XX century)	262
<i>L. V. Suvorova</i>	
The artistic education at the Grand Duchy of Finland in the second half of the XIX century	270
<i>O. A. Yakovlev</i>	
Bill of the Ministry of Public Education “On the measures for expanding training of Finnish and Sweedish languages among Russian young students” in the III State Duma of the Russian Empire	277
<i>A. E. Vostrov</i>	
Swedish and Russian Languages in Finland in the 19th Century: Issues of Relations of Two Administrative Languages of the Grand Duchy	281

ABSTRACT	292
----------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	312
---------------------------------	-----

Научное издание

Санкт-Петербург и страны Северной Европы
Материалы семнадцатой ежегодной научной кон-
ференции (7–8 апреля 2015 г.)

Директор издательства *Р. В. Светлов*

Ответственный редактор *А. А. Галат*

Корректор _____

Верстка *В. А. Смолянинов*

Художник _____

Подписано в печать _____.2015

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. _____. Тираж ____ экз. Заказ № ____

Издательство РХГА

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15

Тел.: (812) 310-79-29, +7 (981) 699-65-95;

факс: (812) 571-30-75

E-mail: rhgapublisher@gmail.com

<http://rhga.ru>

Отпечатано в _____